

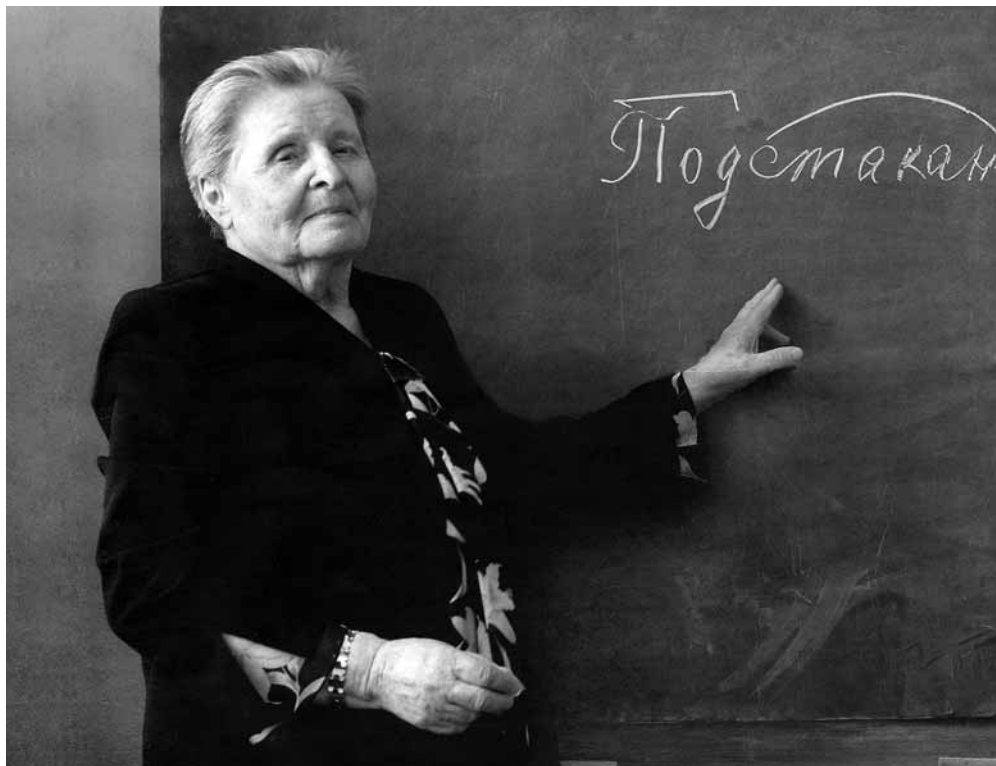

СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Вера Васильевна
Бабайцева **Избранное**

2005 I 2010

Сборник статей

Доктор филологических наук профессор В.В. Бабайцева. 2007

МОСКВА I СТАВРОПОЛЬ

2 0 1 0

УДК 801.1/.8
ББК 81.2 Рус-2
Б 12

Бабайцева В.В. Избранное. 2005–2010: Сборник научных и научно-методических статей / Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – 400 с.

ISBN 978-5-88648-728-2

В книгу известного ученого В.В. Бабайцевой вошли избранные научные и научно-методические статьи, написанные ею в течение 2005–2010 годов. Широко представлено многообразие проблематики исследований: теория лингвистики, проблемы грамматики, вопросы орфографии и пунктуации, лингвометодические идеи. Книга адресована учителям, аспирантам, преподавателям вузов и всем, кто изучает русский язык.

Руководитель проекта «Филологическая книга СГУ»:
доктор социологических наук профессор, ректор Ставропольского государственного университета В.А. Шаповалов.

Научный редактор: доктор филологических наук профессор К.Э. Штайн.

Ответственный за выпуск, менеджер:
доктор филологических наук доцент В.П. Ходус.

Подготовка текста: Д.И. Петренко, В.П. Ходус, Ф.Р. Одекова, Э.В. Пиванова, К.Э. Штайн, А.И. Темирболатова, М.В. Тучина.

Корректор: Б.Я. Альтус.

Обложка, дизайн: С.Ф. Бобылев.

Верстка: Д.И. Петренко.

Монография подготовлена к печати в проблемной научно-исследовательской лаборатории Ставропольского государственного университета «Текст как явление культуры».

ISBN 978-5-88648-728-2

© В.В. Бабайцева, 2010.
© С.Ф. Бобылев, обложка, дизайн, 2010.
© Издательство Ставропольского государственного университета, 2010.

Содержание.

Вступление В.А. Шаповалова (7).

Истоки моей творческой деятельности (9).

Теория лингвистики.

Система языка как целостное образование (32).

Принцип системности в синтаксисе (41).

Изоморфизм и переходность явлений языка как системообразующие факторы (50).

Структурно-семантическое направление в современной русистике (61).

Развитие идей традиционного языкознания в структурно-семантическом синтаксисе (76).

В защиту традиционной классификации сложноподчиненных предложений (97).

Теория синхронной переходности и функционально-семантическое поле (109).

О некоторых терминах лингвистики (124).

Проблемы грамматики.

Два похода к изучению синтаксических единиц: «подход снизу» и «подход сверху» (128).

Некоторые пути анализа единиц синтаксической системы (137).

Грамматические вопросы как средство презентации категориальных значений частей речи и членов предложения (147).

Поясняющие и уточняющие члены предложения (160).

Подчинительные и сочинительные словосочетания (168).

Простые и сложные словосочетания (181).

Словосочетания типа *все новое, что-то новое, ничего нового* (193).

Как правильно сказать: *простыня* или *прóстынь*? (201).

Вопросы орфографии и пунктуации.

Принципы русской орфографии (204).

Как называть букву «л»? (216).

Заметки о пунктуации (217).

Лингвометодические идеи.

Автор о лингвометодических идеях в своих школьных учебниках (230).

Автор – о своих учебниках (251).

Учебники XXI века. Интервью Н.М. Новак с В.В. Бабайцевой (258).

Изучение языка – основа развития речи (262).

Развитие языкового чутья на уроках русского языка (275).

Проблемы изучения словосочетаний в лингвометодике (284).

Некоторые вопросы комплексного анализа текста на уроках русского языка (292).

Список трудов доктора филологических наук профессора В.В. Бабайцевой (313).

Список работ, защищенных под руководством В.В. Бабайцевой (337).

К.Э. Штайн. Ответственность позиции и целостность теории (340).

Л.Д. Беднарская. Источник новых идей (385).

Уважаемые коллеги!

Перед Вами второй сборник избранных статей доктора филологических наук профессора Московского педагогического государственного университета Веры Васильевны Бабайцевой, который подготовили, составили и издали ученые и аспиранты Ставропольского государственного университета – ученики и последователи В.В. Бабайцевой, широко использующие результаты ее научной деятельности – монографии, учебники, методические работы – в процессе преподавания и исследования языка. Наука не знает границ, ее пространство является общим полем деятельности людей, бескорыстно служащих знанию.

Сборник избранных статей охватывает совсем небольшой период – 2005–2010 годов, – но поражает новизной подходов, многообразием проблематики. Понимаешь, что здесь помещены статьи зрелого ученого, создающего мир большой науки, а поэтому свободно ориентирующегося в нем.

На обложке этой книги использована фотография дерева – боярышника, – в избытке произрастающего на каменистых склонах наших гор. Красивое это растение множеством корней, побегов, листьев, цветов, плодов символизирует, в нашем понимании, древо жизни, древо творчества. Обложка та же, что и в первом выпуске, но цвет ее изменился – это цвет плодов боярышника. Здесь он символизирует зрелость, богатый урожай. Да и как иначе, когда за пять лет сделано так много!

Большой ученый всегда думает о том, как применить теорию к практике, как ввести новое знание в процесс школьного обучения. В школах нашего края широко используются учебники В.В. Бабайцевой на всех уровнях обучения русскому языку – от обычных школ и лицеев до учебных заведений с углубленным подходом к освоению русского языка и литературы. Те, кто выбирает Бабайцеву, отдают предпочтение глубокой отечественной традиции в языкознании, взвешенному подходу в осмыслении языковых явлений, здоровому консерватизму, логике, точности и той «прекрасной ясности», за которой горизонты смысла,

открывающие возможность для наращивания новых знаний. Так высок творческий потенциал этих компактных энциклопедий русского языка!

Всех нас привлекает способность через язык раскрывать глубинную лирическую душу нашего народа – так много в них прекрасных примеров из русской классики. Известно, что подлинная научная школа складывается там, где новации с течением времени превращаются в устоявшееся знание, закрепленное в учебниках, школьной и вузовской традициях.

Так и в этом случае: ученики В.В. Бабайцевой находят-ся в творческом диалоге с учителем, используя ее труды, продолжая и развивая ее дело в науке.

8 Книга издана к юбилею большого ученого. Надеюсь, что через несколько лет мы выпустим третий том «Избранного». А сегодня мы поздравляем Веру Васильевну Бабайцеву и желаем ей новых творческих достижений.

Ректор Ставропольского государственного университета, доктор социологических наук профессор В.А. Шаповалов

В. Шаповалов

Истоки моей творческой деятельности.

9 Я родилась 13 октября 1925 года в селе Сайлап Алтайского края. Село было очень маленькое (около 10 дворов), жители хозяйничали сами (батраков не было), жили дружно, пили по праздникам, не матерились (я узнала о мате только в городе).

Сайлап стоял на высоком берегу реки Бия, вытекающей из Телецкого озера. Вода ледяная, но тем не менее я как-то научилась плавать в раннем возрасте.

Мое первое воспоминание: меня везут к доктору (за сорок километров), я лежу в санях, закутанная, так как это было зимой. Доктор сказал родителям: «Ребенок очень слаб, жить не будет». Но едва мы приехали домой, я попросила есть... Перед поездкой я не ела и не говорила. Не могу утверждать, что все это я помню сама. Может быть, что-то из разговоров мамы, но ощущение морозного воздуха, езды... я помню точно. Слова «жить не будет» значительно позднее врачи дважды говорили моему сыну, но у меня были незаконченные рукописи, и я выздоравливала.

Родители – крестьяне. Работали много. В семье было 5 детей, я средняя. Руководила нами старшая сестра.

Читать я научилась лет четырех-пяти. Как? – не знаю. Никто не учил, вероятно, научилась читать около старших сестры и брата. Пишу *около*, так как не помню, чтобы они меня учили. Но я, едва научившись читать, стала учить читать мою двоюродную сестру Катю, которая была старше меня на два года.

В нашем селе была малокомплектная школа, в которой была одна комната и 10–12 учеников (не помню точно), которые делились на три класса. Моя сестра Катя пошла в школу, и я с ней. Учитель пытался меня выгнать и уговорами, и силой, но ему это не удалось: не мог оторвать моих рук от парты (может быть, стола). Учитель и мама решили: «Надоест – сама уйдет». Но мне не надоело, я слушала не только то, что учитель говорил первоклассникам, но и то, что он говорил ученикам других классов, и все не только понимала, но и запоминала. Учитель хотел *пересадить* меня в третий класс, но мама не разрешила: «Рано!».

Писать мы учились на старых газетах (бумаги не было). До сих пор у меня благоговейное отношение к чистой бумаге: перед листом чистой бумаги у меня путаются мысли. Мои черновики – это обратная сторона листа, на котором уже что-то написано, или части листа.

Наша вполне благополучная жизнь кончилась с организацией колхоза: обобществили лошадей и коров (одну оставили), реквизируют не только зерно, но и муку...

Наступили голодные тридцатые годы... Вероятно, мы погибли бы, если бы нас зимой не вывез в город Ойрот-Тура (сейчас Горно-Алтайск) мамин брат. Мы жили в двух небольших комнатах 10 человек: дед и бабушка, дядя и тетя и шестеро нас (мама и пять ребят). Отца с нами не было, он уехал на заработки. И летом мы переехали в свой дом, который первоначально был амбаром.

Я пошла учиться в третий класс и вскоре стала лучшей ученицей.

В городской жизни было и хорошее, и плохое. Все описывать не буду... Мои первые горькие слезы были, когда мне пришлось уйти из школы (после 7 класса) в педучилище, так как там платили стипендию (34 рубля).

22 июня 1941 года. Я сижу в городской библиотеке и читаю «Консуэло». Я и библиотекарь, который не может уйти раньше из-за меня.

Я вышла на улицу ближе к вечеру и почувствовала что-то необычное: в абсолютной тишине звучал голос Левитана из большого черного репродуктора, висящего на столбе, около которого молча стоят люди... Так я узнала о начале войны.

Из Москвы эвакуировали в наш заштатный город МГПИ имени Карла Либкнехта, который должен был занять здание нашего педучилища, а последнее должно было выехать в далекое село.

Преподаватели института приехали, а студентов надо было набирать на месте. Брели без экзаменов, без собеседований... Взяли и меня, хотя я не закончила даже педучилища. Так я с третьего курса педучилища перешла в институт.

Из институтских преподавателей помню И.Г. Голанова, В.Д. Кузьмину и Л.В. Крестову. Учебников не было, экзамены сдавали по записям лекций...

Жили ожиданием конца войны. Горели желанием чем-нибудь помочь фронту. Людей с другими настроениями я не встречала.

Когда объявили прием на курсы радистов, я была первой... По окончании курсов радистов стали распределять по воинским частям (с выездом, разумеется). И тут обнаружилось, что у радистки В. Бабайцевой нет паспорта (мне еще не исполнилось 16 лет). Меня обругали (заняла место), но не взяли, о чем я сожалела...

В 1943 году институт, в котором я училась, эвакуировался в Москву, влился в институт имени В.И. Ленина и перестал существовать. В 1945 году я получила диплом, в котором есть загадочная запись: «...в **1943 г.** поступила и в 1945 г. окончила **полный курс** (выделено мною. – В.Б.) факультета русского языка и литературы МГПИ им. В.И. Ленина по специальности русского языка и литературы». Осенью мне исполнилось 20 лет.

По окончании института я сдала вступительные экзамены в аспирантуру по литературе, но министерство просвещения отменило разрешение на открытие аспирантуры.

И.Г. Голанов предложил мне пойти к нему аспиранткой, но... я мечтала о литературе. Полгода мы ждали открытия аспирантуры, я начала работать в селе Алабино Московской области в пятом и шестом классах. Особенно я любила своих пятиклашек, у которых была классным руководителем. После уроков я читала им книги, из которых сейчас помню «Сын полка» В. Катаева.

Хочу описать неизвестный методике прием обучения грамотному письму. В пятом классе был Ваня (фамилии

не помню), который прекрасно знал все орфографические правила, но делал в диктантах до 20 ошибок, почти в каждом слове. Когда другие ученики проверяли записанный диктант, я считала ошибки в диктанте Вани, сообщала ему количество ошибок и ждала, пока он сам их найдет и исправит. На моих глазах происходила связь теории с практикой, и к концу года Ваня стал делать 2–3 ошибки.

В свободное время (а у меня его было много) я стала читать «Пармский монастырь» Стендаля на французском языке, активно используя словарь. Постепенно я все реже обращалась к словарю., но «прононс» у меня был своеобразный...

1946 год. Моя жизнь в Алабино была голодной, и я уехала к маме в Бийск, где был учительский институт и учителей русского языка и литературы было достаточно.

Моя старшая сестра работала в гороно бухгалтером, и меня решили сделать инспектором... Я хорошо понимала, что это, мягко говоря, несерьезно, и решила пойти в институт попросить работу лаборанта.

Директор института посмотрел мои документы (диплом с отличием) и предложил работать преподавателем старославянского языка, исторической грамматики и истории русского литературного языка вместо умершего преподавателя. Мотивы директора: у вас свежие знания по этим предметам, на современный русский язык мы можем взять любого учителя, а на эти предметы... Я отказалась. Однако директор мои документы спрятал в стол и предложил мне подумать. Я думала неделю, на другой день я была зачислена в штат, за неделю до начала учебного года.

Из всей учебной литературы в моем распоряжении была только хрестоматия и лекции по исторической грамматике.

Неделю я готовила лекции по старославянскому языку и за два часа прочитала то, что приготовила на пять лекций. Половина или $\frac{1}{3}$ моих первых студентов были фронтовиками, старше меня... Они поняли мое состояние, и староста попросил меня читать медленнее, дать им возможность делать записи. Я училась вместе со студентами: ночью готовилась, потом рассказывала студентам и снова...

И все-таки студенты меня не подвели. Весной приехала комиссия из Барнаула по проверке работы института. Руко-

водителем комиссии был специалист по истории языка. Естественно, что весь институт ждал его мнения о моей работе.

Лекцию о языке и стиле В. Маяковского я прочитала выразительно: Маяковского было больше, чем меня, и это понравилось проверяющему.

Я решила провести практическое занятие по исторической грамматике так, как я обычно проводила. Я дала по хрестоматии текст для изучения и список вопросов, на которые студенты должны были ответить. Первый час занятий прошел успешно: студенты работали, иногда переговаривались, я молча нервничала, проверяющий занимался чтением каких-то бумаг.

Второй час начался анализом текста. Выступил староста курса, дал ответы на все вопросы, кое-кто его дополнил... Я сделала заключение и стала ждать, что скажет проверяющий... Он был в восторге, предложил мне перейти на работу в Барнаул.

Однако в Барнаул я не поехала, а решила уехать в Нальчик в поисках романтики. Работа в Бийском институте показала мне, что изучать язык гораздо интереснее занятий литературоведением, а еще, что в курсе современного русского языка должны быть использованы исторические справки. Даже мои школьные учебники включают сведения из истории языка. Любовь к чтению художественной литературы сопровождала меня всю жизнь. Муж и сын тоже любили читать. В Москве мы выписывали, кроме газет и специальных журналов, «Новый мир», «Иностранную литературу», «Дружбу народов», «Знамя», «Юность», «Октябрь» и покупали все, что можно было купить в те времена.

В Барнауле на рынке у меня украли все деньги... К счастью, билет до Нальчика был в другом месте. До Москвы мне продуктов хватило, а потом... ругала себя за беспечность.

В Москве (между поездами) я посетила родной институт, где меня никто не ждал, но в кабинете русского языка я познакомилась с женой известного лингвиста К.А. Тимофеева, и мы душевно поговорили.

Неожиданно к отходу поезда проводить меня пришел сам К.А. Тимофеев с коробкой шоколадных конфет, которыми я угощала соседей в купе поезда, но они, взяв по конфете, мои надежды не оправдали. Я много ездила в своей жизни и

установила: если у тебя есть что поесть, тебя угощают, если нет... никто из соседей в вагоне поезда на Нальчик даже не спросил, почему я не ем...

И вот я в Нальчике (1947–1959), где нет знакомых, нет денег, но есть письмо заведующего отделом образования в обкоме КПСС, куда я и отправилась. Не повезло: товарищ уехал отдыхать в санаторий... Я в замешательстве... Иду в институт к директору. Рассказываю о себе: кто я, откуда, показываю письмо в обком... Хотя письмо не распечатывали, все-таки оно произвело впечатление, и директор института предложил мне место лаборанта в кабинете основ марксизма-ленинизма, комнату в подвале (с маленьким окошечком под потолком; в нее надо проходить через комнату, в которой жила уборщица). Я и за это была благодарна, так как выхода у меня не было. Моя просьба о работе преподавателем была отвергнута со словами: «Мы каждый год выпускаем таких, как вы, 50 человек, причем они старше вас».

Да, еще деталь, к тому же немаловажная. Директор дал указание в столовую (чтобы меня накормили) и в бухгалтерию, чтобы мне выдали аванс. Зарплата лаборанта – 430 рублей, ассистента – 120 рублей. Так началось мое жительство в Нальчике, где оно продолжалось около 10 лет.

Тихо и смиренно я сидела в кабинете основ марксизма-ленинизма дня два-три, потом мне надоело молча выдавать книги студентам, и я стала интересоваться, какие книги они берут и зачем... Короче: я начала помогать студентам готовиться к семинарским занятиям. Недели через две-три в кабинет пришел завкафедрой основ марксизма-ленинизма знакомиться со мной. Он отметил, что семинары стали проходить интереснее, что студенты стали лучше отвечать на вопросы. Завкафедрой предложил мне пойти на его кафедру ассистентом. Эта кафедра меня не заинтересовала, и я отказалась.

Месяца через два-три я попросила командировку в Москву для сдачи кандидатских экзаменов. Дали деньги на командировку, но проректор меня предупредил: «Если ничего не сдашь, вычтем деньги из зарплаты». Я сдала два экзамена (старославянский и французский) и вернулась в Нальчик с двумя пятерками, довольная и гордая. Еще бы мне не получить «5» за старославянский! Я год его препода-

давала: учила других и училась сама. Проректор на одном из собраний рассказал о моих успехах и поругал тех, кто просто «катается в Москву».

В это время на кафедре русского языка произошли две трагедии – одна за другой. Умер преподаватель методики преподавания русского языка, а тот, кто его заменил, почему-то вскоре застрелился... Не было мне счастья, а несчастье помогло. Второй раз мне, неопытному человеку, предложили читать методику. Я (а что мне терять?!) согласилась, и меня перевели на кафедру русского языка на должность ассистента, с зарплатой 110 рублей и дали комнату на первом (!) этаже в Доме научных работников (боковушку в трехкомнатной квартире). Я была счастлива!

Опыт педагогической работы – один год в Бийском учительском институте и полгода в школе. Как бы то ни было, но чтение методики и руководство педпрактикой сыграло роль в моей жизни: и в плане работы и как преподавателя, и как ученого. Мои научные публикации ориентированы (прямо или косвенно) на практику преподавания русского языка в школе и вузе.

Образцом лекций по методике и более поздних методических публикаций стала для меня книга Н.Н. Прокоповича и Н.С. Поспелова «Изучение русского языка в средней школе (Морфология)» (М., 1954).

Вслед за Н.Н. Прокоповичем, Н.С. Поспеловым, С.Г. Бархударовым и другими я шла к методическим указаниям от лингвистики. И это позволило мне позднее назвать лингвометодикой раздел науки на стыке лингвистики и методики.

Я читала в Нальчике и другие курсы: «Введение в языкознание», «Историю русского литературного языка», «Современный русский язык». С каждым из курсов связаны забавные и поучительные воспоминания.

Курс «Введение в языкознание» я читала на основе традиционных пособий. А это было в те времена, когда в столицах активно насаждалось учение Н.Я. Марра о языке. И я попала...

В 1949 году в Нальчик приехала из министерства просвещения СССР комиссия по проверке работы института. В решении комиссии по итогам проверки в мой адрес было высказано предложение: пропагандировать учение

Н.Я. Марра. Делать нечего... Целый год я изучала работы этого ученого и постаралась извлечь из них рациональные зерна. Мартышкин труд! Весной вышла работа «гениального лингвиста» И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 год).

Дирекция института поручила мне (а кому же еще?!) на всех четырех курсах трех факультетов (всего 12 лекций) разгромить учение Н.Я. Марра как псевдонаучное, что я с удовольствием и знанием дела и проделала. В награду меня отпустили в Москву для сдачи последнего кандидатского экзамена по основам марксизма-ленинизма и по болгарскому языку. Первый экзамен нужно было сдавать через три дня. (Мне сказали, в конце месяца для вас лично комиссию собирать не будут.) Решила сдавать!!! Ведь я недавно училась в институте, сама учила студентов готовиться к семинарам... Авось!

Первый вопрос был общего характера (что именно – я не помню). Зато второй – работа И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Что-то я вякала, отвечая на первый вопрос, зато мой ответ на второй вопрос комиссия слушала больше часа., пока один член комиссии не сказал: «Товарищи, надо же совесть иметь!» Естественно, члены комиссии не знали того, что так хорошо знала я...

О других моих лекционных курсах. На последней лекции по истории русского литературного языка студент-кабардинец спросил: «Вот вы все время говорили *стиль, стиль*, а что это такое?» Урок на всю жизнь: надо понимать уровень знаний аудитории (лекции эти я читала на кабардинском отделении).

В конце лекции по современному русскому языку на четвертом курсе русского отделения студент-кабардинец, прекрасно знавший русский язык, спросил: «Вера Васильевна, вот Вы говорите, что слово *вредно* в предложении *Куришь вредно* – краткое прилагательное среднего рода. Так ли это? Прилагательное-сказуемое должно согласовываться с подлежащим, а здесь согласования нет. Можно ли считать *вредно* прилагательным?» Я ответила: «Я должна подумать...» И мои раздумья на эту тему позволили мне написать не только кандидатскую, но и докторскую диссертацию; позволили создать теорию синхронной переходности,

учение о синкретичных членах предложения и частях речи, теорию функциональной омонимии и т.д.

Многое было обдумано и понято позднее.

Хочу кратко ответить на вопрос студента. Все загадки этих предложений в синкретизме слов *курить* и *вредно*. В инфинитиве *курить* совмещаются свойства существительного и глагола, а в слове *вредно* – свойства прилагательного, наречия и категории состояния. Субстантивный компонент в семантике инфинитива определяет сему признака субстанции, свойственного прилагательным; глагольный компонент в семантике инфинитива обуславливает свойство наречия, определяющего признак действия. Семантика состояния заложена в лексическом значении слова *вредно*.

В предложении *Вредно курить* в слове *вредно* происходит перегруппировка сем вследствие изменения характера синтаксической конструкции: в слове *вредно* явно актуализируется семантика состояния.

Хочу отметить, что синкретизм семантики инфинитива впервые обосновал К.А. Тимофеев, его идею я развивала в монографии «Переходные конструкции в синтаксисе» (1967 г.). Исследования функционирования слов категории состояния обусловили мой интерес к односоставным предложениям.

В Нальчике я написала статью «Переход кратких прилагательных в состав безлично-предикативных слов» и с этой статьей отправилась в Москву искать Е.М. Галкину-Федорук, которая выделила категорию состояния в безличных предложениях (В.В. Виноградов рассматривал синтаксические условия для категории состояния шире).

Я пришла в МГУ (филологический факультет был еще на Волхонке), нашла кабинет русского языка, заняла единственный свободный стол рукописью статьи, а на свободный стул села сама и стала ждать профессора (Евдокия Михайловна была на лекции). Прозвенел звонок, и в кабинет быстрым шагом вошла полная женщина невысокого роста с живыми глазами, с простой русской прической (с пучочком волос на затылке) и с большим портфелем, подошла к «моему» столу (оказалось, это был ее стол), бросила на стол портфель, схватила мою статью, прочитала заголовок и объявила: «Это неправильно: категория состояния – из наречий». (Она стоит, а я продолжаю сидеть.) Я ответила: «Я доказы-

ваю, что это так», – и тяну из ее рук мою статью. Она не отпускает – я тяну и говорю: «Я хочу показать статью Евдокии Михайловне Галкиной-Федорук», – и с ужасом слышу ответ: «Это я». Я вскочила со стула предельно смущенная.., но стала просить Евдокию Михайловну согласиться быть моим научным руководителем. Она сказала: «Кота в мешке не берут. Вот посмотрю статью и решу. Позвони мне через неделю». Я позвонила через два дня и получила согласие.

Евдокия Михайловна была в курсе моих дел на протяжении всех следующих лет ее жизни. Она была удивительным человеком и талантливым ученым. Ей принадлежит первое системное описание наречия как части речи (кандидатская диссертация), ее докторская – первое многоаспектное описание безличных предложений; она положила начало изучению эмоциональности и экспрессивности, слова и понятия и т.д. Е.М. Галкина-Федорук (с соавторами) создала первые добротные учебники по современному русскому языку и т.д., и т.д.

Независимая, иногда резкая в оценке работ коллег, вместе с тем она была романтиком: любила поэзию, особенно С. Есенина, сама писала стихи...

Чем больше я ее узнавала, тем больше любила и восхищалась ее жизнелюбием и любознательностью.

Вернемся к моим делам.

В течение года я числилась аспиранткой в Институте русского языка, где у Е.М. Галкиной-Федорук было полставки (основная работа – в МГУ). Атмосфера в Институте была непростой: шла «русско-шведская война», в результате которой Е.М. Галкина-Федорук ушла из Института. Тема моей кандидатской диссертации «Предложение с безлично-предикативными словами в современном русском языке (без инфинитива)». Защита прошла в 1955 году. На защите моей диссертации Н.Ю. Шведова задала 11 вопросов. Говорили, что меня спасли мои убедительные ответы на вопросы. Большинство членов Совета проголосовало «за», и я стала кандидатом филологических наук. Я еще не осознала в полной мере специфики инфинитива, но уже тогда я поняла, что в сочетании с инфинитивом (как препозитивным, так и постпозитивным) безлично-предикативные слова изменяют свою семантику и свой грамматический статус.

В следующие годы проблемы соотношения двусоставных и односоставных предложений, включающих инфинитивы и слова на -о, продолжали меня интересовать и нашли выражение в ряде статей.

Нальчик – это не только работа, но и время интересных встреч, экскурсий (альплагерь, Голубые озера, Черное море и т.д.), время первой любви и замужества, рождения сына и т.д. (В следующие периоды моей жизни плавание, лыжи, бадминтон, волейбол.)

Обо всем не напишешь! Но кое о чем хочется рассказать.

В Нальчике два лета (на зиму семья уезжала на Черное море) я учила русскому языку детей Мориса Тореза, который отдыхал на даче Обкома после тяжелой болезни. Морис Торез неплохо говорил по-русски. В эти летние месяцы в Нальчике он изучал произведения В.И. Ленина и, естественно, не понимал некоторых исторических событий, о которых упоминал В.И. Ленин. Я тоже этого не знала, но меня консультировал муж, и я пересказывала то, что узнала, Морису Торезу, удивляя его своими познаниями.

Наши беседы с М. Торезом были двуязычными. Он говорил по-французски (так ему было легче), а я – по-русски, так как стеснялась своего «прононса». Но мы хорошо понимали друг друга. После трех часов занятий русским языком (с тремя детьми Мориса Тореза – разного возраста) я практиковалась во французском с секретарем М. Тореза – Жермен. К сожалению, со временем я почти полностью потеряла французский (не было практики).

Дети любили заниматься со мной. Самые большие успехи были у младшего (он играл с детьми обслуживающего персонала). Из Нальчика семья Торезов уехала во Францию. Прощались тепло, дарили друг другу подарки. Старший сын попросил сочинения Н.С. Лескова. Я подарила ему библиотечный экземпляр: купить было негде. До сих пор мне интересно: почему Лесков?

Были и другие интересные эпизоды моей жизни в Нальчике (кое о чем позже).

Муж защитил кандидатскую диссертацию и устроился на работу в Мичуринске, где было место и для меня.

В Мичуринск (1959–1972) я, мама и сын приехали в холодные дни февраля 1959 года. Институт выделил для нас

финский домик без воды, центрального отопления и т.д. На кухне был большой титан, в комнатах (их было три) – батареи. До нашего приезда муж жил в гостинице. К нашему приезду дом протопили, и мое первое впечатление: «Как жить в такой жаре!» К утру стало холодно. Так и пошло: топили – невыносимо жарко, не топили – невыносимо холодно, а ребенку – 10 месяцев. (Летом прекрасный мастер-печник сложил печку, которая хранила тепло, и все наладилось.)

Институт встретил меня неприветливо. Студенты четвертого курса не были приучены слушать лекции (что-то читали, болтали, могли перейти с места на место и т.д.). На практических занятиях я обнаружила, что им никогда не задавали домашних заданий, у них и тетрадей не было.

Я уже привыкла в Нальчике к тому, что мое слово – закон, мои распоряжения не обсуждаются, а выполняются... Лекции мои слушали, конспектировали дополнительную литературу и т.д. А здесь – ничего... Студенты-девочки в Мичуринске завели тетради, стали выполнять задания, но... в этой группе было четыре студента, которые меня игнорировали.

На мое счастье, в городе проходил шахматно-шашечный турнир, в оргкомитете были мои нерадивые парни. Они пожаловали к И.Я. Лернеру (позднее он прославился как талантливый дидакт), а Исаак Яковлевич, проводивший свободное время в нашем доме (его семья была в Москве), знал, что я прилично играю в шахматы.

Вернемся в Нальчик, где я была чемпионом Кабарды по женским шахматам, принимала участие в межгородских соревнованиях: с Пятигорском и Кисловодском и т.д.

Когда мои «лентяи» обратились с просьбой ко мне, я дала согласие и выиграла все партии. Мои студенты болели за меня, все партии стояли за моей спиной – и результат: завели тетради, стали приличными знатоками русского языка, установили дисциплину на лекциях, и кто знает такой методический прием, обеспечивающий интерес к изучению русского языка?

Не могу не вспомнить забавный эпизод, связанный с шахматами. Я еду в Москву из Нальчика, лежу на второй полке, а внизу мужчина с шахматами в руках бежит по вагону в поисках партнера. Мне надоели его причитания, и я

предложила сыграть с ним партию. В ответ он выразительно помахал рукой и сказал: «А-а, с вами неинтересно», но потом объявил: «Ладно, слезай, сыграем». Я спустилась, и через пять минут он получил «детский мат». От неожиданности мой партнер ошалел (очень точное слово!) и решил, что это случайно. Но стал играть более осторожно и тем не менее проиграл вторую, третью, четвертую... (не помню точно, сколько). За это время у нашего купе собралась толпа зрителей-мужчин. Кончилось полным позором для моего партнера, а я, довольненькая, вернулась на свою полку...

И последнее о шахматах: сын стал неплохо играть в шахматы, а я (уже в Мичуринске), начав работать над докторской, решила закончить шахматные баталии... В последней партии я, выиграв у сына, сказала: «Запомни, я тебя победила». Больше в шахматы я не играла, а сын (уже в Москве) стал мастером спорта по шахматам.

Возвращаясь к мичуринской жизни. Я уже в Нальчике приобщилась к науке и, несмотря на многочисленные обязанности семейные и институтские, я не переставала заниматься наукой. Мичуринск входил в зональное объединение Юга России и Северного Кавказа, которым успешно руководила Г.В. Валимова, талантливый лингвист и прекрасный организатор. Ежегодно в нашей зоне проходили научно-практические конференции, в которых я принимала активное участие. По материалам конференций издавались сборники.

В Мичуринске я стала заведовать кафедрой после смерти предыдущего заведующего. (Не первый раз заменила умерших!) Не без моего давления были отправлены в годичную научную командировку Ю. Долгов, А. Словягин, которые защитили кандидатские диссертации у П.А. Леканта. Я пригласила на работу в Мичуринск А.Я. Баудера, позднее защитившего докторскую диссертацию «Части речи – структурно-семантическая классификация слов в современном русском языке» (опубликована в Таллине в 1982 году). На моей кафедре начал научную работу В.В. Химик, широко известный лингвист, автор «Большого словаря русской разговорной речи» (СПб., 2004) и др.

Кафедра проводила «Недели русского языка», вечера русской поэзии и т.д. Я руководила городским семинаром учителей-словесников. Кафедре стали присылать на внеш-

ний отзыв кандидатские диссертации. Одним словом, мы стали выпускать студентов с добротной подготовкой к учительской деятельности. И сейчас я получаю письма с благодарностью за учебу.

Неожиданно ректорат получил из Министерства просвещения СССР распоряжение предоставить двум перспективным кандидатам творческий отпуск (на два года) для написания докторских диссертаций. Одним из них стала я. Многие в институте в меня не верили, но мне дала замечательную рекомендацию Е.М. Галкина-Федорук.

На вопрос соседа, кто у вас главный в доме, пятилетний сын ответил: «Главный у нас папа, а делаем мы все так, как мама скажет». Поэтому мы с мамой решили, что большую часть времени я должна работать в Москве.

Два года докторантуры в Москве были до предела заполнены работой. Эти годы были непростыми для языкознания. Институт русского языка увлекся структуралистскими идеями, начались «поиски новой модели описания грамматики». Далеко не все лингвисты приняли новые веяния. Многие вспомнили о связи языка с мышлением. Прошли конференции, посвященные этой проблеме, в МГУ и Институте языкознания. Материалы второй конференции были опубликованы в сборнике «Язык и мышление» (М., 1965), где была и моя статья. Горячими дискуссиями была встречена «Грамматика современного русского литературного языка» (1970, под редакцией Н.Ю. Шведовой).

В этих условиях я написала две книги: «Односоставные предложения в современном русском языке» (опубликована в Москве была позднее, в 1968 году) и «Переходные конструкции в синтаксисе» (опубликована в Воронеже в 1967 году).

Моя командировка закончилась раньше, я приступила к работе с сознанием выполненного долга. Но государство думало иначе. Мичуринский ректорат получил запрос о сроках защиты диссертации докторантами Бабайцевой и Сухоруковым.

Что ж! Рукопись второй книги оформила в соответствии с жанром диссертации и повезла ее в Москву. Пошла на прием к академику В.В. Виноградову в Институт русского языка.

Ждала приема вместе с Архангельским, который тоже добивался защиты диссертации по фразеологии. Архангельский мне сказал: «Милая барышня, зачем вам докторская? Занимайтесь семьей, будете здоровы, и нервы будут крепче». Но мне уже хотелось быть доктором, пожалуй, не столько для себя, сколько для мичуринских коллег, злорадствующих по моему поводу. Я кратко изложила В.В. Виноградову проблемы моей работы, спросила, достаточно ли анализа слов категории состояния. Академик заключил: «Можно из большого материала сделать фитюльку, и можно на основе одного слова написать стоящую работу». Смысл я передаю правильно, но за точность формулировки не ручаюсь. «Термин» *фитюлька* – виноградовский, за это я ручаюсь.

В заключение нашей беседы В.В. Виноградов посоветовал мне передать диссертацию Н.Ю. Шведовой. По-видимому, я лучше знала «положение дел», к Н.Ю. Шведовой не пошла и увезла свой труд в Ленинград, на кафедру русского языка, где заведующим в то время был А.Г. Руднев. Он критически осмотрел «милую барышню» и сказал, что меня и моих работ не знает, что я должна проявить (или показать) себя на конференциях в Ленинграде, чем я и занялась: выступила с докладом, выступила при обсуждении других докладов. А.Г. Руднев вскоре умер, и заведовать кафедрой стала С.Г. Ильенко, которой я «показалась», и она назначила через месяц обсуждение диссертации на кафедре. Тема моей диссертации – «Переходные конструкции в синтаксисе (конструкции, сочетающие свойства двусоставных и односоставных (безличных именных) предложений)».

До Ленинграда доходили московские увлечения структурализмом, поэтому членов кафедры насторожили мои логические и логико-психологические основы двусоставных и особенно односоставных предложений. Были высказаны некоторые (незначительные) замечания по частным вопросам, и было принято решение – обсудить диссертацию еще раз.

После заседания С.Г. Ильенко пригласила меня в свой кабинет и стала утешать меня, полагая, что я очень расстроена. Я же была счастлива, так как мою работу **признали докторской диссертацией** (никто не высказывал сомнения), а замечания были несущественные.

С.Г. Ильенко стала спрашивать меня о необходимости обращения к логике. Я ей все объяснила, она поняла и сказала, что мне надо было поговорить с нею до заседания.

Через месяц диссертацию рекомендовали к защите и были назначены оппоненты: В.И. Кодухов (от кафедры), В.П. Сухотин и В.Н. Мигирин. В это время вышли из печати мои монографии, и я подарила их моим оппонентам и не только им. Случилось непредвиденное: за две недели до защиты умер от сердечного приступа В.П. Сухотин, отказался быть оппонентом В.Н. Мигирин, так как я сделала незначительное замечание по поводу его работы. С помощью телеграфа я получила согласие Г.В. Валимовой. А в Ленинграде согласилась быть оппонентом Э.И. Коротаева, ученица А.А. Шахматова, учитель В.Ф. Ивановой и Г.Н. Акимовой.

Защита состоялась в 1969 году. Голосование было единогласным. Мичуринские коллеги встречали меня стихами:

Переходность да пребудет,
Как бы круто ни пришлось.
Пусть же скипетром Вам будет
Семантическая ось!

Московский период моей жизни начался с приглашения НИИ МП РСФСР на заведование сектором обучения русскому языку. Я не хотела ехать в Москву, мне было хорошо в Мичуринске: лыжные походы компанией зимой, купание в речке летом, выезды на природу и т.д. Но мой муж и сын хотели в Москву, что и произошло в 1972 году.

Министерство поручало сектору проверку преподавания русского языка в школах Российской Федерации. После моего второго доклада по результатам проверки решением коллегии было поручено профессору В.В. Бабайцевой вместе с сотрудниками сектора создать новый учебник по русскому языку.

Значительную роль в Московский период моей жизни сыграл Леонард Юрьевич Максимов, интеллигент по внешним и внутренним данным. Он предложил мне написать методические указания к школьному синтаксису, который только что был рекомендован для 8–9 классов. Леонард Юрьевич включил в авторский коллектив С.Г. Бархударова и С.Е. Крюкова, хотя фактически учебник был создан заново.

В авторский коллектив методички я включила сотрудников сектора НИИ школ (где я в это время работала), и мы, с одобрения Министерства просвещения, получили зеленую улицу в журнале «Русский язык в школе». Почти в каждом номере журнала в эти годы были мои статьи и статьи моих соавторов по методическим указаниям. На наших научно-практических конференциях выступали не только методисты (Л.П. Федоренко, А.В. Текучев), но и лингвисты (С.Г. Ильенко, В.Ф. Иванова, Г.Г. Инфантова, П.В. и Л.Д. Чесноковы и другие). Для меня штурм текста начался после доклада С.Г. Ильенко, которая говорила о важности изучения типов текста для развития речи учащихся.

Успех наших лингвометодических разработок, высокий научный уровень конференций и т.д. сделали НИИ школ МП РСФСР центром лингвометодики.

Л.Ю. Максимов пригласил меня читать лекции на ФПК при МГПИ. В НИИ у меня была ставка, а в МГПИ – полставки. Заботами Л.Ю. Максимова соотношение изменилось: я получила полную ставку в МГПИ, сохранив 0,5 ставки в НИИ, но это продолжалось недолго.

Л.Ю. Максимов предложил мне соавторство в создании учебника по синтаксису для филологических факультетов. В этом учебнике я впервые изложила постулаты структурно-семантического направления и реализовала их при описании словосочетания, простого и сложного предложений. Л.Ю. Максимов принял мою концепцию синтаксиса.

Наш учебник эффективно работает и в настоящее время. Именно этот учебник выбрала Мадина Карданова, издав его под своей фамилией*. Нельзя не отметить, что некоторые изменения в тексте есть. Так, было творчески переработано предложение, иллюстрирующее однородные члены предложения. У меня: *Колокольчик звонко плачет, и хохочет, и звенит.* (П. Вяземский.), У М. Кардановой: *Девочка громко плачет, и хохочет, и визжит.* Уж лучше бы она звенела.

* В 2009 году в издательстве «Флинта» (Москва) вышло учебное пособие М.А. Кардановой «Русский язык. Синтаксис», которое представляет собой перепечатанное учебное пособие В.В. Бабайцевой, Л.Ю. Максимова «Современный русский язык»: В 3 ч. Ч. 3. «Синтаксис. Пунктуация» (М.: Просвещение, 1987) с введением некоторых примеров (*прим. ред.*).

Еще о Л.Ю. Максимове. Разговаривая с кем-нибудь, он, чуть наклонив голову, заглядывал (не смотрел, а именно заглядывал) в глаза собеседника, хитровато улыбаясь при этом, как будто он знал больше о предмете разговора, чем собеседник.

Мне нравилось, как Леонард Юрьевич проводил заседания Совета по защите диссертаций, а также заседания кафедры. Особенно нравилось, как он принимал кандидатские экзамены. Вдруг что-то в ответе аспиранта привлекало его внимание. Он задавал отвечающему вопрос и, не слушая ответа, сам начинал говорить. Часто это была блестящая импровизация... Кажется, А.С. Пушкин писал: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая замечательная».

Не могу не вспомнить о следующем случае. Идет первое собрание слушателей ФПК, преподавателей периферийных вузов. Наши профессора говорят о темах своих спецкурсов.

Я предлагаю 3 темы: 1) «Структурно-семантическое направление в современной русистике»; 2) «Явления переходности в грамматике русского языка»; 3) «О проблемах лингвометодики» (а именно: что читать студентам, какая теория должна быть главной в преподавании синтаксиса в вузе и школе и т.д.). Л.Ю. Максимов (он вел собрание) резко прервал меня... Это поразило не только меня, но и слушателей. Я не стала спорить, но вечером позвонила ему и сказала только, даже не представившись: «Мне было за вас стыдно», – и повесила трубку.

На другой день я поднимаюсь по лестнице и вижу: на площадке перед нашим кабинетом стоит Максимов. Он, не говоря ни слова, поклонился мне и поцеловал руку... Сцена без слов...

Л.Ю. Максимов, несомненно, был талантливым лингвистом с оригинальным взглядом на лингвистические проблемы, но в силу разных причин он не реализовал полностью свои возможности. Во время его царствования наша кафедра была одной из сильнейших: Н.В. Черемисина, Ю.П. Солодуб, И.А. Ширшов, Н.А. Николина, Л.В. Николенко, К.И. Мишина и др.

Мои первые аспиранты, защищавшие диссертации по теории синхронной переходности, боялись Л.Ю. Максимова, так как он ставил их в тупик своими вопросами. По

его мнению, есть только переход из одного разряда, класса и т.д. в другой..., то есть он признавал только диахронные переходы. Однажды он попросил меня объяснить, почему я считаю теорию синхронной переходности универсальной. Со свойственной ему хитровой улыбкой он предложил мне показать на шкале переходности сходство и различие между мужчиной и женщиной. Я не растерялась: допустим, что А – мужчина, а Б – женщина. Звено Аб – женоподобный мужчина, а звено аБ – мужеподобная женщина. Надо ли объяснять содержание промежуточного звена? – спросила я.

Л.Ю. Максимов поднял руки и сказал: «Сдаюсь!»

Этот яркий пример помог Л.Ю. Максиму понять существование звеньев синхронной переходности в лингвистической теории.

Многое могла бы я еще рассказать об этом неординарном ученом и человеке, но...

Чтение лекций для студентов, на ФПК, лекции для учителей, поездки по СССР с лекциями (Ленинград, Калининград, Минск, Ялта, Ростов-на-Дону, Воронеж, Барнаул, Хабаровск и др.), активное участие в научно-практических конференциях и т.д. Кроме того, я провела несколько мини-конференций, материалы которых были изданы в сборниках под моей редакцией: «Предложение как многоаспектная единица языка» (М., 1983, 1984), «Предложение и его структура в языке» (М., 1986), «Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка» (Л., 1988), «Переходность и синкретизм в языке и речи» (М., 1991), «Многоаспектность синтаксических единиц» (М., 1993), «Структурно-семантическое описание единиц языка и речи» (М., 2006) и др.

Название сборников отражает круг моих лингвистических интересов.

Когда я только успевала все делать?!!

У некоторых есть друзья с детства. О них говорят: «Они играли вместе еще в песочнице».

Смены местожительства и работы нарушали дружеские связи... В последние годы я считала друзьями тех, с кем мне было интересно говорить о лингвистике, о литературе, в частности – о поэзии. Это Л.Д. и П.В. Чесноковы,

Л.Д. Беднарская, К.Л. Мартыанова, Б.И. Фоминых. Особенно мне была близка В.М. Шаталова, которую вспоминаю почти каждый день.

Друзьями становятся редакторы монографий, учебников и других публикаций, докторанты и аспиранты. Не могу не отметить неоценимую помощь в подготовке рукописей к печати, которую оказывали мне мои лучшие ученики: И.В. Артюшков, А.Н. Бертякова, И.В. Высоцкая, И.Н. Политова, М.А. Сорокина и другие.

В МГПИ в середине 1970-х годов у меня появились первые аспиранты; в числе первых была и К.Э. Штайн. Я несколько иначе видела ее кандидатскую диссертацию, но она пошла своим путем... На ее защите меня не было (я проводила научно-практическую конференцию в Ульяновске). Официальным оппонентом у Клары Эрновны был П.А. Лекант, который сказал мне: «Ваша Штайн спорила со мной во время защиты». Ростки оригинального лингвистического мышления К.Э. Штайн проросли в особое лингвистическое направление, предметом исследования которого является метапоэтика.

Игорь Викторович Артюшков – заведующий кафедрой, прекрасный организатор, требовательный к себе и другим. Его научным публикациям можно доверять. Его монография, анализирующая внутреннюю речь, является образцом структурно-семантического исследования сложнейшей проблемы.

Игорь Анатольевич Сыров – заведующий кафедрой, стремится по-своему решить современные лингвометодические задачи. Это реализуется в создании учебников для студентов национальных вузов. Думаю, что Игорь Анатольевич еще покажет себя как исследователь сложных лингвистических проблем.

Ирина Всеволодовна Высоцкая уже заняла заметное место в исследованиях синкретизма частей речи и субстантивации. Обостренное восприятие жизненных ситуаций определяет и ее отношение к слову, которое она воспринимает не только как лингвист-исследователь, но и как поэт.

Галия Гильмулловна Хисамова сразу покорила меня любовью к В.М. Шукшину, высокой оценкой его замечательного таланта, глубоким анализом его художественной прозы. Несмотря на болезни, Галия эмоционально и ар-

гументированно показывает художественное мастерство В.М. Шукшина не только на российских, но и на международных конференциях.

Хикмат Нигматович Абдуллаев – заведующий кафедрой, член Центральной ассоциации учителей русского языка Америки, общительный, бесконечно доброжелательный человек, влюбленный в русскую филологию, в шкалу переходности и в своих учеников, занимающихся исследованием слов с глагольным компонентом в семантике.

Вдохновенным анализом отглагольных существительных с использованием шкалы переходности Хикмат пропагандирует теорию синхронной переходности на российских и международных конференциях.

Ирина Николаевна Политова исследует в свете теории переходности фундаментальные синтаксические единицы – подчинительные словосочетания. Ее публикации имеют как теоретическое, так и практическое значение. Развивая идеи традиционного отечественного языкознания, Ирина Николаевна отвечает на многочисленные «трудные вопросы» синтаксиса словосочетания и простого предложения.

Наталья Николаевна Кузнецова исследует средства создания экспрессивности поэтического текста. Тонкий анализ конкретного речевого материала раскрывает глубинную выразительность поэтических текстов.

Для Марии Станиславовны Миловановой характерны противительные отношения с окружающим миром людей и вещей. Маша и противительность – две параллельные линии, которые, вопреки законам природы, постоянно перекрещиваются, взаимно обогащаясь.

Я рада, что мне удалось заразить страстью к исследованиям и других моих учеников. Очень надеюсь, что проблемы функциональной омонимии останутся предметом исследования у Ю.Н. Шамшина, О.Ю. Степановой, О.В. Емцовой и других.

Взаимодействие чувственной и абстрактной ступеней познания действительности – одна из центральных тем традиционной русистики. Без анализа этого взаимодействия невозможно показать глубинные основания типов простого и сложного предложения, характер их семантической и синтаксической членимости, своеобразие разновидностей

Теория лингвистики

односоставных и нечленимых предложений, невозможно выделить ядерные структурно-семантические типы простого предложения, показать место в системе языка многочисленных синкретичных образований. Место наглядно-чувственных образов в семантике простого предложения, средств их выражения при описании действительности (картины мира) в различных типах текста исследуют Л.Н. Голайденко, О.Ю. Авдовнина, С.Б. Аюпова.

Эту часть статьи хочется закончить словами Е. Винокурова: «Учитель, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться!»

Мне казалось, что я не обделяла вниманием мужа и сына, но однажды (уже в московский период) сын сказал: «Мы с папой всю жизнь мешали тебе работать».

30 Моя творческая деятельность в настоящее время идет в трех направлениях:

1) научная работа (издание монографий и многочисленных статей по актуальным проблемам русистики);

2) руководство докторантами и аспирантами;

3) совершенствование учебников (вузовского и школьных), сборников заданий, рабочих тетрадей, создание *тренингов* по орфографии и пунктуации, разработка элективных курсов по односоставным предложениям и явлениям переходности в системе частей речи, программ разных курсов и методических указаний.

2009–2010 годы.

Система языка как целостное образование.

В настоящее время термин **система** обозначает общенаучное понятие, требующее изучения чего-либо в анализе связей исследуемого факта с другими.

Система языка – упорядоченная совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих единиц (элементов) языка, выступающих как целостное образование.

Каждое слово в этом определении является **ключевым**, так как каждое слово **значимо** для характеристики системы как целостного образования.

Слово **совокупность** обозначает не простой **набор** единиц, а неразрывное соединение сочетающихся компонентов.

Определение *упорядоченная* усиливает семантику ключевого слова *совокупность*, так как показывает не только способ объединения компонентов языка в единое целое, но и его результат, следствием которого является осознанное создание *классификаций*, представляющих собой системы различной сложности. Классификация тем лучше, чем более точно передает связи и отношения единиц языка в его системной организации.

Система языка объединяет единицы разных уровней (ярусов), среди которых можно выделить:

- синтаксический;
- морфологический;
- лексико-фразеологический;
- морфемный;
- фонетико-фонологический.

Перечень уровней может начинаться и с фонетико-фонологического. При любой последовательности синтаксический уровень – высший этап языковой системы.

Термин *уровневые системы* можно соотнести с термином *классификации*. Единицы языковой системы существуют и функционируют в языке, а классификации создаются лингвистами на основании исследований реализации языковой системы в речи.

На каждом уровне компоненты объединены в системы. Отметим некоторые: на первом уровне – система фонем, на втором – система морфем, на третьем – система лексем; далее – система частей речи и система синтаксических единиц.

Каждая из этих систем в свою очередь объединяет более частные системы. Например, система гласных и система согласных фонем и т.д. Самым богатым по количеству подсистем (систем) является синтаксический уровень, завершающий здание языковой системы. Этот уровень можно рассматривать и как функциональный, как основание системы языка, так как в «формировании, выражении и сообщении мысли»¹ принимают участие единицы всех уровней.

Уровневые системы объединяют единицы соответствующих ярусов системы языка. Количество и характер внутриуровневых систем (подсистем) обусловлены их значимостью в языке и речи, степенью их изученности, задачами их описания и т.д.

Уровневые системы не изолированы друг от друга. Они связаны уже построением языковой системы: единицы более низких уровней служат строительным материалом для единиц более высоких уровней. Так, из звуков состоят морфемы, из звуков и морфем – слова, объединяющиеся в лексико-семантические группы и структурно-семантические классы слов (части речи). Из словоформ и словосочетаний строятся (и состоят) простые предложения, которые входят в состав сложных. Из простых и сложных предложений строится текст – самая сложная единица языковой системы: в тексте (в еще большей степени, чем в предложении) «работают» единицы всех уровней.

Система языка (и его подсистемы) имеет определенную структуру.

Структура языка – это строение целостного объекта (системы), составляющие его компоненты, способы и средства создания (оформления) целостности объекта. Роль (назначение) компонентов системы в языке называется его **функцией**.

Важнейшим средством создания цельности коммуникативных единиц системы языка являются служебные части речи, а также некоторые разряды местоимений, некоторые лексико-грамматические и даже лексические единицы. Средства связи образуют специфическую систему, для которой характерны определенные закономерности. Так, служебные и знаменательные части речи находятся в постоянном взаимодействии, следствием которого могут быть функциональные омонимы. Например: *правда* (сущ.) и *правда* (уступит. союз), *что* (мест.) и *что* (союз), *против* (наречие) и *против* (предлог и т.д.).²

Совокупность уровневых и внутриуровневых систем обуславливает аксиоматичное положение: **язык представляет собой систему систем**.

Еще Л.В. Щерба отмечал: «В языке вообще, а тем более в литературном языке, являющемся **сложной системой** (выделено мной. – В.Б.), все настолько связано, что ничего нельзя затронуть, не приведя в движение **целые ряды** других колесиков».³

Взаимосвязь и взаимодействие компонентов системы наглядно проявляются при **функционировании** системы.

«Язык как деятельность, – отмечает К.Э. Штайн, – предстает перед нами в постоянной внутренней «работе», постоянной перекрещивающейся динамике, в которой элементы системы взаимодействуют друг с другом, что приводит систему языка к новым синтезам, в которых объединяются элементы языка, имеющие противоположные свойства, образуя элементы нового порядка на периферии языка».⁴

Важнейшими системообразующими факторами являются изоморфизм и явления переходности, обеспечивающие связи между уровнями и между единицами внутри уровней (по вертикали и по горизонтали).⁵

Изоморфизм – от греч. «изо» (равный, сходный) и «морф» (вид, форма).

Изоморфизм в языке обозначает сходство (но не тождество!) языковых единиц разных уровней по значению и функции при различии в форме (строении). Изоморфные явления – это сходные по значению факты языка и речи, выраженные средствами разных уровней языковой системы.

Обычно наблюдается сходство языкового значения, которое иногда может быть поддержано и лексическими средствами. Например, *течение реки* (уровень словосочетания) – *течет река* (уровень предложения).

Изоморфизм обслуживает образование и существование многочисленных структурно-семантических категорий, разнообразных по характеру семантики и средствам ее выражения. Некоторые категории соотносятся с функционально-семантическими полями.⁶

Так, структурно-семантическая категория **сравнения** может быть выражена:

- на лексическом уровне: словами *подобный, похожий* и др. в разных формах:

Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный. (М. Горький.);

- на морфологическом уровне: формами степеней сравнения:

Правда светлее солнца. (Пословица.) *Самое длинное на земле расстояние – то, которое преодолевать не хочется.* (А. Дементьев.);

- на уровне словосочетания: *петь соловьем;*
- на уровне простого предложения с обстоятельствами сравнения и уподобления: *За дверью тикал, как ходики, сверчок.* (К. Паустовский.) *Черно-бурю лисицу под горой улегся лес.* (Д. Кедрин.);

- на уровне сложного предложения: сложноподчиненным предложением с придаточным сравнительным и так называемым отрицательным параллелизмом:

*Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.* (С. Есенин.)

*...Но залезли мне в сердце девчатки,
Как котята в чужую кровать.* (А. Вертинский.)

Тихие тени бродят по равнине, как облака по небу. (А. Чехов.)

*Не стая воронов слеталась
На груды тлеющих костей –
За Волгой, ночью, вокруг огней,
Удалых шайка собиралась.* (А. Пушкин.);

• на уровне текста с помощью форм глагола *сравнить* и местоимения-наречия *так*:

*На грудь кладет тихонько руку
И падает. Туманный взор
Изображает смерть, не муку.
Так медленно по скату гор,
На солнце искрами блистая,
Спадает глыба снеговая.* (А. Пушкин.)

Между средствами разных уровней существует взаимодействие, которое может быть основанием для образования синкретичных явлений. Так, на синтаксическом уровне выделяется оппозиция *сложное предложение – простое предложение*. На шкале синхронной переходности промежуточное звено занимают сравнительные обороты с разной степенью предикативности.

Обслуживая связи между уровнями языковой системы, изоморфизм явлений языка является базовой основой синтаксической синонимии.

Синтаксические синонимы – это конструкции (словосочетания и предложения), сходные (близкие) по значению, но разные по строению.⁷

Изучение синтаксических синонимов – одно из важнейших условий развития и совершенствования речи учащихся, их языкового чутья. Приведу примеры:

• на уровне словосочетания: *ситцевое платье – платье из ситца*;

• на уровне простого предложения: согласованные и несогласованные определения, которые всегда синкретичны: *Люблю грибной суп – Люблю суп с грибами*;

• двусоставные и односоставные предложения: *Ураган снес крышу – ураганом снесло крышу* и т.д.

Интерес к изучению изоморфизма обусловлен его объяснительной силой. Взаимодействие единиц разных уровней может быть основой переходных межуровневых явлений: уровень знаменательных слов – уровень служебных слов; лексический уровень – уровень морфем и т.д.

Изоморфизм обеспечивает прежде всего связи компонентов системы по вертикали, а переходность – и по горизонтали, и по вертикали.

Синхронная переходность – это такое свойство языка, которое скрепляет факты в целостную систему, отражая синхронные связи и взаимодействия между ними и обуславливая возможность диахронных преобразований.

Связи между диахронными и синхронными явлениями переходности наглядно показывает **шкала переходности**, впервые описанная в монографии 1967 года, а примеры синхронной переходности впервые были описаны еще в статье 1955 года.⁸

Шкала синхронной переходности включает пять звеньев: А – Аб – АВ – аБ – Б. Количество звеньев может быть увеличено или уменьшено в зависимости от анализируемого речевого материала. Звенья не точки, а **круги** соответствующих явлений языка и речи. Звенья (круги), обозначенные на шкале буквами А и Б, соотносятся с **полями**, выделенными в теории функционально-семантических полей.

Для шкалы переходности круги удобнее, чем поля, хотя слово *поле* привлекает нечеткостью своих контуров.

Опорными компонентами уровней и внутриуровневых систем являются **типичные единицы**, то есть единицы, обладающие полным набором дифференциальных признаков. Именно эти единицы образуют ядро системы, ее центр. Ядерные единицы, входящие в звенья А и Б, обеспечивают **стабильность** систем языка.

Между опорными пунктами системы нет пустоты. Это пространство занимает зона переходных явлений (промежуточных и периферийных), обеспечивающих **связи** между **ядерными** единицами (А и Б).

Образование и существование зоны переходности (Аб, АВ, Ба) обусловлено взаимосвязями и взаимодействием компонентов системы и подсистем.

В зоне переходности занимают позиции переходные образования, совмещающие свойства полярных типов.

Все, что есть в языке, есть в речи, но не все, что рождается при функционировании языка, есть в системе языка. Какие-то факты входят в систему единиц языка, какие-то речевые факты оказываются окказиональными.⁹

Изучение языковой системы и частных систем осуществляется путем наблюдений над *речевым материалом*, который нередко называется *языковым материалом*. Определение *речевой* точнее определяет характер исследуемого материала.

Возможны разные подходы к исследованию речевого материала разных уровней:

- от буквы к звуку и от звука к букве;
- от корня к аффиксам и наоборот: от аффиксов к корню, так называемое («раздевание» слова);
- подход «снизу» и подход «сверху» (при анализе синтаксических единиц).¹⁰

Системная организация языка предполагает **системный подход** к его исследованию. Системный подход требует определения места анализируемого речевого факта (или фактов) в системах языка (в его классификациях), а для этого необходимо установить его связи и отношения с единицами языка, определить его свойства/признаки.

При синкретизме свойств нужно определить место исследуемого факта в зоне переходности, аргументировать его включение в переходные звенья (промежуточные и периферийные).¹¹

В настоящее время исследование синкретизма стало одной из актуальных проблем русистики.

Шкала переходности не только показывает место факта (фактов) речи в классификациях, но и используется как важнейший метод лингвистических исследований.

Компоненты системы систем связаны переходными звеньями не только по горизонтали, но и по вертикали.

Так, взаимодействие единиц разных уровней в синтаксической системе обуславливает существование переходных конструкций между сочинением и подчинением, между функциональными типами сложных предложений, между сложными и простыми предложениями и т.д.

Общеизвестна связь между членами предложения и частями речи, между частями речи и лексико-семантическими группами слов, между лексикой и морфемикой.

Синкретичные образования, как следствия связей по вертикали, перекрещиваются с явлениями изоморфизма, усиливая связи и взаимодействие компонентов системы по вертикали.

Система языка включает не только опорные компоненты, обладающие полным набором дифференциальных признаков, но и многочисленные синкретичные образования, являющиеся важнейшими системообразующими факторами. Взаимосвязь и взаимодействие компонентов системы обуславливает **цельность** организации языка как системы систем.

Наиболее последовательно системный подход к изучению языка и речи реализуется в исследованиях структурно-семантического направления, активное развитие которого стимулируется потребностями преподавания.

Примечания.

1. Эта важнейшая характеристика предложения является основной частью дефиниции классического определения предложения В.В. Виноградова.

2. Черкасова Е.Т. Переход полнзначных слов в предлоги. – М., 1967. См. также исследования функциональной омонимии: Сорокина М.А. Функционирование омокомплекса правда в современном русском языке. – М., 2002; Степанова О.Ю. Функциональные омонимы, объединенные омокомплексом что. – М., 2009; Милованова М.С. Функциональные омонимы звуковых комплексов против/напротив и их грамматический статус. – М., 2004 и др.

3. Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 127.

4. Штайн К.Э. Переходность и синкретизм в свете деятельности концепции языка // Языковая деятельность: переходность и синкретизм. – Сб. ст. Выпуск 7. – Москва – Ставрополь, 2001. – С. 13.

5. См.: Бабайцева В.В. Изоморфизм и переходность явлений языка как системообразующие факторы // Текст. Структура и семантика. Доклады XII международной конференции. Т. 1. – М., 2009.

6. См. статью в этом же сб.: Теории синхронной переходности и функционально-семантических полей.

7. См. **наиболее полный** перечень синтаксических синонимов: Бабайцева В.В. Русский язык. 10–11 классы. Учебник для общеобразовательных учреждений филологического профиля. – М., 2004 и последующие издания.

8. См.: Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе (конструкции, сочетающие свойства двусоставных и односостав-

ных (безличных именных) предложений. – Воронеж, 1967; *Бабайцева В.В.* Переход кратких прилагательных в состав безлично-предикативных слов // Уч. записки Кабардинского гос. пед. ин-та. – Нальчик, 1955. – Вып. 7.

9. См. дифференциацию узуальной и окказиональной субстантивации: *Высоцкая И.В.* Субстантивация в свете теории синхронной переходности. – Новосибирск, 2009.

10. См. разные результаты анализа речевого материала: *Бабайцева В.В.* Простые и сложные словосочетания // РЯШ. – 2007. – № 4; *Бабайцева В.В.* Некоторые пути подхода к анализу синтаксической системы // Текст. Структура и семантика. Ч. I. Материалы XI Международной конференции. – М., 2007; см. также: *Бабайцева В.В.* Принцип системности в синтаксисе // РЯШ. – 2010. – № 3.

11. См.: *Бабайцева В.В.* Место переходных явлений в системе языка (на материале частей речи) // Переходность и синкретизм в языке и речи. Сб. ст. – М., 1991.

Принцип системности в синтаксисе.

Принцип системности является общенаучным понятием. В лингвистике и лингвометодике внимание к системной организации языка стало особенно актуальным в XX веке, хотя в русистике понимание языка как системы не является новым.

Язык представляет собой систему систем, образуемых единицами разных уровней, изучаемых в фонетике и фонологии, в морфемике и словообразовании, в лексикологии и фразеологии, в морфологии и синтаксисе.

Синтаксис является высшим уровнем языковой системы, так как он обслуживает формирование, выражение и сообщение мыслей. В синтаксисе «работают» единицы всех уровней.

Синтаксическая система – это упорядоченная совокупность взаимозависимых и взаимосвязанных единиц (элементов, компонентов), выступающих как целостное образование.

Каждое слово в этом определении системы является ключевым для понимания системной организации языка.

Центральное слово в дефиниции системы – совокупность, объединяющая синтаксические единицы, которые представим следующей таблицей, в ней синтаксические единицы выделяются при разных подходах к определению их места в системе синтаксиса (1).

При подходе «снизу» перечень единиц идет от низшего уровня к высшему (от словоформы к тексту), при подходе

«сверху» – наоборот (от текста к члену предложения). При первом подходе выясняется, как (из чего) образуются синтаксические единицы, при втором – выясняется, на какие единицы членятся единицы более высокого уровня.

Подход «снизу»	Подход «сверху»
↑ 5. Текст 4. Сложное предложение 3. Простое предложение 2. Словосочетание 1. Словоформа	1. Текст 2. Сложное предложение 3. Простое предложение и предикативные части сложного 4. Сочетания слов, в том числе и словосочетания ↓ 5. Член предложения

Поиски «элементарной единицы русского синтаксиса» привели Г.А. Золотову к введению понятия *синтаксемы*, которая является, однако, лишь «конструктивным компонентом более сложных синтаксических конструкций» (13, с. 4), хотя, по мнению Г.А. Золотовой, синтаксема – «носитель элементарного смысла» и обладает «определенным набором синтаксических функций».

Уровни (ярусы) системы языка не изолированы друг от друга. В таблице синтаксической системы (при подходе «снизу») указана словоформа, которая представляет собой не абстрактную форму слова, а вариант лексической единицы, в которой представлены единицы низших уровней языковой системы: звуки, морфемы, морфологические категории. Словоформы имеют и определенную стилистическую окраску.

Словоформа соотносится с членом предложения, но не является им, так как член предложения – структурно-семантический компонент **предложения**, связанный с другими членами предложения синтаксическими связями и отношениями.

Словоформа занимает положение на границе между морфологией и синтаксисом. Как единица морфологии, словоформа – одна из морфологических форм **слова**.

Слова объединяются в части речи. Соотношение частей речи и членов предложения неоднократно рассматривалось в лингвистике.

Слова, оформившиеся в части речи, в составе предложения имеют генетически сохранившиеся в них синтаксические свойства, потенциальные синтаксические функции.

Репертуар строительных средств и образуют словоформы, конечный список которых составить в принципе невозможно.

Как единица синтаксиса, словоформа является строительным материалом для синтаксических единиц. Синтаксис начинается там, где есть синтаксические связи и отношения.

При построении речи синтаксические единицы «оживают», приходят в движение.

В процессе построения более сложных единиц происходит не простое суммирование более простых единиц, а их преобразование, «притирка» друг к другу, устанавливаются связи между этими единицами с помощью различных средств.

При этом могут изменяться падежные формы слов, могут использоваться предлоги, союзы и т.д., может изменяться порядок слов и т.д.

Результаты взаимодействия доступны наблюдениям при подходе «сверху» от анализа текста.

При подходе «сверху» (от текста) выводы и обобщения являются результатом наблюдений над речевым материалом, над «живой» речью. А.С. Пушкин писал: «Разум неистощим о *соображении* понятий, как язык неистощим в *соединении слов*».

Более полное представление о строении и семантике синтаксических единиц дает лишь соединение аспектов их анализа, учета их признаков, выделяемых при разных подходах, при системном подходе к анализу языка и речи.

Синтаксические исследования выделяют в качестве основных единиц синтаксиса словосочетания, предложения (простые и сложные) и текст, многоаспектный характер которых позволяет выделять в их границах более частные разновидности.

Бесконечное разнообразие речевых образований, речевых реализаций структурных схем языка приобретает системный характер в **классификациях**, позволяющих представить единицы языка и речи как **упорядоченную совокупность**.

В классическом (традиционном) языкознании были созданы классификации словосочетаний и предложений, базовые принципы которых действительно и в настоящее время. Несомненной заслугой современной лингвистики является исследование текста.

Ядро классификации составляют типичные единицы, обладающие полным набором дифференциальных признаков. Типичные единицы являются **опорными** пунктами классификации. Именно они обуславливают **стабильность** системы языка, ее **статику**. Однако статика системы языка не означает ее неизменяемости. В статике заложена **динамика**.

Единицы системы языка, как отмечено в дефиниции системы, находятся в постоянной **взаимосвязи** и **взаимозависимости**.

Между ядерными единицами языка, представляющими опорные пункты системы, нет пустоты. Взаимосвязи между типичными единицами обуславливают образования многочисленных явлений переходности, приводящих к образованию синкретизма.

Дифференциация диахронной и синхронной переходности (9) показала, что статика языковой системы не исключает ее динамики, развития многочисленных синкретичных образований не только в синтаксисе, но и в морфологии (11).

Синхронная переходность – это такой вид переходности в современной системе языка, при котором связи и взаимодействие между оппозиционными центральными (типичными) категориями (типами), разновидностями, разрядами и т.д. создают (образуют) зону синкретизма с периферийными и промежуточными звеньями.

Теория синхронной переходности позволила показать подвижность системы языка, ее богатые потенциальные возможности образования новых разновидностей семантически емких синтаксических конструкций, ответить на многочисленные «трудные вопросы грамматики».

В монографических исследованиях показаны сильные и слабые связи в подчинительных словосочетаниях, переходные явления в системе членов предложения, синкретичные конструкции в типологии простого предложения, синкретизм в системе сложноподчиненных предложений и т.д. (2, 6, 7, 12, 14).

Явления переходности связывают опорные пункты системы преимущественно по горизонтали, хотя известны и переходы слов в морфемы, сочетаний слов в слова, предложений в словосочетания.

Связи синтаксических единиц по вертикали обеспечивают явления изоморфизма: **изо** (греч.) – сходный, равный, **морф** (греч.) – вид, форма. **Изоморфизм** в языке – это сходство (не тождество!) единиц языка разных уровней по значению и функции при различии в форме (строении).

Сходство по значению и различие по форме единиц разных уровней синтаксической системы ярко проявляется в сочинении и подчинении, основных понятиях синтаксиса.

Синтаксические связи и отношения пронизывают все уровни синтаксической системы.

На уровне словосочетания выделяются сочинительные и подчинительные словосочетания: *леса и луга, гулять в лесу* и т.д.

На уровне простого предложения сочинение и подчинение связывают члены предложения. Показательно, что компоненты сочинительных словосочетаний в составе предложения более тесно связаны, чем компоненты подчинительных словосочетаний.

Компоненты подчинительных словосочетаний занимают **разные** позиции (выступают в роли разных членов предложения), а компоненты сочинительных словосочетаний занимают **одну** позицию, образуя однородные члены предложения.

На уровне сложного предложения сочинение проявляется в сложносочиненных предложениях, а подчинение – в сложноподчиненных.

На уровне текста своеобразно проявляется и подчинение, и особенно сочинение.

Как в периодической системе химических элементов Д.И. Менделеева, принцип системной организации синтаксиса позволяет не только показать позиции уже известных синтаксических единиц, но и определить потенциальные возможности системы – способность выделить новые синтаксические единицы на разных уровнях.

Так, последовательная реализация семантики сочинения на уровнях предложения (простого и сложного) и тек-

ста обуславливает позицию сочинения на уровне словосочетания. Наблюдения над речевым материалом доказывают закономерность выделения сочинительных словосочетаний наряду с подчинительными (3).

В настоящее время в школьной и вузовской практике сосуществуют две классификации придаточных предложений: традиционная (классическая) и так называемая структурно-семантическая.¹

Соотносительность придаточных и членов предложения проявляется и в том, что придаточные могут входить в ряд однородных членов предложения как один из компонентов ряда (15): *Я вспомнил о маме, братьях <...>, о Лене, о том, что сердце ожесточается без заботы, без человеческой ласки.* (К. Паустовский.)

Не только за свою страну

Они погибли в ту войну,

А чтобы люди всей земли

Спокойно ночью спать могли. (Е. Евтушенко.)

Внимание к изоморфизму в лингвометодике позволяет сохранять преемственность методов и приемов изучения единиц разных уровней.

Изучение строения и значения словосочетаний облегчает изучение однородных членов предложения. Для компонентов словосочетания и однородных членов предложения характерна однотипность соединяемых компонентов, общие средства связи.

На уровне предложения сочинительные словосочетания функционируют в качестве однородных членов. Структурно-семантический блок однородных членов предложения включает компонент, объединяющий однородные члены общими связями и отношениями, например: *По утрам я просматриваю газеты и журналы.* Ср.: *просматривать газеты и журналы.*

Общим компонентом могут быть разные члены предложения.² Общий второстепенный член может усиливать целостность частей сложносочиненного предложения.

Традиционная классификация придаточных предложений дана в школьных учебниках с моим авторским участием (10, 4, 5 и все последующие издания) и одобрена некоторыми лингвистами и учителями.

Традиционная классификация придаточных предложений, соответствующая закономерностям синтаксической системы, в практике преподавания позволяет облегчить изучение системы сложных предложений и значительно сократить время на их изучение.

В практике преподавания эффективно используется метод вопросов, которые являются общими для членов предложения и соответствующих придаточных.

Так, в учебниках (10, 4, 5 и все последующие издания) придаточные обстоятельственные даются в таблице с указанием вопросов и средств связи. Таблица позволяет вспомнить разряды обстоятельств и понять, чем отличаются придаточные от членов предложения.

Разное оформление подчинения убедительно показывает принципиальные основания для признания соотношения между членами предложения и придаточными частями.

Типичные виды придаточных предложений занимают синтаксические позиции пятичленной системы членов предложения. Это позволяет выделять придаточные подлежащие, сказуемые, дополнительные, определительные и обстоятельственные (с разновидностями, соответствующим обстоятельственным членам предложения).

На системных связях членов предложения и придаточных сложилась традиционная (классическая) классификация придаточных предложений, отражающая закономерности синтаксических уровней. Изоморфизм членов предложения и придаточных частей – базовая основа их синонимии.

Переходность и изоморфизм являются важнейшими системообразующими факторами, обеспечивающими **цельность** синтаксической системы.

Принцип системности обуславливает **системный подход** к исследованию и описанию языка и речи. Важнейшим результатом системного подхода является обязательное **определение места** всех фактов речи в системе языка, квалификации не только типичных, но и синкретичных образований, обладающих особой семантической емкостью. Многозначность явлений переходности обуславливает их частотность в речи. Значительное количество синкретичных синтаксических построений входит в систему языка

не только в качестве периферийных и промежуточных, но и ядерных образований. Так, причастия и деепричастия из промежуточных звеньев заняли стабильное место в ядерных (опорных) звеньях системы частей речи.

Наиболее последовательно принцип системности и системный подход реализуется в работах структурно-семантического направления (8), которое занимает центральное положение в современной русистике, так как оно является, во-первых, очередным этапом развития традиционного (классического) языкознания, во-вторых, служит теоретической основой лингвометодики, обеспечивающей преподавание русского языка в вузах и школах Российской Федерации.

Примечания.

1. См. о различиях между традиционной и структурно-семантической классификацией и преимуществах традиционной: Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. – М., 1979.

2. См. подробнее о средствах, создающих цельность структурно-семантических блоков однородных членов предложения: Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. – М., 1979.

Литература.

1. Бабайцева В.В. Два подхода к исследованию единиц синтаксиса // Филологические науки. – 2007. – № 2.

2. Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе. Конструкции, сочетающие свойства двусоставных и односоставных (безличных именных) предложений. – Воронеж, 1967.

3. Бабайцева В.В. Подчинительные и сочинительные словосочетания // РЯШ. – 2006. – № 4.

4. Бабайцева В.В. Русский язык. Теория. 5–11 классы. – М., 1995.

5. Бабайцева В.В. Русский язык. Теория. 5–9 классы. – М., 2005.

6. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. – М., 2004.

7. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. – М., 1988.

8. Бабайцева В.В. Структурно-семантическое направление в современной русистике // Филологические науки. – 2006. – № 2.

9. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматическом строе русского языка. – М., 2000.

10. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык. 4–8 классы. – М., 1982.

11. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи. – М., 2000.

12. Дружинина С.И. Синкретизм в системе сложноподчиненных предложений. – Орел, 2008.

13. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М., 1988.

14. Политова И.Н. Переходность в системе подчинительных словосочетаний в современном русском языке. – М., 2008.

15. Уханов Г.П. Придаточные в сочетании с однородным ему членом предложения // Синтаксис и стилистика. Сб. ст. – М., 1976.

Изоморфизм и переходность явлений языка как системообразующие факторы.

Принцип системности является общенаучным понятием. В лингвистике и лингвометодике внимание к системной организации языка стало особенно актуальным в XX веке, хотя в русистике понимание языка как системы не является новым.¹ Еще Ф.И. Буслаев отмечал, что человеческая речь представляет собой систему взаимосвязанных элементов. По мнению ученого, организующая роль принадлежит синтаксису. Обобщая рассуждения о предложении как основной структурной единице речи, Ф.И. Буслаев пишет: «Таким образом, и членораздельные звуки, сложившиеся в слова, и каждое отдельное слово суть не что иное, как живые члены целого живого состава, именуемого предложением».²

Учитывая семантику слова *система*, определившую его функционирование в классической русистике, а также обобщая мнения лингвистов о термине-понятии *система*, принимаем следующее определение: **система языка** – это упорядоченная совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих единиц (элементов) языка, выступающих как целостное образование.

Это определение показывает, что языковая система – не набор разрозненных фактов языка, а целостное образование, для которого характерна статичность связи компонентов системы, не исключающая, однако, динамики развития. Статика держит систему, а динамика осуществляет ее развитие.

Система русского языка – сложное образование, включающее несколько уровней, или ярусов, перечень которых можно дать двумя способами: «сверху» (от синтаксического уровня) и «снизу» (от фонетического).³ Выделим уровни подходом «сверху»: 1) синтаксический, 2) морфологический, 3) лексический, 4) морфемный, 5) фонетический (фонематический).

Изучение единиц разных уровней осуществляется в соответствующих разделах науки о языке: синтаксисе, морфологии, лексикологии и фразеологии, морфемике, фонетике и фонологии.

С понятием системы связано понятие системного подхода.

Системный подход – это один из методов современного научного познания. Системный подход к изучению языка означает изучение компонентов (элементов) системы, их связей и отношений, определение места в системе языка как типичных, так и синкретичных образований. Наиболее последовательно системный подход реализуется в работах структурно-семантического направления современной русистики.⁴

На каждом уровне могут быть выделены частные системы. Так, на синтаксическом уровне можно выделить систему подчинительных связей в современном русском языке, систему типов простого предложения, систему односоставных предложений, систему членов предложения и т.д.

Система языка находит выражение в классификации языковых единиц. Критерии классификации определяются спецификой соответствующих ярусов, а также целями и задачами описаний.

Опорными единицами, составляющими основание системной сетки, являются типичные образования, характеризующиеся полным набором дифференциальных признаков. Такие единицы языка и являются конструктивными единицами (элементами) системы.

На синтаксическом уровне классификации строятся с учетом функции, структуры и семантики синтаксических единиц, например, *функциональная* классификация предложения учитывает цель высказывания, *структурно-семантическая* – структуру и семантику предложений и т.д.

На морфологическом уровне при системном подходе выделяются части речи, образующие систему структурно-семантических классов слов, а также омокомплексы, обозначающие группы функциональных омонимов, паронимов и т.д.

На лексическом уровне системные связи объединяют синонимы и антонимы. Эти единицы лексики при системном подходе объединяются в соответствующие словари.

Морфемы делятся на словообразовательные и формообразовательные, которые, в свою очередь, образуют функциональные группы.

Бесконечное разнообразие звуков речи на фонетико-фонематическом уровне содержит языковая система гласных и согласных фонем, которая образуется в соответствии с определенными параметрами.

Системный характер языковой системы при ее речевой реализации проявляется в **семантической** цельности, обусловленной единством темы синтаксических построений.

Цельность и связность языковой системы реализуется в речи прежде всего с помощью специальных связочных средств (союзов, указательных слов, некоторых частиц и др.).

Важнейшими системообразующими факторами являются изоморфизм и переходность, создающие целостность и связность как на различных уровнях, так и между уровнями.

Одноуровневые переходные явления скрепляют систему единиц языка в основном **по горизонтали**, изоморфные – **по вертикали**, то есть связывают между собой уровни языка.

Изоморфизм – от греч. *изо* – равный, сходный; *морф* – вид, форма. Изоморфизм в языке – это сходство (но не тождество!) языковых единиц разных уровней по значению и функции при различии в форме (строении). Следовательно, изоморфные явления – это сходные (но не тождественные) факты языка и речи, принадлежащие к разным уровням языковой системы.

Рассматривая связи уровней «снизу», видим, что **звуки** образуют **морфемы**, из которых строятся **слова**, образующие на морфологическом уровне **части речи**. Самые сложные единицы системы располагаются на синтаксическом уровне.

Теснейшие связи между синтаксисом, морфологией и лексикой неоднократно отмечал В.В. Виноградов. Приведем аксиоматичное высказывание ученого: «Морфологические

формы – это отстоявшиеся синтаксические формы. Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике».⁵

Компоненты структурных схем (моделей) синтаксических единиц представлены названиями частей речи, а реализация структурных схем в речи осуществляется с помощью единиц лексического уровня.

Каждый из уровней общей системы языка имеет подсистемы, из которых наиболее многоэлементным является синтаксический ярус. На синтаксическом уровне выделяются **текст, сложное и простое предложения, словосочетание**. Нижний ярус синтаксической системы занимают **словоформа** и **член предложения**.

Словоформы служат строительным материалом для членов предложения и словосочетаний. Они выделяются при подходе «снизу». Член предложения выделяется из предложения (при подходе «сверху») и соотносится или с одной словоформой, или с сочетанием словоформ.

На разных ярусах вычленяется разное количество компонентов системы, что обусловлено спецификой единиц соответствующего уровня. Наиболее ярким примером связи подсистем по вертикали являются основные синтаксические связи: сочинение и подчинение (ключевые категории связности), которые «работают» на всех уровнях системы языка.

Сочинение пронизывает все уровни синтаксической системы. На нижнем ярусе выделяются сочинительные словосочетания, на уровне простого предложения – однородные члены, на уровне сложного – сложносочиненные предложения. Например: *Молния и гром; Беспредельно сменяли друг друга молния и гром; Блеснула молния, и загудел гром*. Сочинительные связи характерны и для текста.

Аналогично проявляет себя и **подчинение**. На нижнем ярусе синтаксической системы существуют подчинительные словосочетания, на уровне простого предложения – распространители структурных схем (второстепенные члены предложения), на уровне сложного – придаточные части. Например: *Беспредельно гудеть; И беспредельно гром гремел...; Когда блещит молния, жди гром*. Подчинение может связывать и фрагменты текста. Разумеется, сходное лексическое наполнение частей не обязательно.

Изоморфизм – основа синонимии разноуровневых языковых явлений. Ср., например: *С наступлением вечера заметно посвежело* и *Когда наступил вечер, заметно посвежело*. Простое предложение и сложное предложение – единицы разных уровней синтаксической системы. В простом предложении значение обстоятельства времени выражено словосочетанием *С наступлением вечера*, а в сложноподчиненном – придаточным времени. Изоморфизм раскрывает основы их синонимии, отражает системные связи в области синтаксиса.

Системный подход к изучению и описанию членов предложения и придаточных предложений позволяет показать соотношение членов предложения и придаточных предложений, их синонимичный характер, теснейшие связи уровней простого и сложного предложений – единиц разных уровней синтаксической системы.

Изоморфизм членов предложения и придаточных предложений является убедительным аргументом, показывающим жизненную силу классической (традиционной) классификации придаточных предложений, основанной на соотношении членов предложения и придаточных частей.⁶

Эта классификация поддерживается рядом ученых,⁷ сохраняется в школьных учебниках, написанных мною.

В этой классификации выделяются придаточные подлежащие, сказуемые, определительные, дополнительные и обстоятельственные.

Изоморфизм объясняет возможность синонимических связей придаточных предложений и различного рода оборотов (причастных, деепричастных, инфинитивных, сравнительных и др.).

Изоморфные связи языковых явлений (связи по вертикали) позволяют рассматривать единицы языка с точки зрения противоположных подходов:

- от буквы к звуку – от звука к букве;
- от корня к остальным морфемам и наоборот («раздевание» слова);
- от синтаксической функции слова к его категориальному значению и наоборот;⁸
- от словосочетания к предложению и наоборот;⁹
- от словоформы к простому предложению и наоборот;¹⁰
- от слова к тексту – от текста к слову.¹¹

Оценивая место идеи синхронной переходности в кругу других современных направлений, К.Э. Штайн отмечает: «Теория переходности и синкретизма языковых явлений В.В. Бабайцевой – одно из наиболее ярких явлений в постотечественной науке, лингвистика «на краях», делающая установку на нестабильность языковой системы, на порождение новых единиц в процессе взаимодействия подсистем языка, позволяет раскрыть внутренние вертикальные подструктуры, формирующиеся в процессе динамики языковых единиц на синхронном срезе языка».¹²

Переходность – это такое свойство языка, которое скрепляет языковые факты в целостную систему, отражая синхронные связи и взаимодействия между ними и обуславливая возможность диахронных преобразований.¹³ Переходность (и синкретизм – ее следствие) – одна из основных закономерностей системы языка.

Система, находящая выражение в классификациях единиц языка, определяет позиции единиц в речи, их взаимодействие и взаимовлияние, обусловленное их свойствами и **связями** с другими единицами. Так, морфологическая (частеречная) квалификация омокомплекса *слепой* зависит от его синтаксической функции. Ср.: *Слепой музыкант* и *Играл слепой*. Качество звука зависит от места ударения, от соседства с другими звуками и т.д. Частеречная квалификация некоторых слов зависит от их сочетаемости с другими словами. Ср.: *Мне грустно* и *Грустно посмотрел*.

Между типичными единицами системы нет пустоты: пространство между ними заполнено переходными явлениями, образующими периферийные и промежуточные образования, синкретичные по семантике и форме.

Отношения между типичными единицами иллюстрирует шкала переходности, которая позволяет не только наглядно показать место переходных явлений в системе языка, но и служит эффективным методом исследования синкретичных образований.¹⁴

Шкала переходности позволяет дифференцировать языковые и речевые факты зоны переходности (синкретизма), разделив их на периферийные и промежуточные. Л.В. Щерба писал: «...надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике –

в сознании говорящих – оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвиста, так как здесь именно подготавливаются те факты, которые потом фигурируют в исторических грамматиках, иначе говоря, так как здесь мы присутствуем при эволюции языка».¹⁵

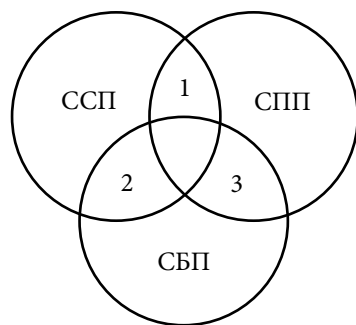
Эти идеи Л.В. Щербы получили развитие в «лингвистике на краях», в которой порождение новых единиц происходит вследствие взаимодействия единиц (элементов) стабильной системы.

Некоторые явления синхронной переходности исследуются с использованием шкалы переходности, позволяющей дифференцировать периферийные и промежуточные факты. Переходность, как закономерность языковой системы, служит основанием для взаимодействия и взаимовлияния явлений языка и речи, следствием которых является диахронный переход слов, групп слов и синтаксических конструкций из одного класса в другой, а также сосуществование типичных и синкретичных образований на синхронной шкале переходности.

Синкретичные образования, заполняющие зону переходности, и служат одним из наиболее ярких системообразующих факторов.

Синтаксис пронизан синтаксическими связями, образующими системы простых и сложных предложений, систему членов предложения, а также разнообразные синкретичные построения.

Так, система сложных предложений включает не только основные типы сложных предложений, но и синкретичные образования.

ССП – сложносочиненное предложение.

СПП – сложноподчиненное предложение.

СБП – сложное бессоюзное предложение.

Приведем примеры, иллюстрирующие фрагменты, в которых есть синкретичные построения с сочетанием свойств разных видов сложных предложений.

I. **Хотя** ложь еще живет, **но** совершенствуется только правда. (М. Горький.) **Пусть** реки есть мощней намного, **но** Волга-матушка одна. (А. Твардовский.) **Правда**, Левитан написал несколько превосходных весенних вещей, **но** это почти всегда была весна, похожая на осень. (К. Паустовский.)

II. Только песне нужна красота, красоте **же** и песен не надо. (А. Фет.) Сердце уже не стучало – оно **тоже** притаилось. (В. Некрасов.)

III. Не успели мы увидеть реку с рыбьими всплесками, как послышался тоненький писк. (В. Повеяев.) Щепотки волосков лиса не пожалей, остался б хвост у ней. (И. Крылов.)

В этих примерах представлены не все синкретичные предложения, а только самые употребительные. В предложениях первого типа связь между частями сложного предложения осуществляется с помощью подчинительных и сочинительных союзов; в предложениях второго типа – с помощью частиц-союзов; в предложениях третьего типа – с помощью специфических лексико-грамматических средств. Отмеченные средства создают синкретизм признаков, так что невозможно однозначно квалифицировать эти синтаксические построения.

Пространство между простым и сложным предложениями заполняют многочисленные полупредикативные обороты (причастный, деепричастный, адъективный, инфинитивный, сравнительный и др.) с разной степенью предикативности.

Пространство между типичными частями речи, образующими зону переходности, заполняют синкретичные образования, в разной степени совмещающие свойства оппозиционных типичных частей речи.¹⁶

Очень наглядно иллюстрирует связи между частями речи таблица, изобилующая линиями, показывающими синхронные и диахронные связи в системе частей речи.¹⁷

Связи между единицами лексической системы покажем зоной переходности, создаваемой оппозицией черного и белого цветов. **Черный** – темно-коричневый – **коричневый** – темно-зеленый – **зеленый** – темно-голубой – **голубой** – голубовато-белый – **белый**.

В этом ряду выделены опорные слова, промежуточная зона представлена одним прилагательным, указывающим оттенок основного цвета.

Каждое переходное звено можно значительно увеличить прилагательными, называющими и другие оттенки. Так, переходное звено между словами *зеленый* и *голубой* может включать и следующие слова: *светло-зеленый, зеленоватый, зелененький, зеленеющий; изумрудный, небесный; светло-голубой, голубоватый, а также беленький, белеющий* и т.д.

Явления переходности характерны и для морфемики. Так, знаменательные слова, имеющие членимый состав, при переходе в служебные части речи утрачивают морфемную членимость. Например, сочетание существительного *течение* с предлогом *в*, выполняя функцию предлога, утрачивает изменяемость, а следовательно, и конечный гласный [э] перестает быть окончанием, так как перестает выполнять функции, свойственные флексии.

Разного рода трансформации в морфемном составе претерпевают и другие знаменательные слова, превращаясь в функциональный омоним. Ср.: *правдѣ* – существительное и *правда* – модальное слово, частица и союз.

Аналогичные явления наблюдаются и при переходе слов из одной знаменательной части речи в другую. Например: *грустнѣ* – прилагательное среднего рода и его функциональные омонимы *грустнѣ* – категория состояния и *грустнѣ* – наречие.

На фонетико-фонематическом уровне наиболее четко различаются термины-понятия *язык* и *речь*.¹⁸ Переходные явления многочисленны в речи, а языковая система содержит речевое разнообразие звуков: именно она позволяет выделять фонемы как смысловоразличители.

Диахронные и синхронные трансформации наблюдаются преимущественно на одном языковом уровне, образуя системы синтаксических, морфологических, лексических, морфемных и фонетических компонентов. Однако наблюдаются, хотя и значительно реже, переходные явления межуровневого характера.¹⁹

Среди многочисленных системообразующих факторов изоморфизм и переходность занимают особое место, так как они создают связность системы и «по горизонтали», и «по вертикали», образуя множество перекрещивающихся явлений.

Изоморфизм и переходность – важнейшие языковые закономерности, дополняющие друг друга, причем в этом дуэте доминирует переходность.

При некоторой близости функций переходность и изоморфизм обладают спецификой: **переходность** связывает по горизонтали единицы языка одного уровня, создавая тем самым базовую основу для образования разнообразных **синкретичных явлений**, – **изоморфизм** связывает единицы языка по вертикали, что служит базовой основой для создания **функционально-семантических полей**, образуемых единицами разных уровней языковой системы.

Примечания.

1. См.: Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. – М., 1977; Солнцев В.М. Язык как структурно-системное образование. – М., 1971; Мельничук А.С. Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. – М., 1970; Арнольд И.В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды // Вопросы языкознания. – 1991. – № 3; Чесноков П.В. Спорные проблемы курса «Общее языкознание». – Таганрог, 1996; Маслова В.А. Современные направления в лингвистике: Учебное пособие для вузов. – М., 2008, и др.

2. Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка. Ч. 1–2. – М., 1858. (Цит. по шестому изданию. С. 21.)

3. При разных подходах у единиц соотносящихся уровней могут быть отмечены специфические свойства. См.: Бабайцева В.В. Некоторые пути анализа единиц синтаксической системы // Текст: структура и семантика. Ч. 1. – М., 2007.

4. См., например: Структурно-семантическое описание единиц языка и речи. Сб. статей. – М., 2006. – 400 с.; Бабайцева В.В. Структурно-семантическое направление в современной русистике // Филологические науки. – М., 2006. – № 6.

5. Виноградов В.В. Русский язык. – М., 1947. – С. 29.

6. См.: Белошапкова В.А. Изоморфизм в синтаксических связях падежных форм и придаточных частей // Исследования по славянской филологии. Сборник, посвященный памяти академика В.В. Виноградова. – М., 1974.

7. Федоров А.К. Семантико-структурная классификация сложноподчиненных и придаточных предложений // Русский язык в школе. – 2002. – № 5; Беднарская Л.Д. О классификации сложносо-

чиненных предложений в школьном и вузовском образовании // Русская словесность. – 2004. – №5; Дружинина С.И. Структурно-семантическая классификация сложноподчиненных предложений с учетом синкретизма. – Орел, 2007; Она же. Синкретизм в системе сложноподчиненных предложений. – Орел, 2008 и др.

8. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М., 2000 и др.

9. См.: Бабайцева В.В. Простые и сложные словосочетания // Русский язык в школе. – 2007. – № 4.

10. Бабайцева В.В. Некоторые пути анализа единиц синтаксической системы // Текст. Структура и семантика. Ч. I. Материалы IV Международной конференции. – М., 2007.

11. См.: Солганик Г.Я. От слова к тексту. М., 1993.

12. Штайн К.Э. Переходность и синкретизм в свете деятельности концепции языка // Бабайцева В.В. Избранное. Сб. ст. – Москва – Ставрополь, 2005. – С. 476.

13. См.: Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе. – Воронеж, 1967. – С. 21; Она же. Явления переходности в грамматике русского языка. – М., 2000. – С. 15.

14. См.: Семенова О.В. Морфологический статус и синтаксические функции слова *вроде*. АКД. – М., 2000; Сорокина М.А. Переход имени существительного *правда* в категорию модальных слов // Языковая деятельность: переходность и синкретизм. Сб. ст. Вып. 7. – Москва – Ставрополь, 2001; Милованова М.С. *Напротив* – какая часть речи? / Подробности морфологического разбора // Русская словесность. – 2003. – № 8; Середа Е.В. К вопросу о статусе междометий // Русский язык в школе. – М., 2002. – № 5; Шамиин Ю.Н. Омокомплексы *многои малов* словарях и справочниках // Структурно-семантическое описание единиц языка и речи. – М., МПГУ, 2007; Ельмцева О.В. Какой частью речи является слово *более* // Русский язык в школе. – 2008. – № 7.

15. Щерба Л.В. Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений // Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1958. – С. 35–36.

16. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. – М., 2006.

17. См.: Бабайцева В.В. Место переходных явлений в системе язык (на материале частей речи) // Переходность и синкретизм в языке и речи. Межвузовский сб. научных трудов. – М., 1991 и др.

18. На других уровнях языковой системы синкретичные образования могут войти в систему языка. Например, причастия и деепричастия.

19. См.: Чесноков П.В. Явления переходности между словом и единицами ближайших к нему уровней // Переходность и синкретизм в языке и речи. – М., 1991.

Структурно-семантическое направление в современной русистике.

61

В богатой истории отечественного языкознания можно выделить два периода: классический (традиционный) и современный.

Исследования выдающегося филолога В.В. Виноградова завершают период традиционного языкознания и определяют направление дальнейших исследований русского языка.

Бурный расцвет русистики на современном этапе ее развития связан с дифференциацией уровней и аспектов, определивших появление исследований уровней и аспектов языковой системы.

Исследования уровней языковой системы нашли выражение в трудах по фонетике и фонологии, морфемике и словообразованию, в лексикологии, в грамматике, в текстологии.

Выделяются в особые разделы науки о языке описание общих проблем (общее языкознание), современной и исторической системы языка и др.

Среди первых аспектных исследований особенно ярко проявили себя заимствованные идеи, реализованные в работах, посвященных актуальному членению,¹ и вариациях структуралистских направлений.²

Изложение новых идей, к сожалению, сопровождалось резкой негативной оценкой традиционного языкознания.

Обычно языкознание влияло на практику преподавания русского языка – специфику периода «невиданной ранее поляризации и взаимной изоляции отдельных направлений

и методов»³ составляет то, что дальнейшее развитие традиционного языкознания стимулировали потребности преподавания русского языка в вузовской и школьной практике.

Остро встал вопрос: чему учить?

Поиски ответа на этот злободневный вопрос определили становление лингвометодики и структурно-семантического направления.

Лингвометодика развивается на стыке лингвистики и методики. В лингвометодических работах производится отбор, интерпретация и организация лингвистического и речевого материала в целях изучения русского языка и обучения речи. Термин, предложенный мною на I координационном совещании в НИИ школ МП РСФСР в декабре 1972 года, был подхвачен как лингвистами, так и методистами.

Вопросы лингвометодики (лингвистики и методики) стали предметом обсуждения на многочисленных конференциях в Москве, Ленинграде, Воронеже, Курске, Орле, Ростове-на-Дону и других городах. В НИИ школ МП РСФСР был проведен ряд координационных совещаний, посвященных лингвометодической основе преподавания русского языка.⁴

В секторе обучения русскому языку НИИ школ МП РСФСР дается лингвометодическое обоснование системы понятий в программе по синтаксису. Понятия оцениваются с двух позиций: теоретической и практической.

Вначале интуитивно, позднее вполне аргументированно в качестве **основы** лингвометодического курса признается традиционное языкознание, обогащенное идеями новых исследований русского языка.

Авторы школьного учебника (С.Г. Бархударов, С.Е. Крюков, Л.Ю. Максимов, Л.А. Чешко) писали: «В пособии нет новаций, которые противоречили бы вполне устоявшимся в науке точкам зрения на те или иные языковые явления; из множества концепций отбираются те, которые наиболее распространены в современной науке о языке и достаточно проверены практикой преподавания».⁵

Становление лингвометодики тесно связано с осознанием постулатов структурно-семантического направления в русистике.

Уже в 1969 году Л.Ю.Максимов назвал сложное предложение «особой структурно-семантической единицей в

синтаксисе».⁶ В сложносочиненных предложениях он выделяет, опираясь на разряды сочинительных союзов, «три семантико-структурные группы». Классификацию сложноподчиненных предложений он называет структурно-семантической. «Элементы структурно-семантического описания, – пишет Л.Ю. Максимов, – имелись уже в трудах Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова <...> Н.С. Поспелова, В.А. Белошапковой, С.Г. Ильенко и других». По мнению Л.Ю. Максимова, «структурно-семантическое описание оформляется в особый подход».⁷

В докторской диссертации Л.Ю. Максимов развивает эти идеи, характеризуя структурно-семантическую классификацию сложноподчиненных предложений как «многомерную», «динамичную».⁸

В научных исследованиях ряда ученых, в вузовских учебниках, в лингвометодических работах структурно-семантический метод начинает осознаваться как **особое структурно-семантическое направление** в современной русистике и лингвометодике.

Структурно-семантическое направление представляет собой очередной этап развития традиционного (классического) языкознания, которое не остановилось в своем развитии, а стало фундаментальной основой для синтеза достижений различных исследований языковых явлений.⁹

Многие современные направления выросли и вырастают на плодотворной почве традиций, «отпочковываются» от основного ствола – главного направления классического русского языкознания, представленного в работах М.В. Ломоносова, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, А.М. Пешковского, А.А. Шахматова, В.В. Виноградова и др.

В структурно-семантическом направлении современной русистики бережно сохраняются и развиваются многие идеи классической синтаксической теории.

Методика исследования явлений синхронной переходности и синкретизма соотносится с другими лингвистическими подходами, среди которых наиболее близки теория синхронной переходности, «теория поля», выделяющие ядро и периферию.¹⁰

Основное различие между этими моделями описания заключается в том, что в «теории поля» не рассматриваются

промежуточные явления, образующиеся системными связями единиц языковой системы.

Среди множества новых концепций современной лингвистики¹¹ структурно-семантическое направление занимает особое место, так как оно не только развивается в современных лингвистических исследованиях, но и является лингвометодической основой преподавания русского языка в учебных заведениях различного профиля в Российской Федерации.

В структурно-семантических исследованиях и описаниях синтаксических единиц учитывается 1) их многоаспектность; 2) система членов предложения; 3) значение элементов и значение отношений; 4) синхронная переходность в системе языка, синкретизм фактов языка и речи и др.

Рассмотрим отмеченные постулаты, иллюстрируя их анализом простого предложения – основной единицы синтаксиса.¹²

Специфической особенностью структурно-семантического направления, отличающего его от одноаспектных исследований, является **многоаспектное** исследование и описание синтаксических единиц, в частности простого предложения.¹³

Если в традиционном языкознании объемное исследование и описание синтаксических единиц опирались в основном на интуицию ученых, то в структурно-семантическом направлении в результате дифференциации аспектов осознанно объединяются наиболее существенные признаки языковых явлений, отмеченные в рамках одноаспектных направлений, на основе традиций.

Основные свойства простого предложения выявляются при описании его логического, структурного, семантического и коммуникативного аспектов.¹⁴

Очевидно, что трудно учесть все одноаспектные характеристики (их слишком много!), а во многих случаях и не нужно для квалификации и классификации конкретных синтаксических единиц.

Так, для анализа структурно-семантических типов простого предложения и членов предложения очень важны все четыре указанных выше аспекта.

Логический аспект изучения синтаксических единиц связан с лучшими традициями русской лингвистики, так как в логическом плане классики отечественного языкознания рассматривали проблему соотношения языка, мышления и бытия.

Наиболее существенной чертой предложения является его способность формировать и выражать мысль. Философы и лингвисты, разделяющие это положение, различают три вида мысли: «мысль-сообщение», «мысль-вопрос», «мысль-побуждение». Различия этих видов мысли обуславливают особые структурные и семантические свойства предложений, выделяемых обычно только по цели высказывания: повествовательных, вопросительных и побудительных.

История развития отечественного языкознания показывает, что философы и лингвисты настойчиво искали и ищут те формы мысли, которые лежат в основе предложения; исследуют структуру (строение) мысли, определяющей синтаксическую членимость предложения. Мысль, выражаемая в предложении, у лингвистов XIX и XX вв. получает разные толкования и названия: у Ф.И. Буслаева – суждение, у А.А. Потебни – апперцепция, у А.А. Шахматова – психологическая коммуникация и т.д.

Очень важно отметить, что большая часть ученых отмечает двучленный характер мысли, выражаемой в любом предложении, так как всегда есть то, о чем говорится (предмет мысли-речи), и то, что говорится, хотя не всегда предмет мысли (речи) получает словесное выражение (особенно в устной речи), да и сама мысль не всегда достаточно четко членится на два компонента.

Анализ структуры и семантики простого предложения позволил выделить три вида мысли, выражаемой в простом предложении: типичное логическое суждение, двучленное суждение без вербализованного субъекта-понятия (в том числе логико-психологическое суждение) и имплицитное суждение.¹⁵

Логический аспект изучения предложения важен не сам по себе, а прежде всего потому, что он теснейшим образом связан с конструктивным синтаксисом, так как мысли «отливаются» в те или иные структурные схемы предложения и степень членимости мысли определяет степень синтакси-

ческой членимости предложения, является основой для выделения триады структурно-семантических типов простого предложения: двусоставных, односоставных и нечленимых.

Повышенное внимание к структуре синтаксических единиц привело к появлению ряда вариативных направлений, обогативших структурно-семантическое направление понятием структурной схемы (модели), дифференциацией активного и пассивного синтаксиса и др.

Исследования семантического аспекта синтаксических единиц привнесли в практику преподавания русского языка понятия о логико-синтаксических типах семантики простого предложения, среди которых особенно важны бытийность, номинация, акциональность, характеристика и состояние.¹⁶

Коммуникативный синтаксис (см. работы И.П. Распопова, И.И. Ковтуновой и др.) обогатил структурно-семантическое направление понятием о тема-рематическом членении предложения, которое можно выявить далеко не во всяком конкретном предложении/высказывании.

Еще Л.В. Щерба отмечал цельность предложений с бытийной семантикой.

Очевидно, что и в предложениях других логико-синтаксических типов часто отсутствует тема-рематическая членимость.¹⁷ Поэтому особое значение для практики преподавания имеет система способов актуализации коммуникативного (информативного) центра предложения/высказывания. Так, в предложении *Белеет парус одинокий в тумане моря голубом. (М. Лермонтов.)* нет тема-рематического членения. Инверсией главных членов предложения выделено действие *белеет* – информативный центр этого предложения/высказывания. Инверсией акцентированы и определения *одинокий* и *голубом*.

Таким образом, предложение как многоаспектная синтаксическая единица характеризуется совокупностью структурных и семантических свойств. Ярким структурным признаком предложения является его структурная схема (модель) и способы выражения компонентов схемы. Семантические признаки: предложение выражает мысли и чувства (в типичных случаях имеет субъектно-предикатное членение), является средством общения (может иметь тема-рематическое членение).

Из четырех аспектов предложения наиболее важны для квалификации предложений/высказываний структурный и семантический, объединение которых и позволило определить рассматриваемое направление как структурно-семантическое, учитывая, что логический аспект предложения находит выражение в структуре и семантике, а коммуникативный – дополняет семантику предложения актуализацией коммуникативного центра.

Все выделенные аспекты тесно связаны между собой в речевых предложениях/высказываниях. Л.В. Щерба писал: «В языке вообще, а тем более в литературном языке, являющемся сложной системой, все настолько связано, что ничего нельзя затронуть, не приведя в движение целого ряда других колесиков».¹⁸

Дифференциация аспектов синтаксического строя языка позволила осознать и глубоко изучить ее стороны и наглядно показала ограниченность одноаспектного подхода к такому многоаспектному объекту, каким является язык и особенно его синтаксический строй.

Второй период (период современной русистики) характеризуется негативным отношением к системе членов предложения, которая фактически разрушается, так как продолжают употребляться названия главных членов (подлежащее и сказуемое), а названия второстепенных членов заменяются различного рода обозначениями. Так, Н.Ю. Шведова называет второстепенные члены предложения **распространителями** схемы, среди которых выделяют **детерминант** – самостоятельный распространитель, относящийся ко всему предложению.¹⁹

Г.А. Золотова отказалась и от терминов **подлежащее** и **сказуемое**, заменив термином **компонент предложения** термин **член предложения**.

Сопоставляя члены предложения с компонентами предложения, Г.А. Золотова фактически отождествляет члены предложения с их морфологическими формами, а компоненты предложения определяет как **структурно-семантические**, хотя по сути сопоставления компоненты предложения представлены в сопоставительной таблице лишь семантическими признаками.²⁰

В концепции Н.Ю. Шведовой отмечается функция второстепенных членов (распространители схемы), а у Г.А. Золотовой акцентируется конструктивная роль «компонентов предложения».

В защиту членов предложения выступили прежде всего преподаватели вузов.²¹

В практике преподавания сохраняется система членов предложения. Перефразируя афоризм Вольтера, скажем: «Если бы их не было, их надо было бы выдумать», – так как они, сохраняя традиционные основы, легко обогащаются идеями одноаспектных исследований.

В структурно-семантическом направлении трактовка членов предложения обновляется. Они рассматриваются как структурно-семантические компоненты предложения, связанные друг с другом синтаксическими отношениями.

Члены предложения характеризуются многоаспектностью, как и само предложение. Члены предложения – это базовый фокус, собирающий те одноаспектные характеристики, которые имеют объяснительную силу.

Члены предложения соотносятся в каких-то свойствах и с компонентами логической фразы, и с компонентами структурных схем, и с компонентами семантической структуры предложения, и с компонентами актуального членения предложения, но не могут быть отождествлены ни с первым, ни со вторым, ни с третьим, ни с четвертым. В многоаспектности, многогранности членов предложения и заключается то основание, которое вызывает, с одной стороны, желание приспособить члены предложения к роли компонентов предложения с точки зрения разных направлений, а с другой – явное несоответствие всего объема значений членов предложения и компонентов предложения в каком-либо одном аспекте.

Вполне закономерен отказ от использования системы членов предложения для обозначения компонентов предложения при его одноаспектном исследовании, но совершенно не аргументирована критика их с узких позиций одноаспектных исследований, в которых не принимаются во внимание многоаспектность предложения и обусловленные ею переходные явления в системе членов предложения,

объясняющие существование большого количества синкретичных членов предложения, не укладывающиеся в рамки пяти типичных членов предложения. Синкретичные члены предложения характеризуются семантической емкостью, так как сочетают свойства двух (реже трех) членов предложения. Это качество синкретичных образований объясняет сосуществование моносемантических членов предложения (определений, дополнений и обстоятельств) и полисемантических (обстоятельственных определений и дополнений, несогласованных определений и др.). Полисемантическими могут быть и главные члены предложения.²²

В структурно-семантическом направлении при квалификации и классификации синтаксических единиц учитывается **значение и элементов (компонентов), и отношений между ними.**

В традиционном языкознании также обращалось внимание и на значение компонентов, составляющих синтаксические единицы, и на отношения между ними, но явной дифференциации значения элементов и отношений не было.

Современная лингвистика пронизана идеей системности языковых фактов.²³

Расцвет структурализма в русистике вызвал повышенный интерес к семантике **отношений.**

«Стремление изучать синтаксические факты не изолированно, а во всей совокупности их системных связей и отношений составляет главную отличительную черту современной науки».²⁴

При системно-структурном анализе основными понятиями-терминами являются **структура и система.**

Структура рассматривается как отношения между элементами системы, а система трактуется как целостное образование, включающее как элементы, так и отношения между ними.

Нельзя не согласиться с тем, что система и структура взаимосвязаны, однако определение структуры как схемы отношений противоречит лексическому значению слова **структура** и лишает его терминологического статуса.

Термины **структура** и **система** в какой-то мере соответствуют терминам **форма** и **содержание**, но не соответствуют им полностью.

Предлагаем следующие дефиниции понятий **система** и **структура** для лингвистики, в частности для синтаксиса.

Система – это упорядоченная совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих синтаксических единиц (элементов), выступающих как целостное образование. **Структура** – это строение целостного объекта, характер составляющих его элементов, способы и средства создания (оформления) целостности объекта.

Компоненты (элементы) словосочетания – словоформы, простого предложения – члены предложения, сложного предложения – предикативные единицы, текста – предложения и сложные синтаксические целые.

Так, Н.Ю. Шведова считает, что значение словосочетания «равно отношению, которое возникает между знаменательными словами, соединяющимися на основе того или другого вида подчинительной связи».²⁵

На семантику словосочетания большое влияние оказывают лексико-грамматические свойства его компонентов.

Так, учет значений компонентов словосочетания и отношений между ними позволяет рассматривать значение, например, словосочетания *исследования космоса*, как атрибутивно-объектное. Сравните: *космические исследования* и *исследовать космос*. Атрибутивное значение словосочетания *исследования космоса* – следствие отношений (какие исследования?), а объектные обусловлены лексико-грамматическими свойствами отглагольного существительного *исследования*.

Аналогичным образом определяем синкретичные члены предложения.

Союзы в сложных предложениях выражают лишь самые общие значения отношений (сочинительных и подчинительных). Так, союз *и* выражает сочинительные отношения между однородными членами предложения и частями сложносочиненных предложений. Более частные значения (одновременности, последовательности, причинно-следственные отношения и т.д.) выявляются с учетом лексико-грамматических свойств однородных членов предложения и семантики частей сложносочиненных предложений. Например: *Мне грустно и легко...* (А. Пушкин.) *Повисли перлы дождевые, и солнце нивы золотит.* (Ф. Тютчев.) – зна-

чение одновременности; *Блеснула молния, и загредел гром.* – значение последовательности; *Ветер дул с суши, и у берега вода была спокойна.* – значение причины и следствия.

Некоторые логически стройные системы избирательно оценивают факты языка и особенно речи. То, что не укладывается в строгие рамки системы, не принимается во внимание. Общенаучный принцип системности требует определения места в системе языка **всех** фактов речи, без остатка. В «остаток» обычно выпадают переходные явления, характеризующиеся синкретизмом свойств.

Любая концепция должна охватывать все факты языка. Если же какие-то явления не укладываются в систему предлагаемой классификации, то, по-видимому, ошибочна концепция, а не факты.

Дифференциация диахронных и синхронных явлений переходности позволила выявить важнейшие маркеры связности и цельности системы языка. К ним относятся прежде всего явления синхронной переходности. Как известно, синтаксическая система языка состоит из множества оппозиций, связанных между собой огромным количеством периферийных и промежуточных образований, входящих в зону переходности, которую можно наглядно показать шкалой переходности:

$$A \rightarrow AB \rightarrow AB \rightarrow aB \rightarrow B,$$

включающей и диахронные и синхронные звенья.²⁶

В исследованиях в русле структурно-семантического направления выделяются зоны переходности в области подсистемы функциональных типов предложения, переходные конструкции между простыми и сложными предложениями, между типами сложных предложений, особенно в системе сложноподчиненных предложений, между разновидностями простых предложений, а также в системе членов предложения.²⁷

Подводя итоги, отметим, что традиционное языковедение воистину является классическим, ибо оно освещало многие сложные проблемы лингвистики, среди которых взаимоотношения языка и общества, языка и мышления, формы и содержания, проблемы исторического развития языка, сопоставительный анализ, проблемы организации системы языка и реализации его в речи и т.д. Постоянно в

центре внимания были проблемы преподавания русского языка, так как многие классики отечественной лингвистики преподавали русский язык в учебных заведениях разного профиля.

Глубина исследования указанных выше проблем и делает традиционное (классическое) языкознание фундаментальной основой структурно-семантического направления в современной русистике.

Примечания.

1. См.: Распопов И.П. Актуальное членение предложения. – Уфа, 1961.

Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. – М., 1986.

Ковтунова И.И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. – М., 1976.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982.

2. Так в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970): «...функциональный аспект подчинен аспекту формальному»; рассмотрение грамматических явлений дано «с точки зрения лежащих в их основе абстрактных схем (образцов)...» (с. 3).

3. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). – М., 1974. – С. 3.

4. См.: Вопросы методики преподавания синтаксиса в средней школе (под ред. А.Ю. Купаловой). – М., 1973.

См. сборники статей по материалам координационных совещаний и научно-практических конференций: Отбор синтаксических понятий для изучения в общеобразовательной школе (под ред. В.М. Шаталовой). – М., 1975; Проблемы преподавания синтаксиса в школе (под ред. В.В. Бабайцевой). – М., 1976; Изучение курса русского языка в школе (под ред. В.В. Бабайцевой и В.М. Шаталовой). – М., 1977 и др.

5. Бархударов С.Г., Максимов Л.Ю., Чешко Л.А. О методических и теоретических принципах нового учебного пособия «Русский язык» для VII–VIII классов // Русский язык в школе. – 1973. – № 3.

Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д., Еремеева А.П. Лингвометодические основы преподавания русского языка в общеобразовательной школе. – М., 1980.

6. Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. – М., 1969. – С. 3, 11.

См. также: издание 2-е, 1977.

7. Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. – М., 1969. – С. 50.

8. См. Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложно-подчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка). – АДД. – М., 1971.

9. Бабайцева В.В. Лингвистические основы школьного курса синтаксиса // Русский язык в школе. – 1975. – № 5–6.

Бабайцева В.В. Лингвистические основы преподавания синтаксиса в школе и вузе // Лингвистические основы преподавания языка. – М., 1983.

Бабайцева В.В. Лингвистические основы нового учебного комплекса по русскому языку // Филологические науки. – 1996. – № 6.

Бабайцева В.В. Русский язык: синтаксис и пунктуация. – М., 1979

Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Синтаксис. Пунктуация // Современный русский язык. – М., 1987. – Ч. III.

Современный русский язык. Анализ языковых единиц. В 2-х частях / Под ред. Е.И. Дибровой. Ч. II. Морфология. Синтаксис. – М., 2001.

10. См. Высоцкая И.В. Исследование синкретичных явлений: к вопросу о принципах описания языковой системы // Вестник Поморского университета. – 2004. – № 2(6).

11. Функциональная грамматика (в т.ч. функциональная морфология и функциональный синтаксис), коммуникативный синтаксис, семантическая грамматика, психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика (в т.ч. концептология) и т.д.

12. В русле этих же идей анализируются омокомплексы *ничего* (И.В. Высоцкая), *вроде* (О.В. Семенова), *правда* (М.А. Сорокина), *напротив* (М.С. Милованова) и др. См. также работы А.Я. Байдера, Л.Д. Чесноковой и др.

13. См.: межвузовские сборники научных трудов под ред. В.В. Бабайцевой: Предложение как многоаспектная единица языка. – М., 1983; М., 1984; Многоаспектность синтаксических единиц. – М., 1993.

См. также: Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. – М., 1979; Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Синтаксис. Пунктуация. Учебное пособие для студентов. – М., 1981. См. и более поздние издания.

14. См. многоаспектный анализ односоставных предложений в монографии: Бабайцева В.В. «Система односоставных пред-

ложений в современном русском языке» (М., 2004); членов предложения – в монографии: Бабайцева В.В. «Система членов предложения в современном русском языке» (М., 1988).

15. Описание этих видов мысли и примеров, их иллюстрирующих (*Прекрасен закат на Черном море. Прекрасно. Ах!*) впервые дано в монографии В.В. Бабайцевой «Одноставные предложения в современном русском языке» (М., 1968), а впоследствии неоднократно дополнялось теоретической аргументацией и анализом большого количества иллюстрированных примеров.

16. См.: Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976 и др.

17. Н.Ю. Шведова отметила существование нерасчленимых предложений, в которых «отсутствует противопоставление темы и ремы» (Грамматика современного русского языка. – М., 1970. – С. 596).

18. Щерба Л.В. Современный русский литературный язык / Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 126–127.

19. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970. – С. 621.

20. См.: Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973. – С. 416–417 и др.

21. См., например: Никитин В.М. В защиту второстепенных членов предложения // Русский язык. Диалектология. Методика. Уч. зап. Т. XXI. – Орел, 1962.

22. Бабайцева В.В. Изучение членов предложения в школе. (Пособие для учителя.) – М., 1975.

См.: Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. – М., 1988.

Чеснокова Л.Д. Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах. – Таганрог, 1996.

См. также: вузовские учебники под редакцией Е.И. Дибровой и др.

См. межвузовские сборники научных трудов: Предложение и его структура в языке. – М., 1986; Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка. – М., 1988; Переходность и синкретизм в языке и речи. – М., 1991 и др.

23. См.: Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М., 1971.

Солнцев В.М. О понятии уровня языковой системы // ВЯ. – 1972. – № 3.

Будагов Р.А. Система языка в связи с разграничением его истории и современного состояния // ВЯ. – 1958. – № 4.

Кубрякова Е.С., Мельников Г.П. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М., 1972.

Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина. – Саранск, 2000.

24. См.: Кручинина И.Н. Русский язык. Энциклопедия. – М., 1979. – С. 291.

25. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970. – С. 537.

См. также: Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. – М., 1980. – С. 79.

26. Первое описание шкалы переходности было дано в монографии В.В. Бабайцевой «Переходные конструкции в синтаксисе» (Воронеж, 1967).

27. См.: Валимова Г.В. Функциональные типы предложения. – Ростов-на-Дону, 1967.

Валимова Г.В. Явления синкретизма как результат функционирования системы языка // Явления синкретизма в синтаксисе русского языка. – Ростов-на-Дону, 1992.

Калинина А.А. Синкретичные функциональные типы предложений как объект лингвистического анализа // Многоаспектность синтаксических единиц. – М., 1993.

Калинина А.А. Структурные и семантические свойства побудительно-повествовательных предложений // Многоаспектность синтаксических единиц. – М., 1993.

Калинина А.А. Побудительные предложения с отрицательно-оценочным значением // Исследование языковых единиц в их динамике и взаимодействии. – Уфа, 2000.

См. также: работы В.В. Бабайцевой, Л.Д. Чесноковой, сборники статей Орловского университета, учебники для вузов под ред. Е.И. Дибровой и др.

Развитие идей традиционного языкознания в структурно-семантическом синтаксисе.

Границей, отделяющей традиционное языкознание от бурного развития новых концепций, является академическая «Грамматика русского языка» (1952–1954 гг.). Теоретическое «Введение» (т. II, ч. I), написанное В.В. Виноградовым, нужно читать и перечитывать, чтобы многое понять в современной науке о синтаксисе, в которой «сосуществуют (в состоянии непрерывных столкновений и споров) разные направления и концепции».¹

Устойчивое положение в этом хаосе занимает традиционное языкознание, на базе которого с учетом достижений новых исследований и потребностей преподавания русского языка развивается структурно-семантическое направление, которое представляет собой очередной этап развития традиционного.²

Основные постулаты структурно-семантического направления уходят своими корнями в традиционное языкознание, которое поистине является классическим, ибо освещает многие сложные проблемы лингвистики: взаимоотношения языка и общества, языка и мышления, формы и содержания, проблемы исторического развития языка, проблемы сравнительно-сопоставительного анализа, проблемы организации системы языка и реализации его в речи и т.д. Глубина исследования этих и других проблем и делает традиционное языкознание фундаментальной основой современного структурно-семантического направления, в ко-

тором бережно сохраняются и развиваются многие идеи классической синтаксической теории.

Потребности практики преподавания и определили становление и развитие лингвистики и лингвометодики в период расцвета одноаспектных исследований. Авторы учебников и научно-методических пособий вынуждены были решать вопрос о лингвометодических основах курсов русского языка в школе и вузе.³

В.А. Белошапкова при создании вузовского учебника «руководствовалась «критерием практики»: отбирались идеи, применение которых к анализу фактов современного русского языка существенно обогащает представление о его синтаксической системе, позволяя глубже понять ее закономерности».⁴

Среди новых концепций современной лингвистики структурно-семантическое направление занимает особое место, так как оно не только развивается в современных лингвистических исследованиях, но и является лингвометодической основой преподавания русского языка в учебных заведениях различного профиля в Российской Федерации.

Как и представители структурно-семантического направления, классики отечественного языкознания научную работу совмещали с преподаванием русского языка в различных учебных заведениях, поэтому эффективность предлагаемых ими классификаций синтаксических единиц и их квалификации проверялись практикой преподавания, наглядно показывающей наличие/отсутствие «объяснительной силы» в теоретических исследованиях.

Характерной особенностью традиционного языкознания является направление пути исследования: от языка/речи к выводам, от наблюдений над языковым/речевым материалом к обобщениям.

Путь от языка/речи к синтаксическим обобщениям определяет большое количество речевых примеров, иллюстрирующих теоретические положения (см., например: «Синтаксис русского языка» А.А. Шахматова, «Русский язык» В.В. Виноградова и др.).

В «Грамматике русского языка» В.В. Виноградов объяснял «обилие примеров и иллюстраций» желанием авторов «наглядно показать типические случаи употребления разнообразных синтаксических конструкций».⁵

Л.В. Щерба советовал: «Не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше примеров».⁶

Путь от речи к выводам требовал описания **всех** синтаксических образований, а не только избранных, легко укладываемых в прокрустово ложе априорно создаваемых систем синтаксических единиц.

Опора на речевые примеры характерна и для современного структурно-семантического направления, представленного как в научных исследованиях, так и в учебной литературе. Действительно, большой иллюстративный материал может показать и те его качества, которые не были отмечены в теории и типовых образцах.⁷

В традиционном синтаксисе нередко представителями предложений с дискуссионным освещением были типовые образцы, например: *Кататься с высокой горы весело – Весело кататься с высокой горы; Пароходов было два и др.* Обращение к этим типовым образцам характерно и для структурно-семантических исследований.⁸

Показательно также, что структурные схемы, представляющие типы простого предложения ($N_1 - V_1$, $N_1 - N_1$ и др.), принятые Н.Ю. Шведовой в «Грамматике современного литературного языка» (1970), были дополнены типовыми образцами в «Русской грамматике» (1980).

Для иллюстрации теоретических выводов классики отечественного языкознания использовали примеры, извлеченные из классической художественной и публицистической литературы, что позволяло показать не только образцы литературного языка, но и уместное употребление выразительных нелитературных средств – «грамматических ошибок» (по выражению А.С. Пушкина).

Классики отечественного языкознания (М.В. Ломоносов, Ф.И. Буслаев, Н.И. Греч, И.И. Срезневский и др.) восхищались стилистическими возможностями русского языка, богатством его фонетических, словообразовательных, лексико-фразеологических и синтаксических средств, богатейшей русской синонимикой.

Восхищение выразительностью русского языка было обусловлено не пословицей «Всяк кулик свое болото хвалит», а сравнением русского языка с другими языками. Так, М.В. Ломоносов знал немецкий, французский, итальянский и английский языки, а также латынь и греческий. С полным

основанием М.В. Ломоносов писал: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским – с друзьями, немецким – с неприятелями, итальянским – с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

«Творческую мощь» (выражение автора) русского языка отмечал и В.В. Виноградов: «Многообразие стилей в русском языке связано с многообразием синонимических средств выражения, с ярким разнообразием экспрессивных красок. Едва ли какой другой язык в мире обладает таким богатством синонимических оборотов, как язык русский».⁹

Сравнительно-исторический метод ярко показывал стилистическое разнообразие русского языка, богатство его синонимии, в том числе и синтаксической. Любовь к русскому языку побуждала его исследователей выявлять те средства, которые позволяют выразить «все тоны и оттенки» (выражение Н.В. Гоголя), мысли и чувства.

В традиционном языкознании не было четкой дифференциации аспектов синтаксических единиц, но нерасчлененность аспектов не исключала глубины традиционных синтаксических исследований. Многие современные одноаспектные направления «вырастали» и «вырастают» на плодотворной почве традиций, «отпочковываются» от основного ствола – главного направления развития синтаксической теории, представленной в трудах Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, Д.Н. Овсянко-Куликовского, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова и др. В работах представителей различных современных направлений содержатся многочисленные ссылки на труды классиков отечественного языкознания.

Для структурно-семантического описания синтаксических образований характерна дифференциация и осознанная интеграция аспектов синтаксических конструкций, что позволило **многоаспектность** синтаксических единиц и их описания рассматривать как важнейший постулат со-

временного структурно-семантического направления, в котором выделяются как основные логический, структурный, семантический и коммуникативный аспекты.

В результате дифференциации и интеграции аспектов определение синтаксических единиц состоит из набора дифференциальных признаков.

Так, при характеристике структурно-семантических компонентов предложения (членов предложения) отмечаются следующие признаки:

Структурные признаки членов предложения:

- 1) участие в формировании структурной схемы предложения;
- 2) способ выражения членов предложения;
- 3) характер связи (согласование, управление, примыкание);
- 4) синтаксическая позиция.

Семантические свойства членов предложения:

- 1) логические значения;
- 2) категориальные значения;
- 3) лексические значения;
- 4) коммуникативную нагрузку.

Структурные свойства являются средствами выражения и, следовательно, выявления категориальной семантики.

Разумеется, этот перечень свойств членов предложения не является исчерпывающим («конечным»). В него включены наиболее существенные дифференциальные (отличительные) признаки. Ни один из них не может быть единственным для классификации членов предложения. Из истории русского синтаксиса известно, что попытки построить классификацию членов предложения на каком-либо одном основании не увенчались успехом.

Актуальными для традиционного языкознания были вопросы соотношения языка и мышления, языка и общества, ставшие предметом исследования в общем языкознании.

Традиционная трактовка связи языка и мышления, языка и общества послужила основой дефиниции предложения у В.В.Виноградова: «Предложение – это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли».¹⁰

Одним из центральных вопросов исследований логического аспекта предложения является «вечный» вопрос о характере мысли, выраженной в предложении. Ответ на этот вопрос позволяет показать особенности внутренней речи,¹¹ сам ход формирования мысли и его результаты, закрепленные в структурных схемах (моделях) предложения.

Актуальными остаются размышления классиков отечественного языкознания о связи языка с мышлением, о соотношении предложения и суждения.

Сложилось мнение, что Ф.И. Буслаев отождествлял предложение и суждение. Это не так. Неоднократно Ф.И. Буслаев отмечал, что в языке нет точного соответствия между категориями логики и языка, что язык имеет и свои законы сочетания «членораздельных звуков».

О соотношении языка и мышления, о характере мысли, выраженной в предложении, писал А.А. Потебня в монографии «Мысль и язык».¹²

Эти вопросы волновали и А.А. Шахматова, который определил мысль, выраженную в предложении, как коммуникацию. «К коммуникациям, – писал он, – относятся не только пропозиции или суждения, но и всякие иные сочетания представлений...»¹³

О характере мысли, выраженной в предложении, писали и другие ученые (П.С. Попов, Е.М. Галкина-Федорук, В.З. Панфилов, П.В. Чесноков и др.).

Обобщение размышлений логиков и лингвистов, мои наблюдения и, главное, анализ речевого материала позволили установить, что в основе простых предложений лежит **двучленная** мысль, но характер ее различен. В ней сочетаются логические и психологические категории, а именно: вербализованные понятия и невербализованные наглядно-чувственные образы. Комбинации этих компонентов и образуют следующие виды мысли, выраженной в простом предложении: типичное логическое суждение, логико-психологическое суждение и психологическое суждение.¹⁴

Возможность выделения суждений с психологическими компонентами была подсказана трудами классиков отечественного языкознания, сохраняющими актуальность для анализа видов мысли, выраженной в предложении.

Из синтаксических исследований вида мысли, выраженной в односоставных предложениях, особо следует выделить монографию Е.М. Галкиной-Федорук «Безличные предложения в современном русском языке» (М., 1958).

Исследование односоставных предложений в настоящее время осуществляется с учетом традиций отечественной лингвистики.¹⁵

Среди новых синтаксических концепций особое место заняла структурная лингвистика, появление которой на русской почве было следствием заимствования зарубежных идей. «Структурно-семантическая грамматика, – пишет Ю.С. Степанов, – в отличие от структурной ставит своей задачей рассмотреть фонемы, морфемы, конструкции и отношения между ними в связи с их смыслом».¹⁶ Под влиянием структурной лингвистики в различных вариациях нашей синтаксической теории получили широкое распространение слова *система*, *структура*, *функция*, *отношение*.

Термины *структура* и *система* не имеют четких дефиниций, а иногда рассматриваются как разные обозначения одного и того же понятия.

А.С. Мельничук отмечает: «Следует признать наиболее целесообразным и соответствующим установившемуся в языке словоупотреблению различение терминов «система» и «структура», при котором под системой понимается совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, образующих более сложное единство, рассматриваемое со стороны элементов – его частей, а под структурой – состав и внутренняя организация единого целого, рассматриваемое со стороны его целостности. Поскольку определяемые таким образом понятия системы и структуры могут представлять собой различные осмысления одного и того же реального объекта, одна и та же сторона реального объекта может рассматриваться и как элемент структуры, и как компонент системы».¹⁷

Неясность дефиниций понятий *система* и *структура* была одной из причин употребления этих терминов с нечеткими значениями в структуралистских исследованиях.¹⁸

В русском языке слова *система* и *структура* имеют следующие словарные дефиниции.

В словаре С.И. Ожегова под редакцией С.П. Обнорского слово *система* имеет 6 значений, из которых отметим лишь третье. «Устройство, нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и действующих во взаимной связи частей» (Словарь русского языка, 1952).

Слово *структура* имеет значение «строение, внутреннее устройство».

Слово *строение* во втором значении означает: «взаимное расположение частей, составляющих одно целое, структура».

Учитывая традиционное значение слов *система* и *структура*, а также их функционирование в многочисленных традиционных и современных исследованиях синтаксических единиц, предлагаю следующие определения этих понятий для синтаксиса.

Система – это упорядоченная совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих синтаксических единиц (элементов), выступающих как целостное образование.

Структура – это строение целостного объекта, характер составляющих его элементов, способы и средства создания (оформления) целостности объекта.

В этом значении слово *система* употреблялось в традиционной лингвистике. Так, по мнению Ф.И. Буслаева, язык представляет собой систему целостных элементов, причем организующая роль принадлежит синтаксису. В этом же значении слово *система* употреблялось и другими классиками отечественного языкознания.

В этом значении термин *система* в современной русистике употребляется при исследовании единиц различных уровней языка, например: система гласных и согласных звуков, система падежей, система частей речи, система типов предложения (простого и сложного), система односоставных предложений и т.д.

Термин *структура* и особенно производное слово *структурный* употребляется при структурно-семантическом описании синтаксических единиц. Например, при перечислении дифференциальных признаков простого предложения указывается структурная схема (модель), способы выражения компонентов схем, средства синтаксической

связи и др. Совокупность структурных признаков создает грамматическую форму простого предложения.

В структурно-семантическом синтаксисе понятийное содержание терминов *система* и *структура* сохраняет традиционные значения, соответствующие их лексическим значениям.

Однако нельзя не отметить и то, что системно-структурные идеи обострили внимание к взаимосвязям синтаксических единиц и их строению. Взаимодействие языковых и речевых фактов обусловило актуальность исследований явлений переходности в грамматике.¹⁹

Роль синтаксической единицы (элемента) в системе называется ее **функцией**.

Актуализация внимания к функциям элементов языковой системы определила появление ряда исследований,²⁰ развивающих традиции отечественного языкознания.

В современных синтаксических работах нет четкого понятийного содержания слова *функциональный*. Оно употребляется в сочетаниях *функционально-семантический аспект*,²¹ *коммуникативно-функциональный аспект*,²² *функционально-коммуникативный аспект*,²³ а иногда слова *функциональный* и *коммуникативный* употребляются как синонимы или дублеты.

Указание на назначение единиц языка – одна из ярких традиций отечественного языкознания. Отметим лишь некоторые случаи, явно показывающие функциональное освещение единиц языка в традиционном синтаксисе.

Одним из центральных вопросов в традиционном языкознании был вопрос о функциях языка. Этот вопрос рассматривается и в современных работах по общему языкознанию. Главнейшими признаками предложения являются номинативная (экспрессивная) и коммуникативная функции.²⁴ Дискуссионным остается лишь вопрос о том, какая из этих функций является главной.

В центре внимания традиционного языкознания был вопрос о характере мысли, выраженной в предложении. Язык рассматривался прежде всего как средство выражения мысли. Действительно, «потребность что-то сказать друг другу» появляется тогда, когда есть «что-то».

Функция является критерием функциональной классификации предложений по цели высказывания. Основные свойства простого предложения определяются триадой: структура, семантика и функция.

Традиционным для русской грамматики является вопрос о функциях частей речи в предложении. В лингвистике (и даже в лингвометодике) рассматривается вопрос о роли частей речи в тексте. Количество примеров можно увеличить, но этих достаточно, так как очевидно, что в современной лингвистике и лингвометодике используется традиционное понятие функции единиц языка.

В традиционном языкознании в центре внимания – сущность самой синтаксической единицы, ее значение и признаки; в структуральных направлениях в центре внимания – отношения между элементами системы. Через отношения вскрывается значение синтаксических единиц – элементов системы.²⁵ Такая трактовка понятий *значения* синтаксических единиц и *отношения* между ними означала практически их отождествление.

В традиционном и структурно-семантическом направлении при выяснении характера отношений учитывается значение элементов.

Сравним три предложения:

В озере // вода была холодная.

Вода была холодная // в озере.

Вода в озере // была холодная.

В первом и втором предложениях предложно-падежное сочетание *в озере* является обстоятельством места, имеющим значение детерминанта – компонента актуального членения: в первом предложении обстоятельственный детерминант называет тему, во втором – рему.

Семантика обстоятельства обусловлена отношением к сказуемому и лексико-грамматическим значением самой словоформы.

В третьем предложении словоформа *в озере* является синкретичным членом предложения – обстоятельственным определением: значение определения создается синтаксическими отношениями (связью с существительным-подлежащим), а значение обстоятельства определяется лексико-грамматическими свойствами «элемента» – словоформы *в озере*.

Таким образом, семантика синтаксических единиц складывается из значения отношений и лексико-грамматических свойств компонентов, образующих синтаксические конструкции.

Влияние структуралистских положений проявляется в том, что при определении значения сочетаний синтаксических единиц практически учитывается лишь значение отношений, которые и рассматриваются как значение сочетания в целом без квалификации второго компонента. Особенно заметно это проявилось в классификации сложноподчиненных предложений: стало учитываться лишь значение отношений.

Так, в классификации сложноподчиненных предложений в «Краткой русской грамматике» (М., 1989) выделяются изъяснительные (§ 602), компаративные (§ 613–615), определительные (§ 616–624) предложения. Для обозначения обстоятельственных значений сложноподчиненного предложения используются описательные выражения: «Предложения, выражающие временные отношения», «Предложения, выражающие условные отношения» и т.д.²⁶

В исследованиях сложноподчиненных предложений употребляются и термины типа «сложноподчиненные временные предложения».

В структурно-семантической классификации (Н.С. Поспелов, В.А. Белошапкова, Л.Ю. Максимов, С.Г. Ильенко и др.) сложноподчиненные предложения делятся на предложения с расчлененной и нерасчлененной структурой с их дальнейшей детализацией. Эта многомерная ступенчатая классификация, учитывающая несколько структурных и семантических критериев, оказалась сложной для практики преподавания. Упрощение ее в школьных учебниках обусловило противоречивость квалификаций некоторых предложений. В этой классификации учитывается значение отношений и квалифицируется зависимое предложение.

Более логичной и непротиворечивой является традиционная классификация сложноподчиненных предложений, истоки которой – в логическом направлении отечественного языкознания (Ф.И. Буслаев и др.).

Простота и логичность традиционной классификации обусловлена тем, что в качестве основного критерия

при классификации сложноподчиненных предложений используется соотносительность придаточных предложений и членов предложения с учетом синтаксических функций указательных слов в составе главной части. Этот принцип классификации позволяет выделять придаточные подлежащие, сказуемые, определительные, дополнительные и обстоятельственные (с дальнейшей детализацией).

Традиционная классификация придаточных предложений реализует идею изоморфизма строения простого и сложноподчиненного предложений. Подобно тому как в простом предложении определяются не только отношения между сочетающимися компонентами, но и квалифицируется как член предложения зависимый компонент, так и в сложноподчиненном предложении не только отмечаются отношения между сочетающимися предложениями, но и квалифицируется тип придаточного предложения. Преимущества традиционной классификации придаточных предложений²⁷ определяют ее возрождение в практике преподавания.²⁸ Возвращается и термин *предложение* как название придаточной части – многозначного слова, не указывающего на предикативный характер придаточного предложения.

В традиционном синтаксисе уже были выделены три типа сложных предложений: сложносочиненные, сложноподчиненные и сложные бессоюзные. Продолжается исследование всех типов сложных предложений.²⁹ Отметим здесь лишь необходимость корректировки типологии сложных предложений. Наряду с термином *бессоюзные сложные предложения* используется термин *сложные бессоюзные предложения*,³⁰ который более соответствует принципам построения понятийно-терминологической системы.

Одним из следствий увлечения структурализмом было стремление составить список структурных схем простого предложения, изображая его предикативную основу буквами латинского алфавита. Основные схемы простого предложения, выделенные Н.Ю. Шведовой,³¹ это $N_1 - V_f$ и $N_1 - N_1$. По этим схемам строятся традиционно выделяемые глагольные и именные предложения. Эта модель описания простого предложения разрушила систему членов предложения. Предложенный список структурных схем не был исчерпывающим.

Не только в классической науке, но и в практике преподавания русского языка в вузе и в школе в центре внимания всегда были и остаются способы выражения членов предложения, причем не только главных, но и второстепенных.

Самыми абстрактными являются графические изображения членов предложения. В практике преподавания частотны задания не только по подчеркиванию членов предложения, но и задания на составление предложений по заданным схемам.

В конечном счете, в лингвистике и лингвометодике осталось лишь обостренное внимание к форме, сопоставление структурной схемы и предикативного сочетания, анализ причин их различий. Так, предложение *Зеленый цвет – это цвет жизни* построено по схеме $N_1 - N_1$.

Очевидно, что выделение главных членов требует конкретизации компонентов схемы. В таких случаях возможны варианты выделения главных членов.³²

Одним из дискуссионных вопросов синтаксической науки является вопрос о системе членов предложения. И в прошлом, и в настоящем некоторые лингвисты пытаются отказаться от описания строения простого предложения в терминах членов предложения, заменить их актантами, синтаксемами, назвать второстепенные члены предложения «распространителями структурных схем» и т.д. Однако термин *члены предложения* продолжает жить не только в практике преподавания русского языка в вузе и школе, но и в научных исследованиях.

Традиционная теория членов предложения обогащается в структурно-семантическом направлении.³³

Некоторые авторы наивно полагают, что уже сам отказ от понятийно-терминологической системы членов предложения делает их описания «современными». Критики членов предложения не учитывают их многоаспектный характер. Как и предложения, члены предложения характеризуются набором дифференциальных признаков, выделяемых в одноаспектных исследованиях. Члены предложения не следует отождествлять с компонентами субъектно-предикатных суждений, с компонентами структурных схем, с компонентами тема-рематического членения и т.д. Члены предложения – это структурно-семантические компоненты предло-

жения, связанные между собой синтаксическими связями и отношениями. Если бы их не было, их надо было бы выдумывать, так как они позволяют синтезировать признаки компонентов, выделяемых при одноаспектных исследованиях, на основе традиционных дефиниций.

Критическое отношение к традиционной системе членов предложения в значительной мере обусловлено тем, что в традиционном языкознании (и в некоторых современных работах) не учитывалось существование синкретичных образований, изучение и описание которых позволило дать аргументированные ответы на многие дискуссионные вопросы.

В традиционных работах неоднократно рассматривались явления диахронных переходов в системе частей речи, а также эволюционные процессы в синтаксической системе.

Д.Н. Овсянко-Куликовский замечал, что форма и содержание языковых единиц могут быть «в полной гармонии», но чаще «не находятся в согласии».³⁴

Были замечены и явления синхронной переходности, актуальной проблемы современной русистики.³⁵

Одним из дискуссионных вопросов синтаксической теории был и остается вопрос о трактовке словосочетаний.

В традиционном языкознании выделялись предикативные и непредикативные словосочетания, которые делились на подчинительные и сочинительные.³⁶

Изучение соотношения словосочетания и предложения позволило исключить из состава словосочетаний предикативные сочетания,³⁷ составляющие предикативную (грамматическую) основу предложения.

В современной синтаксической теории сосуществуют две точки зрения по поводу непредикативных словосочетаний.

Словосочетания – продукт и синтаксиса, и морфологии. На синтаксическом уровне формирование словосочетаний происходит на основе синтаксических связей и отношений, на морфологическом – на основе валентных свойств частей речи.

Если доминирующим критерием определения словосочетаний считать синтаксические связи и отношения, то следует выделять и подчинительные, и сочинительные сло-

восочетания, причем оба вида словосочетаний обусловлены валентными свойствами сочетающихся частей речи.

В практике преподавания русского языка более эффективной является точка зрения, отражающая традиционную трактовку словосочетаний: «Словосочетанием называется соединение двух или более слов, связанных между собой грамматически и по смыслу».³⁸

Это определение требует уточнения, поэтому в следующем определении полужирным шрифтом выделены необходимые слова. Словосочетание – **непредикативная** синтаксическая единица, состоящая из двух и более **знаменательных** слов, связанных между собой грамматически и по смыслу. Это определение позволяет трактовать как словосочетания не только подчинительные, но и сочинительные сочетания слов. Из сочинительных словосочетаний наибольшей цельностью характеризуются закрытые словосочетания, состоящие из двух знаменательных слов, соединенных союзом, например: *леса и поля, моря и реки, трудно, но интересно, я или ты* и т.д. Такие словосочетания служат источником для фразеологии: *днем и ночью, альфа и омега, ни два ни полтора, то в лоб то по лбу, мал, да удал* и т.д.

Одни ученые признают существование только подчинительных словосочетаний (В.В. Виноградов,³⁹ Н.Ю. Шведова⁴⁰ и др.), другие – считают словосочетаниями не только подчинительные, но и сочинительные сочетания слов (В.А. Белошапкова,⁴¹ Е.С. Скобликова⁴² и др.). Вторая точка зрения была принята и в лингвометодике как наиболее эффективная при изучении синтаксиса и обучении речи.⁴³

В лингвистике и лингвометодике при выделении словосочетаний из предложения не всегда учитываются различные подходы к составу предложения. Различие подходов определяется вопросами: *из чего строится данное предложение?* и *из чего состоит данное предложение?*

Как и при изучении предложения,⁴⁴ при исследовании свойств словосочетания возможны два пути: *путь снизу* (от слова) и *путь сверху* (от предложения).

При описании словосочетаний «снизу» отправным пунктом являются слова как части речи. Известна морфологическая классификация словосочетаний по характеру главного слова (субстантивные, глагольные, адъектив-

ные и др.). Характер зависимого слова обусловлен валентными свойствами главного слова.

При анализе «сверху» словосочетания извлекаются из предложения.

При разных подходах к анализу количество словосочетаний и их вид не всегда совпадают.

Рассмотрим результаты разных подходов на следующем примере. *Желтые и красные листья кленов ковром растилялись на поляне*. При подходе «снизу», от слова (строительного материала), выделяем следующие словосочетания: *желтый лист, красный лист, листья кленов, ковром растиляться, растиляться на поляне*. При этом подходе словосочетания выделяются с учетом валентных свойств главных слов: существительного и глагола.

При подходе «сверху» (от предложения) выделяем следующие словосочетания: *красные и желтые листья, желтые и красные, листья кленов, ковром растиляются, растиляются на поляне*.

По требованию предложения изменяются некоторые грамматические свойства зависимых слов, выделяемых в составе словосочетаний: прилагательные и глаголы приобретают формы множественного числа (грамматические категории главных членов определяются характером выраженной мысли). По требованию предложения прилагательные *желтые* и *красные* образуют сочинительное словосочетание.

Таким образом, при построении предложения предикативное сочетание распространяется реализацией валентных свойств глагольных слов и оформлением подчинительной и сочинительной связей между словами.

Признание сочинительных словосочетаний, выделяемых в традиции, способствует более глубокому и последовательному анализу связей между словами в словосочетании и предложении.

Внимание к проблеме словосочетаний оживило традиционные исследования синтаксических связей между словами и предложениями.⁴⁵

Традиционное языкознание влилось в структурно-семантическое направление, которое стало основой практики преподавания русского языка и многочисленных исследований синтаксических явлений.

В основе вузовских и школьных учебников по синтаксису лежит структурно-семантическое описание синтаксической теории с явной опорой на традиционное языкознание.

На страницах этой статьи указаны некоторые монографии, содержащие структурно-семантическое описание явлений языка и речи. Отметим также многочисленные сборники статей, большая часть которых апробирована на научно-методических конференциях в Москве, Владимире, Орле, Новосибирске, Ставрополе, Владивостоке, Ростове-на-Дону и т.д.

Особо отметим следующие: «Предложение как многоаспектная единица языка». Сб. статей под ред. В.В. Бабайцевой. – М., 1984; «Переходность и синкретизм в языке и речи». Сб. статей под ред. В.В. Бабайцевой. – М., 1991; Многоаспектность синтаксических единиц». Сб. статей под ред. В.В. Бабайцевой. – М., 1993; «Язык. Культура. Личность». Сб. статей под ред. С.М. Колесниковой. – М., 2004; «Текст. Структура и семантика». Сб. статей под ред. Е.И. Дибровой. – М., 2004 (см. и более ранние сборники); «Языковая деятельность: переходность и синкретизм». Сб. статей под ред. К.Э. Штайн. – Ставрополь, 2001; «Textus: Избранное». 1994–2004. Сб. статей. Вып. 11. В 2-х частях. Под ред. К.Э. Штайн. – Ставрополь, 2005; «Современный русский синтаксис: предложение и его членение». Сб. статей под ред. В.И. Фурашова. – Владимир, 1994; «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект». Сб. статей под ред. А.Б. Копелновича. – Владимир, 2003; «Грамматические категории и единицы». Сб. статей под ред. М.В. Пиляновой. – Владимир, 2004; «Принципы моделирования структуры и семантики предложений». Сб. статей. – Новосибирск, 2004; С.Г. Ильенко «Русистика». Избранные труды. – СПб., 2003; П.А. Лекант «Очерки по грамматике русского языка». – М., 2002 и др.

Многие статьи в указанных сборниках освещают так называемые «трудные вопросы» и ориентированы на практику преподавания.

В заключение отметим, что невозможно в одной статье показать актуальность множества идей классиков отечественного языкознания, еще не изученных в полной мере, но уже очевидно: традиционное языкознание продолжает жить в структурно-семантических исследованиях.

Структурно-семантическое направление является центральным направлением среди современных синтаксических концепций, обогащающих его, но занимающих периферийное положение, несмотря на их актуальность в разные периоды развития синтаксической теории.

Примечания.

1. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М., 1971. – С. 4.
2. См.: Бабайцева В.В. Структурно-семантическое направление в современной русистике // Бабайцева В.В. Избранное. – Москва – Ставрополь, 2005. – С. 455–466.
3. См.: Бабайцева В.В. Отбор синтаксических понятий для изучения в школе // Отбор синтаксических понятий для изучения в общеобразовательной школе. – М., 1975.
4. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М., 1971. – С. 4.
5. Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Часть первая. – М., 1960. – С. 3.
6. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Изв. АН СССР. Отд. литературы и языка. – 1940. – № 3.
7. К сожалению, нередко при подготовке к печати научной и учебной литературы редакторы сокращают количество речевых примеров, стремясь уменьшить объем рукописи.
8. См., например: Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе. – Воронеж, 1967; Бабайцева В.В. Предложения типа *Пароходов было два* // Бабайцева В.В. Избранное. – Москва – Ставрополь, 2005 и др.
9. Виноградов В.В. Великий русский язык. – М., 1945. – С. 169–170.
10. Грамматика русского языка. – М., 1960. С. 65.
11. См.: Артюшков И.В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе (на материале романов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого). – М., 2003.
12. Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев, 1993. (Первое издание – 1862.)
13. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М., 1941. – С. 19.
14. См.: Бабайцева В.В. О выражении в языке взаимодействия между чувственной и абстрактной ступенями познания действительности // Язык и мышление. – М., 1965. Эта пробле-

ма освещается в ряде моих публикаций. Из последних: *Бабайцева В.В.* Система односоставных предложений в современном русском языке. – М., 2004.

15. См.: *Бабайцева В.В.* Система односоставных предложений в современном русском языке. – М., 2000; Проблемы изучения односоставных предложений. Коллективная монография. – М., 2005.

16. Основы языкознания. – М., 1966. – С. 118.

17. *Мельничук А.С.* Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма // Вопросы языкознания. – 1970. – № 1. – С. 27.

18. См. *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. – М., 1977.

19. См.: *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000 и др.

20. См., например: *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973; *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. – Л., 1984; *Вульф Е.М.* Функциональная семантика оценки. – М., 1985; *Гак В.Г.* О функциональном подходе к изучению грамматических явлений // Иностранный язык в высшей школе. – М., 1974. – Вып. 3.

21. См., например: Функционально-семантический аспект единиц русского языка // Сборник статей. – Таганрог, 2001.

22. См., например: Современный русский язык: коммуникативно-функциональный аспект // Учебное пособие. – Ростов-на-Дону, 2003.

23. См.: *Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004.

24. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – С. 302.

25. См. *Чесноков П.В.* Соотношение чувственного и рационального (абстрактного) познания при исследовании языка, соотношение дедукции и индукции // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. – М., 1970.

26. См., например: *Скобликова Е.С.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. – Самара, 1993.

27. *Федоров А.К.* К истории классификации сложноподчиненных и придаточных предложений // Русский язык в школе. – 2000. – № 2. – С. 83–88; *Федоров А.К.* Семантико-структурная классификация сложноподчиненных и придаточных предложений // Русский язык в школе. – 2002. – № 5. – С. 72–78; *Колосова Т.А.* Принципы классификации сложноподчиненных предложений и их отражение в учебной литературе // Русский язык (Приложение к газете «Первое сентября»). – 2002. – № 23; *Беднарская Л.Д.*

О классификации сложноподчиненных предложений в школьном и вузовском преподавании // Русская словесность. – 2004. – № 5. – С. 50–57.

28. См.: *Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д.* Русский язык. Теория. 5–9 классы. 14 издание. – М., 2005 и др.

29. См. *Белошапкова В.А.* Сложное предложение в современном русском языке. – М., 1967; *Холодов Н.Н.* За древними тайнами русского слова «и» – тайны иных масштабов. – Иваново, 1991; *Крючков С.Е., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык: синтаксис сложного предложения. – М., 1969; *Беднарская Л.Д.* Основные закономерности в развитии сложного предложения в языке русской художественной прозы XIX–XX столетий. – М., 1994; *Поспелов Н.С.* О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950; *Ширяев Е.Н.* Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. – М., 1986.

30. См., например: *Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М.* Современный русский язык. Синтаксис. – М., 1958; *Бабайцева В.В.* Русский язык. Синтаксис и пунктуация. – М., 1979 и др.

31. См.: Грамматика современного русского языка. – М., 1970.

32. См.: Современный русский язык. Под ред. Е.И. Дибровой. Ч. II. – М., 2001.

33. См. *Бабайцева В.В.* Изучение членов предложения в школе. – М., 1975; *Бабайцева В.В.* Система членов предложения в современном русском языке. – М., 1988; *Валгина Н.С.* Современный русский язык: Пунктуация. – М., 1988; *Герасименко Н.А.* Бисубстантивный тип русского предложения. – М., 1999; *Лекант П.А.* Типы и формы сказуемого в современном русском языке. – М., 1976; *Лекант П.А.* Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002; *Никитин В.М.* Вопросы теории членов предложения. – Рязань, 1969; *Фурашов В.И.* Несогласованные определения в современном русском языке. – М., 1984; *Чеснокова Л.Д.* Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах. – Таганрог, 1996.

34. *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* Синтаксис русского языка. – СПб., 1912. – С. 43.

35. См.: *Виноградов В.В.* Русский язык. – М., 1947; *Бабайцева В.В.* Переходные конструкции в синтаксисе. – Воронеж, 1967; *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике современного русского языка. – М., 2000 (в монографии 2000 года дана библиография по проблеме синхронной переходности); *Мигирин В.Н.* Очерки по теории процессов переходности в русском языке. – Бельцы, 1971 и др.

36. См.: *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. – Л., 1941 и др.
37. *Виноградов В.В.* Грамматика русского языка. Т. II. Ч. I. – М., 1960 (см. и выпуск 1952–54 гг.) и др.
38. *Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М.* Современный русский язык. Синтаксис. – М., 1958.
39. *Виноградов В.В.* Грамматика русского языка. Т. II. Ч. I. – М., 1960.
40. *Шведова Н.Ю.* Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. – М., 1966.
41. *Белошапкова В.А.* Современный русский язык. Синтаксис. – М., 1977.
42. *Скобликова Е.С.* Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. – М., 1979.
43. См.: *Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д.* Русский язык. 4–8 классы. – М., 1982.
44. См.: *Бабайцева В.В.* Русский язык. Синтаксис и пунктуация. – М., 1979. – С. 58–61.
45. *Скобликова Е.С.* Согласование и управление в русском языке. – М., 1971; *Чеснокова Л.Д.* Связи слов в современном русском языке. – М., 1980.

В защиту традиционной классификации сложноподчиненных предложений.

Сложноподчиненное предложение – самая сложная единица синтаксиса по строению (структуре) и значению.

В настоящее время в практике преподавания синтаксиса используются две классификации сложноподчиненных предложений (далее СПП):

1) **традиционная** (классическая) классификация СПП;

2) **новая**, так называемая **структурно-семантическая** классификация СПП, основные положения которой разработаны В.А. Белошапковой, Л.Ю. Максимовым, С.Е. Крючковым.

Сочетание *так называемая* в данном контексте позволяет отметить условность названия этой классификации СПП, так как по сути и традиционная классификация является структурно-семантической, так что второе название классификации СПП не является дифференцирующим.

Истоки традиционной классификации придаточных относятся к началу XIX века. В 1848 году П.Е. Басистов отметил соответствие членов предложения придаточным. Эта идея была принята Ф.И. Буслаевым. В соответствии с этой классификацией, уточненной позднее, выделялись придаточные подлежащие и сказуемые, дополнительные и определительные, а также разновидности обстоятельственных придаточных.¹

В традиционной классификации выделялись придаточные подлежащие и сказуемые, дополнительные и определительные, а также разновидности обстоятельственных придаточных. Особо выделялись присоединительные придаточные.²

Эта классификация, как и многие другие классификации явлений языка, не была идеальной, поэтому начались поиски других критериев классификации СПП.

Новый подход к классификации СПП характерен для работ Н.С. Поспелова, В.А. Белошапковой, С.Г. Ильенко, Л.Ю. Максимова, Н.А. Николиной и др.³

В новой классификации, получившей широкое распространение после выхода в свет книги «Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения» (1969 г.), Л.Ю. Максимов выделил следующие СПП:

СПП с придаточными присубстантивно-атрибутивными,

СПП с придаточными изъяснительно-и сравнительно-объектными,

СПП с качественно-и количественно-обстоятельными придаточными,

СПП с придаточными места,

СПП с придаточными времени,

СПП с придаточными условными,

СПП с придаточными цели,

СПП с придаточными сравнительными,

СПП с придаточными причины,

СПП с придаточными следствия,

СПП с придаточными уступительными,

СПП с придаточными подчинительно-присоединительными,

сложные сопоставительные предложения с союзами *в то время как, между тем как, тогда как, если ... то*.⁴

Во втором издании этой книги (1977 г.) были выделены СПП местоименно-соотносительные (субстантивные, адъективные, адвербиальные – качественно-количественные) и СПП местоименно-союзные (качественно-количественные многозначные).

Уже один перечень типов СПП, их видов и разновидностей показывает многомерность предлагаемой классификации как слишком сложной, да и малоэффективной для практики преподавания синтаксиса СПП в школе и вузе. Тем

не менее эта классификация вошла в практику вузовского и школьного преподавания с некоторыми вариациями.

Очевидно, что новая многомерная классификация проигрывает по сравнению с традиционной не только в методическом, но и в теоретическом отношении сложностью критериев классификации, противоречивостью в квалификации некоторых СПП и т.д.

Обе классификации (традиционная и новая, многомерная) не раз были объектами критики.

Новый подход к классификации СПП характерен для работ Н.С. Поспелова, В.А. Белошапковой, С.Г. Ильенко и др. Из последних публикаций особо отмечу статьи А.К. Федорова и Л.Д. Беднарской, для которых исследование СПП было и остается в центре научных и методических интересов.⁵

Афористичную оценку обеих классификаций СПП дал Б.Н. Головин: «При внимательном и непредвзятом взгляде на традиционную и новую классификации таких предложений оказывается, что первая не так плоха, чтобы от нее отказываться, а вторая – не так хороша, чтобы ее принимать без оговорок, закрывая глаза на ее недостатки».⁶

Преимущества традиционной классификации СПП и соответственно придаточных предложений доказываются историческим опытом преподавания синтаксиса сложного предложения, а также теоретическими и (особенно!) методическими достоинствами.

Рассмотрим степень основательности некоторых критических замечаний в адрес классической классификации СПП.

I. Единицами традиционной классификации были придаточные предложения, а единицами новой – СПП с соответствующей придаточной частью. Как показывает перечень единиц обеих классификаций, данный выше, традиционная классификация – проще, прозрачнее, хотя в новой классификации более полно называются единицы, ее образующие.

Нельзя не видеть, что наличие придаточных предложений предполагает наличие главных частей, так что и в традиционной классификации речь идет о классификации СПП.

Названия типа *сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительно-объектным* и т.д., несомненно, более полные, но в то же время и более громоздкие из-за излишней многословности: ясно, что в СПП входит придаточная часть.

Структурно-семантическими частями простых и сложноподчиненных предложений являются члены предложения (в простом предложении), придаточные (в СПП). И те и другие *связаны* с другими компонентами простых и сложных предложений. Как придаточные не существуют без главной части, так и члены предложения не изолированные словоформы, а компоненты *предложения*, связанные с другими членами предложения.

II. В новой классификации СПП принципы (критерии) классификации образуют сложную систему, поэтому эту классификацию и можно назвать *многомерной*. Многомерность критериев затрудняет квалификацию конкретных предложений. В традиционной классификации придаточных предложений принцип классификации один: **придаточные соответствуют членам простого предложения**.

Противники этой классификации говорят, что не все придаточные имеют соответствующие члены предложения. Среди таких придаточных называют придаточные присоединительные и придаточные следствия.

Действительно, нет членов предложения, соответствующих придаточным присоединительным, но известно, что присоединение – особая синтаксическая связь, отличающаяся от сочинения и подчинения. Сложные синтаксические отношения (причины, условия, следствия) чаще выражаются сложноподчиненными предложениями с соответствующими придаточными.

Поэтому, рассматривая область подчинения, можно исключить из нее специфические образования (нередко сближающиеся с вводными) из стройной системы придаточных, выделяемых по соотношению с членами предложения.

Противники традиционной классификации говорят, что нет членов предложения со значением следствия. Однако в последние десятилетия доказано, что значение следствия может быть выражено не только в СПП, но и при выражении причинно-следственных отношений в обстоятельстве следствия и в деепричастном обороте.⁷ Обстоятельства следствия обозначают событие (факт) – результат интенсивного проявления причины, отвечают на вопросы: **С каким следствием? Что из этого следует?** Например: *Он работал до усталости.* (К. Васильев.); *Снег с полей сошел за одну неделю, обнажив парящую землю.* (А. Мусатов.)

Основным средством выражения обстоятельства следствия является родительный падеж имени с предлогом «до»: *сражаться до победы, кричать до хрипоты, удивиться до столбняка, спорить до хрипоты* и др.

Предлог «до» может выражать и другие значения: *спорить до утра, гулять до вечера, добежать до реки* и др.

Чаще в простом и сложном предложении семантику следствия сопровождают другие значения, например, значение образа действия: *Трудился так крестьянин мой, что градом пот с него катился.* (И. Крылов.)

Известно, что в предложении *Он смеялся до слез* обстоятельство следствия *до слез* обозначает результат действия (*смеялся, пока не заплакал*); слезы стали следствием смеха, характеристики действия в словоформе *до слез* нет: *смеялся, пока не заплакал* (второе действие).

К сказанному можно добавить, что не все члены предложения «развертываются» в придаточные. Таковы, например, обстоятельства состояния, ситуации, уподобления. Есть исключения (а где их нет?), но зато основной массив сложноподчиненных предложений подчиняется закономерностям простого предложения. Соответствие придаточных членам предложения позволяет создать стройную, непротиворечивую, удивляющую простотой систему придаточных предложений.

III. В обеих классификациях (традиционной и многомерной) выделяются как основные средства связи придаточного с главным союзы и союзные слова, опорные (контактные) слова, указательные слова (корреляты). Однако роль этих средств не всегда одинакова.

Союзы и союзные слова являются основными средствами подчинения, однако нередко они служат и средством выражения семантики (точнее, компонентов семантики) придаточной части, начинают дифференцировать разновидности придаточного. Однако в значительном количестве случаев союзы и союзные слова не являются средствами дифференциации разновидностей придаточных.

Позицию придаточных предложений обычно задают **опорные (контактные) слова**, входящие в состав главных предложений. В словосочетаниях и в простом предложении эту функцию выполняют стержневые (главные, опреде-

ляемые, подчиняющие) слова, которые в лингвометодике принято обозначать значком ×. В значительном количестве случаев опорными словами в СПП являются сказуемые. Сравните: *Знать цену нравственности; Он знал цену нравственности; Он знал, что основа всего – нравственность.* (Ф. Достоевский.)

Указательные слова выполняют несколько функций⁸: служат дополнительными средствами подчинения; выполняют в главном синтаксическую функцию, свойственную придаточному, поэтому они позволяют определять вид придаточного; помогают выделять в главном предложении опорное (контактное) слово. Так, в предложении *Человек дорожит лишь тем, во что он вложил частицу своей души, своего сердца.* (В. Сухомлинский.) указательное слово *тем*, усиленное ограничительной частицей *лишь*, уточняет вид придаточного, прикрепляет придаточное к сказуемому – опорному слову: выступает как посредник связи придаточного с опорным словом.

Сравним квалификации следующих предложений в традиционной и новой классификациях.

1. *Человек, который любит родину, служит ей.* В традиционной – придаточное определительное, в новой – СПП с присубстантивно-атрибутивным придаточным (выделительный тип).

2. *Тот человек, который любит родину, служит ей.* В традиционной – придаточное определительное, в новой – СПП с присубстантивно-атрибутивным придаточным (собственно выделительный).

3. *Тот, кто любит родину, служит ей.* В традиционной – придаточное подлежащее, в новой – СПП с местоименно-соотносительным придаточным.

Придаточные, как и члены предложения, могут быть однозначными и многозначными. При однозначной семантике придаточного все средства подчинения выражают это значение.

Многозначная структура семантики придаточного создается совокупностью значений, выражающихся разными средствами подчинения. Например: *Тихое утро было такой свежести, будто воздух промыли родниковой водой.* (К. Паустовский.) Союз *будто* выражает семантику

сравнения, но указательное слово показывает, что придаточное выполняет функцию определения. Контактное слово *свежест*, образованное от качественного прилагательного *свежий*, сохраняет способность иметь разную степень качества. В результате – придаточное предложение, выполняющая синтаксическую функцию определения, выражает также и сравнение, и степень качества. Ср. также: в предложении *Как дерево роняет тихо листья, так я роняю грустные слова.* (С. Есенин.) семантика образа действия осложняется семантикой сравнения.

При синкретизме семантики придаточной части основное значение (и разновидность) определяется по синтаксической функции указательного слова (если оно есть и если можно его вставить).

Синкретизм придаточных предложений так же частотен, как и синкретизм членов предложения.⁹

Указательные слова и контактные слова, входя в структуру главного предложения, выполняют строительные функции: показывают позицию придаточного в структуре главного. Информативная семантика (как языковая, так и речевая) заключена в придаточном предложении, что и позволяет рассматривать придаточное как важнейший структурно-семантический компонент СПП, имеющий и свое значение, и свое строение, несмотря на теснейшие синтаксические связи и отношения с главным.

IV. В традиционной классификации учитывается **однофункциональность** членов предложения и придаточных предложений.

Придаточные предложения часто входят в синтаксический ряд однородных членов предложения.¹⁰ Это осуществляется двумя способами:

а) с помощью указательных слов (коррелятов):

Каждый думал только о себе и о том, как бы поскорее уйти и спастись. (Л. Толстой.);

б) без помощи указательных слов:

Я думал уж о форме плана и как героя назову. (А. Пушкин.)

Однофункциональность членов предложения и придаточных предложений обусловлена единством синтаксической позиции, которую задает опорное (контактное) слово главной части. Сравните: *Я знаю его – Я знаю, кто он.*

Дополнение *его* и придаточная *кто он* отвечают на один и тот же вопрос *знаю – кого?* Опорное (контактное) сказуемое *знаю* в обоих предложениях открывает **позицию** компонента со значением объекта.

Семантика объекта в СПП заключена в придаточной части, которая имеет и **свое** значение, и **свое** строение.

V. Общим эффективным средством квалификации членов предложения и придаточных предложений являются грамматические вопросы, выступающие как маркеры презентации их информативной семантики, включающей языковые и речевые компоненты.¹¹

Учитывая, что система членов предложения достаточно известна, приведу лишь примеры придаточных предложений. В примерах выделены союзы и союзные слова, опорные (контактные) слова, указательные слова.

1. Вопросы к подлежащему и придаточным подлежащим: *кто? что?* Например: **Что** назначено судьбою, обязательно случится. (Б. Окуджава.)

2. Вопросы к сказуемому и придаточным сказуемым: *каков? какой?* и др. Например: **Какова** яблонька, таковы и яблочки. (Пословица.)

3. Вопросы к дополнению и придаточным дополнительным: *кого? чего? кому? чему?* и др. Например: Я уверен в том, что наши дети мир увидят в золотом расцвете. (Е. Долматовский.)

4. Вопросы к определению и придаточным определительным: *какой? чей? который?* (и формы косвенных падежей). Например: **О такой дружбе, которая** не выдерживает прикосновения голой правды, не стоит и жалеть. (Д. Писарев.)

5. Вопросы к обстоятельствам и придаточным обстоятельным:

1) Вопросы к обстоятельствам места и придаточным местам: *где? куда? откуда?* Например: **Никогда не следует возвращаться туда, где** был счастлив. (Д. Гранин.)

2) Вопросы к обстоятельствам времени и придаточным времени: *когда? как долго? с каких пор? до каких пор?* Например: **Когда** я открыл окно, моя комната наполнилась ароматом цветов. (М. Лермонтов.)

3) Вопросы к обстоятельству причины и придаточным причинам: *почему? отчего?* Например: **Всякий труд важен, ибо** облагораживает человека. (Л. Толстой.)

4) Вопросы к обстоятельству следствия и придаточным следствия: *что из этого следует?* Например: Амбарчик заметён снегом наглухо, **так что** похож на гриб с большой белой шляпкой. (И. Касаткин.)

5) Вопросы к обстоятельствам образа действия и придаточным образа действия: *как? каким образом?* Например: Дядюшка пел **так, как** поет простой народ. (Л. Толстой.)

6) Вопросы к обстоятельствам меры и степени и придаточным меры и степени: *в какой мере или степени?* Например: Огурцы были **настолько** нежны, **что** парниковая зелень их кожицы отливала белизной. (К. Федин.)

7) Вопросы к обстоятельствам сравнения и придаточным сравнительным: *как?* Например: ...И снова снегу тьма, **как будто** снова началась тяжелая зима. (Н. Коржавин.)

8) Вопросы к обстоятельствам цели и придаточным цели: *зачем? для чего? с какой целью?* Например: **Для того чтобы** выучиться говорить правду людям, надо научиться говорить ее самому себе. (Л. Толстой.)

9) Вопросы к обстоятельствам условия и придаточным условиям: *при каком условии?* Например: Путешествия потеряли половину своего смысла, **если бы** о них нельзя было рассказывать. (В. Солоухин.)

10) Вопросы к обстоятельствам уступки и придаточным уступкам: *несмотря на что? вопреки чему?* Например: Я **ни сколько не боюсь смерти, хотя** и люблю жизнь. (М. Горький.)

Обстоятельственные придаточные подчиняются контактными словами, выполняющим функцию сказуемого в главной части. Указательные слова (если есть) служат **посредниками**, осуществляющими связь придаточных с контактными словами.

Указательные слова с их яркой синтаксической функцией значительно облегчают определение разновидности придаточных предложений.

VI. Общенаучный принцип системности обуславливает место / позицию придаточных предложений в синтаксической системе языка.¹²

Если не только провозглашать, но и учитывать системный характер языка, то увидим, что соотносительность членов предложения подтверждается изоморфизмом, который является одним из системообразующих факторов, связывающих синтаксические единицы по вертикали.¹³

Основными синтаксическими понятиями являются сочинение и подчинение, которые в уровневой системе синтаксических значений занимают три позиции – три уровня.

Так, грамматически равноправные синтаксические единицы на уровне словосочетания образуют сочинительные словосочетания, на уровне простого предложения – однородные члены предложения, на уровне сложного предложения – сложносочиненные предложения.

Грамматически неравноправные синтаксические единицы на уровне словосочетания образуют подчинительные словосочетания, где один компонент является стержневым, а второй зависимым. На уровне простого предложения в непредикативных сочетаниях структурно-семантические компоненты являются членами предложения. На уровне сложного предложения в СПП зависимая часть образует придаточное предложение, занимающее позицию, которая соотносится с позицией члена предложения.

Однофункциональные члены предложения грамматически равноправны, как и части ССП. Зависимые члены предложения подчиняются другим членам предложения. Такие же семантические синтаксические связи характерны для придаточных частей.

VII. И члены предложения, и придаточные части не изолированные единицы, они объединяются в **системы**: члены предложения образуют систему членов предложения, в которой переходные (синкретичные) образования выступают как системообразующие факторы, размывающие строгие рамки типичных членов предложения, обладающих полным набором дифференцирующих признаков.¹⁴

Существует несколько классификаций сложных предложений, в том числе и СПП. Отмечены переходные явления между ССП и СПП, между ССП и СБП, СПП и СБП; между простыми и сложными предложениями и т.д.

Сложные связи и отношения между частями сложных предложений в целом и СПП в частности принципиально затрудняют классификацию придаточных частей, описание их системы.¹⁵

Исследование и описание синкретизма СПП сводится в конечном счете к описанию синкретизма придаточных частей.

Подведем итоги. Традиционная классификация придаточных предложений не утратила своей теоретической и особенно методической ценности. Примечателен прежде всего непротиворечивый принцип классификации – соответствие членов предложения и придаточных частей. Этот принцип позволяет показать общность языковой семантики, обеспечивающей в практике преподавания ценные для развития речи упражнения, среди которых – замена членов предложения придаточными и наоборот.

По сравнению с новыми классификациями традиционная классификация характеризуется простотой, прозрачностью строения и значения. В практике преподавания изучение классификации придаточных предложений подчиняется эффективному принципу преемственности.¹⁶ В методическом плане традиционная классификация позволяет повторить систему членов предложения и соотнести с ними придаточные предложения.

Примечания.

1. Слова: *придаточное, придаточная часть, придаточное предложение*, а также: *главное, главная часть, главное предложение* – употребляются в статье как равноправные термины.

2. *Гвоздев А.Н.* Современный русский литературный язык. Ч. II. Синтаксис. – М., 1973; *Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис.* – М., 1960.

3. См. оригинальный подход к описанию СПП: Сложноподчиненные предложения в лексикографическом аспекте. Коллективная монография / Под ред. С.Г. Ильенко. – СПб., 2008.

4. *Крючков С.Е., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. – М., 1969.

5. *Федоров А.К.* Семантико-структурная классификация сложноподчиненных и придаточных предложений // РЯШ. – 2002. – № 5; *Беднарская Л.Д.* О классификации сложноподчиненных предложений в школьном и вузовском преподавании // Русская словесность. – 2004. – № 5 и др.

6. *Головин Б.Н.* Основы синтаксиса современного русского языка. – Нижний Новгород, 1994.

7. *Никитин В.М.* Разряды обстоятельств в современном русском языке. – Рязань, 1973; *Рыбка Н.Д.* Синтаксическая функция родительного падежа с предлогом «до» в синтаксисе Ф.М. Досто-

евского // Предложение как многоаспектная единица языка. – М., 1983; *Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык. Часть III. – М., 1987.

8. *Бабайцева В.В.* Лексико-грамматические функции указательных слов // РЯШ. – 1962. – № 6; *Покусаенко В.К.* Синтаксические связи придаточной части сложноподчиненного предложения // РЯШ. – 1962. – № 6; *Максимов Л.Ю.* Указательные слова в сложноподчиненном предложении // РЯШ. – 1967. – № 1.

9. См.: *Дружинина С.И.* Структурно-семантическая классификация сложноподчиненных предложений с учетом синкретизма. – Орел, 2007.

10. См.: *Уханов Г.П.* Придаточные в сочетании с однородным ему членом предложения // Синтаксис и стилистика. – М., 1976.

11. *Бабайцева В.В.* Еще раз о вопросах // Слово. Предложение. Текст. – Орел, 2009.

12. *Бабайцева В.В.* Принцип системности в синтаксисе // РЯШ. – 2010. – № 3.

13. *Бабайцева В.В.* Изоморфизм и переходность как системообразующие факторы // Текст. Структура и семантика. Доклады XII международной конференции. Т. I. – М., 2009.

14. *Бабайцева В.В.* Система членов предложения в современном русском языке. – М., 2010.

15. *Покусаенко В.К.* Переходные конструкции в области сложного и простого предложения. – Ростов-на-Дону, 1983; *Дружинина С.И.* Синкретизм в системе сложноподчиненных предложений. – Орел, 2008.

16. *Бабайцева В.В.* Преемственность при изучении словосочетаний в школе // Изучение морфологии на синтаксической основе. – М., 1974.

Теория синхронной переходности и функционально-семантическое поле.

В русистике последних десятилетий часто употребляются слова: **ядро** и **периферия** – и производные прилагательные: **ядерные** и **периферийные**. Эти слова употребляются в исследованиях теорий синхронной переходности и теории функционально-семантического поля, которые сближаются также и подходом к изучению и описанию языка и речи.¹

Необходимо изложить хотя бы самые общие положения указанных теорий, чтобы показать их общие и специфические особенности.

Теория синхронной переходности разрабатывается в рамках структурно-семантического направления и является одним из его основных постулатов.²

Переходность – это такое свойство языка, которое скрепляет языковые факты в целостную систему, отражая синхронные связи и взаимодействие между ними и обуславливая возможность диахронных преобразований.³

Связь диахронии и синхронии, наличие в языке переходных диахронных (эволюционных) и синхронных явлений можно разграничить в исследовательских целях.

Синхронная переходность – это такой вид переходности в современной системе языка, при котором связи и взаимодействие между оппозиционно противопоставленными центральными (типичными) категориями, типами, разновидностями, разрядами и т.д. образуют зону переходности (зону синкретизма) с периферийными и промежуточными звеньями.⁴

Явления переходности – важнейшие системообразующие факторы⁵, связывающие единицы языка по вертикали и по горизонтали.

В традиционной лингвистике не раз отмечались явления переходности с употреблением слов: **ядерные (типичные), периферийные и промежуточные**⁶, но дифференциация диахронных и синхронных переходов впервые была осуществлена в моей монографии «Переходные конструкции в синтаксисе» в 1967 году. Здесь же было дано описание шкалы переходности с обозначением диахронных и синхронных явлений. В дальнейшем в центре моего внимания стали явления синхронной переходности, наглядно представляемые шкалой синхронной переходности: **А → Аб → АВ → аБ → Б**.

Звенья **А** и **Б** обозначают ядерные (типичные) единицы языка, обладающие полным набором дифференциальных признаков, а остальные звенья включают переходные факты, обладающие синкретизмом свойств. **Аб** и **бА** – периферийные звенья, а **АВ** – промежуточное звено.⁷

Теория синхронной переходности с опорой на шкалу переходности уже послужила теоретической основой исследования грамматического строя русского языка: смотрите мои работы, а также работы моих учеников и последователей (см.: список кандидатских и докторских диссертаций на стр. 337)⁸.

Функциональный подход к изучению и описанию единиц языка обусловлен назначением – функциями самого языка. Функции языка проявляются в предложении, которое (по определению В.В. Виноградова) является средством «формирования, выражения и сообщения мысли».

В отечественном языкознании изначально без акцентирования принимались во внимание не только функции языка в целом, но и функции единиц разных уровней системы языка: предложений, частей речи, разрядов лексики, морфем, фонем. Не всегда акцентировались, но всегда учитывались функции единиц, образующих подсистемы и т.д. Внимание к функции единиц языка обусловило изучение функциональных типов предложения, назначения и способов выражения единиц разных уровней.⁹

В моих школьных учебниках, стойко сохраняющих традиции, последовательно рассматривается роль частей

речи в выражении и сообщении мысли. Я выделяю особые параграфы: «§ 55. Роль существительных в речи», «§ 72. Роль глаголов в речи» и т.д.¹⁰ Очевидно, что для структурно-семантического направления функциональный подход к изучению языка и речи не является новым.

Идея семантической общности единиц языка разной структуры, объединяемых в **поле**, впервые появилась в немецкой лингвистике.

В современной русистике (с начала 70-х годов) эта идея получила развитие в акцентировании функционального подхода к изучению и описанию единиц языка¹¹, а (главное) в разработке теории функционально-семантического поля¹².

Слова **функция** и **функциональный** с начала 70-х годов получили широкое распространение, причем нередко они употреблялись без осознания их роли в исследовании единиц языка. [Восточная мудрость гласит: от повтора слова *халва* во рту сладко не станет.]

В целом же функциональный подход оказал положительное влияние на многочисленные исследования языка и речи.

Так, функциональный подход позволил дифференцировать систему языка и ее функционирование, при котором взаимодействие единиц языка приводит к образованию промежуточных периферийных явлений.

Наиболее последовательно и полно теория функционально-семантического поля описана в работах А.В. Бондарко, его учеников и последователей.

Под руководством А.В. Бондарко опубликованы книги серии «Теория функциональной грамматики», в которых описаны функционально-семантические поля аспектуальности, модальности, посессивности, бытийности, таксиса, темпоральности, обусловленности, локативности и др.

А.В. Бондарко определяет функционально-семантическое поле как систему разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных лексико-синтаксических и т.п.), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций¹³.

Становление теорий синхронной переходности и функционально-семантического поля проходило в русистике

почти одновременно и даже с взаимными ссылками, затем произошло их размежевание, почти сразу эти теории стали развиваться параллельно.

Отметим общее и различное в теориях синхронной переходности и функционально-семантического поля.

Общее заключается в том, что для обеих теорий характерны функциональный подход к описанию языка и речи, позволяющий показать язык не только в статике, но и в динамике; показать взаимосвязи и взаимодействие явлений языка и речи и результаты взаимовлияний; показать жизнь языка в речи и т.д.

Теории синхронной переходности и функционально-семантического поля сближаются разграничением ядерных и периферийных явлений.

Показательно также и то, что обе теории развивают идеи классиков отечественного языкознания (А.А. Потебни, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова и др.). Нередко в публикациях представителей разных теорий приводятся одни и те же цитаты из работ классиков.

Однако, несмотря на родственную близость этих теорий, они отличаются друг от друга рядом специфических свойств. Отмечу наиболее существенные различия между этими теориями.

I. В теории синхронной переходности в центре внимания – преимущественно **единицы одного уровня** языковой системы, а в теории поля – **категории**, выраженные средствами **разных уровней**.

В русистике термин *категория* определяется разными словами: функционально-семантическая, структурно-семантическая, грамматическая, морфологическая и т.д.¹⁴

Выбор определений обычно не мотивируется, хотя между ними есть существенные различия.

Термин *функционально-семантическая категория* акцентирует общность семантики анализируемого объекта, хотя целью исследования является выявление маркеров этой категории, разноуровневых средств ее выражения.

В структурно-семантическом направлении категории определяются как *структурно-семантические*, что позволяет анализировать и структуру, и семантику единиц языка и их функционирование в речи. Термин *функционально-*

семантическое поле привлекает образностью, а термин *структурно-семантическая категория* – лингвистической точностью. Определения *грамматическая* и *морфологическая* категории традиционны. Иногда определение категории отсутствует¹⁵. В этом отношении возможности теории синхронной переходности богаче, так как в системе языка наблюдаются и межуровневые связи и взаимодействия.

II. В теории синхронной переходности в центре внимания – зона синкретизма, а в теории функционально-семантического поля – ядро поля. Разумеется, что и в теории синхронной переходности исследуются и перечисляются признаки типичных (ядерных) единиц: без этого невозможно говорить об их совмещении в фактах языка и речи, входящих в зону синкретизма. В исследованиях функционально-семантического поля всё, что не входит в ядро поля, ссылается на периферию, без тщательного анализа периферийных фактов.

Эти различия между теориями синхронной переходности и функционально-семантического поля (и I, и II) не всегда осознаются исследователями (и не всегда четко разграничиваются), но тем не менее они являются важнейшими.

III. Для теории синхронной переходности **обязательно** наличие **оппозиции**, а для теории функционально-семантического поля – **факультативно**, хотя и включается иногда этот показатель в перечень признаков функционально-семантического поля¹⁶. Обязательное наличие оппозиции обуславливает следующую особенность теории синхронной переходности.

IV. Мудрый Л.В. Щерба писал: «Надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике – в сознании говорящих – оказываются колеблющимися, неопределенными.

Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвистов»¹⁷.

Этой цитаты нет в исследованиях функционально-семантического поля, а для исследователя явлений синхронной переходности эти мысли Л.В. Щербы являются основополагающими.

В теории синхронной переходности рассматриваются не только периферийные, но и **промежуточные** образо-

вания, которые в теории функционально-семантического поля не выделяются и, следовательно, не рассматриваются.

Шкала переходности позволяет наглядно показать место синкретичных образований в системе языка и является эффективным методом исследования, требующим дифференциации ядерных (А и Б) и синкретичных образований (Аб, АБ, аБ).

Исследование переходных явлений зоны синкретизма значительно отличает теорию синхронной переходности от теории функционально-семантического поля.

Интерес к явлениям переходности обусловил создание инструмента, с помощью которого можно дифференцировать ядерные (типичные), периферийные и промежуточные образования единиц грамматических уровней языковой системы¹⁸.

В. В теориях синхронной переходности и функционально-семантического поля употребляются слова: *круг, звено, поле*, которые имеют терминологическое значение.

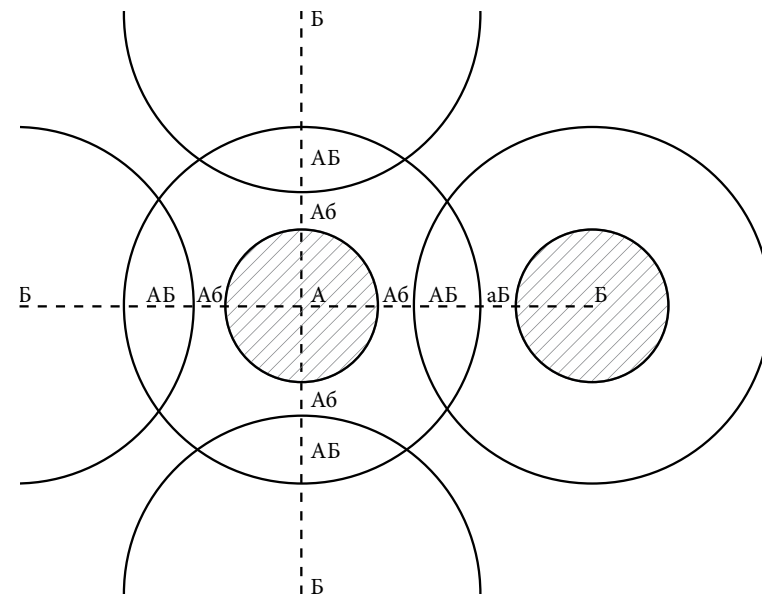
Шкала переходности напоминает цепочку, части которой не просто находятся рядом, а **сцеплены** между собой, образуя **звенья** шкалы переходности. Буквенные символы (А, Аб, АБ, аБ, Б) **не точки**, а **сферы-участки**, включающие явления языка и речи, которые характеризуются набором дифференциальных признаков, специфических по качеству, неодинаковых по количеству.

Шкала вписывается в **круги**, отчетливо показывающие фрагмент промежуточных образований. Звенья А и Б являются конечными только при графическом изображении шкалы, не вписанной в круги, включающие ядерные единицы (типичные, центральные).

В первых изображениях шкала вписывалась в круги¹⁹, затем **рисунок** стал упрощаться, **рисунок**, а не сама шкала, в которой буквенные символы обозначают **звенья**, включающие соответствующие явления. Однако воображение исследователей гипнотизировала линия, хотя анализируемый материал требовал простора.

При описании языковых и речевых явлений в свете теории синхронной переходности шкала переходности часто изображается в усеченном виде, что создает иллюзию **линии** с нанизанными на ней точками.

Шкалу синхронной переходности следует представлять с наложением кругов, графически выделяющих область промежуточных и периферийных образований.

Если объектом исследования является категория А и у нее есть взаимосвязи с другими категориями, то можно к ядру А присоединить другие шкалы (обозначенные пунктиром). Шкала может быть продлена и влево, и вправо, и вверх, и вниз и т.д. при наличии нескольких оппозиций, образующих свои, особые зоны переходности (зоны синкретизма), но это едва ли целесообразно, так как делает рисунок очень сложным. Лучше построить другие шкалы с кругами или (для простоты) без кругов.

Разумеется, при наличии нескольких оппозиций целесообразно анализировать оппозиции не все сразу, а выборочно, учитывая их важность в характеристике анализируемых явлений.

Круги удобны при графической иллюстрации явлений переходности, но реальный языковой и речевой материал загнать в четкие очертания территории невозможно.

В этом отношении все преимущества на стороне термина **поле**, которое не требует четко очерченных границ для анализируемых явлений.

По сути нет принципиальных различий между терминами **круг**, **звено** и **поле**, тем не менее есть разница между **кругом** и **полем**, которая заключается в том, что круги накладываются друг на друга, а поля – нет из-за неопределенности их границ. Не поэтому ли сторонники теории функционально-семантического поля не рассматривают промежуточных образований?

В статье «Современный русский язык» Л.В. Щерба делит литературный язык на устный и письменный, рассматривает связи литературного и разговорного языка, отграничивая диалекты, выделяет «три, если не четыре соотносительных слоя слов – торжественный, нейтральный и фамильярный, к которым можно прибавить четвертый – вульгарный»²⁰. Особо Л.В. Щерба выделяет «стихотворный язык», язык драмы («своеобразный продукт контаминации разговорного и литературного языков»²¹).

Свои размышления о сложной стилистике русского литературного языка Л.В. Щерба заключает следующим выводом: «В этой стилистике русский литературный язык должен быть представлен в виде концентрических **кругов** – **основного** и целого ряда **дополнительных**, каждый из которых должен заключать в себе обозначения (поскольку они имеются) тех же понятий, что и в **основном круге**, но с тем или иным **дополнительным** оттенком, а также обозначение таких понятий, которых нет в основном круге, но которые имеют данный дополнительный оттенок».²²

В цитате мною выделены слова, которые имеют соотносительные термины в современных теориях синхронной переходности и функционально-семантических полей. Можно признать, что Л.В. Щерба представил функционально-семантическое поле **русского языка**, в ядре которого (основном круге) находится литературный язык. Естественно, что при этом описании русского языка уместнее говорить о **кругах**, а не о **полях**. Дополнительные круги представляют периферию литературного языка, хотя и являются частями русского языка.

Многоаспектность русского языка и его безграничные выразительные возможности позволяют оценивать его то как почти беспредельное море, то как «большое поле»: «есть разгуляться где на воле» (М. Лермонтов).

В теории синхронной переходности слово **поле** может употребляться и как метафора, и как термин.

Теория синхронной переходности и функционально-семантического поля не параллельные линии. Их объединяет объект исследования – язык, единицы (элементы) которого образуют систему. Важнейшими системообразующими факторами являются изоморфизм, переходность – важнейшие закономерности языковой системы. Теория синхронной переходности объединяет внутриуровневые и межуровневые связи и взаимодействия языковых и речевых единиц. Их изоморфизм раскрывается преимущественно в теории поля.

После выхода в свет академической «Грамматики русского языка» (1952–1954) многоаспектность русского языка послужила основой развития ряда одноаспектных исследований, в том числе и теории функционально-семантического поля.

Остается неясным ряд важнейших вопросов, определяющих позиции теории поля в современной русистике. Это направление? Часть направления? Какого? и т.д., и т.д.

Очевидно, что настало время обобщить исследования функционально-семантических полей, уяснить их теоретическое и практическое значение, показать их объяснительную силу.

Столбовой дорогой развития отечественного (классического) языкознания стало структурно-семантическое направление, в недрах которого и развивается теория синхронной переходности.

Отметив основные различия между теориями синхронной переходности и функционально-семантического поля, видим, что в этом сравнении теория функционально-семантического поля явно проигрывает, т.к. не рассматривает промежуточных образований – результата взаимосвязи и взаимодействия явлений языка и речи, которые, по мнению Л.В. Щербы, и должны прежде всего привлекать внимание лингвистов.

С позиций теории синхронной переходности и с использованием шкалы переходности можно более углубленно и аргументированно показать строение и семантику категорий, послуживших объектом исследования в рамках теории функционально-семантических полей. Среди них в кандидатских диссертациях поля длительности, кондициональности, отрицания, количественности, причинности, интенциональности (с зонами переходности), обращения, состояния, обусловленности, побудительности, компаративности, дейксиса, психических состояний, вопросительности, противопоставленности, оценки, побуждения, осмысления процесса речи, темпоральности, фазовости, познания, согласия, «звука», временной характеристики события, условных отношений, запрета, утверждения, уступительности, определенности / неопределенности, сравнения и др.

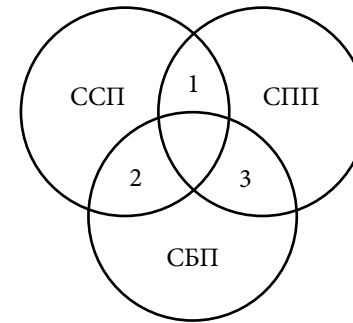
С позиции теории синхронной переходности могут быть исследованы (и многие уже описаны) некоторые из указанных выше функционально-семантических полей, причем наглядно (со шкалой переходности). Со шкалой переходности легко дифференцировать ближние, дальние и крайние периферии²³, показать, что *ближняя* периферия – это звено **Аб**, *дальняя* – звено **АБ**, а *крайняя* – звено **аБ**, то есть ближняя периферия звена **Б**.²⁴

В теории синхронной переходности нет ограничений в выборе объекта исследования. С использованием шкалы переходности анализируются и могут быть исследованы языковые и речевые явления, объединяемые в **систему** изоморфизмом и переходностью.

Уже намечены (и многие описаны) переходные явления:

- между предикативными и непредикативными единицами с зоной переходности, в которой выделяются (или можно выделять) периферийные и промежуточные образования (например, разнообразные *обороты* с разной степенью предикативности);
- между сочинением и подчинением;
- между структурно-семантическими типами простого предложения;
- между членами предложения;
- между частями речи и т.д.

Так, систему сложного предложения образуют три структурно-семантических типа: сложносочиненное предложение, сложноподчиненное предложение и сложное бессоюзное предложение, которые неоднократно были предметом исследования.²⁵ Объединение типов сложных предложений в круги наглядно показывает и ядерные, и промежуточные образования.

ССП – сложносочиненное предложение.

СПП – сложноподчиненное предложение.

СБП – сложное бессоюзное предложение.

Эта простейшая схема показана уже в моих статьях²⁶, в которых я даю и речевой материал, иллюстрирующий лишь промежуточные образования (1, 2, 3), учитывая, что для ядерных ССП, СПП и СБП уже выделены дифференциальные признаки. Разумеется, при детальном анализе системы сложных предложений в целом можно выделять и периферийные звенья, вписав в круги три шкалы переходности: 1) ССП – СПП; 2) ССП – СБП; 3) СПП – СБП, используя буквенную символику шкалы.

Еще В.Г. Адмони обратил внимание на возможность построения шкалы, показывающей «многообразие варьирования «утвердительности» и «отрицательности» предложения по степени их силы».²⁷

Шкала переходности, построенная мною, реализовала идею В.Г. Адмони и позволила дифференцировать ядерные и переходные (периферийные и промежуточные) звенья:

А – Я, конечно, зайду завтра к тебе.

Аб – Я зайду завтра к тебе.

АБ – Я, вероятно, зайду завтра к тебе.

аБ – Я не зайду завтра к тебе.

Б – Я, конечно, не зайду завтра к тебе.²⁸

Структурно-семантическую категорию противительности описывает М.С. Милованова, систематизируя разноуровневые средства выражения противительных отношений. М.С. Милованова показывает взаимосвязи и взаимодействие между сложнейшими языковыми понятиями – лексическим и грамматическим значениями, **впервые** отмечая на шкале переходности периферийные и промежуточные звенья. В промежуточное звено она включает лексико-грамматические средства²⁹.

В некоторых случаях изоморфные средства, вписанные в пирамиду противительности по вертикали, могут быть дополнены (и кое-что уже исследовано) анализом явлений переходности по горизонтали³⁰.

Анализ сложноподчиненных предложений в свете теории синхронной переходности с использованием некоторых идей функционально-семантического поля дает С.И. Дружинина³¹.

Первый опыт совмещения идей синхронной переходности и функционально-семантического поля при описании частей речи находим в фундаментальной монографии В.В. Виноградова «Русский язык» (М., 1947).

В.В. Виноградов, не употребляя терминов **поле** и **круг**, описывает «поля» частей речи с указанием и описанием ядерных, периферийных и промежуточных частей речи и их лексико-грамматических разрядов.

Части речи представляют собой структурно-семантические категории, структурно-семантические классы слов³².

В традиционной русистике в центре внимания (см. выше) были ядерные части речи, их дифференциальные признаки. В теории синхронной переходности центром внимания стала зона переходных образований, проблемы функциональной омонимии.

Исследование частеречных взаимодействий с помощью шкалы переходности позволило И.В. Высоцкой убедительно показать различия между ядерными и переходными явлениями (периферийными и промежуточными), дифференцировать окказиональные и узуальные образования. Все теоретические выводы основаны на глубоком анализе богатого речевого материала.

Многочисленные исследования функционирования омокомплексов, объединяющих группы функциональных

омонимов, показывают эффективность исследований языка и речи в свете теории синхронной переходности.

Подводя итоги, особо подчеркну основные особенности теорий синхронной переходности и функционально-семантического поля.

Функционально-семантическое поле позволяет представить общую картину объекта исследования во всем разнообразии разноуровневых средств его выражения.

Теория синхронной переходности, кроме этого, позволяет показать место исследуемого объекта в системе языка, его связи с другими объектами (часто на шкале переходности).

В теории функционально-семантического поля не выделяются промежуточные языковые и речевые факты, редко отмечается наличие оппозиций.

В теории синхронной переходности ядерные звенья оказываются на периферии внимания, а в центре внимания – зона переходности (синкретичные, периферийные и промежуточные образования). Однако этот «недостаток» является мнимым, так как исследование зоны переходности позволяет высветить границы ядра, обосновать набор его дифференциальных признаков, необходимых для исследования синкретичных звеньев.

Таким образом, для теории функционально-семантического поля – основной объект исследования – типичные (ядерные) явления языка и речи, а для теории синхронной переходности – зона синкретизма. Неоспоримое преимущество теории синхронной переходности заключается и в том, что она позволяет анализировать взаимодействие единиц языка (и его результаты) не только по горизонтали (уровневые переходы), но и по вертикали (межуровневые переходы).

Примечания.

1. См. раздел «Функционально-семантические поля и синхронная переходность» в монографии: *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. – М., 2000. – С. 87–93.

2. См.: *Бабайцева В.В.* Структурно-семантическое направление в современной русистике // Филологические науки. – 2006. – № 2.

3. См.: *Бабайцева В.В.* Переходные конструкции в синтаксисе. – Воронеж, 1967. – С. 21.

4. См.: *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. – М., 2000. – С. 27.
5. См.: *Бабайцева В.В.* Изоморфизм и переходность явлений языка как системообразующие факторы // Текст. Структура и семантика. – М., 2009.
6. См.: *Виноградов В.В.* Русский язык. – М., 1947.
7. См. первое описание шкалы переходности в монографии: *Бабайцева В.В.* Переходные конструкции в синтаксисе. – Воронеж, 1967. Позднее шкала неоднократно использовалась как метод исследования в работах, посвященных проблеме синхронной переходности.
8. См. краткую историю становления и развития теории синхронной переходности в монографии: *Высоцкая И.В.* Субстантивация в свете теории синхронной переходности. – Новосибирск, 2009.
9. См.: *Бабайцева В.В.* Развитие идей отечественного языкознания в структурно-семантическом синтаксисе // Структурно-семантическое описание единиц языка и речи. – М., 2006.
10. См., например: *Бабайцева В.В.* Русский язык. Теория. 5–9 классы. – М., 2009 и др. издания.
11. В традиционной и зарубежной лингвистике эта закономерность освещается как изоморфизм явлений языка и речи.
12. См. библиографию в книге: *Щур Г.С.* Теория поля в лингвистике. – М., 1974.
13. *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. – Л., 1984. – С. 21–22.
14. См., например: *Колесникова С.М.* Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке. – М., 2010; *Милованова М.С.* Противительность как структурно-семантическая категория // Филологические науки. – 2010. – № 3; *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. – Л., 1976 и др.
15. См., например: *Химик В.В.* Категория субъективности и ее выражение в русском языке. – Л., 1990.
16. См., например: *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. – Л., 1976 и др.
17. *Щерба Л.В.* Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений // Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1958. – С. 35–36.
18. Шкала переходности может быть использована и при анализе единиц других уровней.
19. См.: *Бабайцева В.В.* Переходные конструкции в синтаксисе. – Воронеж, 1967. – С. 22.
20. *Щерба Л.В.* Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 121.

- Впервые статья была опубликована в журнале «Русский язык в школе». – 1939. – № 4.
21. Там же. – С. 121.
 22. *Щерба Л.В.* Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 121.
 23. См.: *Полевые структуры в системе языка.* – Воронеж, 1989 и др.
 24. См.: *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. – М., 2000. – С. 89–91.
 25. См. работы Н.Н. Холодова (о сложносочиненных предложениях) и Е.Н. Ширяева (о сложных бессоюзных предложениях) и др.
 26. См.: *Бабайцева В.В.* Изоморфизм и переходность явлений языка как системообразующие факторы // Текст. Структура и семантика. – М., 2009 и др.
 27. *Адмони В.Г.* Типология предложения // Исследования по общей теории грамматики. – М., 1969. – С. 268.
 28. См. анализ шкалы: *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. – М., 2000. – С. 222–223.
 29. См.: *Милованова М.С.* Противительность как структурно-семантическая категория // Филологические науки. – 2010. – № 3.
 30. См., например: *Сорокина М.А.* Функционирование омонимов *правда* в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002; *Милованова М.С.* Функциональные омонимы звуковых комплексов *против / напротив* и их грамматический статус: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004.
 31. *Дружинина С.И.* Синкретизм в системе сложноподчиненных предложений. – Орел, 2008.
 32. См.: *Баудер А.Я.* Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. – Таллин, 1982; *Высоцкая И.В.* Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. – М., 2006; *Высоцкая И.В.* Субстантивация в свете теории синхронной переходности. – Новосибирск, 2009 и др.

О некоторых терминах лингвистики.

В современном русском языке и лингвометодике наблюдается тенденция – замена несогласованных определений с дополнительным объектным значением согласованными. При такой замене утрачивается объектная семантика, но появляется (хотя и не всегда) семантика оценки.

Этот процесс оказывает влияние и на терминологию лингвистики.

Разумеется, такие речевые замены требуют специальных исследований. В этой заметке я отмечу лишь некоторые случаи такой замены в публикациях известных лингвистов.

Традиционным названием монографии, обобщающей исследования грамматического строя русского языка, было принято название «Грамматика русского языка». Это название было характерно и для академических изданий, и для вузовских и школьных учебников. Сравним два названия *грамматика русского языка* и *русская грамматика*. В семантике родительного падежа (в первом термине) есть объектное значение; в слове *русская* значение объекта исчезает, но появляется указание на место создания грамматики, на её автора(-ов). Возможные словосочетания *чешская грамматика русского языка*, *русская грамматика чешского языка* и т.д.

Публикация Русской грамматики (издание АН СССР) в 1980 году не стало эталоном, но оказало влияние на выбор соответствующих названий. Авторы вузовских и школьных учебников стали называть их «Русский язык» или «Современный русский язык». Такие названия можно объяснить

и тем, что в учебниках появились значительные по объёму новые разделы. Однако и эти названия не вполне соответствуют содержанию.

Ещё примеры замены родительного падежа согласованными определениями. *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М., 1988; ср.: Словарь... единиц... *Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. – М., 1986; ср.: Синтаксис «поэзии». *Козинец С.Б.* Словообразовательная метафора в русском языке. – М., 2009. В монографии (по докторской диссертации) имеются в виду метафоры, образованные словообразовательными средствами; метафоры-следствия, результат словообразования. В словосочетании «словообразовательная метафора» – метафора включается в перечень словообразовательных средств русского языка. *Сигал К.Я., Юрьева Н.М.* Метод эксперимента и его применение **в речевых исследованиях***. – М., 2009; ср.: *в исследованиях речи*.

Не всегда адекватно употребляются давно известные термины для обозначения (выражения) новых идей современной лингвистики. Приведу примеры.

1. Функционирование языковых единиц и категорий. Сб. научных статей / Под ред. А.Я. Баудера. – Таллин, 1986; а) *категории не функционируют;*

б) *нет однородности: языковые единицы и категории.*
2. Научно-методическое обеспечение процесса обучения русскому языку в школе и вузе. Материалы международной научно-практической конференции 15–16 марта 2001. – М., 2001. *Не пора ли изучать русский язык, особенно в вузе?*

3. **Вопросы словосочетания** и предложения в русском языке. – Волгоград, 1968. *Вопросы Маши – Машины вопросы. Словосочетание само задать вопрос не может.*

4. Девятые международные Виноградовские чтения. Функционирование **языка и речи**. – М., 2006.

В заключение хочу обратить внимание на заголовок в последнем примере. Я различаю словосочетания: *изучение языка и обучение речи*. В лингвометодической литературе это не всегда учитывается. В результате в методической литературе встречаем словосочетания-уродцы, нарушающие

* Здесь и далее выделение мое. – В.Б.

нормы литературного языка. Дополнио иллюстративные примеры тематикой диссертаций:

1. Липатова В.Ю. Совершенствование **текстопорождающей** деятельности студентов при изучении риторики. АКД. – М., 2006.

2. Брадецкая И.Г. **Обучение** старшеклассников профильно ориентированных классов этикетному речевому **поведению** в ситуациях делового общения. АКД. – М., 2007.

3. Сметнёва Н.А. **Обучение** студентов-филологов **средствам** выражения ценностного отношения к родному языку в научно-учебной речи. АКД. – М., 2007.

4. Миронова Т.И. **Обучение** портретной **характеристике** на основе произведений живописи на уроках русского языка. АКД. – М., 2009.

126 5. Касперская О.В. Методы обучения интерпретационной деятельности старшеклассников в профильной школе в процессе преподавания русского языка. АКД. – М., 2010 и т.д.

Многословие с пустословием, сочетание несочетаемого и т.д. Чего стоят, например, такие словосочетания: *интерпретационная деятельность, текстопорождающая деятельность* и др.

Проблемы грамматики

Два подхода к изучению синтаксических единиц: «подход снизу» и «подход сверху».

Глубина познания явлений действительного мира безгранична, тем более такого сложного образования, как язык.

Язык объемён, многопланов, многомерен, многоаспектен. Наиболее полное описание синтаксических единиц даёт структурно-семантическое направление – прямой наследник отечественного языкознания.¹

Разумеется, одноаспектные описания могут более глубоко показывать соответствующую сторону единиц синтаксиса. Каждый подход позволяет высветить лишь часть свойств объекта наблюдений.

Очевидно, что каждая новая точка зрения может подать и новые свойства языковых явлений. При аспектном подходе единицы языка изучаются по горизонтали, хотя описание их может быть объёмным.

Целесообразно дополнять горизонтальные аспектные анализы исследуемых единиц языка по вертикали. Вертикальный анализ позволяет увидеть какие-то свойства языка «снизу» и «сверху». Эти подходы к исследованию синтаксических единиц условно называются «подходом снизу» и «подходом сверху».²

Эти два подхода к выделению синтаксических единиц отражают разные уровни системы синтаксиса, в которой единицы более низкого уровня входят в единицы более высокого уровня и, наоборот, единицы более высокого уровня членятся на единицы более низкого уровня. Син-

таксические единицы более низкого уровня в построениях более высокого уровня выступают как элементы (компоненты), которые вступают друг с другом в синтаксические связи и отношения.

Эти подходы к анализу синтаксических единиц, отражающие разные уровни синтаксической системы, позволяют показать их существенные структурные и семантические свойства.

В следующей таблице представлена система синтаксических единиц в определенной последовательности, обусловленной их «вертикальными» отношениями. В таблице выделены две графы в соответствии с методом исследования синтаксических единиц: «подход снизу» и «подход сверху», на что указано стрелками.

Подход «снизу»	Подход «сверху»
↑ Текст Сложное предложение Простое предложение Словосочетание Словоформа	Текст Сложное предложение Простое предложение и предикативные части сложного Сочетания слов, в том числе и словосочетания ↓ Член предложения

При подходе снизу можно показать, **из чего строятся синтаксические единицы**; при подходе сверху – **на какие единицы они делятся**.

Иерархическую систему синтаксических единиц при обоих подходах объединяет текст – вершина речевой деятельности. Именно в тексте проявляются возможности единиц фонетико-фонологического, морфемного, морфологического и синтаксического уровней, а также лексико-стилистического аспекта единиц языка.

Определение текста, принятое в школьной практике, совмещает разные подходы: «Текст – сочетание предложений (простых и сложных), связанных между собой по смыслу и грамматически».³

Единством темы обусловлены цельность и связность текста – его важнейшие свойства. Цельность – смысловое внутреннее единство текста, а связность – наличие формальных (грамматических) и смысловых связей предложений в тексте.⁴

В определении текста и его важнейших свойств сочетаются те признаки, которые выявляются при подходе снизу и сверху (от темы). Остальные синтаксические единицы соотносительны по своему строению и значению: в них есть общие и различные свойства, которые можно отличить при их сопоставительном вертикальном анализе.

При анализе смысловых частей текста целесообразно указывать количество и типы предложений, образующих текст и вычленяемых из текста.

Предложения в тексте располагаются в логико-смысловой последовательности. Простые предложения, вычленяемые из текста, могут «приспосабливать» свое строение к структуре текста. Минимальное по структуре **сложное** предложение образуется из двух предложений, которые при этом теряют смысловую и интонационную самостоятельность в разной степени. Для разных типов сложных предложений и даже для их разновидностей характерна разная степень преобразований свойств простых предложений, утраты их смысловой и интонационной самостоятельности.

Сравните:

I. *Здесь мой голос на резком ветру загрубел, да и сердце мое загрубело.* (А. Сурков.) *Над озером блеснула тусклая зарница, и лишь минуту спустя прокатился далекий гром.* (К. Паустовский.)

II. *Я думал о людях, чья жизнь была связана с этими берегами.* (К. Паустовский.)

III. а) *Травка зеленеет, солнышко блестит...*

б) *Знай: мы чужие с этих пор.* (М. Лермонтов.)

При подходе сверху из сложного предложения вычленяем предикативные части, не обладающие всеми свойствами простого предложения, а именно: у них может не быть смысловой завершенности и, как правило, нет интонационной самостоятельности.

Разные подходы дают разное **видение** сложных предложений, условий их образования и функционирования.

В одних определениях сложных предложений отмечается, что они состоят из простых предложений (взгляд снизу), в других определениях отмечается наличие в сложных предложениях предикативных частей (взгляд сверху).

Сравните:

1. «Сложным предложением называется синтаксическая единица, компонентами которой являются предложения, связанные между собой синтаксическими отношениями».⁵

2. «Сложным называется предложение, представляющее собой интонационное и смысловое целое, но состоящее из таких частей (двух или больше), которые по своей внешней, формальной грамматической структуре более или менее однотипны с простыми предложениями».⁶

3. «Все сказанное позволяет определить сложное предложение как сочетание предикативных единиц, построенное по той или иной структурной схеме и предназначенное для функционирования в качестве целостной единицы сообщения».⁷

Первое определение отражает подход снизу, остальные – подход сверху. Другие определения, встречающиеся в лингвометодической литературе, как правило, представляют собой вариации указанных определений.

Простое предложение образуется из слов и словосочетаний. Между словами в предложении образуются предикативные и непредикативные отношения. В соответствии с характером выражаемой мысли и целями общения заполняются синтаксические позиции, происходит актуализация некоторых членов предложения логическим ударением, инверсией, служебными словами и т.д.

Уровень словосочетаний и сочетаний слов дает чрезвычайно интересные для наблюдения и анализа результаты.

Словосочетание составляется по языковым моделям из слов – знаменательных частей речи с возможным (необходимым) числом служебных слов. Построение словосочетаний при «подходе снизу» идет от слова путем его распространения: *свежий снег, прозрачная (ключевая) вода* и т.д.

В сочинительных словосочетаниях соединяются однотипные по семантике слова. Сочинительные словосочетания больше способны к расширению, чем подчинительные: *и жизнь, и слезы, и любовь.* (А. Пушкин.)

«Подход сверху» предполагает вычленение словосочетаний из предложения. В нашем саду растут красная и черная розы. Из этого предложения можем выделить следующие словосочетания: 1) *красная и черная розы* (подчинительное словосочетание), 2) *красная и черная* (сочинительное словосочетание), 3) *растут в саду* (подчинительное словосочетание), 4) *в нашем саду* (подчинительное словосочетание).

Подчинительные и сочинительные словосочетания⁸ составляют в предложении структурно-семантические блоки, знание которых облегчает анализ предложения.

Разные подходы к анализу словосочетаний позволяют обосновать некоторые вариативные научно-методические вопросы и ответы:

I вариант. Вопрос: Из каких словосочетаний образовалось словосочетание *красная и черная розы*?

Ответ: из словосочетаний *красная роза* и *черная роза*.

II вариант. Вопрос: Какое словосочетание можно вычленить из сложного словосочетания *красная и черная розы*?

Ответ: *красная и черная* (сочинительное словосочетание).

Из предложения *Мягкий и пушистый снег падает на землю*, можно вычленить словосочетания *мягкий и пушистый снег*, *мягкий и пушистый*, *падает на землю*, но нельзя вычленить *мягкий снег* и *пушистый снег*, хотя можно рассматривать эти словосочетания как строительный материал для предложения (при «подходе снизу»).

При «подходе сверху» в простом предложении можно отметить не только предикативные сочетания и непредикативные словосочетания, но и *полупредикативные* сочетания (различного рода **обороты**) и сочетания слов с пояснительными отношениями. Синтаксический статус тех и других сочетаний, их место в системе синтаксических единиц, несмотря на большое количество исследований, остается неопределенным. Непонятно, почему одни и те же сочетания слов с семантикой определения в зависимости от места по отношению к определяемому слову трактуются по-разному.

Сравним, например:

I. *Нависшая над горизонтом туча предвещала непогоду*.

Словосочетания: 1) *нависшая туча*, 2) *нависшая над горизонтом*, 3) *предвещала непогоду*.

II. *Туча, нависшая над горизонтом, предвещала непогоду*.

Словосочетания: 1) *нависшая над горизонтом*, 2) *предвещала непогоду*.

Обычно при учебном анализе сопоставляемых предложений при инверсии причастного оборота не без оснований не выделяется сочетание *туча, нависшая*, но можно выделить как сложное – *туча, нависшая над горизонтом* – и из него выделить простое – *нависшая над горизонтом*.

Включение полупредикативных сочетаний в число **сложных** словосочетаний целесообразно не только с научной, но и (особенно) с методической точки зрения.

Особого исследования с позиции двух подходов требуют и сочетания с пояснительными отношениями. Так, из предложения *Внизу, в тени, шумел Дунай*. (Ф. Тютчев.) можно вычленить словосочетание *внизу, в тени, шумел*, в котором компоненты пояснения подчиняются глаголу, причем второй компонент *в тени* поясняет первый. Словоформа *в тени* имеет двойное подчинение. *Внизу, в тени* – сочетание или словосочетание?

Для понимания специфики единиц низшего уровня системы синтаксических единиц особенно важно сопоставление слова (в одной из его форм) и члена предложения.

Количество словоформ и членов предложения может совпадать, например: *Медлительно влекутся дни мои*. (А. Пушкин.) Однако такое соответствие наблюдается не всегда. Так, в предложении *Сколько дней, вечеров и ночей провела она в этой темной квартире!* (Серебровская.) 9 словоформ, но 6 членов предложения. 4 словоформы образуют в предложении синтаксически неделимое (цельное) словосочетание, выполняющее функцию одного члена предложения.

Члены предложения включаются в число синтаксических единиц, так как члены предложения – это структурно-семантические компоненты предложения, связанные друг с другом синтаксическими связями и отношениями.

Словоформы выделяются при «подходе снизу», члены предложения – при «подходе сверху». По традиции при описании семантики членов предложения после определения общего категориального значения членов предложения перечисляются их частные значения («подход сверху»).

Так, в определении, обозначающем конкретизирующий признак предмета, обобщаются более частные значения признака, которые выделяются при анализе словосочетаний.⁹ Основные значения следующие:

1) значение качественного признака предмета: *любимый край, соловьиный сад, солнечный день, дымовая завеса, материнское сердце, поздняя осень* и т.п.;

2) значение признака по действию: *зеленеющий лес, задуманное дело, выполненная работа, прошедший день* и т.п.;

3) значение признака по субъекту действия: *полет летчика, приказ командира, шепот ночи* и т.п.;

4) значение признака предмета по его отношению к другому предмету: *лодка с парусом, небо с синевой, чайник со свистком* и т.п.;

5) значение предмета по материалу, из которого сделан предмет: *дом из кирпича, туфли из замши, платье из ситца* и т.п.;

6) значение количественного признака предмета: *третий день, с пятью книгами, на двух столбах* и т.п.;

7) значение признака по принадлежности: *моя деревня, песня соловья, сердце матери* и т.п.;

8) значение признака предмета по месту: *дом в лесу, пригородная роща, сад в пригороде, деревенский житель* и т.п.;

9) значение признака предмета по времени: *майская гроза, гроза в мае, январский гром, декабрьская ночь* и т.п.

В заключение еще раз подчеркнем важность принятой методики исследования, так как она нередко обуславливает получаемые результаты.

Разные подходы (снизу и сверху) к изучению синтаксических единиц позволяют увидеть те их свойства, которые ускользают от исследователя только горизонтальных связей и отношений между синтаксическими единицами.

Результаты наблюдений «вертикальных» связей и отношений объясняют разнообразие определений синтаксических единиц, обусловленных разными точками зрения на синтаксические единицы: взгляд «снизу» и взгляд «сверху» позволяют увидеть разные свойства синтаксических единиц, понять причины противоречивых трактовок некоторых синтаксических явлений.

Примечания.

1. См.: *Бабайцева В.В.* Структурно-семантическое направление в современной русистике // *Филологические науки.* – 2006. – № 2.

2. См.: *Бабайцева В.В.* Русский язык. Синтаксис и пунктуация. – М., 1979. – С. 3–8; *Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык. Ч. III. Синтаксис и пунктуация. – М., 1981. См. также и более поздние издания вузовских учебников.

3. *Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д.* Русский язык. 4–8 классы. – М., 1982. – С. 10; *Бабайцева В.В.* Русский язык. 10–11 классы. – М., 2005. – С. 34 и др.

4. *Сыров И.А.* Способы реализации категории связности в художественном тексте. – М., 2005.

5. *Белошапкова В.А.* Современный русский язык. Синтаксис. – М., 1977. – С. 12. См. также: *Бабайцева В.В.* Русский язык. Теория 5–11. – М., 1995. – С. 336.

6. *Грамматика русского языка. Синтаксис.* – М., 1960. – Т. II. – Ч. 1. – С. 99.

7. *Грамматика современного русского литературного языка.* – М., 1970. – С. 653.

8. См.: *Бабайцева В.В.* Подчинительные и сочинительные словосочетания в современном русском языке // *РЯШ.* – 2006. – № 4.

9. *Бабайцева В.В.* Система членов предложения в современном русском языке. – М., 1989. – С. 129.

Некоторые пути анализа единиц синтаксической системы.

Синтаксический уровень является высшим ярусом языковой системы.

В.В. Виноградов писал: «При общей устойчивости грамматического строя любого языка предложение, способы его построения и его господствующие формы представляют собой наиболее устойчивые элементы структуры языка. Они сохраняются в основном в течение ряда эпох».¹

Относительная стабильность системы языка обеспечивает синтаксический уровень, поэтому понятен постоянный интерес исследователей к структуре и семантике синтаксической системы, которая представляет собой иерархически организованную совокупность синтаксических единиц.

В истории изучения строения и значения синтаксических единиц известны различные методы и приемы их анализа.

Объемную картину свойств синтаксических единиц, как известно, дает их многоаспектный анализ в рамках структурно-семантического направления. Результаты таких исследований широко используются в практике преподавания.

Новые пути исследования синтаксических единиц обусловливает учет системного характера языка вообще и синтаксических единиц в частности.

Одним из новых путей анализа является выделение двух подходов исследования синтаксических единиц, которые можно разграничить по направлению анализа: «подход снизу» и «подход сверху».²

Эти два подхода к выделению синтаксических единиц отражают разные уровни системы синтаксиса, в которой единицы более низкого уровня входят в единицы более высокого уровня и, наоборот, единицы более высокого уровня членятся на единицы более низкого уровня. Синтаксические единицы более низкого уровня в построениях более высокого уровня выступают как элементы (компоненты), которые вступают друг с другом в синтаксические связи и отношения.

Эти подходы к анализу синтаксических единиц, отражающие разные уровни синтаксической системы, позволяют показать их существенные структурные и семантические свойства.

В таблице на странице 129 представлена система синтаксических единиц в определенной последовательности, обусловленной их «вертикальными» отношениями.

При «подходе снизу» можно показать, *из чего строятся синтаксические единицы*; при «подходе сверху» – *на какие единицы они делятся*.

Иерархическую систему синтаксических единиц при обоих подходах объединяет текст – вершина речевой деятельности. Именно в тексте проявляются возможности единиц фонетико-фонологического, морфемного, морфологического и синтаксического уровней, а также лексико-стилистического аспекта единиц языка.

Известны два пути изучения текста: *что представляет собой данный текст? как он строится?*

Первый путь анализа текста широко представлен в современной лингвистике и лингвометодике. Второй путь более характерен для практики преподавания, так как одной из важнейших задач обучения речи является формирование умения строить тексты разных жанров, разных стилей, разных типов.

В многочисленных определениях текста как единицы языка и речи учитываются разнообразные признаки, выделяемые при разных подходах.

Определение текста, принятое в школьной практике, совмещает разные подходы: «Текст – сочетание предложений (простых и сложных), связанных между собой по смыслу и грамматически».³

Единством темы обусловлены цельность и связность текста – его важнейшие свойства. Цельность – смысловое внутреннее единство текста, а связность – наличие формальных (грамматических) и смысловых связей предложений в тексте.

При анализе смысловых частей текста целесообразно указывать количество и типы предложений, образующих текст и вычленяемых из текста.

Предложения в тексте располагаются в логико-смысловой последовательности. Простые и сложные в составе текста «приспосабливают» свое строение к структуре текста.

Остальные синтаксические единицы соотносительны по своему строению и значению: в них есть общие и различные свойства, которые можно отличить при их сопоставительном горизонтальном и вертикальном анализе.

При вертикальном анализе акцентируются свойства синтаксических единиц, обусловленные их связями с единицами верхних уровней, а при горизонтальном сопоставлении отмечаются те свойства синтаксических единиц, которые у них появляются при разных подходах к исследованию.

Минимальное по структуре *сложное* предложение образуется из двух предложений, которые при этом теряют смысловую и интонационную самостоятельность в разной степени. Для разных типов сложных предложений и даже для их разновидностей характерна разная степень преобразований свойств простых предложений, утраты их смысловой и интонационной самостоятельности.

Сравните.

I. Сложноподчиненные предложения:

Я думал о людях, чья жизнь была связана с этими берегами. (К. Паустовский.)

Я тот, кого никто не любит. (М. Лермонтов.)

II. Сложносочиненные предложения:

Здесь мой голос на резком ветру загрубел, да и сердце мое загрубело. (А. Сурков.)

Над озером блеснула тусклая зарница, и лишь минуту спустя прокатился далекий гром. (К. Паустовский.)

III. Сложные бессоюзные предложения:

Травка зеленеет, солнышко блестит, ласточка с весною в сени к нам летит. (А. Плещеев.)

Знай: мы чужие с этих пор. (М. Лермонтов.)

При «подходе снизу» выделяем **простые предложения**, из которых строится сложное предложение.

При «подходе сверху» из сложного предложения вычленим **предикативные части**, не обладающие всеми свойствами простого предложения, а именно: у них может не быть смысловой завершенности и, как правило, нет интонационной самостоятельности.

Степень смысловой завершенности частей различна. Наиболее тесная связь между частями – в сложноподчиненных предложениях, более свободная – в сложносочиненных. В приведенных примерах сложных бессоюзных предложений степень их цельности различна. В цитате из А. Плещеева части сложного бессоюзного предложения настолько автономны по строению, что их можно разделить точками, усилив тем самым информативную значимость каждого предложения, хотя и при этом будет сохранена общая картина весны. В цитате из М. Лермонтова первая часть не имеет ни смысловой, ни интонационной завершенности.

В.В. Виноградов писал: «Одним из самых важных вопросов строя сложного предложения является вопрос о способах использования и сочетания простых предложений и их элементов как строительного материала, лежащего в основе сложных предложений».⁴

Разные подходы дают разное **видение** сложных предложений, условий их образования и функционирования. В одних определениях сложных предложений отмечается, что они состоят из простых предложений (взгляд снизу), в других определениях отмечается наличие в сложных предложениях предикативных частей (взгляд сверху).

Сравните:

1. «Строительным материалом для сложного предложения является не слово и не словосочетание, а простое предложение»,⁵ – писал В.В. Виноградов.

2. А.Б. Шапиро систему пунктуации строит на основе «подхода сверху» (от сложных единиц к простым). «Сложное предложение», – пишет он, – состоит из двух и более простых предложений, объединенных в одну сложную синтаксическую единицу».⁶

3. «Сложным предложением называется синтаксическая единица, компонентами которой являются предложения, связанные между собой синтаксическими отношениями».⁷

4. «Сложным называется предложение, представляющее собой интонационное и смысловое целое, но состоящее из таких частей (двух или больше), которые по своей внешней, формальной грамматической структуре более или менее однотипны с простыми предложениями».⁸

5. «Все сказанное позволяет определить сложное предложение как сочетание предикативных единиц, построенное по той или иной структурной схеме и предназначенное для функционирования в качестве целостной единицы сообщения».⁹

Первое определение отражает «подход снизу», остальные – «подход сверху». Другие определения, встречающиеся в лингвистической и лингвометодической литературе, как правило, представляют собой вариации указанных определений.

Простое предложение образуется из слов и словосочетаний. В.В. Виноградов отмечал: «Изучая правила составления предложений, синтаксис прежде всего должен выяснить, как слова и словосочетания, объединяясь в структуре предложения в качестве его членов, образуют предложение – эту основную синтаксическую единицу...».¹⁰ Между словами в предложении образуются предикативные и непредикативные отношения. В соответствии с характером выражаемой мысли и целями общения заполняются синтаксические позиции, происходит актуализация некоторых членов предложения логическим ударением, инверсией, служебными словами и т.д.

Словосочетания и сочетания слов дают чрезвычайно интересные для наблюдения и анализа результаты.

Результаты двух подходов в диахронии и синхронии оценивает А.А. Шахматов: «...в языке бытие получили сначала предложения; позже путем расчленения предложений <...> в них выделились словосочетания и слова для самостоятельного (хотя весьма ограниченного и случайного) бытия и употребления (обычно же слова и словосочетания обретаются в составе предложения)».¹¹

Словосочетание составляется по языковым моделям из слов – знаменательных частей речи с возможным (необходимым) числом служебных слов. Построение словосочетаний при «подходе снизу» идет от слова путем его расширения.

Например:

Вода → ключевая вода → холодная ключевая вода → очень холодная ключевая вода.

Говорить → говорить с другом → откровенно говорить с другом → откровенно говорить с другом о новостях → откровенно говорить с другом о последних новостях и т.д.

Такой путь распространения слова был предложен В.В. Виноградовым и поддержан рядом других лингвистов.

В сочинительных словосочетаниях¹² соединяются однотипные по семантике слова. Сочинительные словосочетания больше способны к расширению, чем подчинительные: *и жизнь, и слезы, и любовь*. (А. Пушкин.)

«Подход сверху» предполагает вычленение словосочетаний из предложения. Этот путь позволяет выделять из предложения не только подчинительные, но и сочинительные словосочетания, а также и другие виды сочетаний слов. Наблюдения над функционированием словосочетаний в предложении показывают, как предложение влияет на строение словосочетаний, подчиняя их закономерностям построения предложения.

Так, из предложения *На клумбе красовались желтые и синие астры*, выделяем следующие словосочетания:

1. *Желтые и синие астры* (сложное подчинительное словосочетание).

2. *Желтые и синие* (сочинительное словосочетание).

3. *На клумбе красовались* (подчинительное словосочетание).

Разные подходы обуславливают дифференциацию простых и сложных словосочетаний. Сложные словосочетания обычно выделяются при «подходе сверху».¹³

Разные подходы к анализу словосочетаний позволяют обосновать некоторые вариативные научно-методические вопросы и ответы:

I вариант. Вопрос: Из каких словосочетаний образовалось словосочетание *желтые и синие астры*?

Ответ: из словосочетаний *желтая астра* и *синяя астра*.

II вариант. Вопрос: Какое словосочетание можно вычленить из сложного словосочетания *желтые и синие астры*?

Ответ: *желтые и синие* (сочинительное словосочетание).

Из предложения *Мягкий и пушистый снег падает на землю*, можно вычленить словосочетания *мягкий и пуши-*

стый снег, мягкий и пушистый, падает на землю, но нельзя вычленить мягкий снег и пушистый снег, хотя можно рассматривать эти словосочетания как строительный материал для предложения (при «подходе снизу»).

В составе предложения («подход сверху») функционируют синтаксически несвободные (цельные) словосочетания, занимающие **одну** синтаксическую позицию.

Сравним также путь выделения словосочетаний из предложения *Он говорил долго и нудно: говорил долго и нудно, долго и нудно*. Нельзя выделить: *говорил долго и говорил нудно*, так как при этом разрушается сочинительное словосочетание.

Словосочетания образуют в предложении структурно-семантические блоки, выделение которых облегчает разбор предложений по членам предложения. В предложении *Сказка нужна не только детям, но и взрослым*. (К. Паустовский.) позицию косвенного дополнения занимает сочинительное словосочетание: *нужна (кому?) не только детям, но и взрослым*.

Из предложения *В дуплах старых толстых осин гнездятся ночные и дневные птицы*. (И. Соколов-Микитов.) выделяем следующие словосочетания:

1. Ночные и дневные птицы.
2. Ночные и дневные.
3. В дуплах гнездятся.
4. (В) дуплах осин.
5. Старых толстых осин.
5. Толстых осин.

При «подходе сверху» в простом предложении можно отметить не только предикативные сочетания и непредикативные словосочетания, но и *полупредикативные* сочетания (различного рода **обороты**) и сочетания слов с пояснительными отношениями. Синтаксический статус тех и других сочетаний, их место в системе синтаксических единиц, несмотря на большое количество исследований, остается неопределенным.

В этой статье рассмотрим лишь причастные и адъективные обороты в препозиции и постпозиции по отношению к определяемому слову.

Сравним:

I. Мощенная булыжником дорога поднималась на вал. (Д. Гранин.)

Словосочетания:

1. Мощенная булыжником дорога.
2. Мощенная булыжником.
3. Поднималась на вал.

II. Дорога, мощенная булыжником, поднималась на вал.

Словосочетания:

1. Дорога, мощенная булыжником.
2. Мощенная булыжником.
3. Поднималась на вал.

Актуализация причастного оборота постпозицией осложнила его полупредикативностью, но не изменила характера синтаксических связей и отношений. Сохраняются атрибутивные отношения и вид подчинительной связи (согласование).

При инверсии причастного оборота не всегда можно выделить простое словосочетание (*дорога, мощенная*), но можно выделить сложное словосочетание, как это показано выше.

Сравним также:

I. На серебряном от инея окне за ночь хризантемы расцвели. (И. Бунин.)

Словосочетания: 1. (На) серебряном от инея окне. 2. Серебряном от инея. 3. На окне расцвели. 4. За ночь расцвели.

II. На окне, серебряном от инея, за ночь хризантемы расцвели. (И. Бунин.)

Словосочетания: 1. (На) окне, серебряном от инея. 2. Серебряном от инея. 3. На окне расцвели. 4. За ночь расцвели.

Словосочетания *дорога, мощенная булыжником* и *на окне, серебряном от инея* представляют собой сложные словосочетания, построенные по схемам: *сущ., прич. + сущ.* и *сущ., прил. + сущ.*

Для понимания специфики единиц низшего уровня системы синтаксических единиц особенно важно сопоставление слова (в одной из его форм) и члена предложения.

Количество словоформ и членов предложения может совпадать, например: *Медлительно влекутся дни мои*. (А. Пушкин.) Однако такое соответствие наблюдается не всегда. Так, в предложении *Сколько дней, вечеров и ночей*

провела она в этой темной квартире! (Серебровская.) 9 словоформ, но 6 членов предложения. 4 словоформы образуют в предложении синтаксически неделимое (цельное) словосочетание, выполняющее функцию одного члена предложения.

Члены предложения включаются в число синтаксических единиц, так как члены предложения – это структурно-семантические компоненты предложения, связанные друг с другом синтаксическими связями и отношениями.

Словоформы выделяются при «подходе снизу», члены предложения – при «подходе сверху». По традиции при описании семантики членов предложения после определения общего категориального значения членов предложения перечисляются их частные значения («подход сверху»).

144 Так, в определении, обозначающем конкретизирующий признак предмета, обобщаются более частные значения признака, которые выделяются при анализе словосочетаний.¹⁴ Основные значения следующие:

1) значение качественного признака предмета: *любимый край, соловьиный сад, солнечный день, дымовая завеса, материнское сердце, поздняя осень* и т.п.;

2) значение признака по действию: *зеленеющий лес, задуманное дело, выполненная работа, прошедший день* и т.п.;

3) значение признака по субъекту действия: *полет летчика, приказ командира, шепот ночи* и т.п.;

4) значение признака предмета по его отношению к другому предмету: *лодка с парусом, окно с наличником* и т.п.;

5) значение предмета по материалу, из которого сделан предмет: *дом из кирпича, туфли из замши, платье из ситца* и т.п.;

6) значение количественного признака предмета: *третий день, с пятью книгами, на двух столбах* и т.п.;

7) значение признака по принадлежности: *моя деревня, песня соловья, сердце матери* и т.п.;

8) значение признака предмета по месту: *дом в лесу, пригородная роща, сад в пригороде, деревенский житель* и т.п.;

9) значение признака предмета по времени: *майская гроза, гроза в мае, январский гром, декабрьская ночь* и т.п.

В заключение еще раз подчеркнем важность принятой методики исследования, так как она нередко обуславливает различие в получаемых результатах.

Разные подходы («снизу» и «сверху») к изучению синтаксических единиц позволяют увидеть те их свойства, которые ускользают от исследователя только горизонтальных связей и отношений между синтаксическими единицами.

Результаты наблюдений «вертикальных» связей и отношений объясняют разнообразие определений синтаксических единиц. Взгляд «снизу» и взгляд «сверху» позволяют увидеть разные свойства синтаксических единиц, понять причины противоречивых трактовок некоторых синтаксических явлений.

Примечания.

1. Грамматика русского языка. Синтаксис. – М., 1960. – Т. II. – Ч. I. – С. 65.

2. Бабайцева В.В. Два подхода к исследованию синтаксических единиц // Филологические науки. – 2007. – № 2.

3. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык. 4–8 классы. – М., 1982. – С. 10.

Бабайцева В.В. Русский язык. 10–11 классы. – М., 2005. – С. 34 и др.

4. Грамматика русского языка. Синтаксис. – М., 1960. – Т. II. – Ч. I. – С. 65.

5. Там же. С. 99.

6. Шапиро А.Б. Пунктуация. – М., 1974. – Изд. 2. – С. 105.

7. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М., 1977. – С. 12. См. также: Бабайцева В.В. Русский язык. Теория 5–11. – М., 1995. – С. 336.

8. Грамматика русского языка. Синтаксис. – М., 1960. – Т. II. – Ч. I. – С. 99.

9. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970. – С. 653.

10. Грамматика русского языка. Синтаксис. – М., 1960. – Т. II. – Ч. I. – С. 76.

11. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941. – С. 17.

12. См.: Бабайцева В.В. Подчинительные и сочинительные словосочетания в современном русском языке // РЯШ. – 2006. – № 4.

13. См.: Бабайцева В.В. Простые и сложные словосочетания // РЯШ. – 2007. – № 5.

14. См.: Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. – М., 1989. – С. 129.

Грамматические вопросы как средство презентации категориальных значений частей речи и членов предложения.

Грамматический вопрос как один из приемов квалификации единиц грамматического строя русского языка является дискуссионным, хотя со времен Ф.И. Буслаева он используется как в науке, так и в школьной практике. В XIX–XX веках редкий лингвист или лингвометодист не высказывал своего положительного или отрицательного отношения к «вопросам».

Большую роль в распространении негативного отношения к «вопросам» сыграла статья А.М. Пешковского «Вопрос о «вопросах», в которой ученый писал: «Не боясь впасть в преувеличение, я утверждаю, что в современной школьной практике «вопросы» – это **могила** понимания, это **дурман**, одинаково наводящий тяжелый и безумный сон на учителя и на учеников, – сон, именуемый в школе «грамматикой».¹ По мнению ученого, «вопросы» являются «абсолютно вредными как «учебное средство», так как они являются «механическим средством».²

Это резко отрицательное отношение к «вопросу» сформировалось у А.М. Пешковского в результате многолетних размышлений и многочисленных бесед с учителями, отставившими пользу «вопросов» в практике.

А.М. Пешковский – один из классиков отечественной русистики, глубоко и аргументированно освещающий сложные проблемы, поэтому его отрицательная оценка «вопросов» не могла не привлечь внимания, тем более что статья содержит положения, часть которых была воспринята методикой.

Так, А.М. Пешковский советует при разграничении форм именительного и винительного падежей в словах типа *стол* использовать подстановку слов типа *скамья*, у которых формы именительного и винительного падежей не совпадают.

В школьную практику частично вошел и прием использования «фразовых шаблонов» («метод фразного склонения») при определении падежей.

Именительный падеж. *У меня есть...*

Родительный падеж. *У меня нет...*

Дательный падеж. *Я приду к...*

Винительный падеж. *Я вижу...*

Творительный падеж. *Я интересуюсь...*

Предложный падеж. *Я говорю о...*³

Нельзя не заметить эффективности некоторых фраз (особенно при родительном и творительном падежах), но недостатки, которые А.М.Пешковский отмечает у «вопросов», есть и у метода, предложенного ученым.

Очевидно, что многие значения падежей не укладываются в лексические ограничения предлагаемых фраз.

Какова дальнейшая судьба «вопросов» в науке и школьной практике?

Основания классификации частей речи были сформулированы В.В. Виноградовым в фундаментальной монографии «Русский язык» (М., 1947). Ученый рассматривает классификацию частей речи без использования вопросов. Основные показатели частей речи у В.В. Виноградова – синтаксические функции, категориальные значения и формы словообразования и формообразования. Эти идеи В.В. Виноградова были реализованы в академических грамматиках: «Грамматика русского языка» в двух томах (1952–54), «Грамматика современного русского литературного языка» (М., 1970), «Русская грамматика» в двух томах (М., 1980).

Авторитет академических грамматик обусловил молчаливое неприятие «вопросов» как приемов исследования. Однако некоторые ученые, свободные от гипноза авторитетов, используют метод вопросов как один из эффективных приемов исследования явлений морфологии и синтаксиса.

Широко используется метод «вопросов» в лингвистических публикациях.⁴

Однако метод вопросов – не универсальный прием классификации частей речи и синтаксических образований. Несмотря на многочисленные недостатки, метод вопросов имеет и многочисленные достоинства. Вопросы, связанных с грамматическими вопросами как общего, так и частного характера, множество. Из них выделим следующие.

1. Прав ли А.М. Пешковский, рассматривая «вопросы» как «механические средства»?
2. Как соотносятся грамматические вопросы с коммуникативными?
3. Что представляют собой *грамматические вопросы*?
4. Всегда ли можно задать синтаксический вопрос к членам предложения?

Отвечая на первый вопрос, рассмотрим причины и условия использования «грамматических вопросов» к главным членам в следующем предложении: *Вдруг смех заставил его поднять голову.* (Л. Толстой.)

Чтобы задать вопрос к подлежащему и сказуемому в этом предложении, необходимо **предварительно подумать** о синтаксических позициях слов, о субъекте и объекте действий и т.д.

Форма существительного *смех* и его позиция в предложении позволяют осознать, что это подлежащее, но какой вопрос задать: *кто?* или *что?* Лексическое значение неодушевленного существительного *смех* требует вопроса *что?* Но семантика глагола *заставил* предполагает активное действие активного деятеля. Явно, что здесь не помогает «механическое средство». Не помогает оно и при выделении сказуемого. Только призвав на помощь знания о субъектном и объектном инфинитиве, не механически, а сознательно задаем вопросы: *Что заставило поднять голову? Что говорится о смехе?*

Для полноты осознания семантики вспомним действующих лиц: *Вдруг смех (Кити) заставил его (Левина) поднять голову.* Только в результате осмысления семантики предложения, связей и отношений между словами получаем: *Вдруг смех заставил его поднять голову.*

Еще пример: *Начни сначала, начни с нуля.* (А. Вознесенский.)

Слова *сначала* и *с нуля* занимают одинаковую позицию, но их семантика не тождественна, так как *сначала* – наречие,

а *с нуля* – сочетание существительного с предлогом. Этим обусловлено наличие субстантивного компонента в семантике сочетания *с нуля*, утраченного в наречии *сначала*.

Очевидно, что, прежде чем задавать вопросы, нужно **осознать** разницу между этими членами предложения. К обоим членам предложения можно задать обстоятельный вопрос *откуда?*, но только второе сочетание допускает дополнительный вопрос *с чего?*

Выбор вопроса не механическое действие, а результат осмысления отношений между компонентами предложения.

Предикативная пара, как показывают и коммуникативные вопросы, требует взаимных вопросов: от сказуемого для выделения подлежащего и от подлежащего для выделения сказуемого. Например: *Наташа читает.* В этом простейшем предложении для выделения подлежащего задаем вопрос: Кто читает? – Наташа. // Что делает Наташа? – Читает. Нередко к подлежащему ставят изолированный вопрос: *Кто?* или *Что?* Эти одиночные местоимения не поддержаны полными коммуникативными вопросами.

Кроме вопроса к подлежащему от сказуемого, в некоторых методических рекомендациях предлагаются и такие вопросы: *О чем (о ком) говорится в предложении?* и *Что о нем говорится?* В начальной школе эти вопросы и в настоящее время являются основным средством распознавания главных членов. Эти самые общие вопросы к подлежащему и сказуемому обобщают все частные вопросы.

Однако эти общие вопросы работают не всегда.

Например:

1. Росою покрыло траву.
2. Роса покрыла траву.
3. Росою покрылась трава.

О чем говорится в этих предложениях? Очевидно, что речь идет о росе, но это слово в данных предложениях выполняет разные синтаксические функции, а на поставленный выше вопрос обычно отвечает подлежащее.

Предмет речи есть в каждом предложении, но задать общий грамматический вопрос о предмете речи для поисков подлежащего не всегда можно. Так, для большой группы односоставных безличных предложений вопрос *О чем говорится в этом предложении?* можно квалифицировать

как коммуникативный, но не грамматический. Например, в предложении *Повеяло прохладой и печалью.* (А. Дементьев.) есть предмет речи, но нет подлежащего.

В таких случаях общий грамматический вопрос дополняется вопросами именительного падежа *кто?* или *что?*

К трудным случаям использования вопросов к главным членам в двусоставных предложениях относятся предложения, в которых есть олицетворение. Например: *Незримо по лесам поет и бродит Осень.* (И. Бунин.) О чем говорится в этом предложении? – Об Осени. Осень – подлежащее, называет предмет речи, отвечает на вопрос именительного падежа.

Есть и другие случаи, вызывающие вопросы и неоднозначные ответы.

Учитывая трудности выделения подлежащего, отмеченные выше, я даю в учебниках следующие определения главных членов с подробным разъяснением. Подлежащее – главный член предложения, который обозначает предмет речи и отвечает на вопрос именительного падежа *кто?* или *что?*

Если одного общего вопроса для выделения подлежащего недостаточно, уточняем его вопросом *кто?* или *что?*, помогающим найти в предложении слово в именительном падеже: *В саду горит костер рябины красной.* (С. Есенин.)

На вопрос: *о чем говорится в этом предложении?* – можно ответить: *о саде, о костре, о рябине.* Чтобы выделить подлежащее, зададим дополнительный вопрос: *что горит?* – *Костер.* Следовательно подлежащим в этом предложении является слово *костер*, образующее вместе со сказуемым грамматическую основу предложения.

Аналогичным образом определяю и сказуемое. Сказуемое – главный член предложения, который обозначает то, что говорится о предмете речи: *И песню раннюю запел в лагури жаворонок звонкий.* (В. Жуковский.)

Сказуемое отвечает на общий вопрос: *Что говорится о предмете речи?* Этот вопрос можно уточнить вопросами: *Что делает предмет? Какой он? Кто он такой? Что такое предмет? Каков он?* Выбор частного вопроса зависит от типа сказуемого.

В некоторых учебниках в определение сказуемого включается сочетание «...что говорится о подлежащем». Сказуе-

мое содержит информацию о предмете речи, а не о подлежащем. Так, в предложении *Осенью листья на деревьях желтеют* сказуемое *желтеют* характеризует не подлежащее, а тот предмет, который назван подлежащим.

Не меньше трудностей встречается и при подборе грамматического (синтаксического) вопроса к второстепенным членам предложения. Об этом не раз писали лингвисты на протяжении XIX–XX веков.

Ряд ценных примеров анализа второстепенных членов предложения (в том числе и вопросов) дает А.К. Федоров.⁵ Однако и в этих случаях выбор приема обуславливает семантика.

Сказанное позволяет утверждать, что «грамматические вопросы» не механическое средство, а результат (пусть мимолетных, не всегда четко осмысленных) наблюдений над семантикой сочетающихся слов, их синтаксическими связями, позициями в предложениях и т.д.

Базовой основой грамматических вопросов являются коммуникативные вопросы, функционирующие в речи. В акте коммуникации возможны вопросы о деятеле, о собственно предмете, об их признаках, о количестве предметов, об обстоятельствах и т.д.

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой? (В. Жуковский.) – *Фомин. Иван Иванович! Как хорошо! Но что же это с вами?* – обрадованно и встревоженно воскликнул Александров. (И. Ефремов.) – *Это что же за специальность такая – забойщик?* (И. Ефремов.) *Какой ветер занес тебя к нам?* (К. Васильев.) *«Где ты живешь?» – спрашивают ребенка; и он с удивлением, что не отведен еще по своему точному адресу, слезливо говорит: «Там!»* (А. Грин.) – *Вы куда?* – внезапно окликнул меня женский голос. (И. Бунин.) – *Но где озеро?* (И. Бунин.) *Когда мы уедем?* (А. Яшин.) *Каким образом всё это могло вместиться в московскую квартиру?* (М. Булгаков.)

В живой речи семантика вопросительных местоимений часто усиливается частицами: *Ну и что? Кто же? Где же?* и т.д. Даже такой похожий на искусственный вопрос как: «Что такое предмет?» (один из вопросов к сказуемому) имеет соответствие в коммуникации:

Что такое родина? Это весь народ, совершающий на данной площади свое историческое движение. (А. Толстой.)

Что такое сбивень, выяснить точно не удалось. (А. Яшин.)
Что такое аппаратный угол? (В. Конецкий.)

Разнообразие коммуникативных вопросов позволяет в некоторых случаях смягчить жесткость и искусственность грамматических вопросов, которые вызвали резкую оценку грамматических вопросов у А.М. Пешковского.

Нередко грамматические вопросы соответствуют коммуникативным. Например:

– *Кто идет?*

Ответа нет. Сторож не видит ничего...

– *Кто идет?* – *повторяет сторож, и ему начинает казаться, что он слышит и шепот и сдержанный смех. – Кто тут?*

– *Я, батюшка... – отвечает старческий голос.*

– *Да кто ты?*

– *Я... прохожий.*

– *Какой такой прохожий?* – *сердито кричит сторож, желая замаскировать криком свой страх. – Да кто ты такой?*

– *Я странник, батюшка, странный человек.*

.....

(обокрали церковь на кладбище. – В.Б.)

– *...обошел я тебя ловко... Нешто я странник? Я вовсе не странник.*

– *Кто же ты?*

– *Покойник... Из гроба только что встал...* (А. Чехов.)

При анализе членов предложения часто встречаются случаи, когда трудно задать какой-либо вопрос. Тем не менее именно коммуникативные вопросы позволили создать систему грамматических вопросов, которые отсекают все избыточное, что может быть в коммуникативных вопросах и часто соответствуют нормам образования синтаксических конструкций.

По соотношению с другими частями речи вопросительные местоимения делятся на следующие разряды.

1. Местоимения-существительные: *кто? что?*

2. Местоимения-прилагательные: *какой? чей? который?*

3. Местоимения-числительные: *сколько?*

4. Местоимения-наречия: *где? когда? откуда? почему? зачем?*

Вопросительные местоимения, выполняющие функции грамматических вопросов, делятся на неизменяемые (местоимения-наречия) и изменяемые (все остальные). Грамматические вопросы могут иметь формы не только именительного падежа, но и косвенных падежей: *кого? чего? кому? чему?* и т.д.; *какого? чьего? которого?* и т.д.; *скольких? сколько?* и т.д.

Причины разноречивости мнений о роли вопросов в научных исследованиях и в школьной практике кроются в природе вопросов, в их лексико-грамматических свойствах.

Местоимения – особая часть речи, они занимают в системе частей речи промежуточное положение между знаменательными и служебными словами.⁶

Вопросительные местоимения, как и некоторые другие разряды местоимений, являются, как правило, заместителями имен, которые должны появиться в ответе. В вопросительных местоимениях (и в некоторых других разрядах) заключено категориальное (общее грамматическое) значение соотносительных знаменательных частей речи. Поэтому в типичных синтаксических условиях вопросительные местоимения выступают как представители «своей» знаменательной части речи и члена предложения. Однако нет правила без исключений. Речевой материал показывает, что не всегда есть вопрос и соответствие ответа вопросу:

– *Кто идет?*

Ответа нет. (А. Чехов.)

– *Что может быть интереснее и замечательнее?* (А. Ферсман.)

– *Что будем делать? А что делают в таких случаях!* *Хоронить будем.* (Ч. Айтматов.)

Кто ты, мой ангел ли хранитель,

Или коварный искуситель... (А. Пушкин.)

Еще разнообразнее функции омокомплекса *что*.⁷ Приведу лишь некоторые случаи, свидетельствующие о частичной (и более полной) утрате местоимениями знаменательности: *Ты что, по своей инициативе за ремонт взялся?* (В. Белов.) – *Что? Что? Все равно будет так, как я хочу...* (Л. Улицкая.)

В следующей таблице сопоставим морфологические и синтаксические вопросы.

Падеж	Морфологический вопрос	Синтаксический (смысловой) вопрос	Предлог
И.	кто? что?	кто? что?	–
Р.	кого? чего?	кого? Чего? какого? чьего? откуда? где?	от, до, из, без, у, для, около, с
Д.	кому? чему?	кому? чему? куда?	к, по
В.	кого? что?	кого? что? куда?	за, в, на, через, про
Т.	кем? чем?	кем? чем?	с, над, между, перед, под
П.	(о) ком? (о) чем?	(о) ком? (о) чем? где? как?	о (об), в, на, при

Нетрудно заметить, что значительное количество вопросов служит и морфологии, и синтаксису. Полу жирным шрифтом выделены собственно синтаксические вопросы.

Так, вопросы *кто? что?* могут быть средствами определения как существительных, так и подлежащих.

Вопросы *какой? чей? который?* (в формах разных падежей) могут соответствовать как прилагательным, так и определениям, и сказуемым в определенной позиции.

Обычно на вопрос *сколько?* отвечают числительные. В синтаксисе вопрос *сколько?* входит в состав цельных словосочетаний, выполняющих функции одного члена предложения. Большая часть местоимений-наречий употребляется в качестве синтаксических вопросов при квалификации обстоятельств.

Наличие общих вопросов свидетельствует о функциональных связях морфологии и синтаксиса: частей речи и членов предложения, частей речи и ряда синтаксических конструкций (полупредикативных оборотов и придаточных предложений, разновидностей словосочетаний и др.).

Между морфологическими и синтаксическими вопросами нет четкой границы. Иногда синтаксические вопросы помогают уточнить некоторые падежные формы. Так, вопрос *куда?* нередко употребляется как средство определения винительного падежа предложно-падежных сочетаний типа: *в город, на окно*, в которых формы именительного и винительного падежей совпадают. В таких случаях морфологические вопросы (*во что? на что?*) явно искусственны.

Еще пример. В таблице для предложного падежа указаны только вопросы (*о*) *ком?* и (*о*) *чем?* А между тем предложный падеж часто указывает на место, что объясняет разнообразие предлогов. Как известно, некогда предложный падеж назывался местным, и существительное в форме этого падежа могло указывать на место без помощи предлога. Таким образом, синтаксические вопросы *куда?* и *где?* помогают определить не только падеж словоформы, но и ее синтаксическую функцию.

Среди морфологических вопросов центральное место занимают падежные вопросы, так как они помогают определить части речи. В вузовском и школьном учебниках⁸ перечень частей речи сопровождается указанием вопросов к частям речи.

Приведем таблицу частей речи с указанием вопросов, которая дана в первых разделах «Морфологии» в указанном учебнике В.В. Бабайцевой.

1. Знаменательные части речи.

1. Имя существительное: *сестра, книга...*
кто? кого? ... что? чего? ...
2. Глагол: *решать, решить...*
что делать? что делал? что делает? что будет делать?
что сделать? что сделал? что сделает? ...
3. Имя прилагательное: *добрый, деревянный, мамин...*
какой? какого? ... чей? чьего? ...
4. Имя числительное: *три, третий...*
сколько? скольких? ... который? которого? ...
5. Наречие: *настежь, вчера, недалеко...*
как? когда? где?
6. Имя состояния: *грустно, надо, жаль...*
каково?

- ## II. Служебные части речи.

Союз: и, а, но, да, что, если...

Частица: *бы, ли, же, не, ни, даже...*

К этому времени ученики еще не знают некоторых частей речи, но предварительное знакомство с названиями всех частей речи и вопросов к ним позволяет учителю при анализе текстов и предложений с неизвестными частями речи называть их и, таким образом, готовить учащихся к изучению их в 6–7-ом классах.

Вопросы: *что делать?* и *что сделать?* являются эффективным средством разграничения видов глагола. Этот прием «работает» лишь в том случае, если у учащихся развито языковое чутье. Вопросы дополняют другие средства оформления видовых различий. Несмотря на большое значение вопросов при определении частей речи, главным внешним (формальным) признаком частей речи является их морфемный состав.

Особенно широко используются вопросы в синтаксисе при определении членов предложения, видов придаточных частей, для определения семантики сложных бессоюзных предложений и т.д.

Это свойство вопросов особенно важно в синтаксисе.

Структурно-семантические компоненты предложения можно показать следующими структурными схемами и моделями:

Осенняя листва печально шелестела под ногами.

1.
2. Определение – подлежащее – обстоятельство – сказуемое – обстоятельство
3. Прилагательное – существительное – наречие – глагол – предлог + существительное
4. Какая? – что? – как? – что делала? – где?

Самая абстрактная схема – первая, образованная при помощи традиционных графических средств. Вторая схема показывает структуру предложения в терминах членов предложения, которые позволяют выразить синтаксические категориальные значения компонентов. Третья схема – позволяет актуализировать морфологические категориальные значения компонентов. Четвертая схема, построенная с помощью вопросов, наиболее полно передает языковую семантику предложения, так как вопросы позволяют совместить синтаксические и морфологические значения компонентов. В этом случае наблюдаем соответствия синтаксических и морфологических вопросов. Вопрос *где?* как было показано выше, входит в систему вопросов семантики предложного (бывшего местного) падежа.

Грамматические вопросы являются маркерами различных единиц грамматики, указывая на их грамматический статус и семантику. Это свойство грамматических вопросов в научных и методических работах позволяет наглядно указывать на синкретизм единиц грамматики: частей речи, членов предложения, придаточных предложений, частей сложных предложений.

Так, многозначность (синкретизм) членов предложения и придаточных предложений в школьном учебнике иллюстрируется использованием вопросов: *Небо* (какое? без чего?) *без облаков* – что *море* (какое? без чего?) *без волны*. (Ф. Абрамов.) Синкретизм семантики и формы несогласованных определений с дополнительным объектным значением обусловлен морфологической природой определения, которая сохраняет свое категориальное значение. Учет значения не только отношений, но и зависимого компонента (элемента) – один из основных постулатов структурно-семантического направления. Семантика несогласованных определений включает дополнительные объектные и обстоятельственные значения. Грамматический вопрос в таких случаях выполняет двойную функцию, так как совмещает значения морфологического (падежного) и синтаксического вопросов. На письме маркерами синкретичной семантики являются не только вопросы, но и двойные подчеркивания. И вопросы, и графические способы часто используются в практике преподавания, так как они позволяют наглядно (особенно графика) показать синкретизм единиц грамматики.

Сложную семантику имеют и члены предложения с двойной семантической связью. Сравните: *Ветер дул (откуда?) с моря. Дул ветер (какой? откуда?) с моря. Мать (от кого?) от сына получила письмо. Мать получила письмо (какое? от кого?) от сына.*

Разные позиции словоформ *с моря* и *от сына* обуславливают различные синтаксические связи и характер их синтаксических функций.

Приведем литературные примеры: *Всё злей и свирепей дул ветер из степи.* (Б. Пастернак.)

Без тебя я – звезда без света.

Без тебя я – творец без мира. (В. Брюсов.)

В таких случаях возможность двух вопросов, показывающих синкретизм семантики второстепенных членов предложения, выясняется только вниманием к позиции анализируемого слова, его связями и отношениями с другими членами предложения, а также его морфологической природой.⁹

Что же представляют собой грамматические вопросы? Какова их настоящая роль при квалификации языковых явлений? Почему существует такое неоднозначное отношение к ним в лингвистике и лингвометодике?

Вопросы – это местоимения, выражающие в чистом виде категориальное значение знаменательных частей речи. Это значение не отягощено лексическими значениями, вопросы – полномочные представители соответствующих частей речи и членов предложения.

Абстрактная семантика вопросительных местоимений, выполняющих функции грамматических вопросов, позволяет им экономно, с минимальным количеством слов, различать морфологические и синтаксические единицы языка и речи.

Грамматические вопросы – один из важнейших приемов использования и описания явлений грамматики (морфологии и, особенно, синтаксиса).

Грамматические вопросы помогают осмыслить связи и отношения слов в составе предложения, определяющие их грамматический статус.

Грамматические вопросы сформировались на базе коммуникативных вопросов и в современном русском языке обычно соотносятся с ними.

В грамматических вопросах, представленных вопросительными местоимениями, заключено категориальное (языковое, абстрагированное) значение соответствующих единиц грамматики.

Грамматические вопросы при описании единиц грамматики могут быть маркерами их формы и семантики, что позволяет избегать многословных объяснений.

Примечания.

1. *Пешковский А.М.* Избранные труды. – М., 1959. – С. 33–34.
2. Там же, с. 34.
3. *Пешковский А.М.* Избранные труды. – М., 1959. – С. 48.
4. См., например: *Чеснокова Л.Д.* Конструкции с предикативным определением и структура предложения. – Ростов-на-Дону, 1972; Семантические типы членов предложения с двойными отношениями. – Ростов-на-Дону, 1973; Проблема членов предложения в теоретическом и практическом аспектах. – Таганрог, 1996; Грамматические вопросы как средство анализа предложения // Русский язык в школе. – 1978. – № 2; О системном подходе к анализу членов предложения и приемах этого анализа // Русский язык в школе. – 1984. – № 3; Грамматические вопросы и их роль в морфологическом анализе // Современный русский язык: В двух частях / Под ред. Е.И. Дибровой. Ч. II. – М., 2006. – С. 29–30 и др.
5. См.: *Федоров А.К.* Трудные вопросы синтаксиса. – М., 1972. – С. 50–52.
6. См., например: *Баудер А.Я.* Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. – Таллин, 1982.
7. См.: *Степанова О.Ю.* Есть ли наречие что в русском языке? // Русский язык в школе. – 2008. – № 9; *Колтакова О.Ю.* Многоликость семантики местоимения что // Филологическая наука XXI века. Взгляд молодых. Материалы V Всероссийской конференции молодых ученых. – М., 2005.
8. *Бабайцева В.В.* Русский язык. Теория. 5–9 классы. 6-е издание, переработанное. – М., 2008. – С. 108.
9. *Бабайцева В.В.* Синкретичные члены предложения // Явления переходности в грамматике русского языка. – М., 2000. – С. 414–483; См. подробнее: *Бабайцева В.В.* Система членов предложения в современном русском языке. – М., 2009.

Поясняющие и уточняющие члены предложения.

В лингвистике и лингвометодике не всегда дифференцируются понятия *пояснение* и *уточнение*, *поясняющие* и *уточняющие* члены предложения, которые дополняют характеристику традиционно выделяемых членов предложения указанием их особых функций. В практике преподавания русского языка разграничение пояснения и уточнения не всегда возможно, однако для углубленного исследования и описания системы синтаксических категорий и явлений языка и речи дифференциация пояснения и уточнения (вместе с соответствующей понятийно-терминологической системой) не только возможна, но и необходима.

Структурно-семантические категории пояснения и уточнения реализуются и в простом, и в сложном предложениях¹. В составе простого предложения функционируют конструкции, которые включают два компонента, занимающие позиции двух членов предложения: поясняемый и уточняемый члены предложения и поясняющий и уточняющий члены предложения.

Чем отличается пояснение от уточнения? **Пояснение** выражает отношения тождества. При пояснении второй (поясняющий компонент) пояснительной конструкции дает другое название одного и того же предмета, более понятное собеседнику. Поясняемым членом предложения может быть заимствованное, диалектное или малоупотребительное слово, которое неизвестно адресату речи.

Маркерами пояснения являются союзы *то есть* и *или*². Например: *Цензор болен логофобией, то есть словобоязнью...* (М. Горький.) *...сын же Хаджи Мурата ... сидел в темнице, то есть в глубокой, более сажени яме.* (Л. Толстой.) *Для Константина Левина деревня была место жизни, то есть радостей, страданий, труда...* (Л. Толстой.) *Дом господский стоял одиночкой на юру, то есть на возвышении, открытом всем ветрам...* (Н. Гоголь.) *Тот (Иван Дмитриевич) по ночам сторожил село, то есть дремал на крылечке магазина.* (В. Солоухин.) *В лесу водятся дикие горлянки, или голуби.* (М. Пришвин.) *Ни один посторонний человек... никогда не мог бы испытать того чувства озабоченности и взволнованной приподнятости, которое всегда преследует каждого из нас у ворот техникума, или, вернее, у проходной будки.* (Т. Леонтьева.) *Вот уже другую станцию едут в телеге, или в скаке, как ее называют здесь...* (И. Гончаров.)

Поясняющий член предложения может вводиться в пояснительную конструкцию вводными словами: *иначе, иными (другими) словами, точнее, вернее*, а также словами *по имени, по прозвищу* и под., лексическое значение которых выражает семантику пояснения. *Шум города, вернее, говор города... затихал...* (К. Паустовский.) *Это был... Михайло Савельев, по прозвищу Туман...* (И. Тургенев.) *Закуп, иначе наймит, став на работу в хозяйстве своего господина, попал в положение раба.* (Б. Романов.)

В следующем предложении одно средство пояснения (не очень выразительное) поддержано другим: *Дело, о котором мы будем говорить с вами, одинаково касается и князя и меня, или, вернее, супруги князя, а моей сестры.* (А. Куприн.)

Поясняющий член предложения может соединяться с поясняемым и без помощи союза: *У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклокоченные...* (И. Тургенев.) Семантическими признаками пояснения является одно и то же лицо: поясняющий член лишь дает другое наименование; структурным признаком пояснительных отношений может быть вставка союза *то есть*. Здесь нет отношения целого и части, характерного для уточнения.

Уточнение показывает отношения целого и части. При уточнении сужается объем понятия, выраженного уточняемым членом, поясняющим указанием на его часть или ча-

сти. При уточнении происходит выделение части из целого ее названием. Уточняющие члены предложения более частотны, чем поясняющие.

Основным маркером уточняющих членов предложения является союз *а именно*.

Особую группу синтаксических конструкций образуют предложения, в которых уточняющие слова могут быть связаны с уточняемыми при помощи слов: *особенно, даже, главным образом, в частности, в том числе, например* и др., которые вносят в уточнение смысловые оттенки добавления, усиления, ограничения и др., например: *Немцы изрядно повредили садик Поповых, особенно вишневые деревья...* (А. Фадеев.) *Вопросы одомашнивания животных, и в частности, лосей, издавна волновали людей.* (Попов.) *Отец Лены был убит на войне в последний год войны, даже в последние дни войны, при взятии рейхстага.* (Т. Леонтьева.) *Строители, в том числе и Кирилл Роцин, оправдывались и нападали на проектировщиков.* (Т. Леонтьева.) *В гостинице только что окончился ремонт, и потому все было забрызгано известкой, даже электрические лампочки под потолком.* (К. Паустовский.) *Были замечательные вечера, в том числе вечер М.М. Тарханова.* (А. Эскин.) *Все вокруг, даже пепельница из розовой раковины, говорило о мирной и долгой жизни.* (К. Паустовский.) *Иногда в общей массе железного лома попадались какие-нибудь редкостные вещицы, например замок с фокусом и таинственным механизмом.* (Г. Успенский.)

В следующих предложениях есть невербализованный компонент с обобщенным значением, который мог бы занять место прямого дополнения и который уточняется приложениями: *Таинственное всегда привлекает, особенно детей и стариков...* (Т. Леонтьева.) *Каждая мелочь этого дня врезалась в память. Я помню даже морского конька под водой и шорох щебня на обрыве.* (К. Паустовский.)

В таких случаях семантико-синтаксическая функция сочетаний со словами *особенно, даже* и др. четко не дифференцирована: они могут рассматриваться и как приложения, и как дополнения (*привлекает всех, помню все* и т.д.)³.

Союз *а именно* употребляется редко, но он может быть использован при определении характера отношений в сомнительных случаях. Чаще употребляются бессоюзные уточнения.

Маркерами уточнения могут быть лексико-грамматические свойства уточняемых слов, представленных обобщающими словами, указательными местоимениями и местоимениями-наречиями, словами с количественной, локальной и темпоральной семантикой и т.д. Обобщающие слова обозначают общее понятие – «целое», части которого уточняются однородными членами. Перечень частей целого может быть неполным, может заканчиваться *и т.д.*, и др.)⁴.

Вся усадьба Чертопханова состояла из четырех ветхих срубов разной величины, а именно: их флигеля, конюшни, сарая и бани. (И. Тургенев.) *В человеке все должно быть прекрасно: и душа, и лицо, и одежда, и мысли.* (А. Чехов.) *Повсюду: в клубе, на улице, на скамейках у ворот дома, в домах – происходили шумные разговоры.* (В. Гаршин.) *Он [Пушкин] дал образцы всех форм литературного творчества: драму, роман, поэму, сказку и т.д.* (М. Горький.)

В предложениях с обобщающими словами при однородных членах предложения реализуется семантика целого (в обобщающих словах) и его частей (в однородных членах предложения). Если между обобщающим словом и однородными членами предложения есть другие члены предложения, блок однородных членов приобретает присоединительный характер: *Везде глубокий сон – на небе, на земле...* (И. Тургенев.) *И вообще все прекрасно на этом свете: камни и вода, звезды и черный ночной туман, дождь, мы сами и горизонт, который всегда пахнет ветром...* (В. Конецкий.) *Вспоминается весь вчерашний день: ранний выезд и узкая лесная дорожка, вьющаяся самыми неожиданными зигзагами между деревьев, – дорожка, по которой умеют пробираться только привычные, крошечные, но сердитые и бойкие полесские лошаденки.* (А. Куприн.)

Приведем примеры конструкций, в которых уточняемый член предложения выражается местоимениями-наречиями (там, туда, тогда, так и т.д.), наречиями (здесь, сначала, сразу и под.), а также предложными и предложноподлежащими субстантивными словоформами (чаще всего!) с локальным и темпоральным значением.

Где-то там, в двух километрах отсюда, среди мшар, скрывается Черное озеро. (К. Паустовский.) *Вверху, в залах, никого не было.* (К. Паустовский.) *Леса уходили вниз, в веселую даль.* (К. Паустовский.)

Там, на неведомых дорожках,
Следы невиданных зверей... (А. Пушкин.)
Мы сидели довольно долго, до самого вечера. (И. Тургенев.) Внизу, в закурившемся тумане, глухо шумел лес. (И. Тургенев.)

А за лесом, у межи,
Ходят медленно и плавно
Золотые волны ржи. (И. Бунин.)
Я сидел в березовой роще осенью, около половины сентября. (И. Тургенев.) Осенью, во время ненастья, лес имеет особенно унылый вид. (В. Арсеньев.) ...Всюду, даже в воздухе, чувствовалось приближение осени. (В. Арсеньев.)

Уточняться могут все члены предложения.

Подлежащее: По опушкам лесов еще растут грибы: красноголовые подосиновики и зеленоватые и розовые сыроежки, скользкие грузди и душистые рыжики. (И. Соколов-Микитов.) Все: лицо, походка, взгляд, голос – все вдруг изменилось в ней. (Л. Толстой.)

Сказуемое: Он был мастер на все руки: слесарь, столяр, плотник и даже механик. (В. Короленко.) Он заметно молодился: подкрашивал усы, носил вышитые рубашки. (Т. Леонтьева.)

Дополнение:

Он из Германии туманной

Привез учености плоды:

Вольнолюбивые мечты,

Дух пылкий и довольно странный,

Всегда восторженную речь

И кудри черные до плеч. (А. Пушкин.)

Нет, ничего откладывать нельзя: ни праздник, ни воскресную прогулку. (Е. Винокуров.) Общеизвестно, что большой патриотизм начинается с малого – с любви к тому месту, где живешь. (Л. Леонов.)

Определение: Длинная, в несколько верст, тень ложилась от гор на степи. (Л. Толстой.) Так называлась небольшая, десяти в пятнадцать, роща. (А. Куприн.) Огромные, высотой в дом, железные ворота были наглухо закрыты. (Ю. Олеша.)

Обстоятельство: Там, за речкой тихоструйной, есть высокая гора... (А. Пушкин.) Направо от нас, у самого озера,

шумел высокий бор. (М. Пришвин.) Ковшов обледелен весь, от шапки до валенок. (В. Ажаев.); Около дома, возле крылечка, тихо течет безымянная речка. (А. Прокофьев.)

Через лужок, наискосок

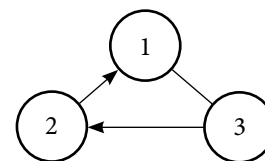
От точки огневой,

Шумит молоденький лесок,

Одевшийся листвою. (Д. Кедрин.)

На берегу, среди синего неба, стояли, светясь каждым листом, рыжие осины, и оттуда, посверкивая тончайшими нитями, тянулась в свежем воздухе паутина. (Ю. Бондарев.) У нее черные, широко открытые глаза и коротко, по-мальчишески, подстриженные кудри. (Т. Леонтьева.) Летом, вечерними зорями, на вершины кургана слетает из-под облачных вершин степей беркут. (М. Шолохов.)

Связь между словами в конструкции с уточнением отличается от типичной подчинительной. Уточнительная связь характеризуется разнонаправленностью отношений. Уточнение может включать цепочку уточняющих членов, в которой первый уточняющий член может быть уточняемым по отношению ко второму и т.д.

1 – уточняемый член;

2 – уточняющий и уточняемый член;

3 – уточняющий член и т.д.

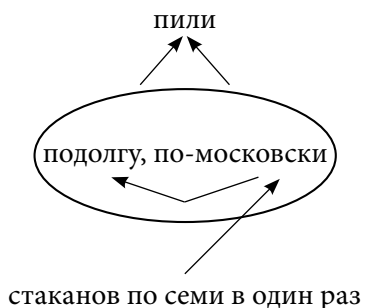
Например: Есть люди, которые ясны сразу, с первого взгляда, первого скупого, незначительного слова. (Т. Леонтьева.); Целый день, с утра до ночи, от зари и до зари, в частном ельнике хлопочут силачи-богатыри. (Е. Трутнева.)

Уточняющий член может замыкаться придаточным предложением, иногда вводимым в этот ряд указательным словом. Например: Вверху, над вершинами дубов, где ровно синела глубина неба, собирались облака с причудливо округляющимися краями. (И. Бунин.) На горизонте, там, где только что было видно красное пятно, вдруг вынырнуло солнце. (Т. Леонтьева.)

Между пояснением и уточнением нет резкой границы: маркеры *то есть* и *(а)* именно не всегда позволяют четко дифференцировать семантику двучленных конструкций с

пояснением и уточнением. Сложность анализа таких конструкций покажем анализом следующих предложений.

Пил он чай всегда подолгу, по-московски, стаканов по семи в один раз. (А. Чехов.) Поясняемое слово *подолгу* – синкретичное обстоятельство: сочетаются значения обстоятельства времени и обстоятельства образа действия: *подолгу* – как долго пили? Как пили? – *подолгу* – (то есть, а именно) не спеша. Обстоятельство образа действия *по-московски* поясняет обстоятельство *подолгу* другим названием, характеризующим действие *пили*. Словосочетание *стаканов по семи* поясняет и уточняет (то есть, а именно) оба предыдущих обстоятельства. Сложные связи и отношения покажем в виде схемы:

Описание поясняющих и уточняющих членов предложения показывает, что между ними есть семантические и структурные различия.

Специфический характер имеет семантика пояснения и уточнения. Пояснение отличается от уточнения тем, что при пояснении оба слова двучленной конструкции называют один референт, а при уточнении содержание компонентов конструкции совпадает только частично, поэтому при пояснении возможна перестановка компонентов, а при уточнении нет.

Поясняющие члены предложения по-другому называют референт, так как поясняемое может быть неизвестно собеседнику/читателю. Уточняющие члены предложения детализуют, конкретизируют, ограничивают предмет речи.

Между поясняющими и уточняющими членами предложения есть существенные структурные различия. Осо-

бенно широко представлена в языке система маркеров уточнения. Семантика слов пояснения (пояснить) и уточнения (уточнить) трактуется в словарях почти одинаково, поэтому их дифференциация не всегда учитывается в практике преподавания.

В заключение отметим, что в типичных случаях, рассмотренных выше, поясняющие и уточняющие члены предложения различаются и структурой, и семантикой. Тем не менее нельзя не признать наличие общих сем в их лексических значениях, и те и другие поясняют (уточняют) другие члены предложения, сообщая о них дополнительные сведения.

Примечания.

1. См.: Шатух М.Г. Уточняющие члены предложения как особая синтаксическая категория в современном русском языке // Русский язык в школе. – 1959. – № 2; Камынина А.А. О полупредикативных конструкциях в простом предложении. – М., 1974; Улуханов Г.П. Пояснительная связь в ее отношении к сочинению и подчинению // Исследования по славянской филологии. – М., 1974; Прияткина А.Я. Вторичные союзные связи // Там же.; Чеснокова Л.Д. Пояснение (уточнение) и его место в системе связей // Чеснокова Л.Д. Связи слов в современном русском языке. – М., 1980; Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Ч. 3. – М., 1981; Гребская Т.Ф. Пояснительные и уточняющие конструкции при стержневых словах – указательных местоименных наречиях в простом предложении. АКД. – М., 1990.

2. Сравните два значения союза *или*: *Песцы, или полярные лисицы, успешно разводятся теперь в нескольких совхозах. К одному можно пройти по дороге или по берегу реки.*

3. Основина Г.А. Приложение и уточняющие члены предложения // Предложение как многоаспектная единица языка / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М., 1984.

4. См.: Троицкий Е.Ф. Компоненты сочинительной конструкции и их взаимоотношения. АДД. – М., 1990.

Подчинительные и сочинительные словосочетания.

В науке о языке существует множество дефиниций словосочетания, но ни одно из них не является общепринятым. Существовала точка зрения, согласно которой предметом синтаксиса должны быть только словосочетания (А.М. Пешковский, М.Н. Петерсон и др.). Большая часть ученых дифференцирует словосочетания и предложения, рассматривая их как основные синтаксические единицы. В соответствии с этой точкой зрения предикативные сочетания исключаются из разряда словосочетаний.

Вслед за В.В. Виноградовым широкое распространение получило мнение, согласно которому словосочетаниями являются только непредикативные сочетания с подчинительной связью.¹ Однако существует и другое мнение, согласно которому словосочетаниями являются не только подчинительные, но и сочинительные сочетания слов.²

Разноречивая трактовка словосочетаний отражается в вузовских и школьных учебниках. Потребности практики преподавания стимулируют поиски единого мнения.

Обобщая традиционные и современные дефиниции словосочетаний, предлагаю следующее определение этой синтаксической единицы: *Словосочетание – это непредикативное сочетание двух (и более) знаменательных слов, связанных между собой грамматически и по смыслу.* Под это определение подходят сочетания слов с подчинительной и сочинительной связью.

Подчинительные словосочетания изучены достаточно полно,³ а сочинительные словосочетания рассматривались главным образом в терминах членов предложения.⁴

Основные виды синтаксической связи в русском языке – подчинение и сочинение, которые не только противопоставлены друг другу, но и теснейшим образом связаны между собой.⁵

Сопоставим подчинительные и сочинительные словосочетания, отмечая их дифференциальные и интегральные признаки.

Подчинительные словосочетания строятся на основе подчинительной связи, а сочинительные – на основе сочинительной связи.

Выделение подчинительных и сочинительных словосочетаний диктуется изоморфизмом языковой системы, ее закономерностями. Подчинение и сочинение есть на всех уровнях синтаксической системы: на уровне словосочетания – подчинительные и сочинительные словосочетания, на уровне простого предложения – члены предложения с подчинительной связью и члены предложения с сочинительной связью, на уровне сложного предложения – сложноподчиненные и сложносочиненные предложения.

Подчинительные связи обслуживаются окончаниями и предлогами, а сочинительные – союзами. Основные способы подчинительной связи – согласование, управление и примыкание.⁶

В подчинительных словосочетаниях есть главное (стержневое) и зависимое слова, а в сочинительных словосочетаниях обычно объединяются грамматически равноправные компоненты.

Некоторые ученые полагают, что для подчинительных словосочетаний характерно неравноправие их компонентов (одно слово – главное, а другое – зависимое), а для сочинительных словосочетаний характерно «смысловое и грамматическое равноправие» «между компонентами ситуации».⁷ Так ли это?

Очевидно, следует различать формальное (грамматическое) и семантическое неравноправие/равноправие.

В подчинительных словосочетаниях основной их смысл может быть заключен в зависимых словах, при этом

образуются так называемые цельные (синтаксически несвободные) словосочетания, например, *много песен, масса цветов, один из друзей* и др.

Сравните семантику следующих сочинительных словосочетаний в составе предложений: *Мать и сын* пошли гулять и *Сын и мать* пошли гулять. Во втором предложении речь идет о явно повзрослевшем сыне. Нередко отмечают синонимику подчинительных и сочинительных словосочетаний типа *мать и сын – мать с сыном*. Словосочетания различает также смысловой вес сочетающихся слов: в подчинительных словосочетаниях актуализируется слово в именительном падеже, а в сочинительных – первое и последнее слово. Например:

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И **божество**, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и **любовь**.
(А. Пушкин.)

Смысловое неравноправие компонентов словосочетаний послужило И.А. Крылову основой для следующей выразительной сцены в басне «Крестьянин и Работник»:

Старик Крестьянин с Батраком
Шел под вечер леском
Домой, в деревню, к сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.

Главное действующее лицо – Крестьянин. Это отражено порядком слов в названии басни, единственным числом первого сказуемого (*шел*), но перед лицом опасности оба (и Крестьянин, и Работник) оказались равны – это равенство оформлено множественным числом второго сказуемого (*повстречали*).

Оба вида словосочетаний состоят из двух и более знаменательных слов.⁸

Количество и характер знаменательных слов зависят от вида словосочетаний: в подчинительных словосочетаниях это обусловлено «подходом снизу» (от слова), валентными свойствами главного слова, количество и характер слов в сочинительных словосочетаниях определяются «подходом сверху» (от предложения), от потребности в выражении определенной информации.

Характер словосочетаний обоих типов зависит от частеречной принадлежности их компонентов. В зависимости от того, какой частью речи являются главные слова, выделяются лексико-грамматические разряды подчинительных словосочетаний: субстантивные, глагольные, адъективные, нумеративные, наречные и др. Типичные сочинительные словосочетания состоят из слов одной части речи: *день и ночь; сильный, но неприятный; плакать и смеяться* и т.д. Однако в условиях предложения компоненты сочинительных словосочетаний могут быть представлены словами разных частей речи, например: (*шли*) *не разговаривая, осторожно, на цыпочках*.

Сочинительные словосочетания могут быть и главными, и зависимыми компонентами подчинительных словосочетаний.

Так, в подчинительном словосочетании *просматривать новые газеты и журналы* сочинительное словосочетание *газеты и журналы* занимает позицию зависимого компонента по отношению к глаголу *просматривать* и позицию стержневого компонента по отношению к прилагательному *новые*.

Основным дискуссионным вопросом теории словосочетания является вопрос: существуют ли словосочетания **вне** предложения, в которое могут входить как строительный материал наряду со словом, или же только выделяются из предложения наряду с другими сочетаниями слов?

Несомненно, что словосочетания образуются в предложении наряду с другими сочетаниями слов. А.А. Шахматов писал: «...в языке бытие получили сначала предложения; позже путем расчленения предложений, основанного на взаимном их сопоставлении и влиянии, из них выделялись словосочетания и слова».⁹ В условиях предложения образуются схемы (модели) словосочетаний в результате обобщения конкретных словосочетаний, состоящих из словоформ. В языковую систему и входят схемы (модели) словосочетаний, по которым в речи при построении предложений образуются сочетания словоформ, необходимых для выражения и сообщения определенной информации.

В схемах (моделях) словосочетаний, существующих в системе единиц языка наряду со схемами (моделями) пред-

ложения, сочетаются формы слов – маркеры абстрактных категорий рода, числа, падежа, лица и т.д. Словоформы же представляют собой конкретные слова в определенных формах. Формы слов – в системе языка, словоформы – в речи (в предложении).

В лингвистической литературе термины *структурные схемы* и *модели* часто употребляются как взаимозаменяемые слова. Однако эти синонимы не являются дублетами: структурные схемы словосочетаний более абстрактны, модели же включают в свою семантику категориальные значения сочетающихся слов.

В системе языка выделяются модели подчинительных и сочинительных словосочетаний. Модели сочинительных словосочетаний включают названия частей речи. Приведем примеры моделей некоторых лексико-грамматических рядов подчинительных словосочетаний: **субстантивные** (прил. + сущ., сущ. + сущ. в род. п., сущ. + сущ. с предлогом и др.) – *веселая пёсня, пёние птиц, пёсня о родине* и др.; **глагольные** (гл. + сущ., гл. + сущ. с предлогом, нар. + гл. и др.) – *читать книгу, думать о будущем, тихо говорить* и др.; **адъективные** (нар. + прил., прил. + сущ. с предлогом и др.) – *очень смейшой, красный от смущения* и др.; **нумеративные** (числ. + сущ., числ. + сущ. с предлогом) – *три пальмы, второй от конца* и др.; **наречные** (нар. + нар., нар. + сущ. с предлогом и др.) – *очень ловко, далеко от дома* и др.

Приведем примеры некоторых моделей сочинительных словосочетаний:

сущ.₁ и сущ.₁ (*песни и пляски*);

прил., но прил. (*теплый, но неприятный*);

нар. или нар. (*тихо или громко*) и т.д.

Сочинительные словосочетания могут быть представлены в виде схем, которыми обычно иллюстрируются правила пунктуации при однородных членах предложения. Например:

1. ○ и ○; ○, но ○ и др. (*моря и реки; странный, но приятный*).

2. не только ○, но и ○; как ○, так и ○ и др. (*не только дети, но и взрослые; как другие, так и я*).

3. и ○, и ○; то ○, то ○ и др. (*и дети, и взрослые; то тихо, то громко*) и т.д.

Итак, в языке есть схемы (модели) как подчинительных, так и сочинительных словосочетаний. По этим схемам можно строить словосочетания обоих типов, идя от слов.

Возможность построения словосочетаний (при подходе снизу – от слова) эффективно используется в практике преподавания в заданиях типа: 1) составьте подчинительные словосочетания, в которых главным словом будут глаголы: *писать, предлагать, предполагать, учитывать...* (*писать сочинение, предлагать помощь, предполагать худшее, учитывать замечание*); 2) составьте сочинительные словосочетания с существительными: *астры, реки, газеты* (*астры, гвоздики и лилии; реки и озера; газеты и журналы*) и т.д.

Очевидно, что при составлении подчинительных словосочетаний можно подбирать разнотипные по семантике слова, а при составлении сочинительных словосочетаний нужно подбирать однотипные по семантике слова.

Итак, образовавшись в предложении, модели и структурные схемы словосочетаний существуют и вне предложения.

При построении предложений необходимые для него подчинительные и сочинительные словосочетания образуются по языковым моделям и схемам, подчиняясь своими формами требованиям строения и значения предложения.

Так, словосочетания *дикий север, одиноко стоять*, входя в предложение, изменяют свои начальные формы, подчиняясь законам построения предложения:

На севере диком стоит одиноко

На голой вершине сосна... (М. Лермонтов.)

Кроме обычных словосочетаний, в языковые модели словосочетаний могут вкладываться и необычные по лексической сочетаемости слова. Примеры «необычных» подчинительных словосочетаний: *«Горячий снег»* (название романа Ю. Бондарева), *старый новый год* и т.д.

Особенно наглядно существование языковой модели сочинительных словосочетаний можно аргументировать примерами с нарушениями нормированной семантической сочетаемости слов в составе сочинительных словосочетаний. Например: **Высокопарный, но голодный** для вида *прейскурант висит*. (А. Пушкин.); **Сияли женские лица и апельсины**. (Ф. Искандер.)

Комический эффект создается лексической и стилистической несочетаемостью слов, входящих в состав сочинительных словосочетаний, построенных по языковым моделям.

Разные подходы («от слова» и «от предложения») объясняют разноречивые классификации простых и сложных словосочетаний. Деление словосочетаний на простые и сложные может учитывать разные стороны их строения: количество и характер подчинительных связей; количество знаменательных слов.

В соответствии с первым критерием простые подчинительные словосочетания строятся на основе одного вида связи, исходящего от главного слова (или согласования, или управления, или примыкания), причем количество знаменательных слов не ограничивается: как простые могут трактоваться не только двучленные, но и трехчленные и т.д. словосочетания. Например, *принять резолюцию* (управление), *общее собрание* (согласование), *проголосовать единогласно* (примыкание), *открыть дверь* (управление) *гостю* (управление), но *отдать книгу ученику* и т.д.

Сложные словосочетания образуются на основе **разных** связей, исходящих от одного и того же главного слова. Так, словосочетание *красивая* (согласование) *лампа с абажуром* (управление или примыкание), в соответствии с этой классификацией, является сложным, так как в нем слова сочетаются разными видами связи, исходящими от одного и того же главного слова *лампа*.

Такая классификация простых и сложных словосочетаний изложена в «Грамматике-70» (см. с. 538–539).

Зыбкость основного критерия классификации обусловлена отсутствием четких границ между видами связи: сильным и слабым управлением и примыканием.

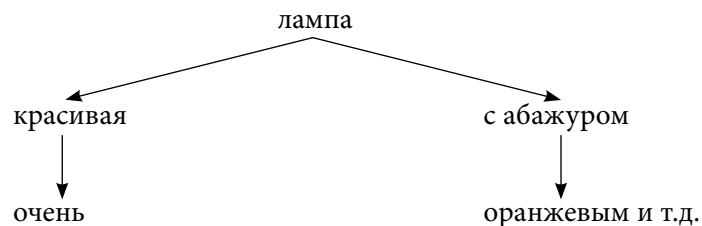
Более целесообразным и более ценным в учебно-методических целях является иной принцип разграничения простых и сложных словосочетаний, а именно – учет количества знаменательных слов, входящих в словосочетания. В соответствии с этим простые словосочетания состоят из двух знаменательных слов, сложные – из трех и более.

При этом критерии классификации простых и сложных словосочетаний возможны разные подходы к решению вопроса.

Один подход – это путь от слова к простому словосочетанию, а от него – к сложному. Этот путь предусматривает возможность распространения слова и простого словосочетания.¹⁰

«Сложное словосочетание, – пишет В.В. Виноградов, – в большинстве случаев является продуктом распространения простого или менее сложного словосочетания».

Так, сущ. *лампа* может быть распространено прилагательным *красивая* и словоформой с *абажуром*, которые в свою очередь могут быть распространены:

Принципиально иной подход к классификации простых и сложных словосочетаний, предлагаемый мною, ведет от предложения. При этом подходе учитывается членимость предложения на словосочетания, членимость самих словосочетаний.

При таком подходе к простым словосочетаниям относятся словосочетания, состоящие из двух знаменательных слов, к сложным – из трех и более. При этом к сложным подчинительным словосочетаниям относятся такие словосочетания, в составе которых есть простые:

1) словосочетания, в составе которых есть цельные словосочетания: *знать (много песен)*, *старик (с живыми глазами)*, *полет (от Москвы до Владивостока)* и др.

2) словосочетания, включающие неоднородные определения: *типичный (провинциальный чиновник)*, *длинный (товарный поезд)* и др.

3) словосочетания, включающие слова с двойной зависимостью: *сказать правду о себе*, *построить дом за городом* и др.

4) словосочетания, в состав которых входят сочинительные словосочетания. Например: *просматривать новые газеты и журналы*. В этом сложном подчинительном словосочета-

нии есть сложное сочинительное словосочетание *новые газеты и журналы*. В составе подчинительного словосочетания сочинительное словосочетание *газеты и журналы* является зависимым компонентом, а в сочинительном словосочетании *новые газеты и журналы* – главным компонентом.

В практике преподавания оба пути дифференциации простых и сложных словосочетаний формируют навыки, позволяющие эффективно строить распространенные предложения.

Сочинительные словосочетания делятся на закрытые и открытые. Закрытые сочинительные словосочетания обычно состоят из двух знаменательных слов, связанных между собой одиночными соединительными, противительными и разделительными союзами. Например:

- и ○: *астры и георгины*;
- , но ○: *медленно, но верно*;
- или ○: *снег или дождь* и т.д.

Открытые сочинительные словосочетания включают неопределенное количество знаменательных слов. Они могут быть простыми (*и белый, и синий*) и сложными (*и белый, и синий, и зеленый...*).

Возможны и комбинации связей. Например: ○, ○ да ○: *лебедь, рак да щука*.

Первый путь («от слова») учит распространять члены предложения – компоненты словосочетаний, второй путь (вычленение словосочетаний из предложения) учит видеть **структуру** предложения, выделять в нем словосочетания, устанавливать связи между словами.

Анализ словосочетаний «снизу» (от слова) и «сверху» (от предложения) показывает общность теоретических оснований для выделения сочинительных словосочетаний наряду с подчинительными.

В составе предложения компоненты подчинительных словосочетаний обычно исполняют роль разных членов предложения, занимая разные синтаксические позиции, а компоненты сочинительных словосочетаний исполняют роль однородных членов предложения, занимая одну синтаксическую позицию.

Однако, как и во многих других случаях, нет правила без исключений. Одну синтаксическую позицию занимают

так называемые цельные словосочетания. Например: *В Сибири есть много особенностей как в природе, так и в людских нравах*. (И. Гончаров.) Цельное словосочетание *много особенностей* занимает позицию подлежащего, а сочинительное словосочетание *как в природе, так и в людских нравах* – позицию синкретичного второстепенного члена предложения (*есть в чем?* и *каких особенностей?*).

Структурно-семантическая цельность обоих типов словосочетаний создается не только предлогами, окончаниями и союзами, но и разнообразными лексико-грамматическими средствами: общим согласованием, общими второстепенными членами, предлогами, частицами и т.д. Например: *Из века в век поэзия и проза смертельный бой ведут между собой*. (Е. Винокуров.) *Безмолвие царило в заснеженных полях и лесах*. (К. Васильев.) *Тут засмеялись зрители: и дети, и родители*. (А. Барто.) *Много видел он стран и дорог средь огня и военного дыма*. (Е. Долматовский.) *И только в борьбе и битвах с жизнью творится великое*. (В. Белинский.)

Как подчинительные, так и сочинительные словосочетания могут быть разделены другими членами предложения. Например: *Из-под куста мне ландыш серебристый приветливо кивает головой*. (М. Лермонтов.) В словосочетаниях *приветливо кивает* и *кивает головой* сохраняется порядок компонентов, свойственный начальной форме. В словосочетаниях *из-под куста кивает* и *мне кивает* зависимые слова разобщены с главными словами.

Еще пример: *Русские реки вошли в историю и быт страны, в ее экономику и народную поэзию, в литературу и живопись...* (К. Паустовский.)

В этом предложении компонентами открытого сочинительного словосочетания являются закрытые словосочетания, в которых одни средства (союз *и*, предлог *в*, зависимое слово *страны*) создают цельность словосочетаний, а другие (слова *ее*, *народную*) эту цельность нарушают.

Оба типа словосочетаний являются одним из источников образования фразеологизмов. Из подчинительных словосочетаний – *заключительный аккорд*, *разводить антимонию*, *положить зубы на полку*, *заправлять арапа*, *спустя рукава*, *войти в кровь и плоть* и т.д. Из сочинительных словосочетаний – *ни рыба ни мясо*, *ни тебе ни мне*, *день и ночь*,

ни свет ни заря, что в лоб что по лбу, или пан или пропал, нет так нет, ни два ни полтора и т.д.

В практике преподавания русского языка целесообразно начинать изучение словосочетаний вне предложения, следуя методическому принципу «от простого к сложному», а затем – выделять словосочетания из предложения.

Изучение словосочетаний вне предложения позволяет:

- 1) в микроконтексте научить учащихся устанавливать смысловые и грамматические связи между словами;
- 2) экономно (без предложения) отрабатывать практически значимые навыки в согласовании (*белая береза, белой березы*) и управлении слов (*стереть с доски, вызвать к доске, подойти к доске*); закреплять правописание некоторых орфограмм (*не от кого получать, неоткуда ждать, некуда пойти, ни о чем вовремя не узнать, ни на что не рассчитывать, не решенная мною задача*);

3) уточнять лексические значения слов, включая их в сочетание с другими словами (тяжелый камень – тяжелое горе, холодный воздух – холодный взгляд), разграничивать прямое и переносное значения слов и т.п.;

4) показать специфику сочетаемости слов, относящихся к разным частям речи. И т.д.¹¹

Изучение словосочетаний вне предложения готовит учащихся к анализу структуры и семантики предложений.

Вычленение словосочетаний из предложения позволяет:

- 1) видеть строение предложения, выделяя в нем подчинительные и сочинительные словосочетания;
- 2) устанавливать синтаксические связи и отношения между всеми словами в предложении;
- 3) включить систему лексико-грамматических средств в связи между членами предложения;
- 4) точнее квалифицировать члены предложения, учитывая их структурные и семантические признаки;
- 5) аргументировать изменения начальных форм словосочетаний под влиянием требований предложения.

При вычленении словосочетаний из предложения нужно учитывать два плана: статический (языковой) и динамический (речевой). Статический план обусловлен языковыми схемами словосочетаний, существующих и вне предложения, а динамический – обусловлен требованиями предложения.

Выделим словосочетания из следующего предложения: *Только в зрелом возрасте мы понимаем удивительное сочетание простоты и сложности, прозрачности и глубины в пушкинских стихах и прозе.* (С. Маршак.)

1) *только в зрелом возрасте понимаем* (начальная форма – *понимать только в зрелом возрасте*);

2) *понимаем сочетание* (начальная форма – *понимать сочетание*);

3) *удивительное сочетание*;

4) *сочетание простоты и сложности, прозрачности и глубины*;

5) *простоты и сложности, прозрачности и глубины* (начальная форма – *простота и сложность, прозрачность и глубина*);

6) *(в) пушкинских стихах и прозе* (начальная форма – *пушкинские стихи и проза*).

Оба типа словосочетаний по требованию структуры и семантики предложения изменяют свои начальные формы (см. 1, 2, 5, 6), соответствующие их структурным схемам. Несмотря на разобщенность компонентов словосочетаний, очевидна их структурная и семантическая связь, обусловленная языковыми схемами (моделями) подчинительных и сочинительных словосочетаний.

Сопоставление сочинительных и подчинительных словосочетаний показывает наличие общих закономерностей в их образовании и функционировании, несмотря на некоторые различия в строении и значении. Образуюсь в предложении, подчинительные и сочинительные словосочетания становятся достоянием языковой системы.

Знание закономерностей строения и значения подчинительных и сочинительных словосочетаний позволяет более глубоко понять связи и отношения между словами в простом предложении, между частями сложных предложений.

Примечания.

1. См., например: Прокопович Н.Н. Словосочетания в современном русском литературном языке. – М., 1966.

2. См.: Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М., 1979; Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. – Самара, 1993 и др.

3. См.: Прокопович Н.Н. Словосочетания в современном русском литературном языке. – М., 1966; Грамматика русского языка: В 2 т. Т. 2. Синтаксис. Ч. 1. – М., 1954; Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970 и др.

4. См.: Перетрухин В.Н. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке. – Воронеж, 1979; Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. – М., 1979 и др.

5. См.: Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте. – М., 2004.

6. См.: Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке. – М., 1971; Чеснокова Л.Д. Связи слов в современном русском языке. – М., 1980 и др.

7. См., например: Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М., 1979. – С. 45, 49 и др.

8. Не являются словосочетаниями формы степеней сравнения (все тише, самый тихий), предложно-падежные словоформы (в лесу, в течение часа и т.д.), фразеологизмы (спустя рукава, во всю ивановскую и т.д.).

9. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941.

10. Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 20. См. также: Прокопович Н.Н. Словосочетание в современном русском литературном языке. – М.: Просвещение, 1966.

11. См. подробнее: Бабайцева В.В. Преемственность при изучении словосочетаний в школе // Изучение морфологии на синтаксической основе. Сб. статей. Вып. IV. – М., 1974. – С. 10–24.

Простые и сложные словосочетания.

Словосочетание – одна из единиц синтаксической системы, поэтому понятен интерес к проблематике теории словосочетаний.

В теории словосочетания само деление словосочетаний на простые и сложные зависит от общей концепции. Ученые, трактующие словосочетание как номинативную единицу, существующую «вне предложения» («до предложения»), выделяют простые и сложные словосочетания (В.В. Виноградов и др.).

Ученые, признающие существование словосочетаний только в составе предложений, полагают, что понятие словосочетания является неправомерным, так как в предложении можно выделить лишь «разнообразные группировки двучленных словосочетаний», поскольку «у них нет особых, свойственных им грамматических средств и связанных с ними значений».¹

Разнообразие классификаций простых и сложных словосочетаний зависит не только от концепции, но и от критериев дифференциации, от подхода к анализу словосочетаний и др.

Оригинальную концепцию предлагает «Грамматика современного русского литературного языка» (М., 1970), в которой простые и сложные словосочетания различаются по количеству и характеру подчинительных связей.²

Простые словосочетания делятся на **двучленные** (новый дом, читать книгу, находится неподалеку и под.) и

трехчленные (*отдать книгу ученику, снабдить экспедицию снаряжением, вбить гвоздь в стену и др.; велеть ученику читать, запретить детям шуметь и др.; спасти жизнь бойцу, открыть дверь гостю и др.*).

В этой классификации простых словосочетаний не учитывается количество знаменательных слов. Так, словосочетания могут состоять из трех слов (трехчленные).

Сложные словосочетания образуются на основе разных связей, исходящих от одного и того же стержневого слова (*его первоочередное дело, свои люди с хуторов, увлекательная поездка в горы и др.; жаркий июльский полдень и др.*).

В некоторых случаях классификация простых трехчленных и сложных словосочетаний неоднозначна, так как не учитывается наличие зоны переходности между сильным и слабым управлением, слабым управлением и примыканием³ и т.д. Так, словосочетание со слабым управлением и примыканием иллюстрируется примерами: *бить из орудий с высоты, писать карандашом на открытке, стукнуть лбом из-за неосторожности, вернуться на родину героем*.

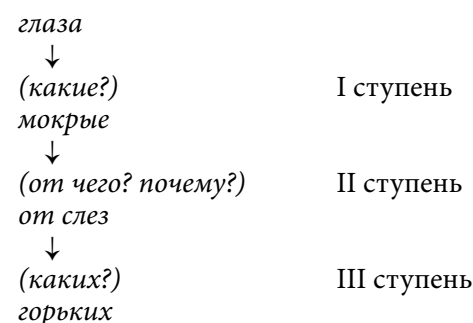
В лингвистике намечены и другие подходы к разграничению простых и сложных словосочетаний, при которых учитывается количество знаменательных слов в словосочетаниях и их место в **системе** синтаксических единиц. При этом простыми считаются словосочетания, состоящие из двух знаменательных слов, а сложными – из трех и более.

Место в системе синтаксических единиц предусматривает возможность анализа словосочетаний двумя путями: «подход снизу» (от слова) и «подход сверху» (от предложения).

Первый подход – путь от слова (словоформы) к простому словосочетанию, а от него к сложному. Этот путь предусматривает возможность распространения слова и простого словосочетания.

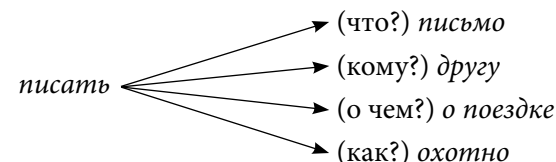
«Сложное словосочетание, – пишет В.В. Виноградов, – в большинстве случаев является продуктом распространения простого или менее сложного словосочетания».⁴

При подходе от слова возможны сложные словосочетания двух видов: а) с последовательным подчинением и б) с соподчинением. Приведем пример построения словосочетания с последовательным подчинением. В качестве стержневого слова возьмем существительное *глаза*.

Из взаимосвязанной цепочки простых словосочетаний (*мокрые глаза, мокрые от слез, (от) горьких слез*) образуется сложное словосочетание с последовательным подчинением *мокрые от горьких слез глаза*, которое представляет собой «продукт распространения простого словосочетания» *мокрые глаза*.

Сложные словосочетания с соподчинением образуются в результате реализации нескольких валентностей слова. Например:

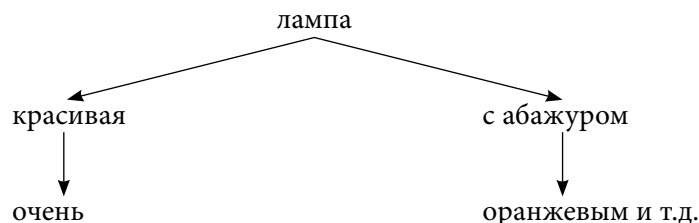

Разумеется, соподчиненные слова могут иметь и свои распространители. Возможны и другие вопросы (*где? когда? на чём?* и т.п.), и другая лексема в ответах на вопросы, данные выше.

Образование сложных словосочетаний путем распространения слова возможно в учебных и научных (исследовательских) целях. В речи при построении предложения говорящий / пишущий опирается на языковые модели, отражающие валентные возможности слов для выражения необходимой информативной семантики. Естественно, что объем сложных словосочетаний обоих видов определяется количеством информации.

Распространение слова может совмещать два вида. Так, существительное *лампа* может быть распространено при-

лагательным *красивая* и словоформой *с абажуром*, которые в свою очередь могут быть распространены:

Возможности распространения обусловлены валентностью распространяемых слов. Образование сложных словосочетаний «подходом снизу» (от слова) может быть основой упражнений по развитию речи в практике преподавания русского языка.

Очевидно, что разноречивость мнений обусловлена и разнообразием критериев деления словосочетания на простые и сложные. Необходимы поиски иных путей решения проблемы, ибо отмеченные критерии не обеспечивают единства мнений относительно объема и характера простых и сложных словосочетаний.

Существует два подхода к изучению структуры и семантики словосочетаний: «подход снизу» (от слова) и «подход сверху» (от предложения).⁵

Принципиально иной подход к классификации простых и сложных словосочетаний, предлагаемый мною, ведет от предложения. При этом подходе учитывается членность предложения на словосочетания, членность самих словосочетаний.

Как в учебных, так и в исследовательских целях большое значение имеет выделение словосочетаний из предложения, анализ тех изменений, которые претерпевают модели словосочетаний при их реализации в коммуникативной единице – предложении.

В предложении графически выделяются предикативные сочетания (грамматические основы), затем выделяются словосочетания в той форме, в которой они даны в предложении. В скобках указывается начальная форма словосочетаний. Сопоставление начальной формы и формы словосо-

четаний, выписанных из предложения, позволяет показать специфику словосочетаний и членов предложения, так как компоненты словосочетаний в предложении становятся членами предложения.

На севере диком стоит одиноко

На голой вершине сосна. (М. Лермонтов.)⁶

1. *На севере стоит (стоять на севере).*

2. *(На) севере диком (дикий север).*

3. *Стоит одиноко (одиноко стоять).*

4. *Стоит на вершине (стоять на вершине).*

5. *(На) голой вершине (голая вершина).*

Словосочетания в составе предложения изменяют свою начальную форму, подчиняясь законам построения предложения, причем стержневые слова словосочетаний в составе предложения становятся зависимыми.

В словосочетаниях *на севере стоит* и *стоит на вершине* предлог *на* является средством связи слов, в словосочетаниях *(на) севере диком* и *(на) голой вершине* предлог входит в состав словоформ *на севере* и *на вершине*, средством связи слов в этих словосочетаниях не является, поэтому заключен в скобки.

При прямом порядке слов обстоятельства места стоят после сказуемого, а в этом предложении обстоятельство *на севере* выражает тему (основу) актуального членения предложения, ремой является остальная часть предложения.

При прямом порядке слов обстоятельства образа действия ставятся перед сказуемым, начальная форма словосочетания *стоять одиноко* подвергается инверсии под влиянием предложения. Актуализируется и слово *диком* в словосочетании *на севере диком*.

Слово *одиноко* актуализируется не только инверсией, но и положением в стихотворной строке.

К простым относятся словосочетания, в которых один из компонентов является фразеологическим сочетанием.

Сложные словосочетания состоят из трех и более знаменательных слов. В состав сложного словосочетания **обязательно** входит простое (а иногда и сложное) словосочетание.

К сложным словосочетаниям относятся:

1. Словосочетания, включающие цельные словосочетания, например: *знать (много песен)*, *старик (с живыми*

глазами), девочка (одиннадцати лет), полет (от Москвы до Ленинграда) и т.д.

(Трое суток) кружил первый корабль-спутник над планетой... (Степанов.) (Кого из водолазов) вы пошлете в воду? (В. Конецкий.) Пожилая (женщина с мужским лицом и мужской прической) стояла у письменного стола, курила, смотрела в пространство (злыми глазами). (Ю. Бондарев.)

Зреет рожь на жаркой ниве,

И (от нивы и до нивы)

Гонит ветер прихотливый

Золотые переливы. (А. Фет.)

II. Словосочетания, включающие сочинительные словосочетания, которые могут занимать позицию как стержневого, так и зависимого компонента сложного словосочетания: любимые (астры и георгины), собрание (студентов и преподавателей), думать (не только о прошлом, но и о будущем), любить (книги и музыку), театр (драмы и балета), (громко и весело) говорить, гулять (с сыном и дочкой) и т.д.

В предложении все компоненты сложных словосочетаний этого типа выполняют функции отдельных членов предложения: Ветер срывал с берез (мокрые и пахучие) листья. (К. Паустовский.)

Сложное словосочетание мокрые и пахучие листья включает сочинительное словосочетание мокрые и пахучие, отвечающее на общий вопрос: какие листья?

Неправильно разбивать сочинительное словосочетание: при этом разрушается его цельность.

III. Словосочетания, включающие неоднородные определения: мохнатая (черкесская шапка); длинный (товарный поезд) и др.

В предложении Царственный (дубовый лес) подступал к самым окнам. (И. Герасимов.) сложное словосочетание царственный (дубовый лес) включает простое словосочетание: дубовый лес. Не всякий лес царственный, а дубовый.

Распространять простое словосочетание могут также порядковые числительные и местоимения: первый (школьный звонок), мой (любимый герой).

Вычленим словосочетания из следующего предложения: Действие спектакля происходит на сцене типичного провинциального театра средней руки.

После выделения предикативного сочетания вычленим словосочетания:

действие спектакля (простое);

происходит на сцене (простое);

(на) сцене театра (простое);

типичного провинциального театра (сложное);

провинциального театра (простое);

театра средней руки (простое).

Типичный провинциальный театр – сложное словосочетание, так как оно включает неоднородные определения: определение типичный относится к простому словосочетанию провинциальный театр. Остальные словосочетания простые, в том числе и последнее, так как в состав его входит фразеологизм средней руки.

IV. Словосочетания, состоящие из определяемого слова и определительных оборотов, препозитивных и постпозитивных. Например: Потемневшее во время грозы небо по-светлело. Из этого предложения можно выделить следующее сложное словосочетание: потемневшее во время грозы небо, а из него выделить два простых: потемневшее небо и потемневшее во время грозы. (Во время имеет значение служебного слова – предлога: в грозу.)

Из предложения Подобные дыму облака неслись по небу выделяем сложное словосочетание подобные дыму облака и простое – неслись по небу. Из сложного словосочетания можно выделить простое словосочетание подобные дыму.

При препозитивных причастных и адъективных оборотах между ними и определяемыми словами устанавливаются непредикативные (определятельные) отношения.

При постпозиции причастных и адъективных оборотов между ними и определяемыми словами устанавливаются полупредикативные отношения: Небо, потемневшее во время грозы, осветлело; Облака, подобные дыму, неслись по небу. В этих предложениях есть сложные словосочетания небо, потемневшее во время грозы и облака, подобные дыму, из которых можно выделить простые: потемневшее во время грозы и подобные дыму. Полупредикативные отношения в сочетаниях небо, потемневшее и облака, подобные разрушают их цельность.

В следующих предложениях выделим графически только сложные словосочетания: **Человек, не помнящий прошлого, лишает себя грядущего.** (М. Дудин.) **Лукошко, полное росы, я из лесу принес.** (С. Маршак.) **На окне, серебряном от инея, за ночь хризантемы расцвели.** (И. Бунин.) Анна смотрела на нее **мокрыми от слез глазами.** (Л. Толстой.)

V. Словосочетания, включающие определяемое слово и обособленное приложение. Из предложения *Могучий лев, гроза лесов, лишился силы.* (И. Крылов.) можно выделить сложное словосочетание *лев, гроза лесов*, для которого характерны полупредикативные отношения. В этом сложном словосочетании есть простое – *гроза лесов*.

Из предложения *Сегодня прошел замечательный дождик – серебряный гвоздик с алмазною шляпкой.* (Д. Кедрин.) можно выделить сложное словосочетание *дождик – серебряный гвоздик с алмазною шляпкой*, в котором есть простые словосочетания: *серебряный гвоздик*, *гвоздик с(о) шляпкой*, *с(о) алмазною шляпкой*.

На шкале переходности **предикативные – непредикативные отношения** полупредикативные отношения занимают промежуточное положение (звено АБ), поэтому их трактовка имеет дискуссионный характер. Сочетания слов с полупредикативными отношениями имеют синкретичный характер: у них есть предикативные и непредикативные свойства. Диффузность этих отношений обуславливает неоднозначность их анализа в лингвистике. Однако для лингвометодики (для практики преподавания русского языка) целесообразно рассматривать как словосочетания – сочетания слов с полупредикативными отношениями, так как умение видеть их в предложении способствует развитию речи, а также формированию пунктуационных навыков.

VI. Словосочетания, включающие в качестве зависимого компонента словосочетания с пояснительными и уточняющими отношениями типа: *гнездо сверху, под крышей; полюбить сразу, с первого взгляда* и др.

Так, из предложения *Внизу, в тени, шумел Дунай.* (Ф. Тютчев.) можно выделить сложное словосочетание *внизу, в тени, шумел*, в котором есть простое – *внизу, в тени*. В сложном словосочетании каждое слово зависи-

мого компонента подчинено стержневому, а между собой они связаны пояснительными отношениями. Покажем эти связи схемой:

шумел ← (внизу ← в тени)

В следующих предложениях сложные словосочетания этого типа выделим графически:

Около дома, возле крылечка, тихо течет безымянная речка. (А. Прокофьев.) В этом доме **случилось** даже одно очень важное для них обоих **событие, а именно встреча Кити с Вронским.** (Л. Толстой.) **Вверху, под крышами дубов, где ровно синела глубина неба, собирались** облака... (И. Бунин.)

VII. Словосочетания, включающие слова с двойной синтаксической зависимостью: *увидеть его веселым, считать себя правым.*

Так, в предложении *Меня страшила мысль **оставить Трофима** на ночь **привязанным** к плоту.* (Г. Федосеев.) можно выделить сложное словосочетание *оставить Трофима привязанным*.

Ср. также: *Все равно будет возмездие, все равно **придут за тобой – живым или мертвым.*** (М. Шатров.) Убил он девочку в промежутках *между рассказами о себе* маленьком. (Л. Леонов.)

VIII. Словосочетания, включающие цельные словосочетания типа: *где-то далеко, когда-то давно, неизвестно зачем, неизвестно почему; рано утром, поздно вечером* и под.

(Где-то далеко) прогремел ленивый гром. (К. Паустовский.)

На другой день **(рано утром)** Марья Ивановна **проснулась**, оделась и тихонько прошла в сад. (А. Пушкин.) **(Поздно ночью)** из похода **возвратился** воевода. (А. Пушкин.) Три девицы под окном **пряли (поздно вечерком).** (А. Пушкин.)

Как обещало, не обманывая,

Проникло солнце (утром рано)

Косою полосой **шафрановую**

От занавеса до дивана. (Б. Пастернак.)

Цельность словосочетаний разрушается при обособлении второго компонента, при его распространении и т.д. Например: *Где-то, должно быть в соседней хате, плакал ребенок.* (К. Паустовский.)

Наличие оппозиции **А (простое словосочетание)** – **Б (сложное словосочетание)** предполагает существование зоны переходности, включающей переходные звенья (Аб – Аб – аБ), для которых характерен синкретизм структурных и семантических свойств.

К переходным словосочетаниям можно отнести словосочетания, включающие фразеологизмы: *иметь (куриную память), долго (кормить обещаниями), сделать (курам на смех), быть (канцелярской крысой)* и т.д. Эти и им подобные фразеологизмы образовались на основе словосочетаний, но обозначают **одно** понятие, что и сближает их со знаменательным **словом**.

По структуре такие фразеологизмы сближаются со сложным словосочетанием, по семантике тяготеют к простым. Место словосочетаний с фразеологизмами на шкале переходности определяется степенью их семантической цельности и особенностями структуры.

Фразеологизмы, обладающие разной степенью близости к слову и словосочетанию, являются мостиком, соединяющим слово и словосочетания. Многие фразеологизмы образовались и образуются из свободных словосочетаний, поэтому, естественно, степень спаянности частей фразеологизмов, степень их близости к слову различна. Поэтому нередко трудно разграничить синтаксически свободные и несвободные сочетания слов.

В составе предложения могут сосуществовать простые и сложные, подчинительные и сочинительные, синтаксически свободные и несвободные (цельные) словосочетания. Например: *Только в зрелом возрасте мы понимаем удивительное сочетание простоты и сложности, прозрачности и глубины в пушкинских стихах и прозе.* (С. Маршак.)

1) *только в зрелом возрасте понимаем* (начальная форма – *понимать только в зрелом возрасте*);

2) *только в зрелом возрасте* (начальная форма – *зрелый возраст*);

3) *понимаем сочетание* (начальная форма – *понимать сочетание*);

4) *удивительное сочетание* (начальная форма – *удивительное сочетание*);

5) *сочетание простоты и сложности, прозрачности и глубины* (начальная форма – *сочетание простоты и сложности, прозрачности и глубины*);

6) *простоты и сложности, прозрачности и глубины* (начальная форма – *простота и сложность, прозрачность и глубина*);

7) *сочетание в пушкинских стихах и прозе* (начальная форма – *сочетание в пушкинских стихах и прозе*);

8) *(в) пушкинских стихах и прозе* (начальная форма – *пушкинские стихи и проза*);

9) *(в) стихах и прозе* (начальная форма – *стихи и проза*).

Все типы словосочетаний по требованию структуры и семантики предложения изменяют свои начальные формы, соответствующие их структурным схемам. Несмотря на разобщенность компонентов словосочетания, очевидна их структурная и семантическая связь, обусловленная строением (моделями) словосочетаний. Схемы типов словосочетаний образуются в предложении и становятся достоянием языковой системы, знание которой позволяет сделать речь богатой и выразительной.

Как показывает дифференциация простых и сложных словосочетаний, все простые словосочетания делятся на синтаксически свободные и несвободные.

Синтаксически свободные простые словосочетания в предложении занимают позиции **разных** членов предложения. Такие словосочетания (а их большинство!) реализуют валентные свойства частей речи.

Синтаксически нечленимые простые словосочетания, входящие в состав сложных словосочетаний, занимают в предложении синтаксическую позицию **одного** члена предложения.

Синтаксически свободные простые словосочетания выделяются при «подходе снизу» (путь от слова), а синтаксически несвободные выделяются при «подходе сверху» (путь от предложения).

Среди выделенных сложных словосочетаний есть такие, которые не существуют вне предложения, и такие, которые существуют вне предложения.

Список сложных словосочетаний не закрыт.

Изучение словосочетаний способствует более глубокому постижению теории членов предложения. Дифференциация простых и сложных словосочетаний позволяет обосновать выделение нераспространенных и распространенных членов предложения.

Умение последовательно выделять сочетания слов из предложения – одно из главных условий успешного овладения синтаксическим строем русского языка. Первостепенное значение в этом отношении принадлежит разбору предложения по членам предложения, так как при этом рассматриваются и оцениваются все сочетания слов, образуемые в предложении, в том числе и словосочетания, выясняются и уточняются лексико-грамматические свойства некоторых слов, совмещающих свойства разных частей речи.

Знание закономерностей строения словосочетаний помогает увидеть словосочетания в предложении, понять связи и отношения между всеми словами в предложении.

Примечания.

1. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. – Ч. 2. – М., 1956.

2. См.: Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970. – С. 538–539.

3. См.: Политова И.Н. Дифференциальные признаки сильного и слабого глагольного управления // Исследование языковых единиц и грамматических категорий. Межвузовский сборник научных трудов. – Уфа, 1998; Она же. Переходные явления в области сильного и слабого глагольного управления. – АКД. – М., 1999 и др.

4. Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. 1. – М., 1960. – С. 20. См. также: Прокопович Н.Н. Словосочетание в современном русском литературном языке. – М., 1966.

5. См.: Бабайцева В.В. Два подхода к анализу синтаксических единиц // Филологические науки. – 2007. – № 2.

6. По техническим причинам в моей статье «Подчинительные и сочинительные словосочетания» (РЯШ. 2006. № 4) искажен список словосочетаний, выделяемых из этого предложения.

Словосочетания типа *все новое, что-то новое, ничего нового.*

Большое значение для формирования культуры речи (устной и письменной) имеет анализ структуры и семантики предложения, выделение в предложении его структурно-семантических компонентов, то есть членов предложения.

При разборе предложений по членам предложения полезно знать синтаксически нечленимые (цельные) словосочетания. Они обычно выделяются в лингвистической литературе и вузовских учебниках, начинают входить в школьную практику. Так, в учебнике В.В. Бабайцевой и Л.Д. Чесноковой «Русский язык. Теория» (5–9 классы)¹ отмечены некоторые цельные словосочетания (§160), которые занимают в предложении позиции одного члена предложения: 1) *три пальмы, много песен, большинство участников, часть книг* и т.д.; 2) *один из учеников, двое из класса* и т.д.; 3) *мать с сыном, нитка с иголкой* и т.д.; 4) *(человек) высокого роста, (девушка) с голубыми глазами* и т.д. Например:

Три девицы под окном

Пряли поздно вечерком. (А. Пушкин.)

Много песен слышал я в родной стороне. (В. Богданов.)

Сколько тут было кудрявых берез! (Н. Некрасов.)

А кто из детей не хочет стать взрослым? (Н. Студеникин.)

И песня с бурей – вечно сестры. (В. Брюсов.)

Его лицо с умными глазами и небольшой бородкой сразу же привлекло мое внимание. (К. Васильев.)

Одними из частотных цельных словосочетаний являются сочетания местоимений с прилагательными типа: *все новое, что-то яркое, ничего хорошего*.² Разумеется, на месте прилагательных могут быть и другие слова.

Рассмотрим эти словосочетания.

Всё новое. Примеры употребления в составе предложения: *Всё живое особой метой отмечается с ранних пор...* (С. Есенин.); *Если не в своей биографии, то в творчестве он отринул всё благополучное...* (К. Чуковский.)

В системе местоимений слово *всё* является формой среднего рода определительно-обобщительного³ местоимения *весь*, которое по соотношению с другими частями речи входит в разряд местоимений-прилагательных. В предложении местоимение *всё* в сочетании с существительным выполняет функцию согласованного определения, например: *Всё небо ясно.* (А. Пушкин.)

Словоформа *новое* – одна из форм (средний род, единственное число) прилагательного *новый*. В предложении в сочетании с существительным обозначает **признак предмета**, названного существительным, например: *Новое платье надела земля. Теперь новое поколение уже не может довольствоваться идеальными отношениями.* (Л. Толстой.)

Рассмотрим свойства цельного словосочетания *всё новое* в составе предложения: *Мне интересно всё новое.*

Предметом оценки (**что интересно?**) являются какие-то предметы, явления, действия и т.д. Они не названы, но на их наличие указано словосочетанием *всё новое*, вследствие этой функции словосочетание субстантивируется в целом и в частности. Оба слова приобретают предметные категориальные семы. Местоимение *всё* часто выполняет функцию обобщающего слова (*Всё: деревья и луга – начало зеленеть*).

Признак тесно связан с предметом, при эллипсисе существительного, называющего предмет, прилагательное берет на себя номинативную функцию существительного, дополняя ею свою семантику признака.

Сохранение семы качественного признака обуславливает возможность форм превосходной степени и обстоятельств со значением меры и степени: *всё самое новое, всё совсем новое...*

По своим морфологическим свойствам оба слова призваны быть в синтаксисе определениями. В сочетании *всё*

новое они взаимно определяют друг друга, актуализируя в семантике сочетающихся слов субстантивные семы. Сплав номинативных и атрибутивных функций, присущих обоим словам, и обуславливает структурную и семантическую цельность словосочетаний этого типа.

Каждый из компонентов этого типа цельного словосочетания может быть самостоятельным членом предложения, обладающим полнотой свойств, необходимых для члена предложения как структурно-семантического компонента предложения.

Всё в роли самостоятельного члена предложения является субстантивированным местоимением, обобщающим неопределенное количество предметов. Например: *Всё вокруг застыло в коротком осеннем сне.* (М. Горький.); *Всё вокруг подвластно поэзии.* (К. Паустовский.)

Обычно *всё* обобщает неживые предметы, но иногда в число обобщаемых предметов входят и лица: *Всё в доме спит...* (М. Лермонтов.) *Всё молчало кругом.* (К. Паустовский.) Способность местоимения *всё* обобщать и лица, и предметы, чем достигается особая выразительность, актуализирует в нем субстантивные семы, нейтрализуя его определительные свойства.

Второй компонент в роли самостоятельного члена предложения является субстантивированным прилагательным, обозначающим неопределенное количество предметов, обладающих указанными свойствами. Например: *Новое – это хорошо забытое старое.*

В цельном словосочетании *всё новое* сливается предметная семантика определительно-обобщительного субстантивированного местоимения *всё* и признаковая, качественно-оценочная семантика субстантивированного прилагательного *новое*.

В семантике обоих слов есть атрибутивные и предметные семы, но в слове *всё* ярче предметная семантика, а в слове *новое* – признаковая, поэтому структурным центром словосочетания является *всё*, а семантическим – *новое*. При эллипсисе *всё* слово *новое* конденсирует предметную и признаковую семантики.

Что-то новое. Приведем примеры употребления таких словосочетаний в составе предложений:

В глазах <...> блеснуло что-то яркое, как яхонт. (Б. Пастернак.)

Я грежу Нарвой, – тихой, старой, –

В ней что-то яркое свое. (И. Северянин.)

Маяковский буркнул ему что-то сердитое. (К. Чуковский.)

Иногда приходит в голову что-то неглупое, но я тут же забываю это неглупое. Умное давно не посещает мои мозги. (Ф. Раневская.)

По соотношению с другими частями речи местоимение что-то относится к группе местоимений-существительных, что обеспечивает структурную основу словосочетания и, казалось бы, не требует субстантивации прилагательного. Однако субстантивные семы в прилагательном есть. Это обуславливает возможность эллипсиса местоимения что-то.

Местоимение что-то не дает названия носителя предикативного признака, оно вносит в сочетание что-то яркое семантику неопределенности, которую автор (говорящий) стремится устранить или, по крайней мере, ослабить конкретизирующими прилагательными, определяющими неизвестное «что-то».

Неопределенный предмет речи / мысли может быть **назван** в контексте. Нередко писатели используют семантико-стилистические особенности таких словосочетаний. Так, в следующем тексте название деятеля не устраняет таинственной неопределенности препозитивного предложения, усиленной лексическим значением прилагательного черный, актуализированным повтором и инверсией качественного и относительного прилагательных.

По столбу террасы мелькнуло что-то черное, и раздался душераздирающий писк обеих ласточек – матери и отца. Черная деревенская кошка, не успели рассмотреть какая, скользнула вверх по столбу и, схватив сразу две высунувшиеся головки с желтыми клювами, исчезла в палисаднике за сараем. (П. Романов.)

Признаковая семантика в адъективных словах может быть усилена обстоятельствами меры и степени. Например: Видно было, что он хочет сказать что-то очень важное, но не решается. (А. Чехов.) Что-то, казалось совсем незначительное, мешало ему поступать так. (Е. Пермитин.)

Ничего нового.⁴ Приведем примеры функционирования таких словосочетаний в предложении: Люди поговаривали, что происходил он от однодворцев и состоял будто где-то на службе, но ничего положительного об этом не знали... (И. Тургенев.) Но они страдали меньше нас, потому что впереди у них стоял лучезарный рабфак, а у нас не было впереди ничего лучезарного. (А. Макаренко.) Мне нечего одеваться. Ничего другого я не надену, – тихо, но твердо проговорила я (Л. Чарская.) Но ничего подобного не случилось. (Л. Чарская.) Ничего дурного в ней не было – всего лишь обыкновенный документ. (А. Рыбаков.) Я не помню ничего особенно порочного в их поведении. (А. Герцен.)

Так, словосочетание ничего хорошего часто звучит в ответе на вопрос что нового? Да и сам вопрос является одним из примеров эллипсиса, ставшего штампом.

Цельные словосочетания типа ничего нового выполняют функции дополнения. Стержневым словом в таких словосочетаниях является местоимение, содержащее в своей отрицательно-обобщающей семантике субстантивные семы, а прилагательное выражает основной смысл словосочетания.

Чувствовалось, что для этой массы нет ничего невозможного. (В. Гаршин.) Промежуточного ничего не было. (А. Толстой.)

Степень цельности отмеченных словосочетаний различна. Она зависит от ряда факторов, среди которых особое значение имеет частотность употребления, интонационное и дистанционное разделение, количество адъективных форм и т.д.⁵

Очевидно, что дистантное разделение актуализирует структурную и смысловую роль компонентов таких словосочетаний. Например:

Что-то слышится родное

В долгих песнях ямщика... (А. Пушкин.)

Есть что-то в весне старушье,

Как вешнее есть в былом. (И. Северянин.)

Ничего во мне нет хорошего, кроме этой любви к вам. (А. Чехов.)

Чем больше прилагательных, тем слабее в них субстантивная семантика. Например: Если во всей губернии есть

что-то интересное, даже замечательное, так это только наши вишневы́й сад. (А. Чехов.) В эту первую минуту нашей встречи мне почудилось в нем что-то непреклонное, несокрушимое, властное. (К. Чуковский.) Связанные стебли образовали что-то толстое и твердое. (В. Набоков.) Он возненавидел все величественное, строгое, гордое и всей душой привязался ко всему мизерному, забитому, бедному... (А. Чехов.) Что-то гордое и независимое было в этой мужественной старухе. (Б. Горбатов.) От матери человек берет все прекрасное и самое чистое. (В. Сухомлинский.) В осенней красоте есть что-то хотя и яркое, красочное, но и немножко печальное. (К. Васильев.)

Синтаксическая цельность словосочетаний ослабляется обособлением прилагательных: Обыватели стали понимать, что начинается что-то, похожее на революцию. (А. Толстой.) В шуме родной реки есть что-то схожее с колыбельною песнею. (М. Лермонтов.);

В наших годах что-то есть такое,
Вечное, Великое, Живое,
что никак не может умереть.
(А. Жаров. В наши годы.)

Неопределенность степени цельности таких словосочетаний объясняет вариативность знаков препинания.

Значение признака неопределенного предмета максимально сохраняется при ярких лексических значениях, адъективных словоформ, например: Аркадина. Это что-то декадентское. (А. Чехов. Чайка.) В одиноком айсберге есть что-то трагическое. (В. Санин.) Что-то фантастическое, сказочное есть в лунной зимней ночи. (И. Соколов-Микитов.)

В словосочетаниях одиночных прилагательных с местоимениями актуализирована семантика прилагательных, подвергающихся субстантивации. Местоимения привносят в семантику таких словосочетаний обобщенность, неопределенность и усиление отрицания.

Субстантивированные прилагательные воспринимаются не только как информативный центр, но как структурный центр словосочетаний. В устной речи субстантивированные прилагательные выделяются логическим ударением, возможностью эллипсиса местоимений. Смысловая и

интонационная слитность местоимений и прилагательных и позволяет рассматривать такие словосочетания как цельные, как один член предложения.

При наличии нескольких адъективных словоформ цельность словосочетаний разрушается: смысловым и структурным центром сложных словосочетаний с местоимениями *всё, что-то, ничего* являются актуализированные местоимения.

Адъективные распространители местоимений выражают признаки тех предметов, которые предстают как совокупность обобщенных, неопределенных и отрицаемых реалий.

Желание автора ослабить и даже снять неопределенность «чего-то» особенно наглядно реализуется в сочетаниях с предлогом *вроде*, который позволяет включить неопределенное «что-то» в число аналогичных предметов: *Что-то вроде Володи*.⁶

К этой же группе цельных словосочетаний относятся словосочетания типа *что-нибудь интересное, кое-что известное*.

Однако предпочел бы написать что-либо новое для вас. (М. Горький.) Вверху нечто безобразно огромное, сорвавшееся с цепей, бесновалось, рыдало, выло... (В. Шукшин. Капроновая елочка.) Но тут случилось нечто неожиданное... (Л. Чарская.)

В значении цельных словосочетаний с семантикой неопределенности и безразличия употребляются грамматизирующие сочетания *что угодно, бог весть что, неизвестно что*.

Обобщим сказанное. В цельных словосочетаниях типа *все новое, что-то новое, ничего нового* главными, стержневыми словами являются местоимения, зависимыми – прилагательные, синкретичные по своим морфологическим свойствам. В цельных словосочетаниях прилагательные имеют атрибутивно-субстантивные значения: в них усиливается предметное значение, свойственное существительным, а значение признака, свойственное прилагательным, ослабляется, но, несомненно, сохраняется.

Адъективные формы не показывают признак местоимения *всё, что-то, ничего*, а характеризуют предметы, которые не вербализованы, но их существование очевидно, так как известны их признаки.

Сочетание предметных (субстантивных) и признаковых (атрибутивных) значений делает цельные словосочетания данных типов семантически ёмкими, а поэтому – частотными.

Примечания.

1. См. также: *Бабайцева В.В.* Русский язык. Теория. (5–11 классы), § 190.

2. Эти и им подобные сочетания слов уже привлекли внимание ученых. См., например: *Блажев Б.И.* О семантико-синтаксической структуре сочетаний типа *все возможное* // Филологические науки. 1963. № 2; *Фурашов В.И.* Шкала атрибутивной валентности местоименных существительных // Русские местоимения. Семантика и грамматика. – Владимир, 1989; *Семенова О.В.* Структурно-семантические свойства конструкций «что-то вроде чего-то» // Структура, семантика и функционирование синтаксических единиц в русском языке. Сб. статей. – Орел: ОГУ, 1989; *Высоцкая И.В.* Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. – М., 2006 и др.

3. В лингвистике есть и другие названия этого разряда: *определятельные, обобщительные* (А.М. Пешковский, М.И. Алехина, Г.Н. Кондратьева и др.), *обобщительно-выделительные* (Е.Н. Сидоренко) и др.

4. Анализ функционирования омокомплекса *ничего* посвящено интересное исследование И.В. Высоцкой «Морфологический статус и синтаксические функции слова *ничего*». Кандидатская диссертация. – М., 1993. См. также: *Сутырина Ю.А.* Атрибутивная валентность кванторных местоименных существительных. – Иваново, 1999.

5. См. ступени субстантивации прилагательных на шкале переходности: *Высоцкая И.В.* Морфологический статус и синтаксические функции слова *ничего*. Кандидатская диссертация. – М., 1993.

6. См.: *Семенова О.В.* Структурно-семантические свойства конструкций «что-то вроде чего-то» // Структура, семантика и функционирование синтаксических единиц в русском языке. Сб. статей. – Орел, 1999.

Как правильно сказать: *простыня* или *прóстынь*?

В современном русском языке функционирует два слова: *простыня* и *прóстынь*.

Слово *простыня* – существительное женского рода первого склонения, в единственном числе имеет следующие формы:

Им.п.	<i>простыня</i>	В.п.	<i>простыню</i>
Р.п.	<i>простыни</i>	Тв.п.	<i>простынёю</i>
Д.п.	<i>простыне</i>	Пр.п.	<i>(о) простыне</i>

Слово *прóстынь*, утратив конечный гласный, передвинуло ударение на первый слог и (главное!) перешло из первого склонения в третье.

Им.п.	<i>прóстынь</i>	В.п.	<i>прóстынь</i>
Р.п.	<i>прóстыни</i>	Тв.п.	<i>прóстынью</i>
Д.п.	<i>прóстыни</i>	Пр.п.	<i>(о) прóстыни</i>

Как показывает сопоставление парадигм склонения слов *простыня* и *прóстынь*, эти слова в единственном числе четко дифференцированы не только падежными формами, но и стилистической окраской: *простыня* – литературное слово, *прóстынь* – просторечное.

Интересная и разнообразная картина во множественном числе.

Сравним:

Им.п.	<i>прóстыни</i>	Им.п.	<i>прóстыни</i>
Р.п.	<i>прóстынь</i>	Р.п.	<i>прóстыней</i>
Д.п.	<i>прóстыням</i>	Д.п.	<i>прóстыням</i>
В.п.	<i>прóстыни</i>	В.п.	<i>прóстыни</i>

Тв.п. *простынями* Тв.п. *прóстынями*
Пр.п. *(о) простынях* Пр.п. *(о) прóстынях*

Одинаковые формы имеют Им. и В.п.

Слово *простыня* держит ударение на окончании, *простынь* – на первом слоге при одинаковых окончаниях.

Определенные тенденции наблюдаются в количественно-именных словосочетаниях.

В словосочетаниях с числительным *два (две)* имеем следующие формы: *две простыни* (литературная форма) / *две прóстыни* (просторечная форма). В этой конкуренции форм в разговорном литературном языке явно побеждает просторечная форма (с ударением на первом слоге) – *две прóстыни*.

202 | *Пять простынь* (литературная форма) / *пять прóстыней* (просторечная форма). В этой конкуренции форм побеждает третья – *пять простынёй*, в которой совмещаются и литературные, и просторечные особенности: ударение – от литературной формы, окончание – от просторечной.

Аналогичные колебания характерны и для словосочетаний с местоимениями-числительными.

На наших глазах происходит замена литературных форм просторечными. Какой тип победит, сказать трудно. В традиционных словарях доминирует указание: *простыня (не прóстынь)*. Однако в некоторых словарях, изданных после 2000 года, рассматривается как допустимая в литературном языке форма Р.п. мн.ч. – *простыней*. Остальные формы слова *простынь* сохраняют просторечную стилистическую окраску.

Вопросы орфографии и пунктуации

Принципы русской орфографии.

Фиксации речи на письме посвящено два раздела науки о языке: *графика* и *орфография*. Эти термины имеют и второе значение. Термин *графика* обозначает совокупность средств письменности, используемых для фиксации речи. Основными средствами графики являются буквы.

Второе значение термина *орфография* – свод правил, обеспечивающих единый образ написания слов и их форм.

Орфография и графика тесно связаны между собой, поэтому эти разделы в науке о языке рассматриваются во взаимосвязи.¹

Правила орфографии устанавливаются на основе орфографических принципов.

У разных авторов выделяется разное количество принципов (нередко с разными названиями и с разной трактовкой и иллюстрациями).

Так, Л.В. Щерба выделял 4 принципа орфографии: 1) фонетический; 2) этимологический, или словопроизводственный, – иначе морфологический; 3) исторический; 4) идеографический.²

Л.Л. Касаткин выделяет следующие принципы орфографии: фонематический (основной), морфематический (или морфологический), традиционный, фонетический, лексико-синтаксический и дифференцирующие написания.³

Основные традиционно выделяемые принципы орфографии – фонетический, морфологический, традиционный.

По определению В.Ф. Ивановой, «...орфографические принципы – это регулирующие идеи выбора букв там, где звук (фонема) может быть обозначен вариативно».⁴

Учитывая разнообразие «идей», регулирующих современное письмо, целесообразно выделять следующие принципы орфографии:

- 1) фонетический (фонетические написания);
- 2) морфемный;
- 3) морфологический;
- 4) синтаксический;
- 5) традиционный;
- 6) семантический.⁵

Выделенные принципы обусловлены структурно-семантической организацией системы языка, строением и значением его единиц.⁶

Рассмотрим выделенные принципы.

Фонетический принцип характерен как для графики, так и для орфографии.

Русское письмо в целом является фонетическим, так как в нем звуки обычно соответствуют «своим» буквам. Так, слова [стол], [дом], [дар], [парус] и подобные пишутся в соответствии с произношением. Такое письмо называется **звуко-буквенным** или **буквенно-звуковым**. Разные названия обусловлены разными подходами: «от звука к букве» или «от буквы к звуку». Более научным, несомненно, является подход от звука к букве.⁷

Подход от буквы к звуку является основным в книге В.Ф. Ивановой «Современный русский язык. Графика и орфография» (М., 1976).

Подход от буквы к звуку является основным в теоретической части школьных учебников, хотя встречается и другой подход, например: обозначение мягкости согласных на письме.⁸

Фонетический принцип является ведущим принципом русской графики. Учитывая влияние произношения (звучания) на некоторые написания, фонетический принцип включается и в число принципов русской орфографии.

Фонетический принцип регулирует написание букв **З** и **С** в приставках: *без-, воз-, вз-, из-, раз-, роз-, низ-, через-, чрез-*. Буква **З** пишется, если далее следует звонкий согласный, а **С** – если глухой: ср. *бездарь – бестолочь*.

В приставках *раз-* (*рас-*) и *роз-* (*рос-*) под ударением пишется **А**, в безударном положении – **О**.

Влияние произнесения сказывается и в написаниях типа *розыск*, *розыгрыш*, *разыскивать*, *безыскусный* и др.

Частотное несоответствие звука букве обуславливает потребность в других принципах, из которых главным является морфемный.

Морфемный принцип орфографии исследователи называли морфологическим и признавали его основным, ведущим принципом орфографии. Целесообразно дифференцировать морфемный и морфологический принципы, так как каждый из них служит обоснованием разных написаний.

Морфемный принцип обуславливает сохранение графического единства морфем (корней, приставок, суффиксов). Графическое единство этих морфем обычно не связано с местом ударения, определяющим позиционные изменения гласных

в корнях: *сад*, *сады*, *садовод*;

в приставках: *запись*, *записка*, *записать*;

в суффиксах: *певица*, *гостиница*, *курица*.

Отступления от единообразного написания морфем связаны прежде всего с чередованием звуков (фонем), обусловленных их произнесением (действием фонетического принципа), позицией, историческими причинами и т.д.

Большое количество орфографических правил учитывает графическое (буквенное) единство морфем. Так, основным правилом, определяющим написание гласных в корнях без ударения, является подбор однокоренных слов с ударным гласным. Например, *водá* – *вóдный*, *окно́* – *бóкон* и т.д.

Большая часть приставок сохраняет единообразие написания вне зависимости от ударения, части речи, лексического значения слов. К таким приставкам относятся приставки *в-*, *за-*, *на-*, *к-*, *от-* и др. Однако есть приставки, реагирующие на последующий звук. Приставка *с-* сохраняется перед звонкими согласными: [*с*] *бегать* – *сбегать*, но, например, приставка *без-* изменит свой графический облик перед глухими согласными: *бе[сн]окойный* – *беспокойный*.

Есть и приставки, написание которых регулируется лексическими значениями слов. К таким приставкам относятся *при-* и *пре-*: *прибывать* (= приезжать), но *пребывать* (находиться где-нибудь) и т.д.

Большая часть суффиксов сохраняет единство написания вне зависимости от ударения, например: *-лив-* – *болтливый*, *услужливый*; *-от-* – *рабо́та*, *добро́та*; *-ник-* – *вса́дник*, *прово́дник*, *во́дник* и т.д.

Есть суффиксы, написание которых зависит от ряда условий: от предшествующего согласного (например, *медве́жонок*, но *жеребе́нок*); от места ударения в слове (*снежа́нок*, но *овра́жек*) и др.

Буквенное единообразие корней может определяться совмещением в одном гнезде русизмов и церковнославнизмов: *голова* – *глава*, *берег* – *брег*; *вожатый* – *вождь*, *одежа* – *одежда*; *ночь* – *нощь*, *дочь* – *дщерь* и т.д.

Возможны такие чередования в приставках (например, *встань* – *восстань*) и суффиксах (например, *стоячий* – *стоящий*).

Морфологический принцип⁹ определяет написание окончаний слов при их изменении. На этом принципе основан ряд правил, связанных со склонением и спряжением изменяемых слов.

Окончание, в отличие от других морфем (словообразовательных), является словоизменительной морфемой. Правила написания окончаний в значительном количестве случаев обусловлены принадлежностью слова к части речи.

Правил, определяющих правописание окончаний изменяемых слов, регулируемых морфологическим принципом орфографии, – большое количество.

Синтаксический принцип орфографии регулирует слитные, дефисные и отдельные написания слов, выделяемых «в речевом потоке», в их синтаксических связях.

Отметим некоторые случаи правописания, регулируемые синтаксическими условиями:

1) правописание слов, входящих в зону переходности, образуемую взаимодействующими частями речи¹⁰;

2) некоторые слитные, дефисные и отдельные написания.

Правописание слов, входящих в зону переходности и характеризующихся синкретизмом свойств, является ахилесовой пятой русской графики и орфографии.

Именно с этой группой слов связаны прежде всего проблемы слитного, дефисного и отдельного написания,

которые «от ворон уже отстали, а к павам еще не пристали». Определить место таких слов на шкале переходности не всегда просто.

Оппозиционными звеньями являются звено **А** (источник – раздельное написание слов, сохраняющих полную синтаксическую и семантическую самостоятельность) и звено **Б**, в котором представлены слитные и дефисные написания.

Самое большое количество «трудных» для написания слов связано с адвербиализацией предложно-падежных сочетаний. Такие слова занимают синкретичные звенья на шкале переходности: **Аб**, **АБ** и **аБ**.

Раздельные написания характерны для слов звена **Аб**, когда адвербиализация только начинается, то есть когда предложно-падежное сочетание еще сохраняет субстантивные компоненты в семантике, выполняя функции обстоятельств. О наличии субстантивных сем могут свидетельствовать согласованные и несогласованные определения: *на (самом) верху крыши*.

В звене **АБ** написание синкретичных сочетаний самое дискуссионное: *под мышку* и *под мышки*, *под мышкой* и *под мышками*. Возможность слитного написания обусловлена ослаблением или даже утратой лексического значения слова *мышка*.¹¹

В звене **аБ** располагаются слова, в которых субстантивный компонент семантики существительного ослаблен, но... его наличие, хотя и слабое, допускает в некоторых случаях определения, хотя бы в виде слова *самый*, усиливающего субстантивную сему в «бывшем» существительном: *на (самом) лету*; *на (самом) деле*...

Отсутствие отчетливых маркеров у слов в звеньях синкретичной зоны, активный процесс адвербиализации, сохранение первоисточника (базы для образования наречий) и т.д. – все это (и не только это!) создает трудности для дифференциации раздельных и слитных написаний предложно-падежных сочетаний в функции обстоятельств.

Нет единообразия и в написании полузнаменательных предлогов. Ср.: *в течение часа*, *в продолжение недели*, *но вследствие болезни* т.д.¹²

Сопоставьте:

(иметь) в виду – *ввиду*

в роде – *вроде*

на встречу – *навстречу*

на счет – *насчет*

не смотря на – *несмотря на*

на лету – *намерть*

со зла – *назло*

за счет – *насчет*

в даль – *вдаль*

во-первых – *вокруг*

Раздельные и слитные написания указанных выше слов определяются их синтаксическими функциями, сочетаемостью с другими словами (ср.: *на встречу с другом* – *навстречу другу*).

Неопределенность слитных и раздельных написаний, отмеченных выше, обусловлена их положением в зоне переходности, образуемой оппозицией: **А** – существительное с предлогами — **Б** – наречие.

Не менее сложными для правописания являются страдательные причастия настоящего и прошедшего времени, подвергшиеся адъективации. Зона переходности, представленная шкалой, где **А** – причастие, **Б** – (или **аБ**) – прилагательное, характеризуется большим количеством случаев, где трудно решить вопрос о слитном и раздельном написании *НЕ* даже при наличии ярких маркеров-слов, зависимых от «причастия» (?) или «прилагательного».

Приведем только примеры словосочетаний с постпозитивным и препозитивным зависимыми словами, чтобы показать разную степень адъективации согласуемых форм.

I. *(не) видимые миру слезы*

(не) выразимые словом мысли

(не) уловимый для глаза отблеск

никем (не) обижаемые голуби

ни с чем (не) сравнимое чувство

II. *никем (не) виданные странные*

(не) возмущенный ветром ковыль

(не) допущенный к экзамену студент

(не) побежденный врачами народ

(не) доказанное следователем преступление

никем (не) произнесенное слово

Морфемный состав согласуемых словоформ (словообразовательные суффиксы страдательных причастий настоящего и прошедшего времени) и наличие зависимых слов

держит их в системе причастий, однако в их категориальном значении явно ослабевают глагольные семы. Найти место таких слов на шкале переходности не просто, а следовательно, трудно определить, слитно или раздельно писать *НЕ*.

Дифференциация слитных и дефисных написаний большого количества сложных прилагательных связана с разграничением сочинительных и подчинительных словосочетаний.

Сложные прилагательные, образованные от подчинительных словосочетаний, пишутся слитно: *сельское хозяйство* – *сельскохозяйственный* (институт); *железная дорога* – *железнодорожный* (состав); *белый мрамор* – *беломраморный* (дворец); *способный платить* – *платежеспособный* (завод); *стойкий к морозу* – *морозоустойчивый* (сорт) и т.д.

Сложные прилагательные, образованные от сочинительных словосочетаний, пишутся через дефис: *шахматный и шашечный* – *шахматно-шашечный* (турнир); *торговый и промышленный* – *торгово-промышленный* (комплекс); *поисковые и спасательные* – *поисково-спасательные* (работы); *вопросные и ответные* – *вопросно-ответные* (реплики) и т.д.

Прилагательные в сочинительном словосочетании в некоторых случаях можно соединить союзом *не только... но и...* Например: *не только электронные, но и вычислительные* – *электронно-вычислительные* (машины).

Через дефис пишутся словосочетания, включающие определяемое слово (более общее по значению) и приложение (более конкретное по значению): *ученый-филолог*, *инженер-строитель*, *студент-заочник*, *орел-стервятник*, *заяц-беляк* и др. Для таких образований характерна разная степень слитности: *вагон-ресторан*, *дом-музей*, *музей-усадьба*, *диван-кровать*, *кресло-качалка* и др.

Некоторые сложные слова образуются в результате слияния подчинительных словосочетаний: *сумасшедший*, *умалишенный*, *впередсмотрящий* (но *смотрящий вперед*), *быстротекущий*, *вечнозеленый*, *долгоиграющий*, *пятидневный*, *тысячелетний* и др.

Приведенными примерами не исчерпывается большой список орфографических написаний, в основе которых лежат синтаксические единицы, чаще всего разного рода словосочетания. Это объясняется функциональной и системной близостью словосочетания и слова.

Традиционный (исторический, этимологический) принцип регулирует «написания, которые... не имеют уже опоры в современных словообразовательных и формообразовательных отношениях или в фонетической системе, а сохраняются лишь по традиции».¹³

Традиционными являются написания:

а) *жи, ши*: *жизнь* – [жыз'н'], *шишка* – [шышк'ш];

б) мягкий знак после шипящих (мягкий знак, обозначающий когда-то мягкость предшествующего согласного, в настоящее время является средством дифференциации существительных мужского и женского рода): *мяч* – *рожь*, *плащ* – *помощь* и т.д.

в) *ци*: *цирк* – [цырк] (слова, в которых пишется *ЦИ* (*цикл*, *цилиндр*, *цинга*, *цитата*, *цифра*), являются заимствованными), но *цыган*, *цыпленок*, *цыц*, *на цыпочках*;

г) «г» в окончаниях прилагательных и других адъективных слов: *белого* – [б'эл'тв'э], *моего* – [м'ой'и'в'о] и др.;

д) правописание так называемых «словарных» слов с безударной непроверяемой гласной в корне: *сапог*, *баран*, *собака*, *железо* и др.

Семантический принцип дифференцирует лексические и грамматические значения слов:

а) лексические значения: *развиваться* – *развеваться*, *компания* (друзей) – (предвыборная) *кампания*;

б) лексические и грамматические значения: *ожог* (руки) – *ожёг* (руку), (действовать) *наудачу* – (надеяться) *на удачу*, *плач* (ребенка) – (не) *плачь*.

В работах по орфографии не всегда одинаково иллюстрируются принципы орфографии. Одной из причин такого разнообразия является то, что многие написания регулируются не одним принципом. Так, нередко фонетический принцип дополняет основной – собственно орфографический.

Иногда написания одной группы регулируются разными принципами. Так, перенос части слов на другую строку определяют фонетический (перенос по слогам) и морфемный (сохранение целостности морфем) принципы.

Правописание частиц *НЕ* и *НИ* регулируется всеми указанными принципами (и не только ими!).¹⁴ Так, **фонетический принцип** определяет написание *НЕ* и *НИ* (под ударением пишется *НЕ*, без ударения – *НИ*): *не́кто* – *ни́кто*,

нечто – *ничто*, *нэгде* – *нигде*, *некогда* – *никогда* и т.д. Эти написания дифференцируют и лексические значения соответствующих местоимений.

Морфемный принцип регулирует слитные и отдельные написания местоимений типа: *никого* – *ни у кого*, *не кем* – *не с кем* и др.

Особенно значительно влияние **морфологического принципа**. Правило: «*Не* с глаголами, деепричастиями, с краткими причастиями, с числительными, а также (чаще всего) с именами состояния пишется раздельно» – является одним из основных системных правил.

Синтаксический принцип регулирует правописание *НЕ* и *НИ* как в составе предложений, так и в составе устойчивых сочетаний слов. Отметим некоторые случаи.

а) Частица *НЕ* пишется в риторических вопросах: *Кто из нас не ошибается? На ошибках учимся.* (М. Бубенков.) *Кто из писателей не пользовался метафорой!* (В. Катаев.)

б) Частица *НИ* характерна для придаточных уступительных с союзными словами *кто ни, что ни, как ни, где ни, куда ни* и др.: *Что ни думай обо мне – мне все равно.* (Н. Помяловский.)

Правило о раздельном написании при подразумеваемом противопоставлении может трактоваться субъективно. Ср.: *Дорога не длинная, а короткая. Дорога не длинная, если ждешь с другом.*

Предложение без маркеров противопоставления может трактоваться субъективно.

в) Частица *НЕ* пишется в вопросительных предложениях с рематической рамкой *НЕ... ЛИ (ЛЬ)?*¹⁵:

Ребята! Не Москва ль за нами? (М. Лермонтов.)

Я спрашивал: не демон ли раздора

Твоей рукой насмешливо водил? (Н. Некрасов.)

Не стыдно ли тебе так долго мучить

Меня пустым жестоким ожиданием? (А. Пушкин.)

Не правда ль? Я тебе встречалась... (А. Пушкин.)

– Все мы человеки. Не так ли? (Ч. Айтматов.)

г) Повторяющаяся частица *НИ* выполняет функции сочинительного соединительного союза:

Ни власть, ни жизнь меня не веселят. (А. Пушкин.)

Ни солнца мне не виден свет,

Ни для корней моих простора нет. (И. Крылов.)

Частица-союз *НИ* нередко входит в состав устойчивых сочетаний, образовавшихся на основе сочинительных словосочетаний: *ни рыба ни мясо; ни дать ни взять; ни за что, ни про что; ни много, ни мало* и т.п.

Синтаксические условия трансформируют частицу *НИ* в союз. И наоборот – союз превращается в частицу в устойчивых сочетаниях. Эти преобразования – результат взаимодействия синтаксиса и морфологии.

Семантический принцип регулирует написание частиц *НЕ* и *НИ*. Семантикой дифференцируются написание *НЕ* и *НИ* в составе одного предложения: *НЕ* выражает отрицание предикативного признака (входит в состав сказуемого), а *НИ* усиливает основное отрицание (усилительное *НИ* может входить в состав отрицательных местоимений): *Ни одна человеческая нога еще не ступала по его необыкновенным владениям.* (А. Гайдар.)

а) *НЕ* и *НИ* пишутся слитно со словами, которые без них не употребляются: *неуч, недоумевать, недоросль, нельзя, невеста* и др.; *никудашний, никчемный, ниспосланный* и др.

б) *НЕ* и *НИ* употребляются как смысловоразличители: *никто иной, но не что иное, как...; некто – никто, некогда – никогда...* Нередко разные написания корректируются ударением (фонетическим принципом).

В одном предложении может быть несколько орфограмм, написание которых регулируется разными принципами орфографии. Так, в предложении *Что посеешь, то и пожнешь* правописание местоимения *что* (*чего, чему...*), приставки *по-* (ср. *позвать, понять* и др.) подчиняются морфемному принципу.

Гласный в окончании глагола 2 лица единственного числа *посеешь* регулируется морфологическим принципом.

Мягкий знак после шипящих (*посеешь – пожнешь*) объясняется историческими причинами.

В остальных случаях действует фонетический принцип графики: каждый звук обозначается «своей» буквой.

Написание некоторых слов может определять несколько принципов. Так, в слове *безветренный* правописание корня *-ветр-* определяется фонетическим принципом; правописание приставки *без-* регулируется морфемным (буква *е*) и фонетическим (буквы *б* и *з*) принципами; правописание суффикса

-енн- объясняется особенностями словопроизводства: слово *безветренный* образовано от архаичного глагола *ветрить*.

Даже односложные слова могут иллюстрировать действие не одного принципа: *рожь, мышь, град, воз* и т.д.

На основе принципов орфографии формулируются орфографические правила, объединенные в группы, соответствующие базовыми принципами. Знание орфографических правил и даже орфографических принципов не гарантия грамотного письма.¹⁶

Далеко не все случаи можно подвести под указанные принципы. В русском письме существует немало слов с индивидуальным обоснованием написаний (среди таких слов много заимствований). Такие случаи отражены в орфографических словарях.

Примечания.

1. См.: Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. – СПб., 1873; Шапиро А.Б. Русское правописание. – М., 1951; Гвоздев А.Н. Основы русской орфографии. – М., 1951; Моисеев А.И. Звуки и буквы. О современном русском письме. – Л., 1969.; Моисеев А.И. Русский язык. Фонетика. Морфология. Орфография. – М., 1973; Селезнева Л.Б. Современное русское письмо (системный анализ). – Томск, 1981; Иванова В.Ф. Трудные вопросы орфографии. – М., 1982; Иванова В.Ф., Осипов Б.И. Принципы орфографии и их педагогическое значение // РЯШ. – 1991. – № 5; Копосов Л.Ф. Из истории русской орфографии // РЯШ. – 1993. – № 3.

2. Щерба Л.В. Основные принципы орфографии и их социальное значение // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1956. – С. 46.

3. См. перечень этих принципов и их оригинальную трактовку: Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц; В 2 ч. / Под ред. Е.И. Дибровой. Ч. I. 2-е изд. – М., 2006. – С. 150–160.

4. Иванова В.Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. 2-е изд. – М., 1976. – С. 135.

5. Краткое описание и иллюстрация этих принципов дана: Бабайцева В.В. Русский язык. 10–11 кл.: Учеб. для общеобразоват. учреждений филол. профиля. 4-е изд., стереотип. – М., 2007. – С. 162–166.

6. Бабайцева В.В. Структурно-семантическое направление в современной русистике // Филологические науки. – 2006. – № 2.

7. Такой подход является основным в книге А.Б. Шапиро «Русское правописание» (М., 1961).

8. Е.С. Скобликова отмечает два направления описания отношений между звуком и буквой: «от звука к букве» и «от буквы к звуку». См.: Скобликова Е.С. Русская графика. – Куйбышев, 1974.

Разные подходы к анализу языковых явлений характерны и для других уровней системы языка. Так, различные результаты дает анализ синтаксических явлений при подходе «снизу» и «сверху». См.: Бабайцева В.В. Некоторые пути анализа единиц синтаксической системы // Текст. Структура и семантика. Материалы XI Международной конференции. Ч. I. – М., 2007.

9. Морфологический принцип орфографии, включающий морфемные написания, ранее нередко назывался этимологическим, словопроизводственным, или морфологическим. См.: Щерба Л.В. Основные принципы орфографии и их социальное значение // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.

10. См.: Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М., 2000 и др.

11. Значение существительного *мышка* знают немногие. В БАС дано следующее толкование:

1. Мышка, и, *р.п.* -шек, *ж.* Уменьшительно-ласкательное к мышь.

2. Мышка, и, *р.п.* -шек, *ж.* Мышка под плечевым сгибом (употреблено обычно с предлогом *под*).

Существует существительное *подмышка*. Например, *В подмышках не жмет.* (А. Софронов.) Примеров на существительное немного, да и в этом примере обстоятельство *в подмышках* можно заменить наречием *под мышкой*.

12. См.: Черкасова Е.Т. Переход полнзначных слов в предлоги. – М., 1967 и др.

13. Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык. Ч. I. – М., 1981. – С. 180.

14. В этой статье нет полного перечня правил правописания *НЕ* и *НИ*, а есть только краткие иллюстрации принципов орфографии. Полного списка правил правописания *НЕ* и *НИ* нет даже в специальной книге В.Ф. Ивановой. См.: Иванова В.Ф. Трудные случаи употребления и правописания частиц *НЕ* и *НИ*. – СПб., 1997.

15. См.: Бабайцева В.В. Рематическая рамка *НЕ... ЛИ (Ль)?* как маркер медитативной семантики // Бабайцева В.В. Избранное. – М. – Ставрополь, 2005.

16. Бабайцева В.В. Тайны орфографической зоркости // Русская словесность. – 2000. – № 1.

В современных справочниках, содержащих названия букв русского алфавита, буква «л» называется «эль».

Это название соотносится с европейским полумягким звуком [л], но не является системным для русской графики.

В русском языке твёрдые и мягкие согласные звуки чётко различаются, например: [м] и [м'], [н] и [н'] и т.д. Так же чётко различаются твёрдый и мягкий звук [л] и [л'] : е[л] и е[л'] – *ел* и *ель*.

Таким образом, название буквы «эль» не поддерживается системой названий букв современного алфавита.

Уже в первом издании экспериментального школьного учебника «Русский язык» (М., 1982) я назвала эту букву «эл». В общенародном языке такое название принято в аббревиатурах, например: НЛО (энэло) – неопознанные летающие объекты, ЛДПР (элдэпээр) – Либеральная демократическая партия России, ВЛКСМ (вээлкаэсэм), ДЛТ (дээлтэ) – Дом ленинградской торговли, ЦГЛ (цэгээл) – Центральная генетическая лаборатория, ЛФК (элфэка) – лечебная физкультура и т.д. «Эл» звучит в песне:

*В каждой строчке только точки после буквы «Л»,
Ты поймёшь, конечно, всё, что я сказать хотел,
Сказать хотел, но не сумел.* (О. Гаджикасимов.)

В этой же песне рифмуются «эл» и «сказать хотел», «не сумел». Показательна также и телевизионная игра «Поле чудес». Люди, принимающие участие в игре, специально заучивают названия букв алфавита, но тем не менее называют букву «л» – «эл».

Не пора ли в справочниках и учебниках утвердить название, соответствующее принципу русской графики?

В 1956 году Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения СССР были утверждены «Правила орфографии и пунктуации». Этот документ определил правила пунктуации, значительная часть которых действует и в настоящее время. Теоретической основой пунктуации свода «Правил орфографии и пунктуации» стала монография А.Б. Шапиро «Основы русской пунктуации» (1955), в которой обобщаются основные этапы изучения знаков препинания, начиная от работ М.В. Ломоносова до первой половины XIX века.

Со временем практика печати внесла некоторые коррективы, не получившие теоретического обоснования. Кроме того, некоторые случаи пунктуации вообще не отражены в более поздних справочниках.

В этой статье рассматриваются лишь два случая пунктуации, важные для практики преподавания:

- 1) ставить ли точку после заголовков?
- 2) как оформлять речевые примеры, иллюстрирующие теорию?

Ответ на первый вопрос зависит от синтаксической квалификации заголовков: являются ли заголовки предложениями? В «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. точка после заголовков не ставится. В работах по теории пунктуации и многочисленных справочниках вопросы пунктуации при заголовках не рассматриваются. В «Своде правил русского правописания» точек после заголовков нет.¹ Однако вопрос о квалификации заголовков привлек внимание многих лингвистов. Очевидно, что заголовок – синтаксическая единица, но какая?

Основные функции языка – познавательная и коммуникативная. Язык – это средство выражения мысли и средство общения. Эти основные функции языка характерны и для предложения. Вспомним классическое определение предложения В.В. Виноградова: «Предложение – это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли».² Современный общенаучный принцип системности требует анализа заголовков **в системе** других единиц языка. Очевидно, что заголовки не словарные, а синтаксические единицы. Рассмотрим свойства заголовков в системе предложений.

Для заголовков, как и для других предложений, характерна предикативность. Предикативные отношения раскрываются прежде всего в предикцировании, в утверждении или отрицании. Философ-лингвист А.Ф. Лосев писал: «Утверждать – значит высказывать что-нибудь о чем-нибудь; а отрицать – наоборот, т.е. отвергать приписывание чего-нибудь чему-нибудь и высказываться в смысле этого отрицания. Но высказывание или невысказывание чего-нибудь о чем-нибудь есть то, что обычно называется предикцированием...».³ Еще раньше об этом говорил А.М. Пешковский: «Приступая к чтению книги, читатель интересуется **содержанием** ее и в заглавии видит намек на это содержание или даже сжатое выражение его».⁴

Заголовки характеризуются совокупностью предложенческих свойств. Отметим некоторые.

Заголовки, как и предложения, могут иметь разную **структуру**, быть простыми (неосложненными и осложненными) и сложными предложениями:

Человек, который смеется; Люди, которые нас удивили – название рубрики в «Комсомольской правде»; *«Меня бесит, когда русских выставляют идиотами»* (АиФ, 2007, № 48). Чаще в этой роли выступают парцеллированные придаточные предложения: *«Когда деревья были большими»* (название кинофильма), название рубрики в газете *«Если вы заболели»* и т.д.

Простые по структуре заголовки входят в систему двусоставных и односоставных предложений: *«Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»*. Напри-

мер, в одном номере газеты «Мир новостей», 2008, № 4 (734) читаем: *Моржуют все! Боремся с пятнами. Валяйте, дамы, валяйте! Российскую энергетику пустили с молотка. Где можно взять в аренду... Как выбрать правильный сноуборд. А ну его, этот интим! Каждому лицу – своя маска. Знали бы – соломки подстелили...*

Основываясь на исследовании односоставных предложений, ученые сделали вывод о том, что заголовки – одна из разновидностей именительного темы. Он включает пункты плана, оглавления, названия книг, журналов, газет, названия разделов и глав цельного произведения и т.д. Именительный темы – разновидность номинативных предложений, характерная, прежде всего, для письменной речи.⁵ Названия книг, глав, разделов и т.д., вывески в том числе, выступают как предложения, если они вовлечены в процесс общения. Широкую трактовку предложений неопределенной структурно-семантической организации дает А.Ф. Лосев: «И вообще любые надписи, подписи, вывески, плакаты, лозунги, хотя бы они и состояли только из одного слова, означают собой целое предложение, а иной раз даже и несколько предложений...».⁶

Сложна и разнообразна **семантика** заголовков. Рассматривая заголовок как коммуникативную единицу, И.А. Сыров выделяет пять основных функционально-семантических типов: информативно-концептуальный, информативно-троповый, конспективный, реминисцентно-смысловой и номинативно-образный. Каждый из выделенных типов включает ряд подгрупп.⁷

В заголовках содержится конденсированная информация, которая обращена к читателю с целью привлечь его внимание к содержанию, сообщить самое важное в этом содержании. Это свойство заголовка точно охарактеризовал И.Р. Гальперин: «Таким образом, название (заголовок) – это имплицитная, максимально сжатая СКИ (содержательно-концептуальная информация), причем, как все сжатое, она стремится к развертыванию, распрямлению».⁸

Стремление привлечь внимание к содержанию текста особенно характерно для средств массовой информации. «В этом смысле, – пишет Н.С. Валгина, – очень показательны заголовочные конструкции газеты. Будучи более тесно

связанными с текстом, чем другие заголовки-наименования, заголовки в газете должны дать максимум информации о тексте (тем более что часто ознакомление с газетой и завершается чтением заголовков), к тому же они еще должны и привлечь внимание, т.е. должны совместить в себе такие качества, как информативность и рекламность».⁹

Заголовок тесно связан с текстом, образуя с ним структурно-семантическое единство. Заголовок называется темой, которая раскрывается в тексте. Нередко первое предложение лирического или прозаического произведения определяет его заголовок: «*Утро туманное...*» (И. Тургенев.) «Не жалею, не зову, не плачу...» (С. Есенин.) и т.п. Логическое и коммуникативное членение текстов с заголовком имеет свою специфику. Наличие невербализованного компонента в логико-психологической основе заголовков затрудняет квалификацию именительного темы в терминах членов предложения.

Нечеткая логико-синтаксическая членимость именительного темы обуславливает специфику его актуального членения. В именительном теме ремой сообщения является обязательный постпозитивный текст. Весь состав текста представляет собой предиктируемую часть, или коммуникативный центр. Логический предикат – то, что утверждается, выражен главным членом именительного темы и называется доминирующим признаком предмета мысли в последующем тексте, поэтому именительный темы является средством выражения главной мысли, замысла автора, где именительный темы – общее, а текст – конкретное. Именительный темы, как и другие разновидности номинативных предложений, представленные словами и словосочетаниями в начальной форме, характеризуется интонационной завершенностью, семантической цельностью. Стоит ли заголовок в одной строке с последующим текстом или вынесен в отдельную строку перед текстом, именительный темы сохраняет свой предикативный статус. Поэтому конец именительного темы, как и других повествовательных предложений, должен обозначаться точкой.

Наиболее частотным именительным темы являются названия глав, разделов. Иногда писатели детализируют содержание главы, включая в ее название более или менее подробный план.

Глава 1. Фотография. Из маминого дневника. Первое выступление Мусы в музыкальной школе. Ранние воспоминания. Голоса Москвы. Шарманищик. (А. Цветаева.)

Логико-психологическая основа именительного темы, суждение существования, являющееся результатом компрессии мысли, выраженной в постпозитивном тексте, обуславливает общую структуру именительного темы – односоставность этого предложения при двучленном характере мысли – и морфологическую природу главного члена. Логический предикат – то, что утверждается, выражен именительным темы и называется доминирующим признаком предмета мысли в последующем тексте, поэтому именительный темы является средством выражения главной мысли, замысла автора, где именительный темы – общее, а текст – конкретное. Для читателя содержательно-концептуальная информация становится понятна в результате взаимодействия именительного темы и текста.

Учитывая потребности практики преподавания, для письменной речи особенно важно аргументировать предложенческий статус разновидностей именительного темы: пунктов плана и заголовков. Н.В. Дрозд дает многоаспектное описание именительного темы, его строения и значения, убедительно разграничивает именительный представления и именительный темы. Рассматривая строение и семантику пунктов плана, Н.В. Дрозд наглядно показывает однофункциональность именительного темы и предложений с предикативной (грамматической) основой.¹⁰

Именительный темы – закодированный автором текст, в нем максимально сжата главная идея, которая, «как все сжатое... стремится к развертыванию, распрямлению».¹¹

Так же, как и предложения, заголовки могут дифференцироваться **по цели высказывания**. В соответствии с целью высказывания (с коммуникативной установкой) заголовки бывают повествовательными, вопросительными и побудительными:

*Травки... цветочки... ягодки...*¹²

*Бесподобно! Немыслимо! Небывало!*¹³

*Умерла или преставилась старушка?*¹⁴

Не стреляйте в белых лебедей. (Б. Васильев.)

В пунктуационном оформлении заголовков в печати нет единства. Обычно ставятся вопросительные и восклицатель-

ные знаки, а также многоточие. Закономерен вопрос: почему не оформляется точкой предложение, повествовательное по цели высказывания, хотя повествовательное восклицательное предложение оформляется восклицательным знаком?

В устной речи заголовки характеризуются интонационной завершенностью, в письменной речи разные интонации оформляются отделительными знаками. Вопросительный знак акцентирует вопрос, нередко риторический. Вопросы привлекают внимание читателей СМИ. Восклицательный знак показывает разнообразные эмоционально-экспрессивные оценки сообщения-повествования. Многоточие побуждает к медитации, к размышлению по поводу прочитанного, а также указывает на наличие невербализованной семантики, весьма существенной для восприятия текста.

Смысловой функцией точки является указание на повествовательный характер предложения. Как показано, знаки препинания выполняют двойную функцию: сигнализируют о конце предложения (будь то заголовок или какое-либо другое предложение) и маркируют функциональный тип предложения. Точка входит в систему знаков препинания, выполняющих две функции.

Для практики печати постановка точки после заголовков не является новостью. Точки после заголовков ставятся в учебниках и учебных пособиях для начальной школы. Примером также могут служить издания учебников и монографий В.В. Бабайцевой. Показательно, что в одном и том же издательстве, но при участии разных редакторов и корректоров пунктуация в работах В.В. Бабайцевой не имеет единообразия.

По многолетней школьной традиции точки всегда ставились после ежедневных записей на доске и в тетрадях, после названия жанра учебной работы. Например:

Одиннадцатое октября.

Классная работа.

Диктант.

Однажды осенью.

Далее следует текст. Иначе эту работу оформить нельзя. Вместо слова-предложения Диктант может быть любое название жанра работы.

В последние годы под влиянием печатных источников точки ставятся реже, но продолжают ставиться после номера упражнения, пункта плана и т.д.

Показательно, что после именительного темы, расположенного на одной строке с последующим текстом, ставится точка, а при вынесении его в отдельную строку точка исчезает. Ср.:

§ 1. Лексикология как раздел науки о языке. Слово лексика происходит от греческого слова *lexikos*, что означает «словарный». Лексикой называют совокупность слов, характерных для того или иного языка.¹⁵

§ 1. Лексикология как раздел науки о языке

Слово лексика происходит от греческого слова *lexikos*, что означает «словарный». Лексикой называют совокупность слов, характерных для того или иного языка.

Все сказанное свидетельствует о том, что точка после заголовков теоретически оправдана не только в лингвистической и лингвометодической литературе, но и в практике печати вообще. Точка после заголовка показывает, что заголовок является предложением (именительным темы), что в нем конденсированно определяется тема, которая раскрывается в последующем тексте. Отсутствие точки лишает заголовки синтаксической определенности.

Ответ на второй вопрос: «Как оформлять речевые примеры, иллюстрирующие теорию?» имеет огромное значение для практики преподавания. В «Правилах русской орфографии и пунктуации» цитата не оформляется курсивом, после нее ставится соответствующий знак препинания, фамилия автора дается курсивом без инициалов и без скобок (например, с. 92):

§ 155. Запятыми выделяются вводные предложения и вводные слова, например:

Аркадий, мне кажется, во всех отношениях похож на кусок очень чистого и очень мягкого воска. (Писарев.)

Это была работа чистая, покойная и, как говорили наши, спорая. (Чехов.)

Казак, слышно было, сделали отличную атаку. (Л. Толстой.)

Каждая прозаическая и поэтическая цитата давалась с красной строки. Такие образцы оформления речевых иллюстраций наглядно дифференцируют теоретический и иллюстративный материал. Положительное значение имеет и отсутствие курсива; прямой шрифт читается легче.

Однако такая норма не привилась в практике печати, так как рекомендуемое оформление речевых примеров требовало много места. Поэтому в разных издательствах стали появляться «свои», собственные, правила пунктуации, появился разноречивый в оформлении иллюстративных примеров, и не только их.

Особенно важна унификация правил пунктуации для практики преподавания. В лингвистической и лингвометодической литературе теоретические положения часто иллюстрируются примерами, извлеченными из художественной и публицистической литературы. Информативным ядром учебника по русскому языку является комплекс теоретических положений и грамматических правил, которые иллюстрируются примерами. Примеры должны представлять тщательно отобранные речевые образцы, помогающие конкретизировать, облегчать запоминание абстрактных понятий. Часто учащиеся быстрее запоминают речевой образец, ориентируются на него в процессе письменной коммуникации. Например, при различении корней *гор-/гар-, зор-/зар-* вспоминаем типовой образец: *заря догорела*. Еще более важна роль речевого образца при изучении синтаксиса и пунктуации. Например, при изучении пунктуации в сложном бессоюзном предложении многим учащимся легче ориентироваться на речевые образцы.

Запятая ставится при выражении одновременного протекания ситуаций.

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день...
(А. Пушкин.)

Двоеточие ставится, когда второе предложение дополняет содержание первого.

Я знаю: в вашем сердце есть
И гордость, и прямая честь...
(А. Пушкин.)

Тире ставится при выражении противительного уступительного значения.

Чин следовал ему –
он службу вдруг оставил.
(А. Грибоедов.)

Вот почему чрезвычайно важен отбор иллюстративного материала как типовых образцов, единообразное, осознанное его пунктуационное оформление.

В практике современной печати при оформлении иллюстративного материала существует пунктуационное разнообразие, теоретически не обоснованное. Иллюстративный материал в разных изданиях оформляется следующим образом:

Прекрасны вечера в конце июня (А. И.).

Прекрасны вечера в конце июня... (А. Ив.).

Прекрасны вечера в конце июня? (Иванов).

Прекрасны вечера в конце июня! (А. Иванов).

Прекрасны вечера в конце июня. (А. Иванов)

Прекрасны вечера в конце июня. (А. Иванов.)

Есть и другие варианты пунктуационного оформления.

Очевидна необходимость единообразия в оформлении иллюстративных примеров. Учитывая практику современной печати, предлагаем следующее пунктуационное оформление иллюстративных примеров.

Приложение – это особый вид определения, выраженное существительным, которое дает другое название предмета, характеризующее его, например:

Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана. (М. Лермонтов.)

О Волга, колыбель моя! (Н. Некрасов.)

Попрыгунья-стрекоза лето красное пропела... (И. Крылов.)

Прокомментируем предложения к оформлению иллюстративного материала.

После определения приложения перед иллюстративными примерами может стоять слово *например*, после которого ставится двоеточие. Возможен вариант: точка после правила, затем слово *Например* с прописной буквы, после него ставится двоеточие. Очень желательно, чтобы иллюстративные примеры давались прямым шрифтом, фамилия автора курсивом. После предложения ставится точка или другой отделительный знак.

Некоторое время в целях экономии в скобках указывались только инициалы авторов цитат. Конечно, можно было посмотреть расшифровку их, но учащиеся, как правило, это-

го не делали, так что такое указание авторов не имело смысла. Инициалы не были предложением, так как фактически не были сообщением об авторах цитируемых примеров.

Полное название фамилий авторов в скобках изменило их синтаксический статус. Скобки – особый знак препинания, включающий (вмещающий) вставки, которые **синтаксически не связаны** с иллюстративными примерами, но связаны с ними **семантически**, так как указывают на источник высказывания. Указание на источник высказывания в русском языке оформляется разными синтаксическими средствами, нередко образующими группы синтаксических синонимов, включающих прямую речь, вводные компоненты, разные способы цитирования и т.д. Ср.:

А.С. Пушкин писал: «Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка».

По мнению А.С. Пушкина, ...

Как писал А.С. Пушкин, ...

Указание на фамилию автора цитаты, помещенное в скобки, имеет вводно-вставочный характер. С вводными компонентами их сближает семантика (указание на источник высказывания), со вставными компонентами – отсутствие синтаксических связей с иллюстративными примерами. Скобки сигнализируют о добавочном характере вставок, нарушающих последовательность перечня иллюстративного материала. Таким образом, скобочные вставки фамилий авторов иллюстрирующих примеров являются своеобразными предложениями, повествовательными по цели высказывания, по структуре – односоставными, номинативными (разновидность – именительный темы).¹⁶ Такие предложения требуют постановки точки.

Нередко в подобных случаях между примерами после скобок ставится точка с запятой. Зачем? Во-первых, этот знак не является ярким сигналом для разделения примеров, во-вторых, эта функция **совершенно не характерна** для точки с запятой. Точки после иллюстрации и фамилии автора в скобках самодостаточны, и для разделения иллюстраций никаких знаков препинания больше не требуется.

Следуя традициям изучения русской пунктуации, подкрепленным новыми теоретическими достижениями, мы предлагаем ставить точку перед скобками с фамилией автора,

а не после скобок. В таком случае точка, как и восклицательный и вопросительный знаки, показывает конец предложения и характеризует его по цели высказывания и интонации. Многоточие, показывающее незавершенность предложения и медитативную интонацию, после скобок с фамилией автора выглядит нелепо, так как теряет свои функциональные качества.

В нашем примерном образце каждое иллюстрирующее предложение рекомендуется давать прямым шрифтом с красной строки, как в «Правилах...» 1956 года. В школьной практике необходима отчетливая подача примеров не в подборку, что лишает их наглядности, а с красной строки. В вузовском преподавании и в лингвистических работах, учитывая требования экономии, можно давать иллюстративные примеры в подборку. Представление примеров с новой строки поможет избежать курсива, затрудняющего восприятие учащимися содержания и строения иллюстративного материала.

Погоня за экономией бумаги поэтические строчки превращает в прозаические. Между тем в поэтических сборниках стихотворение, состоящее даже из двух строк, помещается на одной странице. Сравните две записи:

I. *Левитановская осень. Золотые берега. Месяц в реку ножик бросил, будто вышел на врага.*

II. *Левитановская осень.*

Золотые берега.

Месяц в реку ножик бросил,

Будто вышел на врага. (А. Дементьев.)

Поэт не только констатирует наличие осени и берегов, но и побуждает читателя представить их, вспомнить (хотя и мимолетно) картину Левитана, создающую ассоциативный ряд образов, поэтическое настроение, а для этого нужно хотя бы несколько секунд... В первом случае стихотворение превращается в прозу, лишается воздуха, неповторимой мелодики, настроения, создающего художественный образ. Экономия бумаги выхолащивает смысл поэтической речи. В лингвистической литературе и в вузовских учебниках допустима (хотя и здесь нежелательна) подача примеров в подборку с нумерацией иллюстраций.

Интересно сопоставить оформление иллюстративного материала в специальных работах, посвященных пунктуации, там тоже видим пунктуационный разнобой. В лингвометоди-

ческой литературе (учебниках для школы и вузов, сборниках заданий, в учебно-методических пособиях и т.д.) констатируются такие же нарушения пунктуационной системы, как и в лингвистической литературе. Даже в одном издательстве возможна разная пунктуация при иллюстративных примерах. Нередко пунктуация в лингвистической и лингвометодической литературе не зависит от воли авторов-лингвистов, а часто и не соответствует авторским требованиям, так что в настоящее время пунктуационное оформление печатных изданий находится в руках разнообразных издательств, действующих по собственным неписаным законам.

Примечания.

228

1. См.: Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация. – М.: «Азбуковник», 2000.
2. Грамматика русского языка. Синтаксис. – М., 1960. – Т. II. – Ч. 1. – С. 65.
3. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М., 1982. – С. 471.
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – С. 178.
5. См.: Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. – М.: Дрофа, 2004. – С. 427–433.
6. Лосев А.Ф. Указ. соч. – С. 474.
7. См.: Сыров И.А. Функционально-семантическая классификация заглавий и их роль в организации текста // Филологические науки. – 2002. – № 3.
8. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – С. 134.
9. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М.: «Логос», 2003. – С. 275.
10. См.: Дрозд Н.В. Номинативное предложение в функции пунктов плана к изложению // Русская словесность. – 2004. – № 7.
11. Гальперин И.Р. Указ соч. – С. 134.
12. Там же. – С. 119, 149.
13. Колесов В.В. Культура речи – культура поведения. – Л.: Лениздат, 1988. – С.33.
14. Солганик Г.Я. От слова к тексту. – М.: Просвещение, 1993. – С. 54.
15. Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М. Современный русский язык. – М., 1957. – С. 15.
16. См.: Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. – М.: Дрофа, 2004.

Автор о лингвометодических идеях в своих школьных учебниках.

Под моим руководством и при моем авторском участии созданы 3 учебных комплекса, в которых основными компонентами являются **учебники**:

1. *Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д.* Русский язык. Теория. 5–9 классы: учебник для общеобразоват. учреждений.

2. *Бабайцева В.В.* Русский язык. Теория. 5–9 кл.: учебник. Предпрофильное обучение / В.В. Бабайцева. – 7-е изд., пересмотр. – М.: Дрофа, 2009.

3. *Бабайцева В.В.* Русский язык. 10–11 кл.: учебник для общеобразоват. учреждений филол. профиля / В.В. Бабайцева. – 5-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2008.

Все учебники рекомендованы Министерством образования и науки Российской Федерации.

Все три учебника имеют в своей основе единые лингвометодические идеи.

Учебники для 5–9 классов дополняются сборниками заданий, обеспечивающих усвоение теории, на базе которой проводится работа по развитию речи.

Однако между этими учебными комплексами есть и существенное различие.

В первом учебном комплексе развитие речи оторвано от изучения языка. В учебный комплекс входит особое пособие Е.И. Никитиной «Русская речь».

Первый учебный комплекс был создан по приказу № 12 Министерства просвещения РСФСР от 30 июня 1977

года. Одной из задач нового учебно-методического комплекса по русскому языку было обеспечение **специальных** уроков по развитию речи, введенных в школьные планы. Первый экспериментальный учебник был опубликован уже в 1982 году.

Первый учебник для углубленного изучения русского языка был опубликован в 1995 году. В этом учебнике, как будет показано далее, развитие речи осуществляется на основе изучения языка, его закономерностей.

Формирование коммуникативной и культуроведческой компетенций осуществляется на основе изучения языка, формирующего лингвистическую компетенцию.

В этом – принципиальное различие этих комплексов.

В учебный комплекс для предпрофильного обучения, кроме учебника, входят программа, сборники заданий, рабочие тетради, методические рекомендации и др.

Сборники заданий:

1. *Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д., Дрозд Н.В.* Русский язык: сборник заданий. 5 класс.

2. *Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д.* Русский язык: сборник заданий. 6–7 классы.

3. *Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д.* Русский язык: сборник заданий. 8–9 классы.

Рабочие тетради:

1. *Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д., Глазков А.В.* Русский язык: рабочая тетрадь. 5 класс.

2. *Бабайцева В.В., Сергиенко М.И.* Русский язык: рабочая тетрадь. 6 класс.

3. *Бабайцева В.В., Сергиенко М.И.* Русский язык: рабочая тетрадь. 7 класс.

4. *Бабайцева В.В., Сергиенко М.И.* Русский язык: рабочая тетрадь. 8 класс.

5. *Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д.* Русский язык: рабочая тетрадь. 9 класс.

В 8–9 классах для индивидуальной работы могут быть использованы **тренинги**:

1. *Бабайцева В.В., Сальникова О.А.* Русский язык. Тренинг по орфографии.

2. *Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д., Рудомазина Н.Е.* Русский язык. Тренинг по пунктуации.

При изучении синтаксиса могут быть использованы материалы учебного пособия В.В. Бабайцевой «Односоставные предложения в тексте».

Основными компонентами этого УМК являются учебник и сборник заданий, которые вполне обеспечивают формирование лингвистической, коммуникативной и культуроведческой компетенций.

Остальные компоненты могут быть использованы как при общей, так и при индивидуальной работе, так как они содержат дополнительный материал, не столько расширяющий теоретический багаж школьников, сколько дополняющий сведениями, углубляющими содержание коммуникативной и культуроведческой компетенций.

Существенное различие между методиками обучения родному и неродному языкам заключается в различии целей и задач.

При обучении неродному языку на первом плане – формирование коммуникативной и культуроведческой компетенций на основе лингвистической компетенции учащихся, сформированной при изучении родного языка.

В школах с русским (родным) языком формирование коммуникативной и культуроведческой компетенций происходит на **базовой основе лингвистической компетенции**. Если формирование коммуникативной и культуроведческой компетенций в русской школе осуществляется не только и не столько на уроках русского языка, то формирование лингвистической компетенции осуществляется **только** при последовательном и целенаправленном изучении русского языка, его системы и закономерностей.

Постоянное внимание к формированию коммуникативной компетенции, коммуникативный подход к описанию единиц языка, представление языка как динамической системы и т.д., характерные для учебно-методического комплекса в целом, отмечают рецензенты УМК и (главное!) учителя, работающие по комплексу.

Так, учительница Т.С. Томилина (Саранск) пишет: «Имея возможность сравнивать ваш учебник с другими, я всегда отмечала более высокую степень реализации коммуникативно-речевой направленности, более осознанное формирование у учащихся практических навыков речевой

коммуникации». Особенно ценным считаю то, что коммуникативно-речевая направленность проходит через изучение языковой системы».

Значение коммуникативного подхода при изучении так называемых трудных вопросов было отмечено в материалах Б.Н. Егоровой «Коммуникативный подход к изучению членов предложения в учебно-методическом комплексе под редакцией В. В. Бабайцевой» (см. «Вопросы теории и методики изучения русского языка в вузе и школе». Сб. материалов. Стерлитамак, 2001, с. 311).

Перечень компонентов нашего учебного комплекса показывает, что от учебников других авторов его отличает системное изложение теории в одном учебнике. Это позволяет высветить логические связи между разделами, между теоретическими сведениями в разделах, обосновать разнообразные нормы литературного языка, показать лингвистические причины отступлений от этих норм и др.

Если в других УМК теоретические сведения даются разрозненно и служат преимущественно для обоснования норм устной и письменной речи учащихся, то в нашем УМК дается целостное представление о русском языке, о его национальном своеобразии, о его системности, о богатстве его лексических, словообразовательных, грамматических и стилистических средств. Общеизвестно, что русский язык является одним из богатейших мировых языков. Естественно поэтому, что русский язык в родной школе не должен быть только служанкой для решения практических задач.

Внимание к изучению языка не означает ослабление внимания к решению практических задач.

Так, при изучении фонетики учащиеся не только получают знания о фонетическом строе русского языка, его выразительных возможностях, но и совершенствуют свою речь, усваивая орфоэпические и орфографические нормы.

При изучении морфемики и словообразования учащиеся не только осознают значение морфемного принципа русской орфографии, но и осознают, что словообразование является важнейшим источником расширения словарного состава русского языка.

Изучение лексики и фразеологии показывает богатство и выраженность русского языка, значительно обогащает речь учащихся.

Формирование умения адекватно выражать свои мысли, правильно строить предложения и тексты разных видов и жанров базируется на изучении грамматического строя русского языка.

Изучение языка – важнейшие условия формирования коммуникативной компетенции.

Системное изложение теории способствует ее усвоению. Сборники заданий и рабочие тетради связаны с определенными классами, а учебник остается на руках учащихся из года в год, что позволяет ему быть и справочником, содержащим сведения, достаточные и для успешной сдачи ГИА в 9 классе и ЕГЭ в 11 классе.

Лингвистической (теоретической) основой школьного курса русского языка является структурно-семантическое направление, представляющее собой очередной этап развития традиционного (классического) отечественного языкознания, обогащенного плодотворными идеями новых направлений современной русистики.¹

В соответствии с основными постулатами структурно-семантического направления в школьном курсе единицы языка рассматриваются многоаспектно, освещаются их строение (форма, структура), значение (семантика) и функция (назначение).

В 60–70-е гг. XX века поиски новой модели описания единиц синтаксиса привели к увлечению структурным аспектом предложения, к составлению структурных схем предложения почти без внимания к его семантике.²

К счастью, школа не пошла по этому пути, а сохранила и углубила традиционное соотношение структурных и семантических аспектов предложения.

Акцентирование внимания к функции единиц языка в современной русистике нашло прямое выражение в указании функций частей речи. В курсе морфологии (6–7 классы) впервые выделены специальные параграфы, показывающие важность изучения частей речи: § 55 «Роль существительных в речи», § 72 «Роль глаголов в речи», § 91 «Роль прилагательных в речи», § 102 «Роль числительных в речи», § 111 «Роль наречий в речи», § 120 «Роль имен состояния в речи», § 132 «Роль местоимений в речи», § 134 «Роль причастий в речи», § 147 «Роль деепричастий в речи», § 148 «Роль служебных слов в речи».

Впервые в практику изучения русского языка в школе вводится понятие о явлениях переходности не только диахронного, но и синхронного характера.³ Вводится понятие о функциональных омонимах⁴, которые помогают учащимся понять значение синтаксической функции при квалификации знаменательных частей речи (ср. *Слепой музыкант* и *На скринке играл слепой*), при дифференциации знаменательных и служебных слов (например, *что* – местоимение и *что* – союз) и т.д.

Функциональные омонимы – это одинаково звучащие этимологически родственные слова, относящиеся к разным частям речи. Переход слов из одной части речи в другую происходит в синтаксических условиях речи, поэтому в число критериев разграничения частей речи в нашем комплексе введён синтаксический маркер – синтаксическая функция слов.

В наших примерах, данных выше, в первом случае слово *слепой* выполняет синтаксическую функцию определения. Эта функция характерна для прилагательных. Во втором примере слово *слепой* выполняет синтаксическую функцию подлежащего. Эта функция характерна для существительных.

По функции слово *слепой* сближается с существительными, по морфемному строению – с прилагательными. В лингвистике такие слова называются *субстантивированными* прилагательными, в школе – существительными с формой прилагательных.

В синтаксисе явления переходности объясняют многозначность значительного количества членов предложения, которые совмещают признаки разных частей речи. Например, несогласованные определения совмещают свойства определений и дополнений (*пирог с грибами*, *берег моря* и др.), определений и обстоятельств (*домик в лесу*, *поезд из Москвы* и др.). В таких случаях не следует требовать от учащихся однозначной квалификации.

Осторожности требует и квалификация синкретичных типов предложений и их разновидностей. Например, риторический вопрос совмещает вопрос и сообщение (свойства вопросительных и повествовательных предложений).

Многочисленные части речи, члены предложения, придаточные части и т.д. можно показать с помощью граммати-

ческих вопросов. Например: *варенье из смородины – какое? из чего? леса под Рязанью – какие? где?* и т.д.

В учебнике выделен специальный раздел «Переход слов из одной части речи в другую (обобщение)», включающий § 163–166.

В синтаксисе простого предложения дифференцируются однозначные и многозначные члены предложения.

Явления переходности наглядно показывают учащимся, что язык не застывшая, а постоянно развивающаяся система.

Известно, что в лингвистике есть разное решение некоторых вопросов. Авторы школьных учебников не могут и не должны действовать по принципу: «Что ему книга последняя скажет, то на душе его сверху и ляжет». (Н. Некрасов.) Каждое существенное изменение школьной программы должно пройти экспериментальную проверку. Авторы программ и школьных учебников должны взвесить все «за» и «против» при выборе точки зрения.

По нашему мнению, наиболее эффективно «работают» в практике школы научные трактовки следующих проблем грамматики.⁵

I. В учебнике принята следующая **последовательность знаменательных частей речи**: существительное, глагол, прилагательное, числительное, наречие, имя состояния, местоимение, причастие, деепричастие.

Выдвижение на первые места существительного и глагола мотивировано как научными, так и лингвометодическими положениями.

Существительное и глагол – основные классы слов в системе частей речи. Именно к ним привязаны остальные части речи. Существительные обозначают предметы, прилагательные – признаки предметов, числительные – их количество и порядок при счете, наречия и имена состояния образуются от указанных имен (и поэтому могут рассматриваться как именные части речи). Местоимения связаны со всеми именными частями речи и функционируют в речи прежде всего как заменители имен. Они изучаются в начале учебного года (7 класс), что позволяет повторить именные части речи, изученные в 6 классе.

От глагола образуются причастия и деепричастия, приобретая при этом некоторые свойства имен. Причастия

и деепричастия трактуются как самостоятельные знаменательные части речи, совмещающие свойства глагола и имен: причастие сочетает свойства глагола и прилагательного, деепричастие – глагола и наречия.

Важнейшим ориентиром при классификации частей речи и частеречной квалификации слов является синтаксическая функция. Это не раз отмечали классики отечественного языкознания. Так, академик А.А. Шахматов в фундаментальном «Синтаксисе русского языка» (Л., 1941) рассматривает части речи на синтаксической основе, определяет «часть речи как слово в его отношении к предложению».⁶ Это обусловило и последовательность анализа частей речи: первые места заняли существительное и глагол.

Выделение на первые места предикативной пары (существительного и глагола) позволяет рассматривать остальные части речи на синтаксической основе.⁷

Изучение глагола сразу после существительного позволяет рассматривать эту сложнейшую часть речи в середине учебного года, а не в конце его.

II. Существует две основные **классификации сложно-подчиненных предложений** (далее СПП):

1. Традиционная (классическая) классификация СПП⁸, в которой придаточные выделяются по соотношению с членами предложения: подлежащие, сказуемые, дополнители, определительные и обстоятельственные (с рядом разновидностей). Особую разновидность составляют придаточные присоединительные.

Все придаточные соотносятся с членами предложения, но не все члены предложения можно развернуть в придаточные. Так, не имеют соотносительных придаточных обстоятельства состояния, обстоятельства обстановки (ситуации). Только в последние годы в лингвистике стали выделять обстоятельства следствия. Семантика следствия часто осложняет другие члены предложения, а как самостоятельный член предложения не имеет ярких маркеров. Семантику следствия в простом предложении маркирует предлог *до*: *Он смеялся до слёз, Он кричал до хрипоты* и т.п. Предлог *до* может выражать и другие значения. Например: *Он работал до вечера*.

Эта классификация (с некоторыми вариациями) «работала» в практике школы со времен Ф.И. Буслаева.

2. Так называемая «структурно-семантическая классификация», предложенная Л.Ю. Максимовым⁹, в соответствии с которой выделяются следующие СПП: СПП с придаточным изъяснительным, СПП с придаточным определительным, СПП с придаточным местоименно-соотносительным, СПП с придаточным местоименно-союзным, СПП с придаточным места, СПП с придаточным времени, СПП с придаточным причины, СПП с придаточным следствия, СПП с придаточным цели, СПП с придаточным условия, СПП с придаточным уступки, СПП с придаточным сравнительным, СПП с придаточным сопоставительным, СПП с придаточным присоединительным.

Эта классификация с некоторыми вариациями вошла в некоторые школьные и вузовские учебники.

Однако некоторые специалисты по СПП, отмечая противоречивость принципов структурно-семантической классификации СПП, считают непротиворечивой традиционную классификацию.¹⁰

В нашем учебном комплексе принята традиционная классификация, так как она обусловлена принципом системности¹¹, проявляющемся в данном случае в изоморфизме единиц синтаксической системы. Изоморфизм – это свойство языка, при котором общее языковое значение имеет неодинаковое оформление на разных уровнях языковой системы.

Сравним разные формы выражения значения *объекта*.

Уровень словосочетания: *просить помощи*.

Уровень простого предложения: *Я прошу помощи*.

Уровень сложного предложения: *Я прошу, чтобы мне помогли*.

Изоморфизм позволяет использовать общие методы и приемы при квалификации членов предложения и придаточных предложений (например, грамматические вопросы, характер подчиняющих слов и т.п.).

Например: 1) Мне снился (что?) лето. – Мне снился (что?), что я купаюсь.

2) Я не хочу (чего?) аварий. – Я не хочу (чего?), чтобы самолеты разбивались... Я хочу (чего?), чтобы мы были хозяевами неба. (Д. Ганин.)

3) Я брал лодку (когда? с какого времени?) с утра. – Я брал лодку (когда?), едва начинало светать.

Вид придаточных предложений обычно соответствует синтаксической функции указательных слов в составе главной части.¹²

Например: Я тот, кого никто не любит. (М. Лермонтов.)
Близкого человека только тогда и поймешь вполне, когда с ним расстанешься. (И. Тургенев.) И нет величия там, где нет простоты, добра и правды. (А. Толстой.)

Соотношение членов предложения и придаточных предложений значительно сокращает время на распознавание видов придаточных и позволяет увеличить количество упражнений, способствующих развитию речи учащихся (например, задания по синонимике сложных и простых предложений и др.).

III. В лингвистике существует две точки зрения на словосочетание: одни ученые выделяют только подчинительные словосочетания, другие признают не только подчинительные, но и сочинительные словосочетания.

Выделение не только подчинительных, но и сочинительных словосочетаний позволяет устанавливать все связи и отношения между словами в предложении.

Выделим словосочетания из следующего предложения:
Я люблю великий, могучий, правдивый и свободный русский язык, русские народные песни и сказки, русскую классику.

1. Люблю язык, песни и сказки, классику (сложное подчинительное словосочетание).

2. Язык, песни и сказки, классику (сложное сочинительное словосочетание).

3. Песни и сказки (простое сочинительное словосочетание).

4. Великий, могучий, правдивый и свободный русский язык (сложное подчинительное словосочетание).

5. Великий, могучий, правдивый и свободный (сложное сочинительное словосочетание).

6. Русский язык (простое подчинительное словосочетание).

7. Русские народные песни и сказки (сложное подчинительное словосочетание).

8. Народные песни и сказки (сложное подчинительное словосочетание).

9. Русскую классику (простое подчинительное словосочетание).

Это предложение сложновато для учащихся, но оно позволило показать учителю разновидности речевых словосочетаний: 1) простые подчинительные словосочетания (6, 9); 2) сложные подчинительные словосочетания (1, 4, 7, 8); 3) простые сочинительные словосочетания (3); 4) сложное сочинительное словосочетание (2, 5).

Выделение сочинительных словосочетаний мотивируется принципом системности в синтаксисе, проявляющемся в изоморфизме единиц языка разных уровней.

Учащиеся изучают сочинительные связи между словами в словосочетаниях, затем – на уровне простого предложения изучают однородные члены предложения, на уровне сложного – сложносочиненные предложения.¹³

Важнейшим компонентом нашего УМК являются «Сборники заданий» (для 5, для 6-7, для 8-9 классов).

Сборники заданий призваны обеспечить усвоение теории и развитие речи, формирование практически важных умений и навыков.

Изучение языка – надежная основа развития речи учащихся. Поэтому задачи изучения языка и обучения речи (развития речи) должны решаться не параллельно, не изолированно друг от друга, а в постоянной взаимосвязи.

* * *

Во многих современных учебниках развитие речи выделяется в особый раздел школьного курса (а иногда с отдельной программой), а в последние десятилетия задачи развития речи обусловили становление особых предметов под названием «Риторика» и «Русская словесность»¹⁴, в которых дублируются многие темы и практические задания предмета «Русский язык».

Отличительной особенностью данного учебного комплекса является органическое объединение изучения языка и развития речи: выбор теории ориентирован на развитие речи, а развитие речи осуществляется в связи с изучением теоретических сведений. Связь изучения языка и развития речи основана на функциональном значении единиц языка (об этом сказано выше).

Развитие речи в нашем комплексе осуществляется в двух направлениях:

1) из урока в урок идет освоение норм литературного языка, которое связано с изучением соответствующих теоретических сведений;

2) последовательно осуществляется формирование умения строить словосочетания, предложения и тексты разных стилей и жанров.

Основы этих направлений намечены уже в первых разделах учебника.

В 5 классе (см. § 2) учащиеся усваивают понятие о литературном языке, который определяется в учебнике как лучшая часть общенародного языка, его ядро, для которого характерна система норм. Здесь же названы и основные нормы: орфоэпические, лексические, морфологические, синтаксические, стилистические, нормы правописания (орфографические и пунктуационные).

Этот теоретический материал определяет первое направление развития речи учащихся – совершенствование культуры их речи, которая является важнейшей частью общей культуры человека.

Теоретическое обоснование разнообразных норм литературного языка поддерживается историческими сведениями. Вводится специальный параграф § 43 «Понятие об этимологии». Сведения из истории языка показывают учащимся, что язык – развивающаяся система, что в нем постоянно что-то исчезает и появляется. Исторические сведения вызывают не только интерес к изучению языка, но и объясняют специфику некоторых орфограмм, помогают усвоить соответствующие правила орфографии.

Основы второго направления также закладываются в начале 5 класса. В § 3 и § 4 учебника дается понятие об устной и письменной формах речи, о стилях литературного языка. В пропедевтическом (вводном) курсе (в сборнике заданий) дается понятие о тексте, типах речи (повествование, описание, рассуждение).

Это направление предусматривает анализ текста, редактирование текста, составление словосочетаний, предложений (простых и сложных), мини-текстов, полные анализы единиц языка и т.д.

Вечными вопросами методики преподавания русского языка являются следующие: как вызвать интерес к изуче-

нию русского языка? Как пробудить у них любовь к урокам русского языка, к анализу речевого материала? Как вызвать трепетную любовь к родному слову?

Многоплановость задач предмета «Русский язык» обусловила разнообразие типов практических заданий, среди которых традиционные задания дополняются оригинальными. Особо хочу привлечь внимание к решению ряда задач, которое осуществляется с помощью разнообразных заданий.

I. Неоценима роль предмета «Русский язык» в **развитии мышления** учащихся.

Предложение, по определению В.В. Виноградова, является средством «формирования, выражения и сообщения мысли». Именно в этой последовательности происходит процесс мышления и речи. Развитие речи теснейшим образом связано с развитием мышления.

На мысли, дышащие силой,

Как жемчуг, нисходят слова. (М. Лермонтов.)

Сложные мысли, «дышащие силой», требуют точных слов и соответствующего синтаксического оформления.

Развитие мышления сопровождает развитие языка.

Системное изложение теории позволяет показать учащимся системный характер языка.

Так, в начале изучения классификации частей речи мы показываем 4 принципа классификации, 4 признака частей речи: общее грамматическое значение, морфологические признаки, морфемный состав, синтаксические функции. Отметив наличие этих признаков у существительных, мы выявляем далее наличие этих признаков и у других частей речи, причем хорошо, если это делают сами учащиеся, анализируя соответствующий речевой материал.

Логические связи между частями речи выявляем, анализируя явления переходности, сопоставляя функциональные омонимы, представленные разными частями речи, например:

Лицо ее грустно (краткое прилагательное).

Она грустно посмотрела на меня (наречие).

Мне грустно потому, что весело тебе (имена состояния).

Очень полезна для развития абстрактного мышления работа со схемами слов, словосочетаний и предложений, особенно сложных.

Предлагаем задания разных типов: 1) составить схемы синтаксических единиц; 2) составить единицы языка по схемам, например: «Составьте слова по схемам: $\square \wedge \wedge$, $\square \wedge \square$, $\wedge \wedge \wedge \square$ и т.д.»

Огромную роль играет анализ речевого материала и обобщение наблюдений. В заданиях постоянно включаем предложение: «Аргументируйте свое мнение».

Дисциплинирует мысль схема построения рассуждения. Умение строить тексты-рассуждения пригодится и при изучении других предметов.

II. Не всегда среди целей и задач предмета «Русский язык» указывают необходимость развития и совершенствования **языкового чутья**.

В наших сборниках и рабочих тетрадях немало заданий, ориентированных прямо или косвенно на формирование языкового чутья. Во всех случаях, где это возможно, необходимо обращать внимание на уместность и точность употребления слов, словосочетаний и предложений. Приведу примеры.

Сопоставительный анализ словосочетаний типа *миски из глины* и *глиняные миски* не только можно, но и нужно дополнить вопросом: какая разница в значении этих словосочетаний?

Ср. также: *Бурей снесло крышу.* – *Буря снесла крышу.*

Каков стилистический характер причастных оборотов? И т.д.

Далеко не всегда выбор речевого материала можно аргументировать правилами, да и не всегда такие правила есть.

Так, опора на языковое чутье поможет правильно употребить в речи такие слова, как *разговор/диалог, дискуссия/обсуждение* и т.д.

Языковое чутье поможет избежать орфографической ошибки в следующих случаях:

*Ветер дул **навстречу**.* (наречие)

*Ветер дул **мне навстречу**.* (наречие-предлог)

*Ветер дул **навстречу мне**.* (предлог-наречие или наречный предлог)

*Это я его привел **на встречу к тебе**.* (существительное с предлогом)

*Это я его привел **на встречу с тобой**.* (существительное с предлогом)

Разумеется, можно сформулировать правило, но оно будет не простым, а многословным, трудно запоминающимся.

Неоднократно в наших заданиях требуется дифференцировать глаголы *одеть* и *надеть*.

Одеть кого? что? / во что?

Я одела дочку.

В гранит оделася Нева. (А. Пушкин.)

Одели Неву в гранит.

Надеть что? / на кого? на что?

Я надела шапку на голову.

Кружева на головку надень. (Романс.)

Я на правую руку надела

Перчатку с левой руки. (А. Ахматова.)

Трудно предусмотреть все случаи, когда можно руководствоваться только чутьем языка, но при выполнении любых заданий, если это возможно, привлекать внимание учащихся к стилистическим, семантическим, грамматическим и т.д. различиям между вариантами выражения мысли.

Развитие языкового чутья позволяет осознавать, что правильно и что неправильно, ценить меткое слово, выразительные средства языка, самому стремиться выражать свои мысли точно, убедительно, красиво, соблюдать нормы литературного языка.

III. Важнейшей задачей школьного курса русского языка является формирование орфографической зоркости, дополняющей знание орфографических правил и умение применять их при письме.

Орфографическую зоркость, или умение отличать «на глазок» правильное написание от неправильного, можно и нужно развивать у школьников при изучении языка рядом заданий, среди которых отмечу здесь лишь некоторые.¹⁵

Отдельные традиционные упражнения видоизменяем, дополняем специальными заданиями, приучающими детей видеть буквенный состав слов.

Например, традиционное задание: «Вместо точек вставьте пропущенные буквы», дополните заданием: «Обозначьте морфемы, в которых пропущены буквы».

Постоянное внимание к морфемному составу слова характерно для всех компонентов нашего УМК: основные орфографические правила обусловлены морфемным прин-

ципом русской орфографии.¹⁶ Постоянное внимание к морфемному составу слов позволяет значительно сократить количество орфографических ошибок.

Морфемный разбор слов может быть дан в двух графических вариантах: восклицательный и восклицательный. В этом слове можно выделить и суффикс *-тельн-*, который является составным.

Одним из традиционных заданий является запись «ошибкоопасных» слов под диктовку. Мы предлагаем сначала прочитать эти слова, постараться запомнить и буквенный состав, а затем закрыть сборники и записать слова и сочетания слов под диктовку.

Задания, устанавливающие связи окончаний существительных разных склонений с предлогами, позволяют учащимся запомнить не только соответствующие правила, но и зрительный облик словоформ.

Задания типа «Из букв, входящих в слово ... , составьте существительные в начальной форме» требуют внимания к буквенному составу слов. Целесообразно брать для такого задания «ошибкоопасные» слова, полезно дополнять это задание обозначением морфем как в предложенном слове, так и в составленных словах.

Задания на составление слов можно варьировать. Например, «Из букв, входящих в слово *преподаватель*, составьте глаголы в форме инфинитива». Список таких инфинитивов (около 30) с их морфемным разбором поможет учащимся различать глагольные словообразовательные и формообразовательные суффиксы.

Полезны для общего развития школьников, для обогащения их активного словаря и т.д. разнообразные кроссворды, которые также развивают орфографическую зоркость, внимание к буквенному у составу.

В сборниках и рабочих тетрадях есть и другие типы заданий, совершенствующих орфографическую зоркость.

Известно, что при письме грамотные люди не анализируют морфемный состав слов и не вспоминают орфографические правила. В памяти взрослых хранится зрительный образ слова.

IV. Может быть, самой главной задачей, помогающей легче решить все остальные задачи предмета «Русский

язык», является формирование стойкого интереса к изучению русского языка.

Интерес к изучению русского языка в нашем комплексе формируется с помощью как теоретических сведений, так и характером практических заданий.

В разных разделах учебника есть исторические сведения, позволяющие показать развитие языка, объяснить особенности некоторых орфографических правил и т.д.

На страницах сборников заданий и рабочих тетрадей есть история фразеологизмов и т.д.

Особый интерес вызывают у учащихся изменения в нормах литературного языка, происходящие на наших глазах. Так, изучая § 59 «Род имен существительных» можно рассказать учащимся о причинах колебания рода у существительного *кофе*. Как правильно: *горячий кофе* или *горячее кофе*?

Вспомним строчки из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»:

*Здесь почивал он, кофий кушал,
Приказчика доклады слушал.*

Очевидно, что во времена А.С. Пушкина слово *кофий* было мужского рода и, конечно, правильным было сочетание *горячий кофий*.

Со временем вместо *кофий* стали говорить *кофе*. Слово приобрело звуковой облик существительных среднего рода (ср.: *село, озеро* и т.д.), но по традиции сохраняет мужской род.

Однако в разговорном языке действует закон аналогии, и слово *кофе* начинает осознаваться как существительное среднего рода. Следовательно, оно должно подчиняться общему правилу существительных среднего рода. Как же правильно? Во многих словарях и справочниках еще сохраняется *горячий кофе*, но некоторые лингвисты уже признают как литературные варианты: *горячий кофе* и *горячее кофе*.

Изучение типов склонения имен существительных можно оживить, показав соревнование слов *простыня* и *прóстынь* в современной речи.¹⁷ Литературное *простыня* – существительное I склонения, оно вытесняется существительным III склонения *прóстынь*. Изменение места ударения сократило звуковой состав слова, изменило тип склонения.

Конкуренцию слов *простыня* и *прóстынь* можно рассмотреть и при изучении ударения.

Вызывают интерес у учащихся задания на составление «лесенки», которые требуют от учащихся обращения к соответствующему параграфу учебника, учат искать в нем нужные сведения, что позволяет запоминать теоретический материал. Такие задания учащиеся выполняют с удовольствием, а иногда и сами составляют задания указанных типов.

Чрезвычайно полезными являются задания типа: «Найдите в этом тексте слово, интересное для морфемного разбора» или «Найдите в этом тексте предложение, интересное для синтаксического разбора». Поиск *интересных* слов и предложений заставляет учащихся подумать над каждым словом и предложением, увидеть их строение.

Интерес к изучению русского языка побуждает учащихся обращаться к словарям и справочникам и после окончания школы.

Сверхзадачей всего процесса обучения в школе является воспитание любви к родной стране, к родному языку. К.Г. Паустовский писал: «По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о культурном уровне, но и о его гражданской ценности. Истинная любовь к своей стране немыслима без любви к своему языку».

Особое значение в формировании личности школьников имеют предметы «Русский язык» и «Русская литература».

О богатстве русского языка написано много, многочисленны высказывания лингвистов, художников слова и общественных деятелей, но высказывания о выразительных возможностях русского языка остаются словами, если они не подкрепляются анализом конкретного речевого материала, сопровождающимся соответствующими наблюдениями и выводами, уместным цитированием высказываний о русском языке.

Так, при изучении фонетики обращаем внимание на звукопись, вспоминаем слова писателей о характере звучания русского языка и т.д.

Ненавязчиво, с чувством меры учитель может и должен, где это уместно, отмечать богатство возможностей русского языка для выражения самых различных чувств и

мыслей. Уместно вспомнить оценку русского словотворчества, способов образования новых слов и т.д.

В.Г. Белинский писал: «В русском языке иногда для выражения разнообразных оттенков одного и того же действия существует до десяти и больше глаголов одного корня, но разных видов...»

Подкрепить это высказывание можно заданием: «Приставьте к глаголу *двигать* приставки и оцените их роль».

Н.Г. Чернышевский отмечал превосходство русского языка над другими европейскими языками по богатству и разнообразию словопроизводства.

Нельзя не обратить внимание учащихся на богатство суффиксов, выражающих уменьшительно-ласкательную и другие оценки.

В учебнике, сборниках заданий и рабочих тетрадях есть необходимый материал и высказывания о богатстве русской лексики и фразеологии, соответствующий речевой материал для анализа.

Особо хочу подчеркнуть самобытность русского языка, его способность обогащаться заимствованиями, «переваривая» их, подчиняя их законам русского языка, так что далеко не всегда можно узнать заимствованное слово, настолько изменило оно свой звуковой и даже морфемный состав. (Вспомним хотя бы слово *зонтик* и его историю).

Были времена (и сейчас это есть), когда в речи появлялось большое количество заимствованных слов и выражений. Часть их осталась в лексике и фразеологии, часть была отвергнута и в активный состав лексики не вошла.

Тот, кто жизнью живет настоящей,

Кто к поэзии с детства привык,

Вечно верует в животворящий,

Полный разума русский языка. (Н. Заболоцкий.)

Целенаправленное, последовательное, аргументированное речевым материалом воспитание любви к русскому языку позволяет обратить внимание к синонимике (лексической, морфемной, морфологической и синтаксической). Обобщение наблюдений над анализом русской синонимики я даю в учебнике для 10-11 классов в специальном разделе «Синонимика русского языка». Этот материал может быть использован и при изучении русского языка в 5-9 классах.

Понимание лексических, фразеологических и стилистических свойств русского языка обеспечивают и задачи развития мышления. В наших сборниках и рабочих тетрадях немало заданий, которые, на первый взгляд, кажутся просто развлекательными. Однако такие задания за внешней игровой формой позволяют решать сложные задачи формирования не только лингвистической, но и коммуникативной и культуроведческой компетенций.

Нельзя допустить, чтобы уроки русского языка были ненавистны школьникам... Моим кредо являются слова: «Я хочу, чтобы мои ученики – учителя, студенты, школьники – любили русский язык так, как люблю его я».

Этим чувством пронизаны все компоненты нашего учебного комплекса.

Примечания.

1. См. *Бабайцева В.В.* Структурно-семантическое направление в современной русистике // *Филологические науки.* – 2008. – № 2.

2. См. *Грамматика современного русского литературного языка.* – М., 1970.

3. См. *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. – М.: Дрофа, 2000.

4. *Она же.* Понятие о функциональных омонимах // *Русская словесность.* – 2003. – № 3.

5. Предлагаемые решения получили теоретическое обоснование не только в соответствующих публикациях, но и в экспериментальной проверке. Первый учебник был издан как экспериментальный: *Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д.* Русский язык. 4–8 классы. Экспериментальный учебник для IV–VIII классов. – М.: Просвещение. – 1982.

6. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. – Л., 1941. – С. 421.

7. См. *Озерская В.П.* Изучение морфологии на синтаксической основе. – М., 1979.

8. См. *Грамматика русского языка: Т. II.* – М., 1952–1954.

9. См. *Крючков С.Е., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. – М., 1969.

10. См. *Федоров А.К.* Семантико-структурная классификация сложноподчиненных и придаточных предложений // *РЯШ.* – 2002. – № 5; *Беднарская Л.Д.* О классификации сложноподчи-

ненных предложений в школьном и вузовском преподавании // Русская словесность. – 2004. – № 5 и др.

11. См. *Бабайцева В.В.* Принцип системности в синтаксисе // РЯШ. – 2010. – № 3; Покусаенко В.К. Синтаксические связи придаточной части сложноподчиненного предложения // РЯШ – 1962. – № 6; *Максимов Л.Ю.* Указательные слова в сложноподчиненном предложении // РЯШ, – 1967. – № 1 и др.

12. См. *Бабайцева В.В.* Лексико-грамматические функции указательных слов в сложноподчиненных предложениях // РЯШ. – 1962. – С. 3–7.

13. См. *Бабайцева В.В.* Подчинительные и сочинительные словосочетания // РЯШ. – 2006. – № 4.

14. См. программы в сборнике «Программы для общеобразовательных учреждений. 5–9, 10–11. Русский язык. М., 2009: 1) Русская словесность. От слова к словесности. 5–9 классы (автор программы Р.И. Альбеткова); 2) Риторика. 5–7 классы. (автор программы Н.А. Лымарь); 3) Основы риторики. Мысль и слово. 10–11 классы. (автор программы А.К. Михальская).

15. См. подробнее: *Бабайцева В.В.* Тайны орфографической зоркости // Русская словесность. – 2000. – № 1.

16. См. *Бабайцева В.В.* Принципы русской орфографии // РЯШ. – 2009. – № 3.

17. См. *Бабайцева В.В.* Как правильно сказать: *простыня* или *простынь*? // Русский язык в школе и дома. – 2009. – № 10.

Автор – о своих учебниках.

Я хочу, чтобы мои ученики –
учителя, студенты, школьники –
любили русский язык так, как люблю его я.

В настоящее время Министерством образования и науки Российской Федерации рекомендованы три моих учебника:

1. *В.В. Бабайцева, Л.Д. Чеснокова.* Русский язык. Теория. 5–9-е классы. Учебник для общеобразовательных учреждений. 2009, 18-е изд.

2. *В.В. Бабайцева.* Русский язык. Теория. 5–9-е классы. Учебник. Предпрофильное обучение. 2009, 7-е изд.

3. *В.В. Бабайцева.* Русский язык. 10–11-е классы: Учебник для образовательных учреждений филологического профиля. 2009, 6-е изд.

Учебники вместе со сборниками заданий, рабочими тетрадями, методическими указаниями и т.д. образуют **учебно-методические комплексы**, обеспечивающие изучение языка и обучение речи.

Первые два учебника (5–9-е классы) дополняет сборник заданий, обязательный для комплекса. Для каждого класса создан свой сборник заданий:

5-й класс: *В.В. Бабайцева, Л.Д. Беднарская, Н.В. Дрозд.*

6–7-е классы: *В.В. Бабайцева, Л.Д. Беднарская.*

8–9-е классы: *В.В. Бабайцева, Л.Д. Беднарская.*

Главными компонентами комплексов, разумеется, являются учебники, но сами по себе они не могут решить все задачи школьного предмета «Русский язык».

Учебники остаются на руках учеников на протяжении пяти лет, так что к концу 9-го класса ребята знают их «вдоль и поперек».

Выделение практических заданий в особые пособия не означает разрыва между языком и речью, так как каждое теоретическое положение подкрепляется примерами, которые анализируются, если в этом есть необходимость.

Чем отличается второй учебник от первого? Между первыми учебниками, предназначенными для 5–9-х классов, есть общее и различное.

Сближает эти учебники общая теоретическая лингвистическая основа – структурно-семантическое направление современной русистики (1).

Объединяет их системное изложение теории, что позволяет наглядно показать ученикам, что в школьных учебниках представлена, хотя и конспективно, наука о русском языке, а не преподнесены разрозненные сведения о некоторых его фактах. Системное изложение теории облегчает ее усвоение, так как в системе есть логические связи между отдельными звеньями.

Общая лингвистическая база обеспечивает единую понятийно-терминологическую систему.

Все части пособий, составляющих два научно-методических комплекса, объединены общей программой. Общее планирование учебного материала, распределение изучения разделов науки о языке по классам и т.д. обуславливает возможность замены одного комплекса другим, использование сборников заданий, рабочих тетрадей и методических рекомендаций при обучении по любому комплексу.

Основное **различие** между комплексами заключается в том, что в первом разделены изучение теории и развитие речи. Теория излагается в учебнике, развитие речи осуществляется при использовании пособия «Русская речь» (автор Е.И. Никитина).

При обучении по второму комплексу этого разрыва между языком и речью нет. Обучение речи органично связано с изучением языка. Внимание к речи пронизывает все страницы учебника; впервые выделены параграфы типа «Роль существительных в речи», «Роль глагола в речи» и т.п. Содержание этих параграфов прямо ориентирует учеников на развитие и совершенствование речи.

Между учебниками есть различие в объеме теоретических сведений при общей лингвистической основе.

Во втором учебнике больше исторических сведений. Так, комментируется происхождение беглых гласных, утрата конечных редуцированных звуков, своеобразие шипящих, происхождение и стилистическое своеобразие церковнославянизмов и т.д. Большая часть исторических справок поясняет современное написание отдельных слов и групп слов, т.е. работает на орфографию.

В современной русистике есть разные точки зрения по ряду ключевых вопросов, определяющие ответы и в лингвометодике. Речь идет о выделении сочинительных словосочетаний наряду с подчинительными, о классификации придаточных предложений, о последовательности изучения частей речи и др.

Сочинительные связи характерны для всех уровней синтаксической системы. Они есть в тексте, предложении, словосочетании. Научный системный подход позволяет выделять сочинительные словосочетания наряду с подчинительными (2). Эта точка зрения принята и в вузовском учебнике под ред. Е.И. Дибровой. Такое решение вопроса имеет и большое значение для практического преподавания русского языка.

В учебнике «Русский язык» (10–11-е классы) есть задание 400, выполняя которое ученики убеждаются в целесообразности выделения сочинительных словосочетаний. Это задание показывает возможность разных трактовок единиц языка.¹

Подчинение существует на всех уровнях синтаксической системы: в словосочетании, простом и сложном предложении, в тексте.

Простые предложения состоят из членов предложения, образующих систему из типичных и синкретичных (многозначных) структурно-семантических компонентов, взаимосвязанных и взаимообусловленных. Основной связью, объединяющей члены предложения в предложение, является подчинительная.

На уровне сложного предложения позицию подчиненных компонентов занимают придаточные предложения, соотношенные с членами простого предложения: подлежащее соотносится с придаточным подлежащим, занимающим позицию главного члена простого предложения; сказуемое со-

относится с придаточным сказуемым, определение – с определительным придаточным, обстоятельство – с обстоятельственным придаточным.

Признание этой типологии сложноподчиненных предложений значительно облегчает их изучение. Принцип преемственности показывает не только общность позиций, но и синонимичность семантики, позволяет использовать при изучении членов предложения и придаточных частей общие вопросы и т.д. Эта классификация придаточных предложений принимается А.К. Федоровым, Л.Д. Беднарской и др.

Последовательность изучения частей речи, принятая в рассматриваемых учебниках, обоснована и теоретически, и практически. Известно, что академик А.А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка» рассматривает существительное и глагол в числе первых частей речи. В лингвометодике соединение существительного и глагола в грамматическую основу уже в начале изучения морфологии позволяет в дальнейшем изучать все части речи на синтаксической основе (3).

Синтаксическая функция и морфемный состав – основные маркеры частеречной принадлежности слов.

Эти положения являются теоретической базой формирования пунктуационной и орфографической грамотности учеников. В практических заданиях традиционно присутствуют требования: «Подчеркните грамматические основы», «Обозначьте морфемы» («Разберите слово по составу»). Постоянное внимание к морфемному строению слова – основной фактор, обеспечивающий формирование орфографической зоркости учащихся (4).

Непосредственным продолжением учебников 5–9-х классов является учебник для 10–11-х классов, который эффективно может быть использован и в классах, работающих по учебникам других авторов.

В учебнике для 10–11-х классов выделяются два раздела: «Теория» и «Практика».²

Теоретическая часть учебника систематизирует и углубляет знания, приобретенные учениками в 5–9-х классах. Практическая часть содержит задания, позволяющие повторить изученное в 5–9-х классах, закрепить правила правописания на основе принципов русской орфографии и пунктуации, совершенствовать навыки анализа единиц языка. Боль-

шое внимание уделяется развитию речи, умению не только анализировать, но и строить тексты разных жанров, разных типов речи, разной стилистической принадлежности.

При необходимости грамотность выпускников совершенствуется тренингами по орфографии и пунктуации, которые могут быть полезны и для учеников 8–9-х классов.

Теоретические знания, представленные в системе в учебниках для 5–9-х и 10–11-х классов, анализ единиц языка, использование эффективных типов упражнений, не только проверяющих знания, но и совершенствующих речь, – все это готовит к успешной сдаче ЕГЭ без натаскивания непосредственно перед экзаменом.

Сверхзадачей учебников и практических пособий является формирование стойкого интереса к изучению языка, совершенствованию речи и после окончания школы.

Обычно много говорят о богатстве русского языка, цитируя высказывания классиков литературы и общественных деятелей. Подобранный в наших учебниках иллюстративный материал развивает языковое чутье, прививает вкус к хорошей литературной речи, показывает богатство лексики и фразеологии, разнообразие стилей.

Уже в учебнике для 5-го класса дается определение: «Литературный язык – это лучшая часть общенародного языка, его ядро, для которого характерна система норм».

Начиная с 5-го класса мы знакомим учеников с основными понятиями лексикологии и фразеологии и постепенно расширяем их словарный запас.

В 10–11-х классах разрозненные знания о функциях русского языка в современном мире систематизируются и конкретизируются в разделе «Русский язык в современном мире»:

§ 1. Русский язык – государственный язык Российской Федерации.

§ 5. Русский язык как национальный язык русского народа.

§ 6. Русский язык как средство межнационального общения в Российской Федерации.

§ 7. Русский язык среди других языков мира.

Основная часть учебника для 10–11-х классов – «Русский язык – один из богатейших языков мира» – раскрывает

состав современного русского языка, его функционирование. Богатство словаря и фразеологии обеспечивает стилистическое разнообразие, экспрессивность и эмоциональность речи.

Особо хочу отметить раздел, посвященный синонимике русского языка. Обычно говорят лишь о лексических синонимах. В этом разделе рассматриваются и морфемные, и морфологические, и синтаксические синонимы. Функционирование синонимов иллюстрируется выразительными примерами из классической и современной литературы. Большой раздел посвящен источникам расширения словарного и фразеологического состава современного русского языка с оценкой новых слов и выражений.

Значительное место занимает раздел, посвященный анализу текста, в котором рассматривается не только его строение, но и представлены разнообразные средства языковой выразительности.

В заключение приведу высказывание К.Г. Паустовского, послужившее эпиграфом ко всему учебнику.

«По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о культурном уровне, но и о его гражданской ценности. Истинная любовь к своей стране немыслима без любви к своему языку».

Примечания.

1. Есть и другие задания, показывающие возможность разных точек зрения. Так, в задании 111 этого же учебника сопоставляются разные трактовки аффикса *-ть* в конце инфинитива.

2. В составлении второй части (раздела) принимала участие О.А. Сальникова.

Литература.

1. *Бабайцева В.В.* Структурно-семантическое направление современной русистики // Филологические науки. 2006, № 2.

2. *Бабайцева В.В.* Подчинительные и сочинительные словосочетания. // Русский язык в школе. 2006, № 4.

3. Сборник «Изучение морфологии на синтаксической основе». М., 1974.

4. *Бабайцева В.В.* Тайны орфографической грамотности. М.: «Русская словесность». 2000, № 1.

5. *Бабайцева В.В.* Русский язык. Односоставные предложения в тексте. 10–11-е классы. Профильное обучение. Элективный курс. 2008.

6. *Бабайцева В.В., Сальникова О.А.* Русский язык. Тренинг по орфографии. Для школьников старших классов и поступающих в вузы. (Любое издание.)

7. *Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д., Рудимагина Н.Е.* Русский язык. Тренинг по пунктуации. (Любое издание.)

Учебники XXI века.

Интервью студентки филологического факультета
Московского педагогического государственного
университета Н.М. Новак с В.В. Бабайцевой.

Вера Васильевна Бабайцева – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Московского педагогического государственного университета, где работает с 1972 года. Она автор более 300 научных работ, среди которых 10 монографий и несколько учебников.

Рецензенты называют ее учебники учебниками XXI века. Мне захотелось узнать о них от самого автора, и Вера Васильевна согласилась ответить на мои вопросы.

– Вера Васильевна, сколько учебников Вы написали?

– Мне принадлежат три школьных учебника, один из них написан в соавторстве, есть большие разделы в вузовских учебниках.

– Назовите, пожалуйста, школьные учебники.

– Первый – В.В. Бабайцева, Л.Д. Чеснокова. «Русский язык. Теория. 5–9 классы. Учебник для общеобразовательных учреждений».

Второй – В.В. Бабайцева. «Русский язык. Теория. 5–9 классы. Учебник для углубленного изучения русского языка».

Третий – В.В. Бабайцева. «Русский язык. 10–11 классы. Учебник для общеобразовательных учреждений филологического профиля».

Все три учебника рекомендованы для общеобразовательных учебных заведений Министерством образования и науки Российской Федерации.

– Расскажите, хотя бы очень кратко, об особенностях этих учебников.

– **Первый** учебник был опубликован в качестве экспериментального. На протяжении ряда лет он совершенствовался. В настоящее время он издается тиражом 50 тысяч экземпляров. Учебник дополняется специальным пособием по развитию речи, автор которого – С.И. Никитина.

Во втором учебнике дается больше теоретических сведений и больше исторических справок. Именно этот учебник более надежно, чем первый, готовит учащихся к успешной сдаче ЕГЭ.

Третий учебник для 10–11 классов завершает изучение русского языка в школе: обобщает и дополняет изученное в 5–9 классах, завершает подготовку школьников не только к сдаче ЕГЭ, но и, что главное, готовит их к взрослой жизни. В учебнике даются общие сведения о языке, дифференцируются понятия языка и речи, более полно и последовательно, чем в 5–9 классах, освещается теория текста, стили литературного языка, синонимика, история и т.д. Все это показывает учащимся старших классов, что предмет – русский язык – это не собрание скучных правил, необходимых для формирования правильной речи, а наука, раскрывающая закономерности системы языка, истоки его богатейших средств, позволяющих выразить самые сложные мысли и разнообразные эмоции.

– В учебниках нет упражнений? Какие пособия способствуют усваиванию теории, формируют практические важные умения и навыки?

– Учебники дополняются сборниками заданий, рабочими тетрадями, элективными курсами и пр.

В школе основное внимание уделяется изучению литературного языка. Литературный язык – это лучшая часть международного языка, его ядро, для которого характерна система норм.

Орфографические, орфоэпические, пунктуационные и другие нормы определяются соответствующими правилами, органически вписывающимися в положения теории.

Формирование правильной и выразительной речи обеспечивается заданиями, среди которых есть как традиционные, так и оригинальные типы заданий, вызывающие интерес к изучению языка.

Чаще, чем при традиционном изучении русского языка, требуется произвести морфемный анализ (разбор слова

по составу) и выделение грамматической (предикативной) основы предложения, что позволяет избежать значительного количества орфографических и пунктуационных ошибок. Задания по анализу морфемного строения слова, а также ряд специальных упражнений развивают орфографическую зоркость учащихся. Здесь отмечу лишь похожее на игру, но очень полезное задание: «Составьте из букв, входящих в слово..., имена существительные в форме именительного падежа, единственного числа. Кто больше?» Можно вместо имен существительных составлять и другие части речи.

Еще один пример. Традиционным является запись ошибко-опасных слов под диктовку. Мы преобразовали это задание, предлагая *прочитать* предварительно эти слова (списки есть в сборниках), постараться запомнить их написание. Затем просим закрыть сборник и записать эти слова под диктовку.

Трудно запомнить все правила, поэтому мы стремимся развивать орфографическую зоркость учащихся этими и подобными заданиями. Подробнее об этом можно прочитать в моей статье «Тайны орфографической зоркости», опубликованной в журнале «Русская словесность» (2003 г., № 1).

Завершая свой ответ на вопрос, я хочу сказать, что наши сборники и рабочие тетради могут быть очень полезны для студентов, стремящихся совершенствовать свою речь.

– По словам А.С. Пушкина, язык – «материал словесности». Как представлена в учебниках и практических пособиях русская литература?

– Все теоретические положения иллюстрируются примерами из русской классической и современной художественной литературы и публицистики. Широко используются пословицы и поговорки, многие примеры афористичны.

Особенно много текстов в учебнике для 10–11 классов. Представлена поэзия XIX–XX веков: А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.А. Некрасов, А.А. Фет, А.А. Ахматова, М.И. Цветаева, С.А. Есенин, А.Д. Дементьев и другие.

Многоаспектный (комплексный, филологический) анализ текстов позволяет показать не только строение прозаических и поэтических фрагментов, но и оценить их стилистическое своеобразие, выразительность синонимов и т.д.

– Чем отличаются Ваши учебники от учебников других авторов?

– Вопрос не простой. Отмечу лишь следующие принципиальные положения.

Во-первых, теоретический материал изложен в учебнике, который остается на руках у учащегося 5–7 лет. Естественно, что за эти годы школьники изучат учебник вдоль и поперек. Меняются сборники заданий к учебнику и рабочие тетради. В учебниках других авторов практические задания даются непосредственно после теории, что лишает теорию системности, разбивает ее.

Во-вторых, в моих учебниках (втором и третьем) развитее речи не обособлено от теории.

В-третьих, в моих учебниках больше дополнительного материала, в том числе исторических справок, источников расширения словарного состава современного русского языка.

– В нашем интервью разговор до сих пор шел о школьных учебниках. Расскажите пожалуйста и о вузовских учебниках с Вашим авторским участием.

– Еще в 1981 году был опубликован учебник по синтаксису: В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. «Синтаксис. Пунктуация. Учебник для студентов по специальности «Русский язык и литература». Этот учебник и сейчас «работает» в разных вузах Российской Федерации.

Еще есть учебник В.В. Бабайцевой, Н.А. Николиной, Л.Д. Чесноковой и др. «Морфология. Синтаксис. Учебник для студентов высших учебных заведений», вышедший в 2006 году. Этот учебник отличается от других учебников тем, что в нем теория сопровождается планами и образцами анализа единиц языковой системы.

Изучение языка – основа развития речи.

Учебники В.В. Бабайцевой для 5–9 классов¹ и для 10–11 классов² дополняются сборниками заданий и рабочими тетрадями.³

Для учебников характерно системное изложение теории, а для комплекса в целом – органическая связь изучения теории с развитием речи учащихся.

Формирование коммуникативной компетенции в школьной практике преподавания русского языка должно быть связано с формированием лингвистической компетенции. Это значит, что изучение языка является базовой основой развития речи учащихся, ее совершенствования.

Развитие устной и письменной речи учащихся должно быть целью каждого урока. Формирование культуроведческой компетенции обеспечивается теорией, а (главное!) иллюстративным речевым материалом учебника, содержанием текстов в сборниках заданий и рабочих тетрадях, многочисленными справками в подстрочниках и т.д.

Эти принципиальные положения определяют специфику учебников, сборников заданий и рабочих тетрадей.

Теоретические сведения о системе русского языка содержат также нормы русского литературного языка в его устной и письменной форме, показывают его выразительные возможности, роль языковых средств в речи, средства создания цельности и связности текста и т.д. Сборники заданий и рабочие тетради способствуют усвоению теории и на этой основе совершенствуют устную и письменную речь учащихся.

В лингвометодике уже разработана типология упражнений, известны их классификации на основе разных критериев.⁴

Основную часть наших заданий составляют традиционные упражнения, эффективность которых проверена практикой преподавания.

В этой статье корректируются некоторые традиционные задания, а также отмечены оригинальные типы заданий, впервые вводимые в школьную практику.

В учебниках последовательно отмечается роль языковых единиц в речи. Так, в разделе «Морфология» выделены в особые параграфы сведения о роли частей речи в устной и письменной речи. В практических заданиях эти сведения иллюстрируются выразительными текстами, сопровождающимися соответствующим анализом.

Многочисленные задания, выполнение которых наглядно показывает учащимся выразительность фонетических, лексических, фразеологических, морфемных, словообразовательных, морфологических и синтаксических единиц языка.

По образцу этих заданий учащиеся, строя словосочетания, предложения, мини- и макси-тексты, учатся использовать богатства русского языка.

Некоторые из рекомендуемых далее заданий могут показаться слишком сложными. Надо бояться не сложных, а скучных заданий.

Одним из факторов, стимулирующих интерес учащихся к изучению русского языка, являются исторические сведения. Обращение к истории русского языка не только помогает понять некоторые закономерности современного состояния русского языка, но и вызывает интерес к языку, показывает, что наука о русском языке – это не только совокупность скучных правил.

Всего не перечислить. Хочется привлечь внимание учителей (надеюсь, и учащихся) к некоторым случаям чередования звуков в корнях слов.

В доисторическое время в русском языке были носовые гласные звуки, на месте которых в древнерусском письме были буквы ѡ (юс малый) и Ѣ (юс большой). Юс малый обозначал носовой гласный звук переднего ряда, а юс большой – носовой гласный звук заднего ряда. В силу различ-

ных исторических причин носовые гласные звуки в русском языке исчезли, а на их месте образовались звуки, которые позднее стали обозначаться буквами *ня*, *ним*, *йм* и др. (на месте юса малого), а также буквами *у* и *он* (на месте юса большого), которые вошли в состав корней с чередованием. Отметим два ряда таких корней:⁵

1) *мин/мн/мя* – *упоминать/помню/память*.

Гнездо родственных слов большое.

2) *ним/ня/йм* – *понимание/понять/пойму*.

Сами ученики не смогут построить эти ряды до наблюдения над речевым материалом, но найти в предлагаемых предложениях однокоренные слова сумеют, если они уже полюбили морфемный анализ.

Учителя любят правило «Приставки *на* – нет (не бывает)». В современном русском языке эта приставка не является продуктивной, но язык сохраняет ряд слов, в которых она легко вычленяется, например: *паводок*, *пасынок*, *падчерица*.

Предлагаю следующие задания, выполнение которых требует учета исторических процессов.

I. В следующих предложениях найдите однокоренные слова.

1. Я помню чудное мгновенье... (А. Пушкин.)

2. Я памятник себе воздвиг нерукотворный...

(А. Пушкин.)

3. Здесь каждый миг в душе рождает воспоминанья прежних лет. (А. Пушкин.)

4. Прошло сорок дней, и пришло время поминок по бабушке. (С. Аксаков.)

5. О память сердца! Ты сильнее рассудка памяти печальной... (Ф. Тютчев.)

II. В следующих предложениях найдите однокоренные слова.

1. Никто не понимал так ясно и тонко, как Антон Чехов, трагизм мелочей жизни. (М. Горький.)

2. И смутно понял я тогда,

Что мне на родину следа

Не проложить уж никогда. (М. Лермонтов.)

3. Близкого человека только тогда и поймешь вполне, когда с ним расстанешься. (И. Тургенев.)

III. Обозначьте корни в словах: *начинать*, *начать*, *начало*, *начну*, *зачин*, *почин*.

IV. Обозначьте корни в словах: *звук*, *звон*, *звонок*, *звучать*, *озвучивать*, *звонница*.

Учащиеся могут провести небольшое исследование, дать развернутые ответы на интересные вопросы, требующие обращения к дополнительной лингвистической литературе, к словарям и справочникам. Поиски ответов на следующие вопросы, подготовка сообщений на предлагаемые темы обогащает знания учащихся о русском языке, вызывают интерес к его истории и современному состоянию, вырабатывают навыки исследовательской работы.

Предлагаем следующие вопросы и темы по узловым разделам курса русского языка.

1. Каким словом древнерусского языка обозначалась мощь, сила человека?

Для ответа на этот вопрос учащиеся должны вспомнить о чередовании *ч/щ*, различающие происхождение слов. [*ч'*] – древнерусский звук, [*ш'*] – старославянский; подобрать гнездо родственных слов (*мощный*, *могучий*, *могу* (1 л. ед. ч.) и др.); вспомнить фразеологизмы (*нет мочи*): ... *нет мочи*. *Коням, барин, тяжело*. (А. Пушкин.)

2. Роль церковнославянизмов (старославянизмов) в современном русском языке.

Основные положения ученик может взять из учебника: Бабайцева В.В. Русский язык. 10–11 классы. М., 2005.

3. Синонимы к слову *говорить*.

Для составления синонимичного ряда можно использовать данные словарей синонимов, наблюдения над речью товарищей. В сообщении дать стилистические оценки синонимов. Можно (в соответствующем классе) показать, какие синонимы этого ряда использовал И.С. Тургенев в романе «Отцы и дети». Для сообщений можно взять и другие синонимичные ряды. Обязательное требование – иллюстративный речевой материал учащиеся должны найти сами в художественной и публицистической литературе.

4. Богатейший материал для сообщений учащимся дает русская фразеология. Можно показать историю двух-трех фразеологизмов, пояснить их значение, показать их функционирование в речи, отметить (если есть) слова-

синонимы, слова-антонимы и т.д. Использовать при подготовке сообщений словари фразеологизмов. Иллюстративный речевой материал взять из художественной и публицистической литературы.

5. Какой частью речи могут быть слова *утром, вечером, днем, ночью*?

При подготовке сообщения можно использовать монографию В.В. Бабайцевой «Явления переходности в грамматике русского языка» (М., 2000). Можно взять и другие слова: *глухой, что, напротив* и т.д.

6. Для синтаксических наблюдений рекомендую следующие темы:

- а) синтаксические функции цельных словосочетаний;
- б) синтаксические функции инфинитива;
- в) многозначные члены предложения;
- г) синонимика двусоставных и односоставных предложений;
- д) синонимика сложных предложений.

Все синтаксические темы требуют прежде всего самостоятельных наблюдений, выписывания примеров из художественной литературы с комментариями. В некоторых случаях возможны трансформации предложений.

Результаты исследований могут быть доложены на уроках-семинарах, конференциях, посвященных обобщающей теме: «Лексика и фразеология русского языка», «Функциональные синонимы в современном русском языке», «Трудные случаи синтаксического анализа».

Отметим некоторые особенности и ряда других заданий.

Традиционное задание «Вставьте пропущенные буквы» дополняем указанием: «Обозначьте морфемы, в которых пропущены буквы». Это дополнительное требование побуждает учащихся вспомнить соответствующие правила, обычно связанные с морфемным принципом орфографии. Механическое вписывание букв осложняется необходимостью осознания орфограммы и правила, регулирующего выбор нужной буквы.

Авторы практических книг комплекса настойчиво рекомендуют регулярно (на каждом уроке, по возможности) давать задания: «Обозначьте (укажите) морфемный состав слова... (или 2–3 слов)» и «Подчеркните грамматические основы».

Постоянное внимание к грамматической основе готовит учащихся к изучению предложения, способствует формированию пунктуационной грамотности.

В 5 классе учитель сам указывает, какие слова и предложения взять, а позднее можно усложнить эти задания: «Найдите в тексте (предложении) слово, интересное по морфемному составу» и «Найдите в тексте предложения, интересные для разбора». (Разумеется, учителю заранее нужно просмотреть тексты.)

Эти задания чрезвычайно эффективны, так как учащиеся должны бегло просмотреть текст с точки зрения указанного задания.

Внимание к морфемному составу слова – залог формирования орфографической зоркости, формирования орфографической грамотности. И не только!

Морфемный состав слова в моем учебнике рассматривается как один из важных критериев классификации частей речи. Разнообразные задания, помогающие определить части речи по морфемному составу, даны в сборниках заданий и рабочих тетрадях.

Среди оригинальных заданий особо выделим те, которые развивают мышление и речь, способствуют формированию грамотности и т.д.

Так, задание «Расскажите о слове ... все, что вы знаете» требует от учащегося связного ответа, позволяющего вспомнить ранее изученное. Например, рассказ о слове *космодром* должен включать сведения из лексикологии, фонетики, морфемики и грамматики. Этот рассказ может быть дополнен этимологическими сведениями. Слово появилось в русском языке в XX веке, оно состоит из двух заимствованных корней *косм* и *дром*. Первый корень есть в словах *космос, космический, космонавт* и др., а *дром* – в словах *аэродром, велодром*. Бывшая корневая морфема *дром* на наших глазах превращается в суффикс.

Эффективным средством развития монологической научной речи является задание: «Расскажите о слове (словосочетании, предложении) ... все, что можете».

Так, рассказ о слове может строиться по следующему плану:

- 1) указать часть речи;
- 2) отметить возможные синтаксические функции;

- 3) раскрыть лексическое значение слова, отметить синонимы и антонимы, дать его стилистическую оценку;
 - 4) произвести фонетический разбор;
 - 5) произвести морфемный разбор;
 - 6) указать орфограммы.
- Ответ может быть дополнен этимологией слова и т.д.
- Ответ одного ученика может быть дополнен одноклассниками, может быть оценен ими с аргументацией оценки (эта оценка может быть поставлена в журнал).
- Этот тип задания позволяет:
- 1) обобщить и систематизировать знания учащегося;
 - 2) учить **рассуждать** (высказывать мнение и аргументировать его);
 - 3) развивать устную монологическую речь научного стиля.

Составление слов.

На первый взгляд может показаться, что задание «Составьте из букв, входящих в слово ..., существительные в начальной форме» является лишь развлечением. Это не так. Для исходного слова следует брать слова с орфограммами, например, *винегрет*. Составление новых слов формирует орфографическую зоркость, развивает комбинаторные способности, слово из пассивного словаря может перейти в активный.

Можно для записи образуемых слов использовать столбики слов с разным количеством букв. Самыми ценными являются слова с большим количеством букв. Так, из слова *винегрет* можно составить следующие слова:

3	4	5
тир	негр	ветер
рев	нерв	
ген	гнев	
	винт	
	твин	
	тигр	
	веер	

1. По договоренности можно включать слова с буквой ё, обозначающей звук [о] после мягких согласных.

2. В некоторых случаях можно добавить какую-нибудь букву, позволяющую увеличить количество составляемых слов. Так, буква *а* позволит дополнить данный выше список такими словами как *вера, вира, вена, грива, вор, враг, игра, вина, ар, ива*.

Целесообразно дополнить это задание составлением словосочетаний, чтобы показать лексическое значение слов. Из данных выше слов можно взять *твин, ген, нрав*.

Из букв, входящих в слово *предприниматель*, составляем существительные в начальной форме:

3	4	5	6	7	8
ель	лень	трель	предел	предмет	делатель
мат	мать	прель	примат	артель	даритель
мир	тема	лепет	метель	примета	метатель
тир	мера	педадь	и т.д.	и т.д.	и т.д.
пир	метр	тиран			
лед	тина	ветер			
тип	нить	и т.д.			
и т.д.	тьма				
	и т.д.				

Из 9 букв можно составить слово *предатель*. Кто больше?

В спорных случаях нужно обращаться к словарям (толковым, орфографическим, орфоэпическим и т.д.), составлять словосочетания, цитировать поэтические строки и т.д.

Считая количество букв, учащиеся невольно практикуются в выделении слогов, морфем и т.д.

Полезно перед составлением слов произвести морфемный анализ слова *предприниматель*.

Можно составлять слова, относящиеся к любой части речи. Например, из слова *преследовать* составляем глаголы в форме инфинитива.

4	5	6	7	8	9
дать	сдать	делать	плевать	пропасть	следовать
петь	спеть	подать	продать	передать	пересдать
	спать	реветь		сорвать	
	рвать	совать		предать	
	есть			сделать	
	преть			содрать	
	драть				

Деление слов на столбики заставляет считать количество букв, а это задание можно облегчить выделением слогов.

Очень полезно обозначить морфемный состав образованных слов. Это задание позволит учащимся увидеть и запомнить некоторые способы образования слов (префиксальный, суффиксальный), запомнить, что суффикс *-ть* – формообразовательный, а приставки и другие суффиксы – словообразовательные.

Полуигровой характер имеют филологические кроссворды и кроссбухи.⁶ Мы дали ответы в той же книге. Повидимому, целесообразно давать ответы в методических указаниях для учителей, чтобы учащиеся могли в поисках ответов обратиться к родителям, к одноклассникам и т.д. В этом случае лучше запомнятся те сведения, знание которых требует задание.

Учителя-экспериментаторы предлагают ученикам составить свои кроссворды, используя лингвистическую терминологию. При этом им придется полистать учебник, прочитать некоторые параграфы в поисках нужных терминов, а может быть и выписать их определения. Решение кроссвордов развивает и мышление учащихся, так как требует обдумывания заданий, учета дифференциальных признаков понятий и т.д.

Полезно и следующее задание. Из слова *превосходство* выпишите приставки и предлоги.

Приставки	Предлоги
пред – предвидеть	пред тобой
пре – предел	–
вос – восход	–
в(во) – вход	в окно
с(со) – слева	с окна
до – допьяна	до окна
о – омолодить	о друге
от – отход	от школы
и т.д.	и т.д.

При выполнении задания можно повторить правописание приставок *пре-*, *вос-*, суффиксов наречий *-о* и *-а* и т.д.

Разумеется, можно брать и другие слова, предложенные учителем или учениками. В последнем случае можно **выбирать** слово, руководствуясь наличием (отсутствием) необходимых единиц языка.

Ассоциации.

Одной из задач школы является развитие мышления, воображения и других логических и психических способностей учащихся.

Уроки русского языка не только развивают мышление учащихся (это хорошо известно в лингводидактике), но и способствуют развитию и совершенствованию воображения учащихся, без которого немыслима никакая творческая деятельность. Воображение – способность воображать, представлять, фантазировать что-либо.

Одним из заданий, впервые вводимых в практику преподавания русского языка, является задание, развивающее ассоциативное мышление учащихся. Это задание в нашем комплексе формулируется просто: «Запишите слова, фразеологизмы, словосочетания, которые возникают в вашем сознании при слове...». Ассоциативные словарные поля у разных учащихся, разумеется, будут различаться не только в количественном, но и в качественном отношении.

Так, слово *лес* у одного ученика может вызвать следующий набор слов: *хвойный, мрачный, страх, комары, колючий кустарник, крапива, змеи* и т.д. У другого ассоциативное поле может вызвать слова: *поездка (поход), друзья, костер, радость, березовый, пение птиц, грибы, малина, земляника, цветы* и т.д.

Составление ассоциативного поля слов, состоящих из разных частей речи, можно начать при работе со всем классом. Слова записывать на доске. В дальнейшем такое задание учащиеся могут выполнять индивидуально, так как в основе таких ассоциаций может быть личный опыт учащегося, а также разный характер представлений, фантазий.

Желательно, чтобы учащиеся мотивировали выбор слов, а он может быть обусловлен эмоциональной оценкой предмета, названного предложенным словом – центром ассоциативного поля.

Ассоциативный набор слов можно использовать в сочинении на тему, можно произвести морфемный анализ некоторых слов, подобрать синонимы и антонимы, включить в текст фразеологизмы и т.д.

Лесенки.

В рабочих тетрадях (см.: Бабайцева В.В., Сергиенко М.И. Рабочие тетради. 6 класс) есть задание: «Впишите в клетки «лесенки» наречия со словообразовательным суффиксом -о».

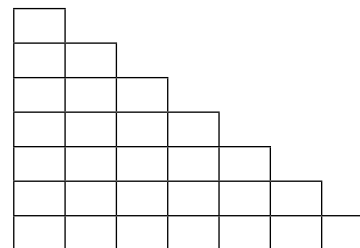
Зло																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																					
-----	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

В ответе на это задание указаны все слова, здесь отмечены лишь первое слово *зло* и последнее – *удовлетворительно*. Очевидно, что подобрать соответствующие наречия непросто. В поисках нужных слов можно использовать соответствующий раздел учебника, словари и т.д.; привлечь к такой работе друзей, родителей и знакомых.

Выполнение задания позволит ученикам запомнить этот словообразовательный суффикс, запомнить, что *-о* пишется у наречий с приставками *в-, на-, за-* и т.д.

Разумеется, «лесенка» может быть использована и при изучении других разделов (например, союзов, предлогов, существительных с *ь* на конце (и без мягкого знака) после шипящих и т.д.).

«Впишите в клетки «лесенки» словообразовательные суффиксы глаголов». Задание заставит вспомнить (и запомнить!) суффиксы. Для выполнения задания можно использовать соответствующие разделы учебников.

Одной из важнейших задач изучения русского языка в школе является обогащение речи учащихся фразеологизмами, особенно пословицами. В заданиях, начиная с 5 класса, мы даем много пословиц для разнообразной работы. По программе раздел «Фразеология» изучается в 5 классе (после темы «Лексикология»).

В наших сборниках и рабочих тетрадях много заданий, включающих фразеологизмы и пословицы. Их можно дополнить следующей игрой. Учитель предлагает пословицу. Классу нужно продолжить перечень пословиц. Пословица не засчитывается, если предложивший ее ученик не может объяснить смысл пословицы, условия применения ее в речи.

Несколько пословиц полезно записать. Для записи выбрать пословицу могут не только ученики, но и учитель, учитывая ее семантику, целесообразность активного функционирования ее в речи учащихся, а также насыщенность орфограммами и интересными пунктограммами.

Целесообразно заранее сообщить учащимся об этой игре. Пусть они посмотрят сборники пословиц, а также сборники заданий, насыщенных пословицами.

Победителем в этой игре считается ученик, давший последнюю пословицу.

Как бы ни был хорош учебник, очевидно, что совершенствование речи требует упражнений и упражнений, неоднократного повторного обращения к пройденному для закрепления практических умений и навыков.

Примечания.

1. См.: *Бабайцева В.В.* Русский язык. Теория. 5–9 классы. Учебник для общеобразовательных учреждений с углубленным изучением русского языка. – М.: Дрофа (любое издание).

2. *Бабайцева В.В.* Русский язык. 10–11 классы. Учебник для общеобразовательных учреждений филологического профиля. В настоящее время учебник для 5–11 классов переработан и, как прежде, адресован для учебных заведений с углубленным изучением русского языка (5–9 классы). Непосредственным продолжением его является учебник В.В. Бабайцевой для 10–11 классов.

3. Авторские коллективы сборников заданий и рабочих тетрадей составляют В.В. Бабайцева, Л.Д. Беднарская, А.В. Глазков, Н.В. Дрозд, О.А. Сальникова, М.И. Сергиенко.

4. См., например: *Пузанкова Е.Н.* Формирование языковой способности учащихся при обучении русскому языку. – Орел, 2004. – С. 201–203.

5. В современных словообразовательных словарях приставка *по-* в рядах слов с такими корнями не выделяется. См., например: *Шишов И.А.* Толковый словообразовательный словарь русского языка. – М., 2005.

6. Бабайцева В.В. Филологические кроссворды // Русская словесность. – 1997. – № 2.

Развитие языкового чутья на уроках русского языка.

«У него прекрасное языковое чутье», «у него совсем нет языкового чутья»... Что мы понимаем под «языковым чутьём»? Безусловно, это способности, связанные с интуицией. Прежде всего, это умение «чувствовать слово», понимать его значение, видеть связь с другими словами языка, оценивать уместность слов в той или иной речевой ситуации.

Разговоры о лингвистической интуиции, о её роли в овладении языком ведутся давно. Феномен интуиции настолько многомерен и сложен, что, несмотря на кажущуюся очевидность многих явлений (например, наличие у многих людей «врожденной грамотности» или «языкового чутья»), вопросов пока больше, чем ответов. Если принять за аксиому положение о том, что у каждого ребенка есть врожденные способности к овладению языком, интуитивное «чувство слова», то любого учителя будет интересовать ответ на вопрос – можно ли эти способности развивать, как развивают музыкальные, литературные и другие способности. И если да, то как?

Языковое чутье, на наш взгляд, прежде всего, связано с выбором слова и ярко проявляется в таких качествах речи, как точность и уместность. Примечательно, что и уместность, и точность зависят прежде всего от соблюдения двух условий: точности содержательной и стилистической уместности выражения. Так, **точность содержательная** предполагает соответствие содержания высказывания действительности, а **стилистическая уместность** – соответствие употребленных автором речевых средств содержанию,

жанру, стилю высказывания, условиям общения. В свою очередь, **фактическая (предметная) точность** связана с правдивостью и неискаженностью передаваемой информации, а также должна обеспечивать адекватное понимание речи адресатом при условии употребления слов в полном соответствии с их значением.

Таким образом, интуитивный выбор наиболее подходящего (для данного содержания, жанра, стиля) слова обеспечивает всему тексту (высказыванию) точность и уместность.

Полагая, что описанные выше способности можно развивать, обратим внимание на некоторые задания комплекса, выполнение которых активизирует внимание к слову, усилит интерес к языку, позволит опираться на собственные языковые способности, или языковое чутье.

В нашем учебно-методическом комплексе типы заданий, развивающих языковое чутье, многочисленны. Как правило, они привязаны к соответствующим разделам науки о языке.

Так, при изучении «Фонетики» привлекаем внимание учащихся к звукописи (и не только!).

При изучении «Морфемики» обращаем внимание учащихся на стилистические оценки суффиксов. Богатый речевой материал дает изучение суффиксов субъективной оценки; следует обратить внимание на самобытный характер таких слов, как *пораскинулась, понадвинулась*:

Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась. (А. Кольцов.)

При изучении «Морфологии» обращаем внимание учащихся на содержательные и стилистические свойства некоторых словоформ.

При изучении «Синтаксиса» – в центре внимания синонимические трансформации: простое предложение – обороты; простое предложение – виды сложных предложений и т.д.

Богатейший материал для совершенствования языкового чутья дает изучение «Лексики» и «Фразеологии».

Естественно, что внимание к слову, к его выразительным возможностям должно быть на каждом уроке, при выполнении любых заданий.

В этой статье я хочу показать некоторые типы заданий, направленные на изучение лексики. В качестве речевого материала используются преимущественно произведения замечательного стилиста И.С. Тургенева.

Я отмечаю в этой статье лишь некоторые задания, возможные при изучении лексики:

- 1) анализ синонимов разных уровней;
- 2) вставка слов в авторский текст с последующей проверкой и анализом;
- 3) наблюдение над рукописями писателей, признанных художников слова.

Обращаем внимание на то, что задания расположены по степени сложности. Для 5 класса – задания на анализ синонимов, для 6–7 классов – задания на выбор слов из возможных вариантов, для 8–9 классов – задания на вставку слов в текст без предлагаемых вариантов, для 10–11 классов – задания по анализу черновиков писателя.

Эти и подобные задания можно выполнять как в классе, под руководством учителя, так и дома, самостоятельно. Главное – поддержать интерес ученика к слову, помочь ему в совершенствовании языкового чутья.

Задание 1. Вставьте вместо точек нужный синоним. Объясните свой выбор. Посмотрите значение слов в толковом словаре.

Высота, вышина.

1. Ночь пришла. Небо чернело над чумом. Золотые звезды дрожали в ... (В. Шишков.) 2. Одно за другим засветились в небесной ... облака. (А.Н. Толстой.) 3. Кавказ подо мною. Один в ... стою над снегами у края стремнины. (А. Пушкин.)

Верхушка, вершина.

1. Падая, самолет задел ... сосен. (Б. Полевой.) 2. Альпинисты достигли ... горы. 3. Орёл, с отдалённой поднявшись ..., парит неподвижно со мной наравне. (А. Пушкин.)

Откровенный, открытый.

1. Нам понравился его честный, ... взгляд. 2. Вечером у меня с ним произошёл ... разговор. 3. Я как-то слишком была ... и чистосердечна. (Ф. Достоевский.)

Сильный, крепкий.

1. Мне не хотелось нарушать его ... сон. 2. К утру поднялся ... ветер. 3. Городок славился ... грозами. (К. Паустовский.)

Задание 2. Выберите из скобок самое удачное, на ваш взгляд, слово. Посмотрите, какое слово предпочел автор. Почему писатель выбрал именно этот синоним?

А то велишь заложить беговые дрожки и поедешь в лес на рябчиков. Весело (*идти, шагать, пробираться, красться*) по узкой дорожке, между двумя стенами высокой ржи. Колосья тихо (*задевают, бьют, цепляют, касаются*) вас по лицу, васильки (*хватают, цепляются, задевают*) за ноги, перепела (*кричат, свистят, курлыкают, выкликают*) кругом, лошадь (*идет, бежит, передвигается, тянется*) ленивой рысью. Вот и лес. Тень и тишина. Статные осины высоко (*шепчут, лепечут, шушукуются, гудят*) над вами; длинные, висячие ветки берёз едва (*колышутся, шевелятся, двигаются*); могучий дуб (*стоит, возвышается, растёт*), как боец, подле красивой липы. (И. Тургенев.)

Ответ: *пробираться, бьют, цепляются, кричат, бежит, лепечут, шевелятся, стоит.*

Задание 3. Выберите наиболее точное, по вашему мнению, слово из скобок. Посмотрите, какое слово предпочел автор. Почему писатель выбрал именно эти эпитеты?

Ветра нет, и нет ни солнца, ни тени, ни движения, ни шума; в (*осеннем, холодном, свежем, мягком*) воздухе разлит (*осенний, приятный, ароматный, терпкий*) запах, подобный запаху вина; (*густой, тонкий, сплошной, плотный*) туман стоит вдали над (*пустыми, жёлтыми, голыми, обнажёнными*) полями. Сквозь обнажённые, бурые сучья деревьев мирно белеет (*тихое, голубое, осеннее, неподвижное*) небо; кое-где на липах висят последние (*бурые, сухие, золотые, жёлтые*) листья. (И. Тургенев.)

Ответ: *мягком, осенний, тонкий, жёлтыми, неподвижное, золотые.*

Задание 4. Выберите из скобок самое удачное, на ваш взгляд, слово. Посмотрите, какое слово предпочел автор. Почему писатель выбрал именно этот синоним?

Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, (*разбросанным, расположенным, раскиданным, размётанным*) по бесконечно (*разлившейся, вышедшей из берегов*) реке, (*окаймляющей, обтекающей, опоясывающей*) их глубоко прозрачными рукава-

ми ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо: они все насквозь (*проникнуты, пронизаны, пронзены*) светом и теплотой. (И. Тургенев.)

Ответ: *разбросанным, разлившийся, обтекающий, проникнуты.*

Задание 5. Выберите из скобок самое удачное, на ваш взгляд, слово. Посмотрите, какое слово предпочел автор. Почему писатель выбрал именно этот синоним?

Выгонять вечером и пригонять на утренней заре табун – большой праздник для крестьянских мальчиков (*восседаая, сидя, устроившись, посиживая*) без шапок и в старых полушубках на самых бойких клячонках, мчатся они с весёлым гиканьем и криком, (*махая, болтая, размахивая, качая*) руками и ногами, высоко подпрыгивают, звонко хохочут. Легкая пыль желтым столбом поднимается и несется по дороге; далеко разносится дружный топот, лошади бегут, (*напрягая, наострив, приподняв*) уши; впереди всех, (*задравши, приподняв, поднявши*) хвост и беспрестанно (*изменяя, меняя, перемежая*) ногу, скачет какой-нибудь рыжий космач, с репейником в спутанной гриве. (И. Тургенев.)

Ответ: *сидя, болтая, наострив, задравши, меняя.*

Задание 6. Попробуйте вставить в текст пропущенные слова. Сравните свой вариант с авторским. Посмотрите значение слов, подобранных вами, и слов, которые использовал автор, в толковом словаре. Объясните разницу в значении и употреблении слов.

Дверь ... растворилась, и я увидел женщину лет двадцати, высокую и стройную, с цыганским ... лицом, изжелта-карими глазами и черною как ... косою; большие белые зубы так и ... из-под полных и красных губ. На ней было белое платье; голубая шаль, заколотая у самого горла золотой булавкой, прикрывала до половины ее тонкие, ... руки. Она шагнула раза два с ... неловкостью дикарки, остановилась и ...

Очень она мне нравилась. Тоненький ... нос с открытыми полупрозрачными ноздрями, ... очерк высоких бровей, бледные, чуть-чуть впалые щеки – все черты ее лица выражали своенравную страсть и беззаботную ... Из-под закру-

ченной косы вниз по широкой шее ... две прядки блестящих волосиков – признак крови и силы. (И. Тургенев.)

Ответ: тихонько, смуглым, смоль, сверкали, породистые, застенчивой, потупилась, орлиный, смелый, удаль, шли.

Задание 7. Попробуйте вставить в текст пропущенные слова. Сравните свой вариант с авторским. Посмотрите значение слов, подобранных вами, и слов, которые использовал автор, в толковом словаре. Объясните разницу в значении и употреблении слов.

Люди они были небогатые; дом их, весьма старинный, деревянный, но ..., стоял на горе, между загложим садом и ... двором. Под горой ... река и едва виднелась сквозь ... листву. Большая терраса вела из дому в сад, перед террасой ... продолговатая клумба, покрытая розами; на каждом конце клумбы росли две акации, еще в молодости ... в виде винта покойным хозяином. Немного подальше, в самой глуши заброшенного и ... малинника, стояла беседка, прехитро раскрашенная внутри, но до того ветхая и ... снаружи, что, глядя на нее, становилось жутко. С террасы стеклянная дверь вела в гостиную; а в гостиной вот что представлялось ... взору наблюдателя: по углам изразцовые печи, кисленькое фортепьяно направо, ... рукописными нотами, диван, обитый полинялым голубым штофом с беловатыми разводами, круглый стол, две горки с фарфоровыми и бисерными ... екатерининского времени, на стене известный портрет белокурой девицы с голубком на груди и закатившимися глазами, на столе ... с свежими розами... (И. Тургенев.)

Ответ: удобный, заросшим, текла, густую, красовалась, переплетённые, одичалого, дряхлая, любопытному, заваленное, игрушками, ваза.

Задание 8. Попробуйте вставить в текст пропущенные слова. Сравните свой вариант с авторским. Посмотрите значение слов, подобранных вами, и слов, которые использовал автор, в толковом словаре. Объясните разницу в значении и употреблении слов.

Она была очень недурна собою. Густые белокурые волосы прекрасного пепельного цвета расходились двумя ... причесанными полукругами из-под узкой алой ..., надвинутой почти на самый лоб, белый, как ...; остальная часть ее лица едва загорела тем ... загаром, который принимает одна

тонкая кожа. Я не мог видеть ее глаз – она их не поднимала; но я ... видел ее тонкие, высокие брови, ее ... ресницы: они были влажны, и на одной из ее щек ... на солнце высохший след слезы, остановившейся у самых губ, слегка Вся ее головка была очень мила; даже немного толстый и круглый нос ее Мне особенно нравилось выражение ее лица: так оно было просто и кротко, так грустно и так полно ... недоумения перед собственной грустью. (И. Тургенев.)

Ответ: тщательно, повязки, слоновая кость, золотистым, ясно, длинные, блистал, побледневших, не портил, детского.

Задание 9. Сравните черновые варианты предложений из рукописей И.С. Тургенева. Какой вариант стал окончательным (посмотрите в тексте произведений). Попробуйте объяснить, почему писатель выбрал именно этот вариант.

«Воробей»

1. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел, словно надувшись и бессильно растопырив едва прораставшие крылышки.

Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел недвижно, как бы надувшись, бессильно растопырив едва прораставшие крылышки.

Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел недвижно, с поникшим клювом, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел недвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

2. И весь взъерошенный, трепетавший, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

И весь взъерошенный, потерянный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

И весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

«Порог»

1. Я вижу высокое темное здание.
Я вижу обширное мрачное здание.
Я вижу громадное здание.
2. За дверью – темная ночь, мгла.
За дверью – мгла, чернее ночи.
За дверью – угрюмая мгла.

Задание 10. Прочитайте черновые варианты предложений из рукописей И.С. Тургенева. Найдите в текстах произведений эти предложения в окончательной редакции и попробуйте объяснить выбор писателя.

«Как хороши, как свежи были розы...»

1. Как прекрасны ее задумчивые глаза, как трогательно-невинны раскрытые, вопрошающие губы, как ровно дышит молодая, еще ничем не взволнованная грудь, как чист и нежен облик юного лица!

Как вдохновенно-прекрасны простодушно-задумчивые глаза, как трогательно-невинны раскрытые, вопрошающие губы, как ровно дышит еще не вполне расцветшая, еще ничем не взволнованная грудь, как чист и нежен облик бледного лица!

Окончательный вариант: Как простодушно-вдохновенны задумчивые глаза, как трогательно-невинны раскрытые, вопрошающие губы, как ровно дышит еще не вполне расцветшая, еще ничем не взволнованная грудь, как чист и нежен облик юного лица!

2. Я не смею заговорить с нею – но как она мне дорога, как бьется мое сердце!

Окончательный вариант: Я не дерзаю заговорить с нею – но как она мне дорога, как бьется мое сердце!

3. Нагоревшая свеча трещит, смутные тени бегают на низком потолке, мороз скрипит и злится за стеною – и чудится скучный, ноющий старческий шёпот...

Окончательный вариант: Нагоревшая свеча трещит, беглые тени колеблются на низком потолке, мороз скрипит и злится за стеною – и чудится скучный, старческий шёпот...

4. Свеча трещит и гаснет... Окончательный вариант: Свеча меркнет и гаснет...

«Мы ещё повоюем!»

1. Я шел однажды по большой дороге, полный озабоченных дум.

Окончательный вариант. Полный раздумья, шел я однажды по большой дороге.

2. Мы еще поживем, черт возьми!

Мы еще поозорствуем, черт возьми!

Окончательный вариант: Мы еще повоюем, черт возьми!

Необходимо при каждом подходящем речевом материале использовать предлагаемые типы заданий на всех этапах обучения.

При изучении романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» можно обратить внимание учащихся на разнообразие синонимов к слову *говорить*. Составление списка синонимов можно поручить одному ученику, а затем обсудить его сообщение, отметив наиболее выразительные средства обозначения процесса речи.

Разумеется, аналогичные задания могут сопровождать и изучение творчества других писателей и поэтов.

Надеемся, что эти и другие наши задания понравятся вашим ученикам и помогут им открыть в себе скрытые языковые способности.

Проблемы изучения словосочетаний в лингвометодике.

Несмотря на большое количество работ, посвященных исследованию словосочетания, в лингвистике нет даже общепринятой дефиниции их, так как нет единства мнений в трактовке этой синтаксической единицы.

Обобщая наблюдения исследователей, примем за основу следующее определение: *словосочетание – это непредикативное сочетание двух (и более) знаменательных слов, связанных между собой грамматически и по смыслу* (1).

Словосочетание и предложение – основные единицы синтаксиса, поэтому проблемы словосочетания и предложения были и остаются центральными в синтаксической теории.

Отметим несколько дискуссионных вопросов, не получивших непротиворечивых ответов или вообще не привлекавших внимания исследователей.

I. Традиционной является проблема соотношения словосочетания и предложения (2).

Основное различие между ними заключается в том, что предложение – коммуникативная единица языка, а словосочетание – некоммуникативная.

Однако не вполне ясным остается вопрос о различиях между предикативными и непредикативными сочетаниями слов. Наличие оппозиции предполагает существование зоны переходности (3), которую занимают полупредикативные сочетания, включающие так называемые обороты (причастные, адъективные, сравнительные, инфи-

нитивные и др.). Открытым остается вопрос: можно ли квалифицировать как словосочетания полупредикативные сочетания?

Рассмотрим соотношение препозитивного и постпозитивного причастного оборота.

1. *Люблю до дыр зачитанные книги.* (М. Матусовский.) –

2. *Люблю книги, зачитанные до дыр.*

В первом предложении выделяем словосочетания: *зачитанные книги, до дыр зачитанные*. Во втором предложении бесспорным словосочетанием является *зачитанные до дыр*. Можно ли считать словосочетанием *книги, зачитанные*? Очевидно, что при инверсии причастного оборота изменяются синтаксические связи причастия и существительного, смысловая и интонационная цельность сочетания разрушается.

Однако можно выделить сложное словосочетание *книги, зачитанные до дыр*, для которого характерно наличие смысловой и грамматической связи: определительные отношения выражены подчинительной связью (согласованием).

Аналогичные отношения между предикативными и полупредикативными сочетаниями характерны и для предложений, включающих адъективные обороты: *Анна смотрела не нее мокрыми от слез глазами.* (Л. Толстой.) – *Анна смотрела на нее глазами, мокрыми от слез.*

Вопрос о выделении сложных словосочетаний типа *книги, зачитанные до дыр* и *глаза, мокрые от слез* остается открытым.

На шкале переходности предложения с обособленными причастными и адъективными оборотами занимают промежуточное положение между простыми и сложными.

II. Бесспорными словосочетаниями являются субстантивные сочетания, построенные по модели *прилаг. + сущ.*

В предложениях прилагательное выполняет функцию определения. Большинство ученых рассматривает приложение как разновидность определений. Несмотря на функциональную близость согласованных определений и приложений, приложения в системе определений занимают особое положение, так как с определяемым словом их связывают полупредикативные отношения. По мнению А.А. Шахматова, приложение в сочетании *Михаил кузнец*

с определяемым словом находится в оппозиционных отношениях, которые «стоят в тесной связи с **предикативными** и могут вытекать из них...» (4).

Сравните:

1. *Сегодня прошел замечательный **дождик** – серебряный **гвоздик** с алмазною иляпкой.* (Д. Кедрин.)
2. *Могучий **лѣв**, **гроза** лесов, лишился силы.* (И. Крылов.)
3. ***Рѣка Москва** закована в гранит.* (В. Лебедев-Кумач.)
4. *Ночевала тучка золотая на груди **утѣса-великана**.* (М. Лермонтов.)
5. *И из ночи плывет **громада-город** в тысячах огней.* (В. Панова.)

Степень предикативности в выделенных сочетаниях различна и зависит от ряда факторов: степени распространенности приложений, от наличия / отсутствия обособления, от места приложения по отношению к определяемому слову и др.

Можно ли считать сочетание приложения с определяемым словом словосочетанием?

III. Деление словосочетаний на синтаксически свободные и синтаксически несвободные (цельные) обусловлено их участием в формировании членов предложения, которые представляют собой структурно-семантические компоненты предложения, связанные между собой синтаксическими связями и отношениями (5).

Компоненты синтаксически свободных словосочетаний в составе предложения занимают позицию разных членов предложения, а цельных – позицию одного члена предложения. Деление словосочетаний на синтаксически свободные и несвободные возможно только с учетом их функционирования в составе предложения.

Наличие оппозиции: синтаксически свободные (А) и синтаксически несвободные (Б) словосочетания – обуславливает наличие зоны переходности, которая пока не стала предметом специальных исследований.

Так, количественно-именные словосочетания с числительными в роли главного слова всегда занимают одну синтаксическую позицию: *Три девицы под окном пряли поздно вечерком.* (А. Пушкин.) Аналогичную функцию выполняют и словосочетания с главным словом-существительным,

имеющим количественную семантику: *количество ошибок, множество дорог, большинство участников* и т.д. Неоднозначно решается вопрос о характере словосочетаний, в которых главным словом являются существительные, обозначающие совокупность кого-либо, чего-либо: *табун лошадей, стадо коров, отара овец, стайка воробьев, тьма ошибок, масса тетрадей* и т.д.

Открытым остается и список цельных словосочетаний, да и сам критерий их выделения требует конкретизации. Вопрос о семантической полноте / неполноте членов предложения допускает вариативные решения, нередко не имеющие объективных обоснований.

Так, словосочетания типа *всё новое, что-то новое, ничего нового* и под. обычно рассматриваются как цельные (6).

Местоимения *что-то* и *ничего* по соотношению с другими частями речи входят в разряд местоимений-существительных, поэтому их можно считать стержневыми. Сложнее выделить главное слово в словосочетаниях с местоимением-прилагательным *всё*, так как первичной синтаксической функцией для определительных местоимений и прилагательных является функция определения. Оба слова в словосочетании *всё новое* субстантивируются при одиночном употреблении: *Всё тихо. Новое всегда вызывает интерес.*

В словосочетаниях типа *всё новое, что-то новое, ничего нового* каждый компонент важен для семантики: *всё* вносит обобщение, *что-то* – неопределенность, *ничего* – отрицание. Адъективная форма подвергается частичной субстантивации, так как именно она называет предмет речи / мысли:

Словом, *ничего путного* из посещения Вены не получалось. (А.Н. Толстой.)

Теперь, при свете лампы и в присутствии гувернантки, в ней (птице) не было *ничего страшного*. (Л. Чарская.)

Степень цельности таких словосочетаний зависит от ряда факторов, среди которых особое значение имеют наличие адъективных оборотов и, особенно, их обособление, дистанционный разрыв, наличие сочиненного ряда адъективных форм, инверсия компонентов словосочетаний и др. Например:

Всё, знакомое мне с детства, промелькнуло в сознании. (К. Васильев.)

Что-то хорошее, светлое, радостное наполнило мою душу. (Л. Чарская.)

Тригорин. Ему не везет. Все никак не может попасть в свой настоящий тон. **Что-то странное, неопределенное, даже похожее на бред.** Ни одного живого лица. (А. Чехов.)

Поутру вылезли на берег. **Особенного** здесь **ничего** не было: песок, сосны. (А.Н. Толстой.)

Ничего грубого, смешного не было в ее [Нюрочки] костюме. (Л. Чарская.)

Однако остается дискуссионным ряд вопросов: Какое слово в таких словосочетаниях является главным? К какой части речи относятся адъективные формы? Сохраняется ли цельность при дистантном расчленении? Являются ли цельными словосочетания типа: *кто-то чужой, где-то в Сибири, где-то далеко, когда-то в детстве, когда-то давно; рано утром, поздно вечером; высоко в горах, далеко в море* и др.? Ответы на эти вопросы может объяснить цельность обстоятельств. Например: *Высоко в горы вполз уж и лег там, свернувшись в узел и глядя в небо.* (М. Горький.)

Вопросов больше, чем ответов.

IV. Не все лингвисты признают сочинительные словосочетания, между тем у сочинительных словосочетаний много общего в строении и значении с подчинительными. Особенно важно следующее положение.

Сочинительные словосочетания, как и подчинительные, имеют системный характер: сочинение и подчинение характеризуются изоморфизмом. Эти категории проявляются на всех уровнях синтаксической системы: на уровне словосочетания – подчинительные и сочинительные словосочетания, на уровне простого предложения – члены предложения с подчинительной связью и однородные члены, на уровне сложного предложения – сложноподчиненные и сложносочиненные предложения.

Цельность сочинительных словосочетаний в составе предложения может быть усилена союзами, обобщающими словами, членами предложения, общими для компонентов сочинительного словосочетания, общими частицами и т.д. Например:

Все: вода, тот дождливый серый берег – гремело и бурлило, колыхалось перед глазами и несло вкось, как в бредовом жару. (Ю. Бондарев.)

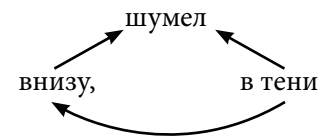
*Русские реки вошли в историю и быт **страны**, в ее экономику и народную поэзию, в литературу и живопись...*
(К. Паустовский.)

Цельность сочинительных словосочетаний (блоков однородных членов предложения) может быть ослаблена дистантным разрывом, расширением компонентов словосочетаний и рядом других факторов.

V. В общей системе синтаксических связей и отношений обычно называются только *подчинение* и *сочинение*, а между тем эта система не является полной без включения в нее пояснения и уточнения, которые четко не дифференцированы. Если признать существование подчинительных и сочинительных словосочетаний, то закономерно поставить вопрос о выделении пояснительных и уточнительных словосочетаний типа: *пурга, то есть метель; вчера, поздно вечером; на околице, у самого леса* и др.

Так, из предложения *Внизу, в тени, шумел Дунай* (Ф. Тютчев) можно выделить сложное словосочетание *внизу, в тени, шумел*, в составе которого есть уточнительное словосочетание *внизу, в тени*. Оба компонента этого словосочетания подчинены стержневому глаголу, второй компонент уточняет первый.

Сложное словосочетание *внизу, в тени, шумел* можно представить в виде следующей схемы:

VI. Предметом скрытых дискуссий остается вопрос о соотношении компонентов словосочетаний и членов предложения, а также вопрос о возможности изучения распространителей главных членов в системе словосочетаний и т.д.

Практика преподавания русского языка в вузе и школе диктует необходимость сохранения системы членов предложения – как главных, так и второстепенных. В структурно-семантическом направлении активно исследуется многоаспектность предложения в терминах членов предложения, представляющих собою фокус, вовлекаю-

ций в свою орбиту разнообразные положения новых синтаксических теорий, нередко дополняющих традиционные характеристики членов предложения, дополняющих их описанием новых аспектов (структурных, семантических, коммуникативных и др.) (8).

При исследовании единиц языка и речи на синтаксическом уровне необходима как детализация объектов изучения, так и обобщение наблюдений.

Чем мельче изучаемый факт языка и речи, тем больше можно узнать не только о нем, но и обо всей системе единиц синтаксиса. Однако в частных наблюдениях можно и потерять видение системы, общей картины связей и отношений синтаксических единиц, а без их взаимосвязи и взаимодействия нет синтаксиса.

Исключительное внимание к словосочетаниям в 50–60-е годы сыграло, несомненно, положительную роль в познании структуры и семантики компонентов словосочетания, но при этом было утрачено (или ослаблено) представление об их месте в общей системе синтаксических единиц. Неудивительно поэтому утрата интереса к словосочетаниям, поиски иных предметов для синтаксических исследований.

Традиционная пятичленная система членов предложения с учетом достижений одноаспектных исследований и зоны переходности вновь стала центром синтаксических исследований в структурно-семантическом направлении.

Ответы на поставленные проблемные вопросы могут осветить темные места теории словосочетаний. Внимание к словосочетанию, изучение свойств словосочетания готовит к изучению предложения, связей и отношений между членами предложения.

Литература.

1. См.: *Бабайцева В.В.* Подчинительные и сочинительные словосочетания // *Русский язык в школе.* 2006. № 4.
2. См., например: *Прокопович Н.Н.* Словосочетания в современном русском литературном языке. – М., 1966; *Белошапкова В.А.* Современный русский язык: Синтаксис. – М., 1979; *Скобликова Е.С.* Современный русский язык: Синтаксис простого предложения. – Самара, 1993 и др.

3. *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. – М., 2000.

4. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. – Л., 1941. – С. 280.

5. См.: *Бабайцева В.В.* Система членов предложения в современном русском языке. – М., 1988.

6. См.: *Высоцкая И.В.* Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. – М., 2006.

7. См. подробнее: *Белошапкова В.А.* Современный русский язык: Синтаксис. – М., 1979; *Скобликова Е.С.* Современный русский язык: Синтаксис простого предложения. – Самара, 1993; *Бабайцева В.В.* Подчинительные и сочинительные словосочетания // *Русский язык в школе.* 2006. № 4 и др.

8. См.: *Чеснокова Л.Д.* Семантические типы членов предложения с двойными отношениями. – Ростов-на-Дону, 1973; *Бабайцева В.В.* Изучение членов предложения в школе. – М., 1975; *Чеснокова Л.Д.* Учение о членах предложения в аспекте статических и динамических моделей языка // *Предложение как многоаспектная единица языка.* – М., 1984; *Фурашов В.И.* Несогласованные определения в современном русском языке. – М., 1984; *Лекант П.А.* Типы и формы сказуемого в современном русском языке. – М., 1986; *Бабайцева В.В.* Система членов предложения в современном русском языке. – М., 1988; *Герасименко Н.А.* Бисубстантивный тип русского предложения. – М., 1999; *Лекант П.А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М., 2004.

Некоторые вопросы комплексного анализа текста на уроках русского языка.

В последние годы в научной и учебной литературе много внимания уделяется лингвистике текста, дискутируется само понятие текста, разрабатывается методика его анализа и т.д. Нам также уже приходилось писать о значении комплексного анализа текста для практики школы и приводить образцы анализа (см. статью: Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д. Комплексный анализ текста на уроке русского языка // Русская словесность, 1997, № 3). Но, как кажется, назрела необходимость еще раз обратиться к проблемам школьного анализа текста.

В самом деле, **что такое текст?**

Слово это, как показывают толковые словари русского языка, многозначное: это и вообще что-либо написанное, и содержание написанного (*текст книги, стихотворения, доклада* и т.д.) и отрывок из какого-либо произведения и др.

В лингвистике текст рассматривается как продукт речи, устной или письменной. Т.М. Николаева в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» так определяет это сложное понятие: «Текст (от лат. *textus* – ткань, сплетение, соединение) – объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» (М., 1990, с. 507).

В школьном курсе текст выделяется как синтаксическая единица наряду со словосочетанием и предложением. В следующем определении текста учитываются его основные свойства: связность и цельность, осуществляемые грамма-

тическими, лексическими и лексико-грамматическими средствами. Итак, **текст – это сочетание предложений (простых и сложных), связанных между собой по смыслу и грамматически.** Это определение позволяет трактовать текст и как небольшое по объему произведение, и как часть, отрывок из какого-либо произведения. (В редких случаях текстом может быть и одно предложение.)

Разновидности анализа текста.

Анализ текста может быть литературоведческим и лингвистическим. При первом – в центре внимания идейно-тематическое содержание произведения, при втором – языковые средства. Разумеется, при анализе идейно-тематического содержания мы не можем и не должны обходиться вниманием художественно-изобразительные средства, а при лингвистическом анализе не можем полностью игнорировать содержательную сторону текста.

Тот вид анализа текста, который разрабатывается сейчас в вузе и школе, может быть назван **филологическим**, или **комплексным**, так как в нем сочетается литературоведческий и лингвистический анализ, причем преобладает последний. На уроках русского языка в школе анализ текста должен иметь лингвистическую ориентацию. Естественно поэтому, что при школьном анализе прозаического текста, представляющего собой чаще всего фрагмент какого-либо произведения, нельзя требовать анализа идейного содержания произведения. В предлагаемый план анализа включается только определение темы данного отрывка (а не всего произведения).

Типовая схема анализа текста.

Бесспорно, единой схемы анализа текста не может быть, так как тексты индивидуальны. Но столь же очевидно и другое: для учащихся (и не только для них!) необходимо наметить общие ориентиры, узловые пункты, которые могли бы служить своеобразными вехами при анализе любого текста.

В связи с этим в моей книге (Бабайцева В.В. Русский язык. 5–9-е классы. Учебник для учебных заведений с углубленным изучением русского языка. М.: Дрофа, 1997) я предложила следующий вариант **плана анализа текста**:

I. Определите **тему** текста. Отметьте средства, позволяющие это сделать:

- а) начало текста;
- б) ключевые слова, ключевые предложения и др.

II. Определите **тип** текста (описание, повествование, рассуждение).

III. Укажите **синтаксические особенности** текста:

- а) количество предложений и преобладающие типы предложений;
- б) способ связи предложений (цепной, параллельный и т.п.);

в) отметьте средства связи частей текста, способствующие созданию его смысловой и грамматической цельности: порядок слов (чередование данного и нового); градацию ударений (расставьте смысловые ударения для чтения); лексические повторы, местоимения-заместители, союзы и др.

IV. Определите **стиль** текста:

а) охарактеризуйте влияние речевой ситуации на стиль текста (где и с кем происходит общение?):

б) выясните, к какому функциональному стилю принадлежит текст: разговорный или книжный; научный, деловой, публицистический или художественный;

в) найдите стилистические средства: лексические; словообразовательные (морфемные); морфологические; синтаксические.

V. Дайте **орфографический и пунктуационный комментарий** к тексту.

В предлагаемом плане выделены **пять узловых пунктов**: определение **темы**, определение **типа речи**, анализ **синтаксических свойств** текста, **стилистические** наблюдения, **орфографический и пунктуационный** комментарий. Эти пять пунктов легко запомнить, так как они связаны логикой рассуждения. Два первых пункта нацелены преимущественно на выявление смысловой цельности текста, а пункт третий (анализ синтаксиса) – на выявление цель-

ности грамматической. Типы речи нередко обусловлены темой. Например, пейзажные зарисовки и портретные характеристики предполагают описание, рассказ о событиях, длящихся во времени, – повествование и т.д.

Конкретизация пяти основных пунктов в виде более частных вопросов и заданий происходит и усваивается в процессе работы над анализом реальных текстов.

Предлагаемый план не догма, а своеобразный путеводитель, указывающий общее направление анализа. Он не запрещает уделять больше внимания средствам, создающим своеобразие того или иного текста, – фонетическим, морфемным, лексическим, фразеологическим и др. Наоборот, средства языка, нейтральные для анализируемого текста, можно охарактеризовать кратко.

Дадим теперь краткий комментарий к выделенным узловым пунктам.

Предварительное произнесение текста.

Анализу любого текста должно предшествовать чтение текста вслух. О важности чтения текста вслух писал выдающийся лингвист Л.В. Щерба: «Несомненно, что при известных условиях жизни в той или другой мере развивается письменный язык, не рассчитанный на произнесение <...> Однако это не изменяет основного, нормального положения, в силу которого нашим языком является лишь произносимый язык: он имеет непосредственные смысловые ассоциации, тогда как письмо, текст получают их лишь через его посредство. Следовательно, всякий текст требует для своего понимания еще перевода на произносимый язык, и это оказывается вовсе не таким простым и легким» – Опыты лингвистического толкования стихотворений, I // *Щерба Л.В. Избр. работы по русскому языку*. М., 1957 (см. также: *Щерба Л.В. «Русский язык»*, № 21/98, с. 7. – *Ред.*).

На уроке все ученики не смогут прочитать текст вслух, но каждый может прочитать его хотя бы шепотом. Например, чтение вслух или шепотом легко покажет ученикам торжественную напевность следующего лермонтовского текста:

*Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор.
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается...*

Потом, анализируя роль порядка слов, ученики смогут связать торжественность звучания с инверсиями членов предложения.

О роли синтаксического уровня.

Работая над текстом, обычно детально рассматривают лексику и фразеологию (часто с экскурсами в этимологию), а про синтаксис забывают или дают задания типа: «Составьте схему выделенного предложения», «Произведите анализ выделенного предложения». При этом предложения для разбора выбирают из текста случайно, не связывая это задание с темой и стилистическим характером текста. Не хочется умалять важность анализа словаря, нередко составляющего специфику текста на нейтральном синтаксическом фоне. Но нельзя согласиться и с игнорированием анализа синтаксической структуры текста, с непониманием важности самого пристального внимания к строению текста.

Между тем синтаксис – высший уровень языковой системы, и именно на уровне синтаксиса проявляются функциональные свойства единиц языка остальных уровней: фонетического, лексического, морфемного, морфологического.

Классический образец анализа текста, отражающий взаимодействие содержания текста и синтаксиса, дал академик В.В. Виноградов в статье «Стиль «Пиковой дамы»». Последовательно показывая «синтаксическую изобразительность», проявляющуюся и в строении предложений, и в порядке следования предложений и слов, и в характере употребления союзов, уделяя особенное внимание соотношению видо-временных форм глагола, В. В. Виноградов отмечает, что повесть полна *психологизма* и вместе с тем характеризуется *лаконической простотой*, «формами моторной изобразительности», различными «субъектно-

экспрессивными формами синтаксиса». В.В. Виноградов приходит к выводу: «Все эти своеобразия приемов выражения и изображения говорят о том, что организационным **центром, управляющим движением словесной стихии** в повествовательном стиле Пушкина, **является синтаксис** (выделено мной. – В.Б.)» (Виноградов В.В. Избр. труды: О языке художественной прозы. М., 1980, с. 226).

Я не пересказываю здесь подробно статью В.В. Виноградова. Она велика по объему, к тому же при пересказе теряется глубина к прелесть наблюдений великого ученого. Очень советую прочитать (или перечитать) статью «Стиль «Пиковой дамы»» всем, кто занимается лингвистическим анализом текста или просто хочет заново воспринять пушкинскую повесть. (Полезно прочесть и переизданную в том же томе «Избранных трудов» более раннюю книгу В.В. Виноградова «О художественной прозе». – Ред.). Разумеется, так глубоко и всесторонне анализировать текст, как это делал В.В. Виноградов, дано далеко не каждому ученому. Тем более не приходится требовать этой глубины и оригинальности от учащихся. Но поучиться у В.В. Виноградова самому пристальному вниманию к синтаксическим свойствам анализируемого текста можно и должно.

Типы предложений и их соотношение в тексте.

В школьной практике анализ синтаксических свойств текста предлагается начинать с общего подсчета количества предложений в тексте. Естественно, такой подсчет не всегда свидетельствует о своеобразии текста. Но он побуждает учеников обратить внимание на то, какие типы предложений представлены в тексте, а это уже может дать материал для предварительных выводов. Преобладание простых, сложных бессоюзных и неполных предложений может свидетельствовать о разговорном стиле, а преобладание сложных предложений, особенно многокомпонентных, – о книжном. Еще более красноречиво сравнение предложений по цели высказывания: вопрос, побуждение и т.д.

Синонимика двусоставных и односоставных предложений, причастных и деепричастных оборотов и придаточных

предложений – важнейшее средство выражения тончайших оттенков смысла и дифференциации стилей, дополняющее синонимические средства других уровней языковой системы. Сравните следующие синонимичные предложения: *Просьба не курить. Просят не курить. Курить запрещается. Курить запрещено. У нас не курят. Здесь нельзя курить* – и т.д. Что объединяет эти предложения? Запрещение курения. Эта общая мысль выражается разными типами предложений: разными по структуре (двусоставными и односоставными), разными по отношению к утверждению и отрицанию (утвердительными и отрицательными), разными по категоричности запрета и т.д.

Односоставные предложения в русском языке чаще, чем в других языках, используются в разных стилях. Очень выразительны **неопределенно-личные** предложения. Их форма очень удобна для маскировки действующего лица. Действие намеренно отвлекается от деятеля. Выяснение причин неопределенности деятеля в конкретном тексте позволяет понять смысловую и стилистическую нагрузку неопределенно-личных предложений. Например:

- *А на улицу что не идешь?*
- *Не пускают. Кашляю...*

И градусник ему ставят часто потому, что боятся, как бы он совсем не сгорел. (Ю. Яковлев. Сын летчика.)

Из текста рассказа Ю.Яковлева читателю известно, что все эти действия (*не пускают, ставят, боятся*) совершает Володькина мама, но мальчику не хочется называть маму в беседе со взрослым другом.

Другой пример.

– *Ты смеешься, а смеяться тут совсем нечему. Это горько, а не смешно. Говорят о требовательности, а думают о благополучии и лишней двойкой боятся это благополучие испортить.* (Г. Медынский. Повесть о юности.)

Двоек не ставит директор школы, но говорящий намеренно его не называет, и неопределенность позволяет ему обобщить свои выводы.

- *Откуда у тебя эти сережки? – спросил Илья.*
- *Подарили <...> Они похожи на матовые лампочки, правда? <...> Это Самарин сказал, что похожи. Он и подарил.* (И. Герасимов. И возвращаются ветры.)

Предложения *Подарили...* и *Он и подарил* различны по строению и смысловым оттенкам. Конкретизация действующего лица лишает двусоставное предложение оттенка кокетливого лукавства, свойственного в данном контексте неопределенно-личному предложению.

Еще более богата оттенками смысла синонимика двусоставных и безличных предложений. Сравните личные и безличные формы одних и тех же глаголов в следующих примерах:

Вы не верите слезам... Но я плачу не для вас: мне просто плачется. (И. Гончаров. Фрегат «Паллада».)

Голосу нет – душа поет. Не я пою, мне поется. (В. Даль. Пословицы русского народа.)

Плачет где-то иволга,

Схоронясь в дупло.

Только мне не плачется –

На душе светло.

(С. Есенин.)

В стихотворении Л. Мартынова «Кто дал тебе совет...» столкновению синонимичных двусоставных и односоставных предложений, скрепленных повтором сказуемого, принадлежит едва ли не центральное место в системе изобразительных средств:

Кто дал тебе совет, закончив счет побед,

А также и потерь,

Теперь, замкнувши дверь, угреться и забыться?

Ты этому не верь! Так не случится!

Не спишь?

Не ты один. И ей всю ночь не спится.

Она полна машин, полна афиш, витрин

И вновь полна мужчин, смеясь не без причин,

Не спит

Столица.

Ничто не спит во мгле –

Кипит асфальт в котле, кипит вино в бутылках,

Не спят, летя на крыльях, не спят в автомобилях,

Не спит огонь в золе,

И зреет на земле

Очередное чудо.

*Предугадать его
Имеешь полномочья.
Быть может, оттого
Тебе не спится
Ночью!*

Тип речи и средства связи речи между предложениями.

Способ связи предложений обычно обусловлен типом речи: цепной характерен для повествования, параллельный – для описания.

Уже при первых опытах анализа текста нужно привлекать внимание учеников к поискам средств связи частей текста, особенно союзов и местоимений. Более полные теоретические сведения о средствах связи между предложениями учащиеся приобретут при изучении морфологии и синтаксиса. Так, знания об инверсии и о логическом ударении они получают лишь при изучении синтаксиса, но и до этого учитель может обращать внимание учеников, скажем, на роль инверсии в анализируемом тексте, на особенности чередования «данного» и «нового».

Как известно, **цепной связью** называется последовательная связь второго предложения с первым, третьего со вторым и т.д. Например:

Я шел по дороге и сзади себя услышал крик. Кричал мальчик-пастух. Он бежал полем и на кого-то показывал. (Л. Толстой.)

Тип речи в этом примере – повествование, связь между предложениями – цепная.

Схема связей имеет в данном случае вид:

[1] ← [2] ← [3]

(в квадратных скобках указаны порядковые номера предложений).

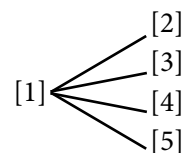
Первые два предложения связаны однокоренными словами *крик* – *кричал*. В первом предложении слово *крик* обозначает новое, во втором предложении слово *кричал* обозначает данное. Этим объясняется инверсия подлежащего и сказуемого. Третье предложение связано со вторым место-

имением *он*. Во втором предложении сочетание *мальчик-пастух* обозначает новое, а в последнем предложении местоимение *он* указывает на данное, известное по предыдущему предложению.

Параллельной связью называется соподчинение второго, третьего и т.д. предложений первому. Например:

Небо каждую минуту менялось (1). Оно безудержно щедро, ярко и волшебнo (2). По нему плещутся бесшумные волны, отливая зеленью и бархатистой синевой (3). А над краем земли мраморные колонны встают, и все небо вокруг выстилается блестящими плитами (4). По плитам раскатываются льняные и ржаные снопы, струятся многоцветные шелка, и огромные прясли из алмазного частокола поднимаются звеньями у горизонта (5). (В. Астафьев.)

Тип речи в этом примере – описание (описывается северное сияние). Тип связи – параллельный. Схема связей между предложениями будет иметь вид:

Предложения 2, 3, 4, 5 (среди них – два простых и два сложных) раскрывают, конкретизируют содержание первого предложения.

Второе и третье предложения связаны с первым местоимениями (*оно, по нему*). Четвертое предложение связано с третьим союзом *а*. Два последних предложения связаны лексическим повтором (*плитами* – *по плитам*). То, что в предыдущих предложениях было новым, в последующих становится данным.

Наблюдения над стилем.

Значимость нейтрального стиля.

Наиболее сложной, но чрезвычайно важной частью анализа текста является определение его стиля. Стиль – разновидность литературного языка, которая характеризуется особой совокупностью языковых средств для выражения тех

или иных идей, мыслей в соответствии с назначением текста, его содержанием и жанром. «Знать в совершенстве язык – значит владеть его стилями», – пишет Г.Я. Солганик, автор интересной книги «Стилистика русского языка: 10–11-е классы» (М.: Дрофа, 1996, с. 14).

Среди языковых средств, ярко характеризующих разнообразие стили, выделяются лексические средства: архаизмы, историзмы, диалектизмы, просторечная лексика, неологизмы. Их нетрудно выделить в тексте и нетрудно показать их стилистическую нагрузку. При анализе попытайтесь показать ученикам, почему автор выбрал именно данное слово из «тысячи тонн словесной руды» (выражение В.В. Маяковского). Полезно показать столкновение смыслов при употреблении антонимов и т.д.

Продemonстрировать при анализе выразительность тех элементов, которые как бы заранее отнесены языком к числу художественно-изобразительных средств, тоже, в общем, нетрудно. Самым же трудным в анализе лексического состава текста является умение увидеть **выразительность** самых **нейтральных** слов и **синтаксических конструкций**.

Так, А.С. Пушкин в «Пиковой даме» выражает состояние Германна, ждущего возвращения домой старой графини, следующим образом: *Все было тихо. В гостиной пробило двенадцать; по всем комнатам часы одни за другими прозвонили двенадцать, – и все умолкло опять <...> Часы пробили первый и второй час утра, – и он услышал дальний стук кареты.* Язык предельно прост, но этот текст прекрасно передает состояние Германна, его нетерпение. В.В. Виноградов писал по поводу этого отрывка: «...и подбор слов, и строение предложений с глаголами, обозначающими звучание и слуховые восприятия, и отрывистый, «раскрошенный» стиль речи – все это символизирует ощущение напряженного вслушивания, состояние страстного ожидания» (Виноградов В.В. Указ. соч. С. 224).

Аналогичный прием передачи «страстного ожидания», основанный на перечислении сменяющих друг друга временных отметок, находим в «Облаке в штанах» В.В. Маяковского:

– Приду в четыре, – сказала Мария.

Восемь.

Девять.

Десять.

Анна Ахматова выражает душевное состояние лирической героини, казалось бы, незначительной деталью:

Я на правую руку надела

Перчатку с левой руки...

«Прелестью нагой простоты» (выражение А.С. Пушкина) поражают пейзажные зарисовки в романе «Евгений Онегин». Художественная выразительность создается верностью наблюдений и точностью их передачи. Возьмем описание прихода зимы в строфах XXIX–XXX главы седьмой:

Вот север, тучи нагоняя,

Дохнул, завыл – и вот сама

Идет волшебница зима.

Пришла, рассыпалась клоками

Повисла на суках дубов;

Легла волнистыми коврами

Среди полей, вокруг холмов;

Брега с недвижною рекою

Сравняла пухлой пеленою;

Блеснул мороз. И рады мы

Проказам матушки зимы.

Мороз не ударил, не затрещал, а **блеснул**. Какой емкий смысл в этом необычном сочетании – *Блеснул мороз!* Мороз заставил блестеть снежные клочья на суках дубов, волнистые ковры на полях, пухлую пелену снега на реке... Читатель **видит** изображаемую картину.

Анализ полный и выборочный.

Роль отдельных языковых категорий и явлений.

Анализ текста может быть полным и выборочным (неполным).

Полный анализ текста требует большой затраты времени, поэтому его можно проводить лишь после изучения какой-либо темы, раздела. При этом желательно использовать такие тексты, анализируя которые можно показать роль изучаемых в данный момент языковых средств. Это является прекрасной мотивацией ценности теоретических знаний.

При неполном анализе текста целесообразно привлечь внимание учащихся к роли отдельных языковых единиц в создании цельности текста, его стилистической окраски и т.д. В некоторых случаях можно ограничиться комментированием отдельных слов и выражений (например, архаизмов, историзмов, неологизмов и т.д.), замечаниями по поводу морфемного состава слов и построения синтаксических конструкций.

Теоретические сведения, необходимые для анализа текста, накапливаются постепенно, в процессе изучения разделов курса. В указанном выше учебнике В.В. Бабацовой в специальных параграфах отмечается роль существительных, глаголов и прилагательных в речи, последовательно указывается и функциональное назначение остальных знаменательных и служебных частей речи.

Приведу несколько примеров. Хорошо известно, как важны **фонетические** средства языка, нередко используемые для создания звукописи:

*Шипенье пенистых бокалов
И пуниша пламень голубой...* (А. Пушкин.)

*Идет-гулет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!* (Н. Некрасов.)

При анализе стихотворения М.И. Цветаевой, посвященного Б.Пастернаку, нужно выяснить значение **графического** отделения приставок:

*Рас-стояние: версты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли...*

Этот прием обнажает **словообразовательное** (морфемное) значение приставки *раз-* (*рас-*), чем создается особый смысловой эффект, дополняющий и осложняющий речевой смысл отдельных предложений и текста в целом.

При анализе **морфологических** свойств текста, имеющих стилистическое значение, можно привлечь внимание учащихся к стилистической окраске синонимических пар имен: *Мария – Марья, Анастасия – Настасья, Наталия – Наталья* и др.; к различиям форм существительных в род. п. мн. ч.: *сто граммов – сто грамм* и т.д.

Из морфологических средств особенно важны для определения типа речи **глагольные формы**. В уже упомянутом учебнике (§ 106) отмечается, что глаголы несовершенного вида часто употребляются в описательном тексте, а глаголы совершенного вида – в повествовательном. Сравним два примера:

*В небе радуга сияет.
Розы дождем омыты.
Солнце в зелени играет.*

Темный сад благоухает... (И. Никитин.)

Подъехав к господскому дому, он увидел белое платье, мелькающее между деревьями сада. В это время Антон ударил по лошадам и... пустился во весь дух через мост и мимо села. Выехав из деревни, поднялись они на гору... (А. Пушкин.)

В примере из И. Никитина – описание, в тексте А. Пушкина – повествование, причем в нем не только глаголы, но и деепричастия – совершенного вида.

Вид глагола является эффективным **средством дифференциации** описания и повествования в одном и том же тексте. Возьмем еще один пример из произведений И. Никитина.

*Уж кони у крыльца стояли.
От нетерпенья коренной
Сухую землю рыл ногой;
Порой бубенчики звучали.
Семен сидел на облучке,
В рубахе красной, кнут в руке;
На упряжь гордо любовался,*

*Глядел, глядел – и засмеялся,
Вслух коренного похвалил
И шапку набок заломил.
Ворота настежь отворили,
Семен присвистнул, туча пыли
Вслед за конями понеслась,
Не догнала – и улеглась.* (И. Никитин.)

Первая часть текста – описание статичной ситуации, вторая часть – повествование: действия следуют одно за другим. Граница типов речи обозначена первым знаком тире. Второе тире (в последней строчке) свидетельствует о неожиданности последнего действия.

Приведем примерные образцы комплексного анализа текстов разной степени сложности по предложенному типовому плану.

Образцы анализа текста в младших классах.

Уже в 5-м классе можно анализировать простейшие тексты после пропедевтического знакомства с темой «Понятие о тексте» (§ 33–36) учебника В.В. Бабайцевой. Разумеется, на этом этапе ведущую роль играет учитель, который должен помогать ученикам наводящими вопросами.

Текст № 1.

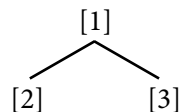
Утро было серое (1). *Под затвердевшим серым снегом серой была и деревня* (2). *Серыми мерзлыми лубками висело на перекладинах под крышами пунек белье* (3). (И. Бунин.)

Анализ по плану.

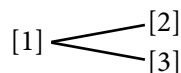
I. **Тема** текста раскрывается в первом предложении. Ключевые слова – *утро, деревня, серый*.

II. **Тип речи** – описание. Указываются признаки названных предметов. Основной признак предметов – цвет. Он серый. Повтор этого слова не только усиливает общее впечатление, но и служит средством связи частей текста.

III. В тексте три предложения; все предложения – простые. Тип связи – параллельный. Схема текста имеет вид:

или

IV. **Стиль** – художественный. Повтор слова *серый* не только средство связи предложений, но и средство художественной выразительности.

И. Бунин употребляет областное (диалектное) слово *пунька* – уменьшительно-ласкательное к *пуня* – ‘сарай для хранения сена’.

Текст № 2.

Слово **бег** – имя существительное. Во-первых, оно обозначает предмет.

Во-вторых, является существительным среднего рода, стоит в форме им. п. ед. ч.

В-третьих, в предложении может выполнять роль подлежащего или дополнения; может определяться прилагательным: **быстрый бег**.

Итак, слово **бег** обозначает предмет и имеет грамматические признаки существительного.

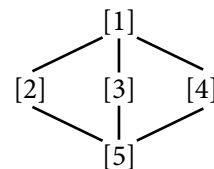
Анализ по плану.

I. **Тема** текста раскрывается в первом предложении. Это тезис (то, что надо доказать).

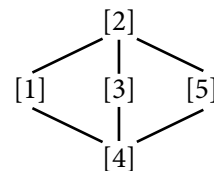
II. **Тип речи** – рассуждение. Доказательства (аргументы, доводы) перечисляются с помощью вводных слов: *во-первых, во-вторых, в-третьих*. Итоговый вывод формулируется с помощью вводного слова *итак*.

III. В тексте пять предложений.

Схема текста может быть изображена в виде:

или

В четырех предложениях есть вводные слова, а в трех – однородные члены предложения (сказуемые).

IV. **Стиль** текста – научный. Употребляются термины науки о языке: *существительное, прилагательное; род, падеж, число; подлежащее, дополнение*.

V. Запятые выделяют вводные слова и разделяются однородные сказуемые.

Образец анализа текста по предлагаемому плану в старших классах.

По мере изучения теоретических разделов курса (лексикологии, фразеологии, морфологии, синтаксиса и др.) комплексный анализ текста должен становиться полнее и доказательнее.

Приведу примерные образцы комплексного анализа текста, который можно проводить в старших классах.

Текст № 3.

*Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.*

*Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.*

*Над безбрежной жатвой хлеба
Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око. (А. Фет.)*

Анализ по плану.

I. **Тема** стихотворения – лето в поле. Прямого наименования темы нет, но о ней свидетельствуют ключевые слова и предложения:

Зреет рожь, жаркая нива, безбрежная жатва хлеба и др.

II. Тип речи

 – описание.

Об описательном типе речи свидетельствуют обилие прилагательных и глаголы в форме настоящего времени. Движения во времени нет. Описание статично.

III. В тексте три предложения: два сложносочиненных (одно из них включает придаточное) и одно простое. По цели высказывания предложения повествовательные. Способ связи предложений – параллельный.

Смысловая цельность создается темой текста.

IV. **Стиль** – книжный, художественный. Об этом свидетельствуют олицетворения: *ветер прихотливый, месяц изумлен, месяц робко смотрит* и др.

Для этого стихотворения характерна звукопись. В первом предложении звуко сочетания *ни* (4 раза), *нивы* (2 раза), рифмы *вой* и *вый*, *вы* встречаются и в рифменной позиции, и в середине строки, а обе рифменные пары: *нивой -прихотливый* и *нивы -переливы* – очень близки в звуковом отношении. Все это способствует возникновению музыкальной напевности, вызывающей желание повторять эти строчки, наслаждаясь их звучанием.

Лексика в основном общеупотребительная, нейтральная по стилистической окраске. Исключение составляют слова *очи* и *око*, широко употреблявшиеся в поэтической речи XIX века. Очень выразительно словосочетание *огнедышащее око*, в котором сложное прилагательное связано с причастиями старославянским по происхождению суффиксом *-ащ-*. Книжной стилистической окраской характеризуются глаголы *минул* и *смежает*. В переносном значении употребляются прилагательные в словосочетаниях *жаркая нива, золотые переливы*.

V. Схемы первых предложений объясняют их пунктуацию:

1. [–], и [–].
2. [– =, =], (что – =), но [= –].

Образец анализа текста, отступающий от типового плана.

В комплексном анализе текста № 3 я строго следовала предложенному плану, который, несомненно, дисциплинирует мысли и рассуждения. Но комплексный анализ текста может быть и более свободным, без нумерации разделов анализа.

Так, комплексный анализ стихотворения М.И. Цветаевой «Бабушке», идейно-тематическое содержание которого выражено прежде всего синтаксическими средствами, может иметь не связанную нумерацией форму изложения. Тем не менее логика анализа и здесь в известной мере соответствует предлагаемому типовому плану.

Текст № 4.

Бабушке.

*Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! – Кто целовал
Ваши надменные губы ?
Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица –
Локоны в виде спирали.
Темный, прямой и взыскательный взгляд,
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы ?
Сколько возможностей вы унесли,
И невозможностей – сколько ?
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!
День был невинен, и ветер был свеж,
Темные звезды погасли.
– Бабушка! – Этот жестокий мятеж
В сердце моем – не от вас ли?.. (М. Цветаева.)*

Может быть, перед анализом имеет смысл рассказать в классе об истории создания стихотворения. Стихотворение навеяно портретом молодой женщины, висевшим в московском доме Цветаевых. В соответствии с семейным преданием Цветаева считала, что на нем изображена ее бабушка, Мария Мейн (урожд. Бернацкая). И только позднее, через много лет после написания стихотворения, узнала, что на самом деле это портрет ее прабабки, графини Марии Лсдуховской (в замужестве Бернацкой).

Перейдем собственно к **анализу**.

На первый взгляд кажется, что тема стихотворения – бабушка. Но внимательное чтение текста показывает, что тема стихотворения – «жестокий мятеж в сердце» М. Цветаевой, а описание портрета позволило найти общее в душевном состоянии поэтессы и ее прабабки. Все содержание и форма стихотворения ориентированы на вопрос: *Этот жестокий мятеж В сердце моем – не от вас ли?..* Этому основному вопросу предшествуют три вопросительных

предложения, которые, будучи обращены к портрету, не рассчитаны на получение прямого ответа от адресата, но в то же время не являются и риторическими. Это медитативные вопросы, отражающие невысказанные предположения и размышления поэтессы и побуждающие читателя к аналогичным раздумьям...

Можно обратить внимание на градацию содержания вопросов – от лирического первого до самого важного, заключительного.

Серия номинативных предложений, создающих образ бабушки, не является набором типичных бытийных предложений, утверждающих бытие, наличие предметов, с соответствующей интонацией. Не случайны многоточия, это содержательные знаки, сигнализирующие о незавершенности, недосказанности... Односоставные предложения с определенным значением высвечивают те детали внешности гордой польки, которые передают ее внутренние качества. Лаконизм односоставных предложений позволяет привлечь внимание к эпитетам: *твердый овал лица, черного платья раструбы, надменные губы, ледяное лицо, темный, прямой и взыскательный взгляд* и многозначное присоединение к обороте *готовый*. Очевидно, что портрет изображает не легкомысленную молодую особу, а женщину с мятежным сердцем, ждущую невзгод и готовую к борьбе с ними.

Обратите внимание и на следующую деталь: в стихотворении говорится не о воланах черного платья, а о **раструбах**. Выбрано слово с согласными, создающими определенное звуковое впечатление чего-то жесткого, немягкого; **локоны** имеют вид *спирали...* И в этом – жесткость, острые, немягкие линии...

Перечень номинативных предложений представляет параллельный вид связи, характерный для описания.

Чрезвычайно выразительны обращения, особенно дважды прозвучавшее необычное сочетание слов *юная бабушка*. Экспрессивность сочетания создается контрастом юности и старости. Слово *юная* повторяется еще раз в предложении *Юные женщины так не глядят*, усиливающим противопоставление. Обращение *двадцатилетняя полька* информативно. И наконец – требовательное, без эпитетов *Бабушка!* в заключительных строчках.

Как показывает этот краткий анализ, лексические и фонетические средства выразительности упорядочены и организованы их синтаксическим фоном. Идейное содержание стихотворения органически связано с его синтаксической структурой.

* * *

Осознание того, как «сделан» текст мастерами художественного слова, помогает учащимся понять, что эти же средства языка есть и в их собственном распоряжении. Надо только уметь их найти, выбрать средства самые нужные, единственно точные для выражения собственных мыслей и чувств.

312 Находить их непросто, и учиться этому надо именно на классических образцах. Так комплексный анализ текста не только формирует лингвистическую компетенцию учащихся, но и развивает их устную и письменную речь.

Список трудов доктора филологических наук профессора В.В. Бабайцевой

Монографии.

1. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. – Мичуринск, 1963. – 12 п.л.
2. Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе. (Конструкции, сочетающие свойства двусоставных и односоставных (именных безличных) предложений). – Воронеж, 1967. – 25 п.л.
3. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1968. – 12 п.л.
4. Бабайцева В.В. Изучение членов предложения в школе. – М.: НИИ школ МП РСФСР, 1975. – 10 п.л.
5. Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. – М.: Просвещение, 1979. – 25 п.л.
6. Бабайцева В.В., Шаталова В.М. и др. Виды разбора на уроках русского языка. 2 изд., перераб. – М.: Просвещение, 1985. – 10 п.л.
7. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1988. – 10 п.л.
8. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М.: Дрофа, 2000. – 50 п.л.
9. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. – М.: Дрофа, 2004. – 25 п.л.
10. Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005: Сборник научных и научно-методических статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. – 32 п.л.

11. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в тексте. – М.: Дрофа, 2008. – 5 п.л.

12. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. В печ. – 50 п.л.

Школьные учебники.

1. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык. Экспериментальный учебник для 4–8 классов. – М.: Просвещение, 1982. – 12 п.л.

2. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык. Пробный учебник для 4–8 классов средней школы. – М.: Просвещение, 1988.

3. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык. Теория. Учебник для 5–9 классов общеобразовательных учебных заведений. Утверждено Министерством образования Российской Федерации. – М.: Просвещение, 1992.

4. Бабайцева В.В. Русский язык. Теория. 5–11 классы: Учебник для школ и классов с углубленным изучением русского языка. Допущено Министерством образования Российской Федерации. – М.: Дрофа, 1995.

5. Бабайцева В.В. Русский язык. Теория. 5–11 классы. Учебник для общеобразовательных учебных заведений. Допущено Министерством образования Российской Федерации. – М.: Дрофа, 1995. – 432 с. – 27 п.л.

6. Бабайцева В.В. Русский язык. Теория. 5–11 классы: Учебник для школ и классов с углубленным изучением русского языка. 2-е изд. Допущено Министерством образования Российской Федерации. – М.: Дрофа, 1997.

7. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык. Теория. Учебник для 5–9 классов общеобразовательных учебных заведений. 7-е изд., дополненное. Утверждено Министерством образования Российской Федерации. – М.: Просвещение, 1997.

8. Бабайцева В.В. Русский язык. Теория. 5–11 классы: Учебник для школ и классов с углубленным изучением русского языка. 2-е изд. Допущено Министерством образования Российской Федерации. – М.: Дрофа, 1998.

9. Бабайцева В.В. Русский язык. Теория. 5–11 классы: Учебник для школ и классов с углубленным изучением рус-

ского языка. 3-е изд., испр. Допущено Министерством образования Российской Федерации. – М.: Дрофа, 2000.

10. Бабайцева В.В. Русский язык. Теория. 10–11 классы: Учебник для общеобразовательных учреждений филологического профиля. Допущено Министерством образования Российской Федерации. – М.: Дрофа, 2004. – 447 с. – 28 п.л.

11. Бабайцева В.В. Русский язык. Теория. 5–11 классы: Учебник для углубленного изучения русского языка. 6-е изд., перераб. – М.: Дрофа, 2008. 441 с. – 27,5 п.л.

Учебники для вуза.

1. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. В трех частях. Ч. III. Синтаксис. Пунктуация. – М.: Просвещение, 1981. – 12 п.л.

2. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. В трех частях. Ч. III. Синтаксис. Пунктуация. 2 изд., перераб. – М.: Просвещение, 1987. – 12 п.л.

3. Бабайцева В.В., Николина Н.А. и др. Современный русский язык. Анализ языковых единиц. В трех частях. Ч. 3. Синтаксис / Под ред. Е.И. Дибровой. – М.: Просвещение-Владос, 1995.

4. Бабайцева В.В., Николина Н.А. и др. Современный русский язык. Анализ языковых единиц. В трех частях. Ч. 3. Синтаксис / Под ред. Е.И. Дибровой. Изд-е 2. – М.: Просвещение-Владос, 1997.

5. Бабайцева В.В., Николина Н.А. и др. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. В двух частях / Под ред. Е.И. Дибровой. – М.: Академия, 2001.

Статьи и материалы докладов.

1. Бабайцева В.В. Объяснительная записка к программе по русскому языку для 5–7 классов кабардинских школ. – Нальчик, 1951.

2. Бабайцева В.В., Алхимов Д.Н. О назначении устного орфографического разбора для грамотного письма и для развития мышления. – Нальчик, 1951.

3. Бабайцева В.В. О языке произведений М.В. Исаковского // Учёные записки Кабардино-Балкарского университета. Вып. 5. – Нальчик, 1953.
4. Бабайцева В.В. Некоторые вопросы изучения языка художественных произведений в школе // Материалы второй научно-практической конференции по вопросам преподавания русского и родного языков в школах КАССР. – Нальчик, 1954.
5. Бабайцева В.В. Переход кратких прилагательных в состав безлично-предикативных слов // Учёные записки Кабардино-Балкарского университета. – Нальчик, 1955. – Вып. 7.
6. Бабайцева В.В. Предложения с безлично-предикативными словами в русском языке (без инфинитива). АКД. – М., 1955.
7. Бабайцева В.В. Структура предложений с безлично-предикативными словами в современном русском языке // Учёные записки Кабардино-Балкарского университета. – Нальчик, 1957. – Вып. 2.
8. Бабайцева В.В. Предложения с местоимением ВСЁ и сказуемым – словом на «о» // Учёные записки Кабардино-Балкарского университета. – Нальчик, 1958. – Вып. 4.
9. Бабайцева В.В. Эмоционально-оценочные предложения // Русский язык в школе. – 1958. – № 2.
10. Бабайцева В.В. Роль указательных слов в подчинении предложений // Вопросы русского языка и методики его преподавания. – Курск, 1960.
11. Бабайцева В.В. Слова-предложения в современном русском языке // Программа и тезисы докладов 5-й научной конференции профессорско-преподавательского коллектива. – Мичуринск, 1960.
12. Бабайцева В.В. Словосочетание в современном русском языке // Лекции по курсу «Современный русский язык». – Мичуринск, 1961.
13. Бабайцева В.В. Лексико-грамматические функции указательных слов в сложноподчиненном предложении // Русский язык в школе. – 1962. – № 6.
14. Бабайцева В.В. Слова-предложения в современном русском языке // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 42. Материалы II межвузовской конференции. – Воронеж, 1962.

15. Бабайцева В.В. Лексико-грамматические свойства слов на «о» в некоторых синтаксических конструкциях // Учёные записки Орловского пединститута. – Орел, 1962. – Т. XXI. – Вып. VI.

16. Бабайцева В.В. К вопросу о «дательном субъекта» // Материалы итоговой конференции преподавателей (тезисы, доклады). – Мичуринск, 1963.

17. Бабайцева В.В. О логико-психологической основе субъекта речи в некоторых синтаксических конструкциях // Материалы по славянскому языкознанию. – Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1963.

18. Бабайцева В.В. К вопросу о форме слова (о функциональных омонимах на -о) // Краткие очерки по русскому языку. – Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1964.

19. Бабайцева В.В. Колебания между двусоставностью и односоставностью предложений при выражении неопределенного действующего лица в современном русском языке // Вопросы русского языка, диалектологии и методики преподавания. – Воронеж, 1965. – Вып. VI.

20. Бабайцева В.В. О выражении в языке взаимодействия между чувственной и абстрактной ступенями познания действительности // Тезисы докладов и сообщений на научной дискуссии по проблеме «Язык и мышление». – М.: Наука, 1965.

21. Бабайцева В.В. Двусоставные несогласованные предложения типа *Лес – (это) чудесно!* // Краткие очерки по русскому языку. – Курск, 1966.

22. Бабайцева В.В. О выражении в языке взаимодействия между чувственной и абстрактной ступенями познания действительности // Язык и мышление. – М.: Наука, 1967.

23. Бабайцева В.В. Переходные (промежуточные) типы между сложноподчиненными и сочетанием грамматически самостоятельных предложений // Программа и тезисы докладов к IX научно-методической конференции северо-западного зонального объединения кафедр русского языка. – Л., 1967.

24. Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе. АДД. – Л., 1969.

25. Бабайцева В.В. Соотношение логического, актуального и синтаксического членения двусоставного повествовательного нераспространенного предложения при морфо-

логизованных главных членах // Развитие русского языка в советскую эпоху: Сборник статей. – Воронеж, 1969.

26. Бабайцева В.В. Организация и методика проведения спецсеминара на тему «Явления переходности в системе частей речи» // Юбилейная научно-методическая конференция северо-западного зонального объединения кафедр русского языка. Программа и краткое содержание докладов. – Л., 1969.

27. Бабайцева В.В., Чесноков П.В. Односоставные предложения в современном русском языке // Русский язык в школе. – 1970. – № 1.

28. Бабайцева В.В. Гибридные слова в системе частей речи современного русского языка // Русский язык в школе. – 1971. – № 3.

29. Бабайцева В.В. Семантико-грамматическое значение гибридных слов в современном русском языке // Слово и предложение. Тезисы к научной лингвистической конференции. – Тамбов, 1971.

30. Бабайцева В.В. Семантико-структурные типы простого предложения (со словом ЭТО) // Вопросы синтаксиса русского языка: Сб. статей. – Калуга, 1972.

31. Бабайцева В.В. Основные единицы синтаксиса // Русский язык в 7 классе. – М.: Просвещение, 1973.

32. Бабайцева В.В. Словосочетание и предложение // Русский язык в 7 классе. – М.: Просвещение, 1973.

33. Бабайцева В.В. Односоставные предложения // Русский язык в 7 классе. – М.: Просвещение, 1973.

34. Бабайцева В.В. Неполные предложения // Русский язык в 7 классе. – М.: Просвещение, 1973.

35. Бабайцева В.В. Тема «Словосочетание и предложение» в 7 классе // Русский язык в школе. – 1973. – № 4.

36. Бабайцева В.В. Изучение односоставных предложений в 7 классе // Русский язык в школе. – 1973. – № 5.

37. Бабайцева В.В. Рецензия на книгу Г.А. Фомичевой «Изучение словосочетаний в школе» // Русский язык в школе. – 1973. – № 5.

38. Бабайцева В.В. Классификация частей речи с учетом существования гибридных слов // Филологические науки. Вопросы синтаксиса русского языка. Сборник статей / Под ред. В.В. Бабайцевой. – Тамбов, 1973.

39. Бабайцева В.В. Лексико-грамматические свойства слов со звуковым комплексом «хорошо» // Филологические науки. Вопросы синтаксиса русского языка. Сборник статей / Под ред. В.В. Бабайцевой. – Тамбов, 1973.

40. Бабайцева В.В. На пороге синтаксиса // Учительская газета. – 5 июня 1973.

41. Бабайцева В.В. Отражение многоаспектности предложения в практике обучения русскому языку в школе // Вопросы методики преподавания синтаксиса в средней школе. Сб. статей по материалам координационного совещания. – М., 1973.

42. Бабайцева В.В. Об экспериментальной работе сектора в 1971–72 учебном году // Из опыта работы по развитию речи. Сб. статей по материалам научно-практической конференции. Выпуск III. – М., 1973.

43. Бабайцева В.В. Лингвометодические основы изучения сложного предложения // Русский язык в школе. – 1974. – № 2.

44. Бабайцева В.В. Лингвометодические основы изучения сложного предложения в школе // Русский язык в восьмом классе. – М.: Просвещение, – 1974. – 1 п.л.

45. Бабайцева В.В. Учебник родного языка. Русский язык в седьмом классе // Русская речь. – 1974. – № 1.

46. Бабайцева В.В., Купалова А.Ю., Шаталова В.М. Некоторые итоги первого года работы по новой программе в седьмом классе // Русский язык в школе. – 1974. – № 6.

47. Бабайцева В.В. Преемственность при изучении словосочетаний в школе // Изучение морфологии на синтаксической основе. Сборник. – М., 1974. – Вып. IV.

48. Бабайцева В.В., Пронина Е.П. Русский язык в 7 классе // Русский язык в школе. – 1975. – № 2.

49. Бабайцева В.В., Пронина Е.П. Русский язык в 8 классе // Русский язык в школе. – 1975. – № 2.

50. Бабайцева В.В. О синтаксических единицах // Русская речь. 1975. – № 1. – 0,5 п.л.

51. Бабайцева В.В. «Ответы читателям» (о начальной форме словосочетания «написанный художником») // Русский язык в школе. – 1975. – № 1.

52. Бабайцева В.В. Преемственность в изучении синтаксических понятий в школе // Совершенствование со-

держания и методов обучения русскому языку по новым программам. НИИ содержания и методов обучения АПН СССР. – М., 1975.

53. Бабайцева В.В. Введение // Виды разбора на уроках русского языка / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: НИИ школ МП РСФСР, 1975. – 1 п.л.

54. Бабайцева В.В. Синтаксический разбор // Виды разбора на уроках русского языка / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: НИИ школ МП РСФСР, 1975. – 1 п.л.

55. Бабайцева В.В. Лингвистические основы школьного курса синтаксиса // Русский язык в школе. – 1975. – № 5–6. – 1,5 п.л.

56. Бабайцева В.В. Отбор синтаксических понятий для изучения в школе // Отбор синтаксических понятий для изучения в общеобразовательной школе / Под ред. В.М. Шаталовой. – М.: НИИ школ МП РСФСР, 1975. – 1,25 п.л.

57. Бабайцева В.В., Лидман-Орлова Г.К., Еремеева А.П., Молодцова С.Н. Некоторые итоги первого года работы по новой программе в восьмом классе // Русский язык в школе. – 1975. – № 6.

58. Бабайцева В.В. Итоги изучения темы «Словосочетание и предложение» // Из опыта первого года работы по новой программе: Сб. статей по материалам научно-практической конференции / Под ред. Г.К. Лидман-Орловой. – М., 1975. – 0,5 п.л.

59. Бабайцева В.В., Купалова А.Ю. О координационном совещании по приёмам и методам преподавания русского языка в школе // Русский язык в школе. – 1976. – № 2. – 0,2 п.л.

60. Бабайцева В.В. Строение и грамматическое значение словосочетаний (урок в 7 классе) // Русский язык в школе. – 1976. – № 4. – 0,3 п.л.

61. Бабайцева В.В. Строение и грамматическое значение предложений (урок в 7 классе) // Русский язык в школе. – 1976. – № 4. – 0,3 п.л.

62. Бабайцева В.В., Розенталь Д.Э. Изучение членов предложения в школе. – М.: НИИ школ МП РСФСР, 1976.

63. Бабайцева В.В., Розенталь Д.Э. Изучение членов предложения в школе // Русский язык в школе. – 1976. – № 6.

64. Бабайцева В.В. От редактора // Проблемы преподавания синтаксиса в школе. Сб. статей / Под. ред. В.В. Бабайцевой. – М.: НИИ школ МП РСФСР, 1976. – 0,4 п.л.

65. Бабайцева В.В. Лингвистические основы школьного курса синтаксиса // Проблемы преподавания синтаксиса в школе. Сб. статей / Под. ред. В.В. Бабайцевой. – М.: НИИ школ МП РСФСР, 1976. – 1 п.л.

66. Бабайцева В.В., Розенталь Д.Э. Проблемы преподавания синтаксиса в школе // Проблемы преподавания синтаксиса в школе. Сб. статей / Под. ред. В.В. Бабайцевой. – М.: НИИ школ МП РСФСР, 1976.

67. Бабайцева В.В., Розенталь Д.Э. Проблемы преподавания синтаксиса в школе // Русский язык в школе. – 1977. – № 4.

68. Бабайцева В.В., Шаталова В.М. Изучение курса русского языка в школе // Изучение курса русского языка в школе. Сб. научных трудов / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: НИИ школ МП РСФСР, 1977. – 6 п.л.

69. Бабайцева В.В. Лингвометодические основы совершенствования обучения русскому языку в общеобразовательной школе РСФСР // Изучение курса русского языка в школе. Сб. научных трудов / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: НИИ школ МП РСФСР, 1977. – 0,75 п.л.

70. Бабайцева В.В. Система синтаксических понятий в школьном курсе русского языка // Изучение курса русского языка в школе. Сб. научных трудов / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: НИИ школ МП РСФСР, 1977. – 0,5 п.л.

71. Бабайцева В.В. Сектор обучения русскому языку // Повышение эффективности воспитывающего и развивающего обучения в школе. Сб. научных трудов. – М.: НИИ школ МП РСФСР, 1977. – 0,3 п.л.

72. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д., Кубик М. Модели двусоставных предложений русского языка в сопоставлении с чешским // Univerzita Karlova. – Praha, 1977.

73. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д., Кубик М. Модели двусоставных предложений русского языка в сопоставлении с чешским // Филологические науки. НДВШ. – 1979. – № 4.

74. Бабайцева В.В. Разбор // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ф.П. Филина. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 0,1 п.л.

75. Бабайцева В.В. Лингвистические основы реализации принципа преемственности и перспективности в преподавании русского языка в школе // Преемственность и

перспективность в обучении русскому языку. Пособие для учителя / Под ред. В.В. Бабайцевой и Г.К. Лидман-Орловой. – М., 1979. – 0,5 п.л.

76. Бабайцева В.В. «К вашим услугам» (фельетон П. Седова) // Учительская газета. – 27 ноября 1980.

77. Бабайцева В.В. Теоретические основы школьного и вузовского курса синтаксиса // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. – М.: Русский язык, 1980. – 1 п.л.

78. Бабайцева В.В. Лингвистический разбор на уроках русского языка // Совершенствование методов обучения русскому языку. – М.: Просвещение, 1981. – 0,5 п.л.

79. Бабайцева В.В. Изучение темы «Словосочетание и предложение» в VII классе // Русский язык в школе. – 1981. – № 4.

80. Бабайцева В.В. Лингвистические основы преподавания синтаксиса в школе и вузе // Лингвистические основы преподавания языка. – М.: Наука, 1983.

81. Бабайцева В.В. Зона синкретизма в системе частей речи русского языка // Филологические науки. НДВШ. – 1983. – № 5.

82. Бабайцева В.В. Обучение русскому языку в 7–8 классах (автор ряда разделов) / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М., 1983.

83. Бабайцева В.В. Предложение как многоаспектная единица языка (русский язык) // Предложение как многоаспектная единица языка (русский язык). Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1983.

84. Бабайцева В.В. Семантика простого предложения // Предложение как многоаспектная единица языка (русский язык). Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1983.

85. Бабайцева В.В. Предложение как многоаспектная единица языка // Русский язык в школе. – 1984. – № 3.

86. Бабайцева В.В. Экспериментальный учебный комплекс по русскому языку для 4–8 классов общеобразовательной школы РСФСР // Проблемы школьного учебника. Вып. 14. (О специфике языковых учебников). – М.: Просвещение, 1984.

87. Бабайцева В.В. Предложение как многоаспектная единица языка // Предложение как многоаспектная единица языка / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1984.

88. Бабайцева В.В. Система структурно-семантических типов простого предложения в современном русском языке // Предложение как многоаспектная единица языка / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1984.

89. Бабайцева В.В. Соотношение структурных и семантических признаков синтаксических единиц при их изучении и описании // Предложение и его структура в языке. Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1986.

90. Бабайцева В.В. Лингвистические основы вузовского курса синтаксиса // Теоретические и методические аспекты структурно-семантического синтаксиса современного русского языка: Межвузовский сборник научных трудов / Барнаул, 1988. Деп. в ИНИОН № 37509 от 10.04.1989.

91. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматическом строе русского языка и методика их изучения // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М., 1988.

92. Бабайцева В.В. Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.

93. Бабайцева В.В. Место переходных явлений в системе языка (на материале частей речи) // Переходность и синкретизм в языке и речи. Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: Изд-во «Прометей», МПГУ им. В.И. Ленина, 1991.

94. Бабайцева В.В., Купалова А.Ю., Никитина Е.И. Новый учебный комплекс по русскому языку и его использование в 5 классе // Русский язык в школе. – 1992. – № 3–4.

95. Бабайцева В.В. Изучение семантики простого предложения в вузе // Семантика языковых единиц. Материалы 3-й межвузовской научно-исследовательской конференции. Ч. III. Синтаксическая семантика. – М.: Изд-во «Альфа», 1993.

96. Бабайцева В.В. Многоаспектность синтаксических единиц / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М., 1993.

97. Бабайцева В.В. Лингвометодические основы синтаксического анализа простого предложения // Многоаспектность синтаксических единиц / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М., 1993.
98. Бабайцева В.В. П.В. Чесноков. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления // Филологические науки. НДВШ. – 1994. – № 4.
99. Бабайцева В.В. Об углубленном изучении русского языка в школах РФ // Русская словесность. – 1995. – № 3.
100. Бабайцева В.В. Лингвистические основы нового школьного комплекса по русскому языку (авторская презентация издания) // Филологические науки. НДВШ. – 1996. – № 6.
101. Бабайцева В.В. О новом комплексе по русскому языку для 5–11-х классов // Русский язык. Приложение к газете «Первое сентября». – 1996. – Ноябрь.
102. Бабайцева В.В. Синкретизм парцеллированных и присоединенных субстантивных фрагментов текста // Филологические науки. НДВШ. – 1997. – № 4.
103. Бабайцева В.В. Филологические кроссворды // Русская словесность. – 1997. – № 2.
104. Бабайцева В.В. Филологические кроссворды // Русская словесность. – 1997. – № 3.
105. Бабайцева В.В. Филологические кроссворды // Русская словесность. – 1997. – № 4.
106. Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д. Комплексный анализ текста на уроке русского языка // Русская словесность – 1997. – № 3.
107. Бабайцева В.В. Синтаксические способы выражения семантики сравнения // Русский язык. Приложение к газете «Первое сентября». – 1997. – № 41.
108. Бабайцева В.В., Дубровина М.В. Раздел «Морфемика» // Русский язык. Приложение к газете «Первое сентября». – 1997. – Март.
109. Бабайцева В.В. Ответ на письмо учителя // Русский язык. Приложение к газете «Первое сентября». – 1997. – Апрель.
110. Бабайцева В.В. Некоторые вопросы комплексного анализа текста на уроках русского языка // Русский язык. Приложение к газете «Первое сентября». – 1998. – Сентябрь.

111. Бабайцева В.В. Изолированные фрагменты текста со словом *это* в позиции подлежащего // Филологические науки. НДВШ. – 1998. – № 3.
112. Бабайцева В.В. Принципы создания современного учебника // Русский язык. Приложение к газете «Первое сентября». – 1999. – Июнь.
113. Бабайцева В.В. Программа по русскому языку для 5–11 классов учебных заведений с углубленным изучением русского языка // Русская словесность. – 1999. – № 1.
114. Бабайцева В.В. Синкретизм в системе логико-синтаксических типов семантики простого предложения // Исследование языковых единиц в их динамике и взаимосвязи. Юбилейный сборник, посвященный 75-летию В.В. Бабайцевой, состоящий из работ ее учеников. – Уфа, 2000.
115. Бабайцева В.В. Тайны орфографической зоркости // Русская словесность. – 2000. – № 1.
116. Бабайцева В.В. Предложения типа *Пароходов было два* // Язык и текст в пространстве культуры: Сборник статей научно-методического семинара «Textus». Вып. 9. – СПб. – Ставрополь, 2003. – С. 158–162.
117. Бабайцева В.В. Понятие о функциональных омонимах // Русская словесность. – 2003. – № 6. – 0,5 п.л.
118. Бабайцева В.В. Энтимема в поэтическом тексте // Текст. Структура и семантика. Доклады Международной конференции. – М., 2004. – С. 3–8.
119. Бабайцева В.В. Грамматические функции порядка слов в предложении // Актуальные проблемы текста: Лингвистическая теория и практика обучения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию докт. филол. наук. проф. О.А. Нечаевой. – Улан-Удэ, 2004. – С. 7–12.
120. Бабайцева В.В. Синтаксический статус слов *да* и *нет* // Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005: Сборник научных и научно-методических статей. – М. – Ставрополь, 2005. – С. 390–418.
121. Бабайцева В.В. Рематическая рамка *не ... ли (ль)* как маркер медитативной семантики // Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005: Сборник научных и научно-методических статей. – М. – Ставрополь, 2005. – С. 438–454.
122. Бабайцева В.В. Структурно-семантическое направление в современной русистике // Бабайцева В.В. Избран-

ное. 1955–2005: Сборник научных и научно-методических статей. М. – Ставрополь, 2005. – С. 455–467.

123. Бабайцева В.В. Обращение и подлежащее // Русский язык и его функционирование. – Глазов, 2005.

124. Бабайцева В.В. Актуальное членение односоставных предложений // Проблемы изучения односоставных предложений. – М., 2005.

125. Бабайцева В.В. Г.Г. Инфантова, П.В. Чесноков Словарь языка Михаила Шолохова. – М., 2005 // Филологические науки. – 2005. – № 5.

126. Бабайцева В.В. Развитие идей традиционного языкознания в структурно-семантическом синтаксисе // Структурно-семантическое описание единиц языка и речи. – М., 2006. – 0, 75 п.л.

127. Бабайцева В.В. Структурно-семантическое направление в современной русистике // Филологические науки. – 2006. – № 2.

128. Бабайцева В.В. Проблемы изучения словосочетаний в лингвометодике // Преподаватель. XXI век. – 2006. – № 3. – 0,5 п.л.

129. Бабайцева В.В. Подчинительные и сочинительные словосочетания // Русский язык в школе. – 2006. – № 4. – 0,5 п.л.

130. Бабайцева В.В. Словосочетания типа *все новое, что-то новое, ничего нового* // Русская словесность. – 2007. – № 4. – 0,5 п.л.

131. Бабайцева В.В. Простые и сложные словосочетания // Русский язык в школе. – 2007. – № 4. – 0,5 п.л.

132. Бабайцева В.В. Некоторые пути анализа единиц синтаксической системы // Текст. Структура и семантика. Ч. I. Материалы XI Международной конференции. – М., 2007.

133. Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д. Заметки о пунктуации // Русский язык в школе. – 2008. – № 7.

134. Бабайцева В.В. Принципы русской орфографии // Русский язык в школе. – 2009. – № 3.

135. Бабайцева В.В. Еще раз о грамматических вопросах // Слово. Предложение. Текст. – Орел, 2009.

136. Бабайцева В.В. Как правильно сказать: *простыня* или *прóстынь* // Русский язык в школе. – 2009. – № 10.

137. Бабайцева В.В. Изоморфизм и переходность явлений языка как системообразующие факторы // Текст. Структура и семантика. Доклады XII Международной конференции. Т. I. – М., 2009.

138. Бабайцева В.В. Автор – о своих учебниках // Русский язык. Первое сентября. – 2010. – № 12.

139. Бабайцева В.В. Истоки моей творческой деятельности // Метапоэтика. Сб. статей. Вып 2. Ч. 1. – Ставрополь, 2010. – С. 355–365.

140. Бабайцева В.В. Принцип системности в синтаксисе // Русский язык в школе. – 2010. – № 3.

141. Бабайцева В.В. Поясняющие и уточняющие члены предложения // Актуальные проблемы анализа единиц языка и речи. – Стерлитамак, 2010.

Учебные пособия, методические рекомендации и указания, программы, сборники заданий, рабочие тетради, тренинги.

1. Бабайцева В.В. Русский язык в 7–8 классах. – М.: Просвещение, 1977.

2. Бабайцева В.В. Курсовые работы по современному русскому языку. Для студентов-заочников 4 курса. – М.: Просвещение, 1985.

3. Обучение русскому языку в 8 классе. Изд. 3-е / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: Просвещение, 1991. (Автор семи разделов).

4. Обучение русскому языку в 9 классе. Изд. 3-е / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: Просвещение, 1991. (Автор четырех разделов).

5. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Программа «Русский язык. Теория. 5–9 классы. Учебник для общеобразовательных учебных заведений». – М.: Просвещение, 1992.

6. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Программа «Русский язык. Теория. 5–9 классы. Учебник для общеобразовательных учебных заведений». – М.: Просвещение, 1997.

7. Бабайцева В.В. Программа «Русский язык. Теория. 5–11 классы. Учебник для общеобразовательных учебных заведений». – М.: Дрофа, 1995.

8. Бабайцева В.В. Программа «Русский язык. Теория. 5–11 классы. Учебник для школ и классов с углубленным изучением русского языка». – М.: Дрофа, 1995.
9. Бабайцева В.В. Программа «Русский язык. Теория. 5–11 классы. Учебник для школ и классов с углубленным изучением русского языка». – М.: Дрофа, 1997.
10. Бабайцева В.В. Программа «Русский язык. Теория. 5–11 классы. Учебник для школ и классов с углубленным изучением русского языка». – М.: Дрофа, 1998.
11. Бабайцева В.В. Программа «Русский язык. Теория. 5–11 классы. Учебник для школ и классов с углубленным изучением русского языка». – М.: Дрофа, 2000.
12. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Программа «Русский язык. Теория. 10–11 классы: Учебник для общеобразовательных учреждений филологического профиля». – М.: Дрофа, 2005. – 330 с.
13. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Программа «Русский язык. Теория. 5–9 классы: Учебник для общеобразовательных учреждений». – М.: Дрофа, 2005.
14. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Программа «Русский язык. Экспериментальный учебник для 4–8 классов». – М.: Просвещение, 1982.
15. Бабайцева В.В. Грамматический разбор в вузе (для студентов стационара и заочников). – Мичуринск, 1967.
16. Бабайцева В.В. Русский язык в 7 классе. Пособие для учителя / Ред.-сост. В.В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1973.
17. Бабайцева В.В. Явления переходности в системе частей речи. Пособие для факультативных занятий / Отв. ред. В.В. Бабайцева. – М.: НИИ школ, 1973.
18. Бабайцева В.В. Русский язык в 8 классе. Методические указания к учебному пособию под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: Просвещение, 1974. – 10 п.л.
19. Бабайцева В.В. Виды разбора на уроках русского языка. Пособие для учителей / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: Просвещение, 1978. 12 п.л.
20. Бабайцева В.В. Преемственность и перспективность в обучении русскому языку. Пособие для учителя. – М., 1979.
21. Бабайцева В.В., Иванов В.В., Максимов Л.Ю., Шанский Н.М. Программа «Современный русский литературный язык». – М.: Просвещение, 1980. – 0,1 п.л.

22. Бабайцева В.В., Иванов В.В., Максимов Л.Ю., Шанский Н.М. Программа «Государственный экзамен по русскому языку». – М.: Просвещение, 1980.
23. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д., Еремеева А.П. Лингвометодические основы преподавания русского языка в общеобразовательной школе. Пособие для учителя / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М., 1980.
24. Бабайцева В.В., Ледяева С.Д., Ходякова А.А. Спецкурсы и спецсеминары по русскому языку в системе подготовки учителя-филолога (методические рекомендации) / Отв. ред. В.В. Бабайцева. – М. – Баку, 1980.
25. Бабайцева В.В., Андреев Н.М., Кандаурова Т.М., Чеснокова Л.Д. О лекционной форме учебной работы по русскому языку (методические рекомендации). – М., 1981.
26. Бабайцева В.В. Программа «Современный русский литературный язык (для специальности «Русский язык и литература)». – М.: Просвещение, 1992.
27. Бабайцева В.В., Купалова А.Ю., Никитина Е.И. Новый учебный комплекс по русскому языку и практика его использования в 5 классе. Методические рекомендации к учебному комплексу по русскому языку: 5 класс: Кн. для учителя / Сост. А.Ю. Купалова. – М.: Просвещение, 1992. – С. 5–15.
28. Бабайцева В.В. Русский язык. Теория. 5–11 классы. Учебное пособие для общеобразовательных учебных заведений. – М.: Дрофа, 1995. – 27 п.л.
29. Бабайцева В.В., Пичугов Ю.С., Паханова Т.М. и др. Методические рекомендации к учебному комплексу по русскому языку: 8–9 класс: Кн. для учителя / Сост. Ю.С. Пичугов, Т.М. Паханова. – М.: Просвещение, 1996.
30. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык. Теория. 5–11 классы. Учебное пособие для общеобразовательных учебных заведений. – М.: Дрофа, 1997. – 27 п.л.
31. Бабайцева В.В., Гладков А.В., Жукова Н.О., Дубровина М.В., Лисицын А.Г. Русский язык. Сборник заданий для 5 класса. – М.: Дрофа, 1997.
32. Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д., Гладков А.В. Рабочая тетрадь. Русский язык. 5 класс. – М.: Дрофа, 1997.
33. Бабайцева В.В. Русский язык. Сборник заданий для 10–11 классов. – М.: Дрофа, 1997.

34. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык. Теория. 5–11 классы. Учебное пособие для общеобразовательных учебных заведений. 2-е изд. – М.: Дрофа, 1999. – 27 п.л.
35. Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д. Русский язык. Сборник заданий для 6–7 классов. – М.: Дрофа, 1999.
36. Бабайцева В.В., Сергиенко М.И. Рабочая тетрадь. Русский язык. 8 класс. – М.: Дрофа, 1999.
37. Бабайцева В.В. Русский язык. Рабочая тетрадь для 9 класса. – М.: Дрофа, 1999. (В соавторстве).
38. Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д. Русский язык. Сборник заданий для 8–9 классов. – М.: Дрофа, 1999.
39. Бабайцева В.В. Русский язык. Сборник заданий. 10–11 классы: Пособие для школ и классов с углубленным изучением русского языка к учебнику В.В. Бабайцевой «Русский язык. Теория. 5–11 классы». 3-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2000. – 304 с.
40. Бабайцева В.В. Русский язык. Рабочая тетрадь для 6 класса. – М.: Дрофа, 2000.
41. Бабайцева В.В. Русский язык. Рабочая тетрадь для 7 класса. – М.: Дрофа, 2000.
42. Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д. Русский язык: Сборник заданий. 6–7 класс: Пособие для школ и классов с углубленным изучением русского языка к учебнику В.В. Бабайцевой «Русский язык. Теория. 5–11 классы». 4-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2002. – 320 с.
43. Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д. Русский язык. 8 класс: Пособие для школ и классов с углубленным изучением русского языка к учебнику В.В. Бабайцевой «Русский язык. Теория. 5–11 классы». 5-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2002.
44. Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д., Рудомазина Н.Е. Русский язык. Тренинг по пунктуации. – М.: Дрофа, 2003. – 127 с.
45. Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д., Гладков А.В. Русский язык. 5 класс: Рабочая тетрадь для школ и классов с углубленным изучением русского языка к учебнику В.В. Бабайцевой «Русский язык. Теория. 5–11 классы». 6 изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2004.
46. Бабайцева В.В., Сергиенко М.И. Русский язык. 6 класс: Рабочая тетрадь к учебнику В.В. Бабайцевой «Рус-

ский язык. Теория. 5–9 классы: для школ и классов с углубленным изучением русского языка». 6 изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2006. – 137 с.

47. Бабайцева В.В., Сергиенко М.И. Русский язык. 8 класс: рабочая тетрадь к учебнику В.В. Бабайцевой «Русский язык. Теория. 5–9 классы: для школ и классов с углубленным изучением русского языка». 7 изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2006. – 110 с.

48. Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д. Русский язык. 9 класс: Рабочая тетрадь к учебнику В.В. Бабайцевой «Русский язык. Теория. 5–11 классы: для школ и классов с углубленным изучением русского языка». 4 изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2007. – 142 с.

49. Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д., Гладков А.В. Русский язык. 5 класс: Рабочая тетрадь к учебнику В.В. Бабайцевой «Русский язык. Теория. 5–9 классы: для школ и классов с углубленным изучением русского языка». 9 изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2007. – 155 с.

50. Бабайцева В.В., Сальникова О.А. Русский язык. Тренинг по орфографии: материалы к единому государственному экзамену и вступительным экзаменам в вузы. 4-е изд., испр. – М.: Дрофа, 2007. – 158 с.

51. Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д., Рудомазина Н.Е. Русский язык. Тренинг по пунктуации. – М.: Дрофа, 2007. – 127 с.

52. Бабайцева В.В., Сергиенко М.И. Русский язык. 7 класс: Рабочая тетрадь к учебнику В.В. Бабайцевой «Русский язык. Теория. 5–9 классы: для школ и классов с углубленным изучением русского языка». 8-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2009. – 142 с.

53. Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д. Русский язык. 9 класс: Рабочая тетрадь к учебнику В.В. Бабайцевой «Русский язык. Теория. 5–9 классы: для школ и классов с углубленным изучением русского языка». 5-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2009. – 142 с.

54. Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д., Дрозд Н.В. Русский язык. Сборник заданий. 5 класс: Учеб. пособие к учебнику В.В. Бабайцевой «Русский язык. Теория. 5–9 классы: для школ и классов с углубленным изучением русского языка». 6-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2009. – 270 с.

Научные и методические труды,
изданные под редакцией В.В. Бабайцевой.

1. Проблемы преподавания синтаксиса в школе. Сб. статей / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: НИИ школ МП РСФСР, 1976. – 13,5 п.л.
2. Виды разбора на уроках русского языка / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: НИИ школ МП РСФСР, 1975.
3. Филологические науки. Вопросы синтаксиса русского языка. Сб. статей / Под ред. В.В. Бабайцевой. – Тамбов, 1973.
4. Изучение курса русского языка в школе. Сб. научных трудов / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: НИИ школ МП РСФСР, 1977.
5. Преимущество и перспективность в обучении русскому языку. Пособие для учителя / Под ред. В.В. Бабайцевой и Г.К. Лидман-Орловой. – М., 1979.
6. Лингвометодические основы преподавания русского языка в общеобразовательной школе. Пособие для учителя / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М., 1980.
7. Спецкурсы и спецсеминары по русскому языку в системе подготовки учителя-филолога (методические рекомендации) / Отв. ред. В.В. Бабайцева. – М. – Баку, 1980.
8. Обучение русскому языку в 7–8 классах / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М., 1983.
9. Предложение как многоаспектная единица языка (русский язык). Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1983.
10. Предложение как многоаспектная единица языка / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1984.
11. Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М., 1988.
12. Предложение и его структура в языке. Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1986.
13. Обучение русскому языку в 8 классе. Изд. 3-е / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: Просвещение, 1991.

14. Обучение русскому языку в 9 классе. Изд. 3-е / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: Просвещение, 1991.
15. Переходность и синкретизм в языке и речи: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М.: Изд-во «Прометей», МПГУ им. В.И. Ленина, 1991.
16. Никитина Е.И. Русская речь. Учебное пособие по развитию связной речи. Для 5–7 классов средней школы / Научный редактор В.В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1992.
17. Русский язык. Практика. Сборник задач и упражнений. Учебное пособие для 5 класса общеобразовательных учебных заведений / Составитель А.Ю. Купалова. Научный редактор В.В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1992.
18. Многоаспектность синтаксических единиц / Под ред. В.В. Бабайцевой. – М., 1993.
19. Артюшков И.В. Внутренняя речь и ее выражение в художественной литературе (на материале романов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого) / Научный редактор В.В. Бабайцева. – М., 2003.
20. Сыров И.А. Проблемы реализации категории связности в художественном тексте / Научный редактор В.В. Бабайцева. – М., 2005.
21. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка / Научный редактор В.В. Бабайцева. – М., 2006.
22. Высоцкая И.В. Субстантивация в свете теории синхронной переходности / Научный редактор В.В. Бабайцева. – Новосибирск, 2009.
23. Хисамова Г.Г. Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В.М. Шукшина) / Научный редактор В.В. Бабайцева. – М., 2007.
24. Политова И.Н. Переходность в системе подчинительных словосочетаний в современном русском языке / Научный редактор В.В. Бабайцева. – Коломна, 2008.
25. Милованова М.С. Пространственно-противительная семантика слова: лексическое и грамматическое значение / Научный редактор В.В. Бабайцева. – М., 2008.
26. Кузнецова Н.Н. Лексические средства создания экспрессивности / Научный редактор В.В. Бабайцева. – Оренбург, 2009.

Рецензии на работы В.В. Бабайцевой в отечественных изданиях.

1. Воронич В.С. Односоставные предложения в современном русском языке // Русский язык в школе. – 1964. – № 2.
2. Собинникова В.И. Переходные конструкции в синтаксисе // Русский язык в школе. – 1968. – № 3.
3. Розенталь Д.Э. Виды разбора на уроках русского языка. Пособие для учителей. Подготовлено под ред. проф. В.В. Бабайцевой. – М., «Просвещение», 1978 // Русский язык в школе. – 1979. – № 3.
4. Розенталь Д.Э. Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. – М., «Просвещение», 1979 // Русский язык в школе. – 1980. – № 1.
5. Брагина А.А. Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация // Вопросы языкознания. – 1981. – № 6.
6. Акимов Г.Н., Иванова В.Ф. Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация // Филологические науки. НВДШ. – 1981.
7. Чесноков П.В., Чеснокова Л.Д. Современный русский язык в трех частях. Ч. III. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Синтаксис. Пунктуация // Русский язык в школе. – 1982. – № 2.
8. Шапиро Н.А. Новый учебник В.В. Бабайцевой // Русский язык. Приложение к газете «Первое сентября». – 1998.
9. Николина Н.А. В.В. Бабайцева. Явления переходности в грамматике русского языка // Филологические науки. – 2000.
10. Егорова Б.Н. Коммуникативный подход в разграничении членов предложения в УМК под ред. В.В. Бабайцевой // Вопросы теории и методики изучения русского языка в вузе и школе. Сб. материалов. Стерлитамак. – 2001. – С. 3–11.
11. Высоцкая И.В. В.В. Бабайцева. Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000. 640 с. // Проблемы теории и методики обучения. – М., 2003. – № 8.
12. Штайн К.Э. Теория переходности языковых явлений В.В. Бабайцевой в свете логики «нечетких множеств» // Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005: Сборник научных и научно-методических статей. – М. – Ставрополь, 2005. – С. 468–475.

13. Штайн К.Э. В мире объективного знания // Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005: Сборник научных и научно-методических статей. – М. – Ставрополь, 2005. – С. 8–19.

14. Штайн К.Э. Принципы системного подхода к изучению динамических процессов на синхронном срезе языка // Штайн К.Э. Системный подход к изучению динамических явлений на синхронном срезе языка. – Ставрополь, 2006. – С. 73–120.

15. Штайн К.Э. Переходность и синкретизм в свете деятельностной концепции языка // Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005: Сборник научных и научно-методических статей. – М. – Ставрополь, 2005. – С. 476–490.

16. Шаталова В.М. В.В. Бабайцева. Система членов предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1988 // Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005: Сборник научных и научно-методических статей. – М. – Ставрополь, 2005. – С. 497–499.

17. Высоцкая И.В. В.В. Бабайцева. Явления переходности в грамматике русского языка. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с. // Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005: Сборник научных и научно-методических статей. – М. – Ставрополь, 2005. – С. 500–502.

18. Чесноков П.В. В.В. Бабайцева. Система односоставных предложений в современном русском языке. – М.: Дрофа, 2004 // Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005: Сборник научных и научно-методических статей. – М. – Ставрополь, 2005. – С. 503–506.

19. Беднарская Л.А. Учебно-методический комплекс XXI века // Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005: Сборник научных и научно-методических статей. – М. – Ставрополь, 2005. – С. 507–514.

Рецензии на работы В.В. Бабайцевой в зарубежных изданиях.

1. Затовканюк Н. Переходные конструкции в синтаксисе // Československá rusistika. – 1969. – XIV. I.

2. Zimková Z. Nová sovětská monografie o jednočlenných větach // Rossia Olomucensia. T. III. – Olomuc 1970. – С. 44–46.

3. Ve. Hrabě. K problémový ruské skladby // Československá rusistika. – 1983. – XXVIII. – № 3.

4. Еремеева А.П. В.В. Бабайцева. Система односоставных предложений в русском языке. – Москва: Дрофа, 2004. – 512 с. // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. – Praha, 2006. – Ročník 75. – С. 303–304.

5. Чжоу Хайянь. В.В. Бабайцева. Явления переходности в грамматике русского языка // Русский язык в Китае. – Пекин, 2003. – № 2.

Сборники, посвященные В.В. Бабайцевой.

1. Языковая деятельность: Переходность и синкретизм. Сборник статей межрегионального научно-методического семинара «Textus», посвященный 75-летию В.В. Бабайцевой / Под ред. д-ра филол. наук. проф. К.Э. Штайн. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001.

2. Исследование языковых единиц в их динамике и взаимосвязи. Юбилейный сборник, посвященный 75-летию В.В. Бабайцевой, состоящий из работ ее учеников. – Уфа, 2000.

Юбилейные заметки.

1. К 60-летию со дня рождения // Русский язык в школе. – 1985. – № 6.

2. К 75-летию со дня рождения // Русский язык в школе. – 2000. – № 6.

3. К 75-летию со дня рождения // Филологические науки. – 2000. – № 6.

4. Поздравляем юбиляра! Вере Васильевне Бабайцевой – 80 лет // Педагогическое образование и наука. Научно-методический журнал. – М., 2006. – № 1.

Список работ, защищенных под руководством В.В. Бабайцевой.

Кандидатские диссертации.

1. Мазанько (Ефимова) Л.Б. Вариативные синтаксические ряды предложных конструкций и придаточных предложений. – М., 1977.

2. Штайн К.Э. Семантика и синтаксические функции субъективно-модальных частиц (на материале одного тематического ряда). – М., 1977.

3. Артюшков И.В. Прерванные предложения в современном русском языке. – М., 1981.

4. Спектор Т.Р. Предложения с однородными именными сказуемыми. – М., 1981.

5. Жаркова А.В. Предложения с глагольным сказуемым с препозицией инфинитива. – М., 1983.

6. Аношкина Т.Е. Предложения со значением посессивного наличия в современном русском языке. – М., 1984.

7. Казакова А.С. Структурно-семантические свойства предложений типа «Пожар!». – М., 1984.

8. Рыбка Н.Д. Выражение значения следствия в простом предложении. – М., 1984.

9. Ксенофонтова Л.В. Объем и границы подлежащего как структурно-семантического компонента предложения. – М., 1984.

10. Кондратьева Г.Н. Двусоставные глагольные предложения с обобщающим и неопределенным местоименным подлежащим. – М., 1985.

11. Абдуллаев Х.Н. Валентные свойства отглагольных существительных в современном русском языке. – Ташкент, 1987.
12. Крючков А.Л. Синонимика односоставных и двусоставных предложений с модальным значением необходимости. – М., 1988.
13. Калинина А.А. Структурные и семантические признаки синкретичных предложений, выделяемых по цели высказывания. – М., 1988.
14. Панфилова (Гольдина) Е.В. (В диссертации рассматривается семантика сложноподчинённых предложений). – М., 1989.
15. Глебская Т.Ф. Пояснительные и уточнительные конструкции при стержневых словах – указательных местоименных наречиях в простом предложении. – М., 1990.
16. Гуськова Т.П. Неопределённо-личные предложения в тексте. – М., 1992.
17. Шумарин С.И. Способы репрезентации функциональных омонимов в словарях (на материале слов типа *весело*, *холодно*). – М., 1992.
18. Данг Н.З. Неполные односоставные предложения в современном русском языке. – М., 1992.
19. Высоцкая И.В. Морфологический статус и синтаксические функции слова *ничего*. – М., 1993.
20. Голайденко Л.Н. Синтаксические способы выражения представления в художественном тексте (на материале художественной прозы Л.Н. Толстого). – М., 1996.
21. Даутия Ф.В. Сравнительные конструкции, переходные между сложными и простыми предложениями с показателем сравнения *как*. – М., 1997.
22. Сыров И.А. Синтаксические способы представления текстообразования в современной художественной литературе. – М., 1998.
23. Калинина Л.А. Составные формы глагола в современном русском языке. – М., 1999.
24. Политова И.Н. Переходные явления в области сильного и слабого глагольного управления. – М., 1999.
25. Готовщикова Н.Э. Оценочные субстантивные предложения в современном русском языке. – М., 2000.
26. Семёнова О.В. Морфологический статус и синтаксические функции слова *вроде*. – М., 2000.

27. Сорокина М.А. Функционирование омокомплекса *правда* в современном русском языке. – М., 2002.
28. Милованова М.С. Функциональные омонимы звуковых комплексов *против* и *напротив* и их грамматический статус. – М., 2004.
29. Середа Е.В. Место междометий в системе частей речи. – М., 2004.
30. Дрозд Н.В. Именительный темы как особая разновидность односоставных предложений. – М., 2007.
31. Шамшин Ю.Н. Функционирование омокомплексов *много* и *мало* в современном русском языке. – М., 2007.
32. Гладкая Е.Ф. Языковые маркеры невербализованных смыслов в лирике. – М., 2008.
33. Степанова О.Ю. Функциональные омонимы, объединённые омокомплексом *что*. – М., 2009.
34. Емцева О.В. Слова *более* и *менее* в современном русском языке. – М., 2010.

Докторские диссертации.

1. Штайн К.Э. Гармоническая организация поэтического текста. – СПб., 1994.
2. Кондратьева Г.Н. Обобщенность как структурно-семантическая категория в современном русском языке. – М., 1994.
3. Артюшков И.В. Внутренняя речь и её изображение в художественной литературе (на материале произведений Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого). – М., 2004.
4. Сыров И.А. Способы реализации категории связности в художественном тексте. – М., 2005.
5. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи. – М., 2006.
6. Политова И.Н. Подчинительные словосочетания в свете теории синхронной переходности. – М., 2009.
7. Хисамова Г.Г. Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В.М. Шукшина). – Уфа, 2009.

К.Э. Штайн.

Ответственность позиции и целостность теории.

340

Знакомый музыкант говорил о том, что интерпретация крупного музыкального произведения зависит от того, видишь ли ты его в единстве, целиком, можешь ли свободно оперировать им. Еще лучше хорошо знать все творчество большого композитора: тогда в сопоставлении можно увидеть особенности в системе целого. И вообще хорошо знать музыку. Так происходит и с лингвистами: наибольших успехов достигает тот, кто относится к языку как целостному образованию, умеет понимать, ощущать эту целостность, видеть главное, наблюдать за окрестными смыслами.

В.В. Бабайцева представляет тот тип гармоничного человека, ученого с многообразными интересами, который верен выбранной однажды профессии, всю жизнь сохраняет в душе ее пафос. Круг идей теории переходности языковых явлений, которой она посвятила свою жизнь, весьма обширен. Но для того, чтобы работать с переходными явлениями, нужно видеть язык как гармоническую стройную целостность, представляющую собой многомерное структурно-системное образование. Корнями своими теория В.В. Бабайцевой уходит в отечественную традицию. Русистике всегда был присущ целостный подход к языковым явлениям. Вспомним труды А.Х. Востокова, А.А. Потебни, Ф.И. Буслаева, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова. Это подлинные энциклопедии русского языка. Многоплановым энциклопедическим укладом ха-

рактеризуются и работы В.В. Бабайцевой. Она видит язык как динамическую целостность, во всем его объеме, всегда стремится к строгим и точным дефинициям. Не случайно В.В. Бабайцева – автор школьных и вузовских учебников по русскому языку. Науковеды (К.Р. Поппер, Т. Кун) утверждают, что уровень научного знания определяется наличием апробированных учебников, отображающих его.

В отечественной культурной традиции лингвистика и методика преподавания всегда взаимодействовали. По-видимому, все крупные языковеды заботились о том, чтобы их прозрения доходили до умов учителей и учеников. С другой стороны, талантливые педагоги опирались на достижения лингвистики своего времени. В.В. Бабайцева, как автор разнообразных школьных учебников, снабдила их множеством подсобных материалов: сборников упражнений, рабочих тетрадей, тренингов, программ и т.д. Называет она это направление лингвометодикой. Термин позволяет видеть единство теории и прикладных подходов в осмыслении языка.

В статьях последних лет она уделяет большое внимание вопросам теории, и в частности, структурно-семантическому направлению в лингвистике, которое она обосновывает в течение всей жизни, проблеме структурно-семантических классификаций, в том числе и сложного предложения. И это говорит о том, что конкретные вопросы решаются в контексте большой теории языка. Концепция В.В. Бабайцевой реализована в целостной теории, развивающей традиционное академическое языкознание. Она не имеет значительных зарубежных парадигмальных прививок, отсюда отсутствие в этом серьезных конкурентов.

Язык как структурно-системное образование находится в поле зрения ученых уже более ста лет. Достижения лингвистов первой половины XX века связаны с пониманием языка как строгой структурно-системной организации, обладающей внутренним совершенством. Это означает, что язык существует как имманентная целостность, в которой все приведено в соответствие, к гармонизации, связанной с определенной упорядоченностью элементов, их взаимообусловленностью. При этом гармония и совершенство проявляются не только в речи, возможности языка выполнять

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОЗИЦИИ
И ЦЕЛОСТНОСТЬ ТЕОРИИ

341

главную функцию коммуникации (синтагматика языка), но и в самом его устройстве, и особенно в вертикальном его строе, так как сформированная вертикаль (внутренняя структура) и в самом языке, и в тексте (в речи) – это и есть проявление гармонии.

В.В. Бабайцева убедительно показывает, что вертикальная структура языка, или его парадигматика, представляет собой иерархически заданную систему, в которой упорядоченность проявляется уже в том, что существуют уровни организации (от фонетико-фонологического до синтаксического), в том, что они изоморфны, то есть пронизаны едиными вертикальными структурами (морфизмами) на каждом уровне, которые показывают, что все уровни языка строятся на едином основании, хотя и с определенными модификациями, в зависимости от сложности устройства языкового уровня, и еще в том, что высшая единица предшествующего уровня языка является элементарной единицей последующего уровня (сравним, например, грамматическую форму слова – грамему – как высшую единицу морфологического уровня и синтаксическую форму слова как элементарную единицу синтаксического уровня организации языка).

Лингвистами первой половины XX века были определены основные постулаты и принципы изучения языка на синхронном срезе. Это разграничение и противопоставление синхронии и диахронии, их дополнительность и взаимосвязь; языка и речи, а также их единство; парадигматики и синтагматики и их производной составляющей – деривации. Было установлено соотношение структуры и системы языка. **Система языка** – это иерархически организованное множество единиц языка, состоящее из подсистем, объединенных единством категориальных признаков входящих в них единиц языка, которые находятся в отношениях взаимообусловленности. **Структура языка** – это ее инвариант, выражающий общие иерархические взаимоотношения и тот внутренний гармонизированный, устойчивый, упорядоченный строй, который имеет та или иная система. Структура – скелет системы.

В.В. Бабайцева вводит такие определения: «В настоящее время термин **система** обозначает общенаучное по-

нятие, требующее изучения чего-либо в анализе связей исследуемого факта с другими. **Система языка** – упорядоченная совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих единиц (элементов) языка, выступающих как целостное образование. Система языка (и его подсистемы) имеет определенную структуру. **Структура языка** – это строение целостного объекта (системы), составляющие его компоненты, способы и средства создания (оформления) целостности объекта. Роль (назначение) компонентов системы в языке называется его **функцией**. Совокупность уровневых и внутриуровневых систем обуславливает аксиоматичное положение: **язык представляет собой систему систем**» («Система языка как целостное образование»).

Для ученых первой половины XX века было важно найти в языке и даже исчислить все необходимые данные для определения начальных условий описания языка как структурно-системной организации. Поэтому огромное внимание было обращено на понятие языка как знаковой системы, а также ее моделирование. Язык как знаковая система изучается на высоком уровне абстрагирования от конкретной речевой организации. Язык как знак типизирует и обобщает структурные и системные параметры функционирования единицы языка и речи, включая в единстве план выражения (т.е. материальное или идеальное обозначение единицы языка), и план содержания (все возможные способы реализации значения). В иных терминах, которые больше связаны с русской лингвистической традицией, это единство внешней формы, внутренней формы и содержания (Плотин, В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня).

В осмыслении языковых единиц как знаков выявляются основы двух подходов к языку. Первый подход определяется отношением к языку как состоящему из знаков, относительно немотивированных по отношению их к реальной действительности. Понятно, что эта тенденция связана с теорией Ф. де Соссюра, который выстраивал постулаты «чистой» (в феноменологическом смысле этого слова) лингвистики, в которой «за скобки» выводились все «заранее-знания», в том числе и мотивированность слова, его этимон.

В противоположность этому в оноματοпоэтической парадигме, основу которой составляют теории В. фон Гум-

больдта, А.А. Потебни, большое внимание придается этимологической, поэтической, культурной и т.д. мотивированности слова, способствующей формированию феноменологически заданного неязыкового уровня организации языковых единиц (структуры сознания, как бы мы сейчас сказали, фреймы (шаблоны), картины, виды, сцены).

А.А. Потебня называл эту составляющую языкового знака «наглядностью», которая входила, в его понимании, в структурную организацию языковой единицы как знака. В логической семантике, когнитивной лингвистике второй половины XX века строгое понимание языкового знака (соссюрианское) было дополнено исследованием структур сознания, когнитивной составляющей знака, которые как раз и были определены в терминах феноменологии (виды, картины, сцены), но уже в связи с изучением прикладных аспектов языка (Ч. Филлмор, Ю. Чарняк, Т. Виноград и т.д.).

Понятный для структурного исследования языка строгий подход к ним обусловил интерес к моделированию языковой системы, определению и исчислению моделей, лежащих в основе структуры не только слова, но и предложения, и даже текста. В свое время понимание того, что в основе невероятного многообразия предложений, которыми мы пользуемся, лежит всего-навсего пара десятков моделей, которые с неизменным постоянством воспроизводятся в речи и являются практически врожденными для носителей того или иного языка, было настоящим откровением. Это позволило компактно и строго представить иерархию единиц языка такого сложного уровня, как синтаксис, точно определить реализацию моделей и множество их модификаций в зависимости от функционирования единиц языка. Что же касается текста, то именно применение критерия «регулярная воспроизводимость» моделей языка показало, что текст не является языковой единицей, так как не воспроизводит регулярных моделей (хотя, в принципе, моделируется), на основании чего о тексте говорят не как о языковой, а как о речевой единице.

То же самое можно сказать о лексике. Понятно, когда свободно моделируется такая (относительно) закрытая языковая система, как фонетико-фонологическая, со строго исчисляемым количеством элементов (фонем). Но сложно

представить, как можно моделировать и компактно описать такую открытую, вечно подвижную и практически необъятную по количественному составу подсистему, как лексика. Семнадцатитомный словарь Академии наук СССР, который был завершен в начале шестидесятых годов, отнюдь не давал тогда и, конечно же, не дает сейчас полного представления о том, какое количество лексических единиц входит в систему современного русского языка. Структурно-системный подход к исследованию лексики давал и сейчас дает огромные возможности для ее относительно строгого описания, а прибавление количества здесь уже дело не самое важное. На единых основаниях можно описывать все: и зафиксированные и не зафиксированные словарями лексемы и их значения.

Структуральная лингвистика выработала методы исследования и моделирования языковой системы, представляющие ее в синхронном единстве. Оппозиционный анализ, дистрибутивный метод, трансформационный анализ, анализ единиц по непосредственно составляющим и т.д. А если можно моделировать такую сложную и текучую, открытую систему, как систему языка, значит можно моделировать любые другие системы: культуру в целом, музыку, живопись. Все это позже было связано уже с семиотикой как наукой о знаковых системах, корни которой, несомненно, лежат в структуральной лингвистике Ф. де Соссюра. Такие системы получили название «языков искусства», которые рассматриваются теперь в отношении к природному языку как изоморфные сущности.

Не случайно один из выдающихся структуралистов К. Леви-Строс в работе «Структурная антропология» (1958) определил высокую значимость лингвистики для всего гуманитарного знания. Он показал, что лингвисты и социологи шли независимо друг от друга присущими им путями. «Они, – пишет К. Леви-Строс, – разумеется, время от времени приостанавливаются, чтобы сообщить друг другу о некоторых достигнутых ими результатах. Тем не менее эти результаты являются следствием различного подхода, причем не делается никаких усилий для того, чтобы дать возможность представителям одной специальности воспользоваться техническими и методологическими дости-

жениями другой. Подобная позиция могла быть объяснима в то время, когда лингвистические исследования опирались на исторический анализ. Этнологические изыскания, проводившиеся в этот период, отличались от лингвистических скорее по своей глубине, чем по самому их характеру. Лингвисты владели более точным методом, результаты их исследований были лучше обоснованы <...> Тем не менее при всем этом антропология и социология ждали от лингвистов только фактических сведений; ничто не предвещало откровения.

Возникновение фонологии внесло переворот в это положение. Она не только обновила перспективы лингвистики: столь всеобъемлющее преобразование не могло ограничиться одной отдельной дисциплиной. Фонология по отношению к социальным наукам играет ту же обновляющую роль, какую сыграла, например, ядерная физика по отношению ко всем точным наукам. В чем же состоит этот переворот, если попытаться выяснить его наиболее общие следствия? На этот вопрос дает ответ один из крупнейших представителей фонологии Н. Трубецкой. В программной статье «La phonologie actuelle» (1933) он сводит в конечном счете фонологический метод к четырем основным положениям: прежде всего фонология переходит от изучения *сознательных* лингвистических явлений к исследованию их *бессознательного* базиса; она отказывается рассматривать *члены* отношения как независимые сущности, беря, напротив, за основу своего анализа *отношения* между ними; она вводит понятие *системы*: «Современная фонология не ограничивается провозглашением того, что фонемы всегда являются членами системы, она обнаруживает конкретные фонологические системы и выявляет их структуру»; наконец, она стремится к открытию общих законов, либо найденных индуктивным путем, «либо... выведенных логически, что придает им абсолютный характер» (31, с. 35).

Таким образом, определение любой системы как знаковой, введение в структуру анализа понятия отношения позволяет использовать универсальные приемы, выработанные структурализмом, на основе универсального и инвариантного видеть индивидуальное, неповторимое в любой системе. При этом оговариваются условия системного

анализа и круг исследуемых единиц. Только в условиях относительно замкнутой системы могут определяться те отношения, которые являются предметом пристального внимания в структурализме (см.: 32).

Такие работы, как «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра и «Основы фонологии» Н. Трубецкого, до сих пор являются базовыми в научном мышлении лингвистов, так как они формируют принципы структурального подхода к языку. И сейчас, когда уже несколько раз произошла смена научных парадигм (скорее, модификация), очень важно знать основы структурализма, так как структуралистские процедуры, методы анализа – это и базис любого современного лингвистического исследования. Структуралистскими методами, процедурами анализа надо владеть уже и потому, что, рассматривая процессы функционирования языковых единиц, различные уровни языка, различные аспекты, в том числе логический, социальный, культурологический, надо знать об инвариантных позициях знаков и систем, которые описываются. **Инвариант** – это составляющая структуры языка, так как быть инвариантным – это значит быть независимым относительно некоторых преобразований, а стабильность, относительная неизменность – это свойство элементов структуры языка, а значит, и знаков языка. Система включает не только инвариантные позиции знаков, но и их варианты, т.е. запечатлевает не только стабильное, но и изменчивое в языке.

Вторая половина XX века отмечена (при всем внимании к структуре языка) проблемами функционирования языковой системы. Стало понятно, что любая модель, как и в других областях знания, огрубляет изучаемое явление, обобщая его, отменяя частности. Теперь уже языковеды стали обращать внимание на прикладные аспекты языка – те области знания, в которых язык был дополнительным предметом описания. В первую очередь, здесь следует отметить аналитическую философию (наиболее значимые представители – Л. Витгенштейн, Б. Рассел, Р. Карнап и др.). Логическая семантика, предложение и его смысл – это глубокие составляющие в описании единиц языка. Отношение к языку как способу фиксации знания и вообще всех аспектов бытия, как считали философы-аналитики, позволило

им рассматривать язык в его отношении к действительности (теория речевых актов Дж. Лакоффа, Дж.Л. Остина, Дж.Р. Сёрля, П.Ф. Стросона и др., см.: 36, 37).

В отечественной лингвистике в период идеологического прессинга со стороны социалистической государственности в этой области возникли большие пробелы в силу причисления неопозитивизма к идеологической диверсии. Действительно, это был чистый идеализм, так как аналитик идет не от действительности, а от языка и структур сознания, которые с ним связаны. При этом он абсолютно не отрицает реальности, материальной действительности, просто первично не исходит из нее, хотя в конечном счете приходит к ней. Например, в теории речевых актов, когда речь идет о референтности, косвенной референтности, перформативности – неперформативности, т.е. об отношении высказывания к реальной действительности.

Нужно заметить, что наука всегда шире, чем идеология, поэтому в недрах отечественного языкознания были тенденции изучать речь в ее отношении к действительности. В первую очередь, здесь следует сказать о теории речевых жанров М.М. Бахтина, который приблизительно в то же время, что и европейские и американские лингвисты, разрабатывал теорию речевых жанров (последнее понятие иногда рассматривается как синонимичное речевым актам), хотя понятие речевых жанров, в общем, шире понятия речевых актов, но в некоторых случаях действительно наблюдается их единство. Здесь на помощь приходит введенное М.М. Бахтиным разграничение первичных и вторичных речевых жанров: например, обычный рассказ о каком-то событии – первичный речевой жанр, а рассказ как литературный жанр является уже вторичным речевым жанром – литературным, в котором действуют особые законы (см.: 11).

Во второй половине XX века интересы лингвистов уже связаны с областью семантики, функционирования языка. Структурный критерий дополняется семантическими, функциональными критериями. Если сказать проще, то в первой половине XX века лингвистов в большей степени интересовал язык, а во второй половине XX века и речь. Хотя все это относительно, ведь при описании языка язы-

ковед имеет дело с речевой данностью, а при описании речи лингвист обязательно должен иметь в виду инвариантные позиции языковых единиц, то есть язык, его структуру. Достижений отечественного языкознания второй половины XX века не мало, но мы бы хотели отметить теорию переходности языковых явлений В.В. Бабайцевой, теорию многомерного и динамичного подхода к языку Л.Ю. Максимова, роль функциональной грамматики русского языка, подготовленной А.В. Бондарко, его последователями и учениками. Но без структурирования и структурализма здесь также дело не обошлось. А.В. Бондарко, анализируя язык и речь на разных уровнях абстракции, выделяет функционально-семантические поля, которые имеют наиболее общие значения, связанные с процессом функционирования единиц языка: поля темпоральности, локативности, модальности, залоговости, персональности и т.д. В результате исчезает резкая граница между уровнями описания и функционирования единиц языка. Так, например, семантическое поле темпоральности составляют разноуровневые единицы языка: лексические единицы со значением темпоральности, морфологические и синтаксические – с временными показателями. Но учитываются еще и разнообразные процессы, которые возникают в ходе речевой реализации единиц языка, например, процесс транспонирования временных значений, «овременение пространства» и «опространствование времени» и т.д. (см.: 12, 13, 14, 15)

Именно А.В. Бондарко так настойчиво стал говорить о соотношении структуры и системы, структуры, системы и среды, подразумевая под средой те возможные окружения языковых единиц, которые не являются прозрачными, легко не обнаруживаются в процессе жесткого структурального анализа. В работе «Основы структурного синтаксиса» (1976) Л. Теньер рассматривает некоторые структуры языка и трансляции единиц языка, в результате преодолевая резкую границу в описании языка между морфологией и синтаксисом.

Рассмотрение когнитивных структур языка – также процесс, связанный со структурализмом. И Р. Якобсон, и Б. Рассел указывали на взаимное влияние структуральной лингвистики и аналитической философии. Как прави-

ло, в когнитивистике мало ссылок на феноменологию, хотя процессы структурирования сознания, общие и частные, были разработаны именно в феноменологии. Не раз указывалась и связь феноменологии и структуральной лингвистики. Так, например, процесс описания интегральных и дифференциальных признаков, с помощью набора которых мы имеем представление, например, о фонеме, очень напоминает используемый в классической феноменологии процесс «приведения к ясности», когда «за скобки» выводятся «заранее-знания», а ученый с помощью определенной постановки (спрашивать у вещей) выявляет сущностное содержание феномена (см.: 20)

Родоначальник феноменологии Э. Гуссерль занимался структурами сознания («сознание о»), выявляя слои, в которые входит сознание о том или ином предмете (феномене) и т.д. Исходил при этом он из языка, и процесс феноменологической редукции идет от звуковых оболочек слов к общему предметному содержанию, конкретным значениям вплоть до обнаружения неязыковых слоев, которые стоят за словами, – видов, картин, сцен, актуализирующихся в процессе «сознания о» предметах, явлениях, связанных со словами. Последний этап – это адекватация «сознания о» предмете с конкретным предметом действительности. Феноменология – очень хорошо разработанная область философского знания, связанного с языком. Вся когнитивистика, в том числе и теория речевых актов, взаимодействует с феноменологией, так как феноменология – это структурализм мысли. К сожалению, лингвисты, занимающиеся когнитивистикой, очень мало обращаются к феноменологии. Поэтому пропущенным оказывается важный момент – сама процедура определения соотношения языкового, в частности языковых значений, и неязыковых значений (по Р. Ингардену, неязыковых слоев, по Гартману, «заднего плана» значений). Лозунг Ч. Филлмора: «Значения соотнесены со сценами» – явно проистекает из связи когнитивистики с феноменологией (см.: 52).

XX век вообще, и особенно его вторую половину, можно назвать веком лингвистического плюрализма – так много различных течений, направлений было выработано в лингвистике, так много сделано в области «лингвистики

на краях», во взаимодействии ее с философией, социологией, психологией и культурой.

Конец XX века ознаменовался вниманием уже не только к структуре языка и процессам функционирования языковой системы, но и к неструктурному в структуре, маргинальным элементам в языке, что также является реакцией на жесткое структурирование языка. Здесь и внимание к пластам лексики, находящимся за пределами литературного языка, к нелинейному подходу в исследовании текста, к установке отхода от «логоцентричности» в исследовании языка и текста. В этой связи особенно следует отметить лингвофилософские исследования Ж. Деррида, который изучал не только организацию текста, но и внутреннюю самоорганизацию, а также сбои, отклонения, внутренние подструктуры, «следы» и «метки», по которым можно определить ход мысли художника или ученого, написавшего тот или иной текст, а также те моменты внутренней организации, которые являются свидетельством рождения порядка из хаоса.

Все это говорит о том, что языковая система в ее имманентном состоянии – очень важная часть лингвистического описания, но только часть, хотя и, может быть, наиболее сущностная. Структуральное описание языка направлено на выявление симметрии в структурно-системной организации языка, инвариантной его сущности. Но если бы язык был строго симметричной организацией, то это один из неприменных путей к его смерти, так как жесткая симметрия – неподвижность, окаменелость, смерть. Жизнь языка – в его деятельностной и динамичной сущности. Но в то же время, если бы мы делали установку только на динамику языковых процессов, мы бы потеряли язык, он бы растворился в описании многообразных речевых данностей. Вывод один – надо брать язык «в пределе его» (П.А. Флоренский), в единстве неподвижности и подвижности, неизменности и изменчивости, инвариантности и вариативности.

Понятно, что, когда мы говорим о некотором огрублении языка в структуральных исследованиях, представлений о языке, мы в то же время понимаем, что такая мощная фундаментальная теория, как теория структурализма, должна содержать истоки функциональных подходов. Так, «праз-

ский функционализм» уже предусматривал функциональный план описания языковых явлений, противопоставление языка и речи Ф. де Соссюром тоже его предусматривает.

Следует особо отметить работу С. Карцевского о природе динамизма языковых явлений на синхронном срезе языка, в которой определяется причина динамизма – асимметричный дуализм языкового знака, его подвижная и неподвижная природа одновременно («Об асимметричном дуализме лингвистического знака»). Любой языковой знак как некая единичная имманентная сущность имеет, как правило, не одну, а несколько семантических и синтаксических функций. В результате этого он потенциальный омоним и синоним одновременно по отношению к другим знакам, так как многоплановой областью своих значений и функций он соприкасается и находится во взаимообусловленности с другими знаками. Отсюда синонимические отношения с другими знаками, а при перегруженности функциями в речи могут нейтрализоваться первичные семантические и синтаксические функции. Знак становится самостоятельным, вступает с исходным знаком в омонимичные отношения. Именно С. Карцевский делает вывод о неподвижной и подвижной природе знака одновременно (см.: 28). Разработанное С. Карцевским понятие асимметричного дуализма языкового знака коррелирует с известными антиномиями В. фон Гумбольдта, и в частности с антиномией устойчивости и движения в языке.

Именно в недрах структурализма в русле никогда не иссякающей отечественной описательной традиции языкознания в 50-е – 60-е годы в России возникло структурно-семантическое направление, которое формировали такие лингвисты, как В.В. Виноградов, Н.С. Пospelов, В.А. Белошапкова, В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов и др. В последнее время наиболее ярким выразителем этого направления является В.В. Бабайцева, которая настаивает на развитии российского языкознания на базе отечественной лингвистической традиции, конечно же, в диалоге с зарубежными лингвистами (см.: 4, 8, 10).

Теория В.В. Бабайцевой отличается особой последовательностью в преемственности и развитии идей отечественного языкознания, она характеризуется особой вну-

тренней стройностью (как говорят ученые, внутренним совершенством), отсутствием эклектичности. Последняя возникает в процессе множества парадигмальных прививок, как правило, из области зарубежного языкознания, философии языка.

Динамические исследования языковых явлений на синхронном срезе языка основываются на структурно-семантическом подходе в языкознании. Моменты нестабильности, обнаруживаемые в процессе функционирования систем, требовали обоснования, кроме того, было изначально понятно, что и сами системы взаимодействуют друг с другом. Система – это «упорядоченная и внутренне организованная совокупность взаимодействующих и взаимосвязанных объектов, образующих определенную целостность» (2, с. 118). Организованность возникает из неорганизованности, то есть порядок из хаоса, при том, что эти процессы существуют одновременно.

В настоящее время из очень бурной полемики рождается «новая наука», суть которой можно определить как отход от абсолютизма идеалов рациональности. Это, в первую очередь, касается теории «диссипативных структур» И. Пригожина и Р. Тома. В ракурсе обсуждения этих исследователей лежат ситуации, когда из «невыразимого» рождается «выразимое», или, по выражению И. Пригожина, «порядок рождается из хаоса», «шума» («случайных флуктуаций») (44, с. 20, см. также: 30, 35, 43). Флуктуации (случайные, незначительные изменения изначальных условий) непредсказуемым образом меняют траектории систем, однако сами траектории тяготеют к определенным типам (аттракторам) – и вследствие этого переводят систему нестабильную (среду) в новое стабильное состояние (гармонию). Лингвистика является одной из областей, включенных в разработку системных исследований. В философии, гуманитарном, естественнонаучном знании обосновываются идеи общей теории систем, разрабатываются системно-целостные мировоззренческие и методологические установки.

В настоящее время ученые разрабатывают проблемы, связанные с исследованием «открытых систем». Открытая система определяется как нечто дополнительное

по отношению к закрытой системе. При этом чаще всего рассматриваются такие открытые системы, которые стремятся к состоянию «подвижного равновесия». Система такого вида имеет некое начальное состояние, которое может варьировать в значительных пределах определенный структурный механизм, и конечное состояние, которое для каждой системы является постоянным. **Структура системы определяет ее поведение и развитие.** Не всегда можно определить конечное состояние системы, можно лишь, исходя из постоянного и известного в каждом конкретном случае, выразить поведение системы как стремление к этому конечному состоянию.

Построение единой теории остается проблемным, но выявление изоморфизма законов, относящихся к различным сферам реальности, является актуальным. Важно, что динамическое взаимодействие оказывается основополагающим признаком открытых систем, к которым относится и язык. Сейчас внимание исследователей сосредоточено на анализе неравновесных и необратимых состояний сложных и сверхсложных **динамических систем**. Сложная и сверхсложная динамическая система состоит из большого числа взаимодействующих объектов. Это линейные и нелинейные системы. Понятно, что в способности сложной системы порождать порядок и организацию из беспорядка и хаоса в результате процесса самоорганизации важнейшую роль играет случайность.

Принципиально важно различать синергетику как научную картину мира и синергетику как совокупность конкретных моделей самоорганизации, применяемых в различных областях знания: физике, химии, гуманитарном знании. К принципам синергетики относится гомеостатичность, иерархичность, нелинейность, неустойчивость, незамкнутость, динамическая иерархичность. «Ключевой идеей обоснования синергетических представлений, включаемых в общую картину мира, – пишет В.С. Степин, – выступает глобальный (универсальный) эволюционизм» (50, с. 68).

Согласно теории системных исследований, система как множество элементов с отношениями и связями между ними, образующими определенную целостность, проявляет и формирует все свои свойства во взаимодействии со

средой (12, с. 13). Понятие **среды**, которое использовалось преимущественно в точных науках, как раз и призвано объяснить моменты неустойчивости в процессе функционирования систем. Среда, например, по отношению к той или иной языковой единице, категории или группировке как исходной системе трактуется А.В. Бондарко как множество языковых (и в части случаев также и внеязыковых) элементов в рамках более широкой системы, вмещающей исходную, а также в разных смежных сферах, «играющих по отношению к исходной системе роль окружения, во взаимодействии с которым эта система выполняет свою функцию» (там же, с. 14). В настоящее время понятия неустойчивости, среды, функционирования систем получили философское обоснование.

Наиболее мощной объяснительной силой в процессе осознания взаимодействия системы и среды обладают понятия самоорганизации и организации (детерминированности и индетерминированности) и вертикальности в организации системы, ее открытости и закрытости (герметичности). При этом из «невыразимого» рождается «выразимое», или, как мы уже упоминали, «порядок» рождается из «хаоса» («шума», «случайных флуктуаций») (44, с. 20).

«Целевая причинность, – пишет В.С. Степин, – понятая как характеристика саморегуляции и воспроизводства системы, дополняется идеей направленности развития. Эту направленность не следует толковать как фатальную предопределенность. Случайные флуктуации в фазе перестройки системы (в точках бифуркации) формируют аттракторы, которые в качестве своего рода программ-целей ведут систему к некоторому новому состоянию и изменяют возможности (вероятности) возникновения других ее состояний» (50, с. 62).

В больших системах, как указывают ученые, имеется внутренняя программа функционирования. Система предстает как саморегулируемый процесс. В процессе функционирования системы возникают новые кооперативные эффекты в результате определенных взаимодействий. В системе постоянно происходит процесс обмена внутренней энергией со средой, **как инвариант варьируемых взаимодействий со средой.** Усложнение системы в ходе функцио-

нирования связано с появлением новых уровней организации, сменой одного инварианта другим, переходом одного типа саморегуляции к другому. Процессуальность системы имеет два аспекта – саморегуляцию и саморазвитие. Саморазвитие систем связано с представлением о **превращении возможности в действительность**.

«Представьте себе, – пишет С.П. Курдюмов, развивающий теорию порядка в отечественной философии, – сплошную открытую среду, то есть среду, обладающую источниками и стоками энергии. Такая среда неоднородна и в некотором смысле совершенна. Но через некоторое время именно из-за своей открытости и нелинейного характера источников и стоков энергии... в ней начинают возникать динамические структуры определенной конфигурации. Универсальная вещь: непрерывная однородная среда самоорганизуется, распадается на дискретные структуры, и при этом обнаруживаются механизмы самоорганизации, останавливающие разрушительное действие диффузных процессов, и, кроме того, следует подчеркнуть, что источники и стоки энергии находятся в каждой точке этой среды, то есть каждая точка излучает и поглощает энергию» (27, с. 55).

В последние десятилетия уделяется большое внимание письменной речи – письму вообще. Как показали исследования постструктуралистов, и в первую очередь работы Ж. Деррида, в текстах, представленных на письме линейно, в виде книги, форма мышления приходит в противоречие с формой письма (см.: 21, 22, 23). Деррида прослеживает внутренние процессы текста и разрушает фактическую его линейность и замкнутость, при этом обнаруживаются бесконечные цепочки и сети между его смысловыми элементами. Текст лишается логоцентричности и фоноцентричности в привычном понимании этих терминов. «Это переплетение приводит к тому, что каждый элемент – будь то фонема или графема – конституируется на основе имеющегося в нем следа элементов цепи или системы. Это переплетение, эта ткань (textile) есть текст, и он создается лишь в процессе трансформации другого текста» (46, с. 59).

То, что мы называем средой, «включает определенные частные системы, но по отношению к системе, являющейся основной, исходной в данной ячейке системно-структурной

организации, они играют роль обуславливающего и обусловленного окружения, благодаря которому взаимодействующая с этим окружением исходная система может выполнять свои функции» (12, с. 15).

Среда относительно однородна и в некотором смысле действительно совершенна, так как она уже образована в процессе отбора элементов. В силу разрывов линейных связей в ней начинают возникать динамические структуры определенной (симметричной) конфигурации. Непрерывная, относительно однородная среда самоорганизуется, распадается на дискретные структуры, и при этом обнаруживаются механизмы самоорганизации, некие инварианты («источники») находятся во множестве точек этой среды, так что каждый элемент как бы излучает и поглощает семантическую и структурную энергию языка или текста. При этом элементы системы – языка – находятся в потенциальной и вероятностной возможности демонтажа, деконструкции с тем, чтобы быть организованными на новом – гармоническом – основании.

Таким образом, порядок и беспорядок в языке возникают и существуют одновременно: «хаос», возникший в процессе децентрации языка как структурно-системного образования, порождает порядок, при котором могут возникать определенные структуры, задаваемые собственными функциями среды. Функции среды как адаптивной самонастраивающейся системы обусловлены горизонтальными (синтагматика) и вертикальными (парадигматика) динамическими процессами.

Система может быть связана с разнородными плоскостями среды. Морфема, например, в этом плане характеризуется связью с графемами, со звуковыми комплексами, отдельными звуками, со словами и предложениями. В образовании внутренних гармонических вертикалей в языке важно взаимодействие морфемы (морфа) с системой гетерогенных микросред и с макросредой – в данном случае таковой является языковая среда в целом.

Нелинейность – фундаментальный «концептуальный узел» новой парадигмы, неклассического знания нового времени. Ж. Деррида, один из ведущих представителей постструктурализма, считал, что древнейшие формы

письма носили нелинейный характер. Экономике, технике, идеологии эпохи цивилизации в определенной степени соответствовало линейное письмо. Но уже более века можно наблюдать в науке, литературе, философии революции, происходящие в этих сферах. Их можно интерпретировать как потрясение, постепенно разрушающее линейную модель (см.: 21).

В отечественном языкознании второй половины XX века есть теории, в которых наиболее явно обозначены проблемы системного подхода к динамическим явлениям на синхронном срезе языка. Понимание системного подхода к исследованию динамических явлений означает, что мы исходим из понятий системности, синхронии, но делаем установку на динамику языковых явлений на синхронном срезе языка. Для этого существуют разные подходы, в том числе и функциональный, но мы в данном учебном пособии будем делать установку на осмысление двух теорий, которые, как нам представляется, имеют взаимодополнительный характер.

Деятельностная концепция языка В.В. Бабайцевой, выражающаяся в том, что взаимодействующие подсистемы (системы) языка порождают синкретичные языковые явления, совмещающие признаки единиц противоположных классов, находится в корреляции с некоторыми другими деятельностными концепциями, которые возникли в той же эпистемологической реальности. К ним, несомненно, относится многомерная классификация сложноподчиненных предложений Л.Ю. Максимова, которая положена в основу докторской диссертации ученого (1971). Название ее – «Многомерная классификация сложноподчиненных предложений». Впоследствии на лекциях он называл свою классификацию многомерной и динамичной, подчеркивая стремление найти адекватное описание деятельности языка.

Теория переходности и синкретизма языковых явлений, которую разрабатывает В.В. Бабайцева, связана с обоснованием и фиксацией взаимодействия систем и подсистем языка, в результате чего в языке возникают кооперативные эффекты, процессы переходности, приводящие к синкретизму языковых явлений, то есть со-

пряжению в одном языковом знаке семантических и синтаксических функций противоположных языковых знаков. Эта теория в итоге оказывается связанной с такими общенаучными идеями, как идеи «размытых множеств», «паранепротиворечивой логики». Что же касается теории многомерной классификации сложноподчиненного предложения Л.Ю. Максимова, то в ней делается установка на раскрытие внутренних механизмов динамичности синтаксических моделей, которые в итоге также характеризуются «кооперативными» эффектами: одно придаточное как языковой знак может совмещать несколько семантических и синтаксических функций парадигматически противопоставленных придаточных.

В лингвистике существует противопоставление двух подходов к рассмотрению языковых явлений: 1) подход с точки зрения закона жесткой детерминации – рассмотрение строго однозначного характера связей и зависимостей и 2) вероятностный (здесь в широком смысле) подход, по которому наряду со строго однозначными связями и зависимостями устанавливаются закономерности типичных «случайных», второстепенных зависимостей, причем типичность, «массовость» выступает как некоторый аспект системности. Проблема динамики языковых явлений на синхронном срезе языка издавна волновала ученых.

Толчок к исследованию живой языковой динамики дали работы младограмматиков. Сейчас актуально высказывание Г. Остгофа и К. Бругмана о том, что лингвисты «с исключительным рвением исследовали языки, но слишком мало – говорящего человека» (39, с. 153). Обращая внимание на внутреннюю динамику живых языков, младограмматики установили, что истинной причиной изменения узуса является речевая деятельность. Г. Пауль подчеркивал, что изменение узуса – общий итог ряда индивидуальных изменений при условии их повторяемости. Ученый выдвинул понятие контаминации. «Контаминацию, – писал он, – я понимаю как явление, заключающееся в том, что две синонимичные или в чем-то родственные формы выражения мысли возникают в сознании рядом друг с другом, так что ни одна из них не реализуется в чистом виде, а вместо этого возникает новая форма, в которой элементы одной формы

смешиваются с элементами другой» (40, с. 191). Г. Пауль рассматривал контаминацию изоморфно – от фонетического облика отдельных слов до «синтаксических сочетаний».

В теоретическом плане наиболее четкое обоснование динамичности языкового знака было дано С. Карцевским, о котором мы уже упоминали. Он видел в языковом знаке потенциальный омоним и синоним потому, что «один и тот же знак имеет несколько функций» и обладает подвижным характером: «Если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток» (28, с. 85). В то же время для того, чтобы знаки не стали неподвижными до такой степени, что они ничего бы не значили в языке, «природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно» (там же).

Последовательное противопоставление статики и динамики как функциональных аспектов синхронии характеризует Пражскую лингвистическую школу. В качестве примера теории, учитывающей аспект динамичности в синхронии, можно привести «живую грамматику» О. Есперсена, в которой противопоставляются «единицы типа формул» и «свободные выражения», причем последние, в свою очередь, противопоставляются «типу», по которому они строятся и «который должен быть действительно живым, так как само свободное выражение есть сложное действие со стороны говорящего» (25, с. 15–29).

С этим подходом в общих чертах соотносятся принципы современной трансформационной грамматики, которая призвана раскрывать механизм порождения многообразных правильных конструкций на основе противопоставления их ограниченному количеству инвариантов. В порождающей грамматике о динамических структурах не говорят, на самом же деле поиски описания языка в виде правил, порождающих предложения, представляют собой не что иное, как стремление описать этот язык как динамическую структуру (функциональная динамика).

Особый путь исследования и описания типологии простого предложения опирается на русскую синтаксическую традицию. В.В. Бабайцева всегда находилась в русле отечественной лингвистической традиции, но у нее есть

свои предпочтения и в зарубежной лингвистике – это чешские ученые («Пражский лингвистический кружок» и его последователи), французская школа – Ш. Балли, Л. Теньер. Пражцы помогли подтвердить наблюдения над функциональной природой языка и многоаспектностью в подходе к описанию языковых явлений, а в Теньере, по-видимому, привлекали лабильные установки в исследовании структуры языка. Отечественная парадигма, на которой основана теория В.В. Бабайцевой, коррелирует с ведущими направлениями языкознания и общенаучными идеями XX века, а значит, входит в эпистему своего времени.

Известно, что истоки русской лингвистической традиции, и в частности, теории синтаксиса, следует искать в античности. На труды античных ученых в первую очередь ориентировался М.В. Ломоносов. От Ломоносова до Потебни учение о предложении в русском языке строилось на логической основе, но при этом и к предложению, и к исследованию членов предложения ученые подходили интегративно, комплексно. Интересно вспомнить полемику Ф.И. Буслаева и А.А. Потебни по поводу включения определенных аспектов в описание предложения. Ф.И. Буслаев, как известно, считал, что грамматика должна опираться на логические начала, так как в синтаксисе новейших языков господствует «отвлеченный смысл логических законов».

Критикуя Ф.И. Буслаева, А.А. Потебня подводит нас, находясь в русле традиции, к многоаспектному, интегративному подходу в исследовании предложения: «По Буслаеву, «предложение, как суждение, выраженное словами, состоит из подлежащего и сказуемого, например, «человек мыслит», «науки полезны» (Гр., § 120), – пишет Потебня. – Нам же известно, «что под «добрый человек» и «любить науки» тоже могут разумеаться суждения, но выражения эти не суть предложения. С другой стороны, правда, что суждение должно состоять из двух членов; но есть такое определение предложения, более верное, чем ходячее, по которому выходит, что не только «хочется», но и «хочу» суть предложения без грамматического подлежащего. Существенный признак предложения в наших языках состоит в том, что в предложение входят части речи; если их нет, то нет нашего предложения. На это обстоятельство нет

даже намек в определении предложения как суждения, так как из понятия о суждении части речи выведены быть не могут» (42, с. 71).

Интегративный подход позволил А.А. Потебне говорить о синхронической динамике языковых явлений: «Образование и изменение грамматических форм, составляющих формальное (грамматическое) содержание предложения, есть другое название для изменения самого предложения, то есть того ближайшего целого, в коем совершается жизнь этих форм. Понимая язык как деятельность, невозможно смотреть на грамматические категории, каковы глагол, существительное, прилагательное, наречие, как на нечто неизменное, раз навсегда выведенное из всегдашних свойств человеческой мысли. **Напротив, даже в относительно небольшие периоды эти категории заметно меняются** (выделено мной. – К.Ш.). <...> Глагольность предложения, степень его единства с течением времени изменяются. Точно так отвлечение, которое называем «имя», в жизни языка представляет изменчивое множество признаков. Степень атрибутивности и предикативности имени и его противоположности глаголу изменяется. И вообще в языке, не только говоря a priori («все течет»), не может быть, но и a posteriori нет ни одной **неподвижной** (выделено мной. – К.Ш.) грамматической категории. Но с изменением грамматических категорий неизбежно изменяется и то целое, в котором они возникают и изменяются...» (там же, с. 83).

Определялись новые позиции, анализировались новые аспекты, но единство, органическая целостность, присущая языку, оставались в поле зрения исследователей. Видимо, именно благодаря этому появилась впоследствии теория многоаспектного подхода, установка на изучение синкретизма и переходности языковых явлений на синхронном срезе языка, именно поэтому использовался многомерный и динамичный подход к исследованию сложного предложения.

В этом русле работали В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова, В.А. Белошапкова, В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов и др. Говоря об особенностях подхода В.В. Виноградова к исследованию языка, Н.Н. Прокопович и В.А. Белошапкова под-

черкивают, что «грамматическое учение о слове В.В. Виноградова направлено на изучение **языковой действительности во всей ее многогранности и сложности** (выделено мной. – К.Ш.), ему глубоко чужды какие бы то ни было способы упрощения лингвистического объекта» (17, с. 5–6).

Выделяя динамическое представление синхронной системы языка в коллективной монографии «Гипотеза в современной лингвистике» (М., 1980), авторы ее указывают, что «динамика языка прежде всего – в самом осуществлении речевого акта, в речевой деятельности, в использовании языка» (18, с. 230).

Появление в 1967 году монографии В.В. Бабайцевой «Переходные конструкции в синтаксисе» было обусловлено научной необходимостью. Как отмечалось во введении, «явления переходности в языке привлекали внимание многих лингвистов, отмечаются в наших грамматиках, не раз были предметом специальных исследований, но ряд вопросов, связанных с проблемой переходности, остается нерешенным» (6, с. 5). В.В. Бабайцева и разрешила этой этапной монографией многие нерешенные вопросы, вписав проблему переходности в современную научную парадигму.

В период увлечения структурным аспектом при исследовании и описании разновидностей простого предложения в центре внимания оказался морфологический способ выражения главных членов, отмечает В.В. Бабайцева. Следствием этого увлечения является составление списков структурных схем простого предложения, классификация односоставных предложений в зависимости от того, какой частью речи выражен главный член. Вне поля зрения исследователей, примыкающих к отмеченным точкам зрения, остались многочисленные синкретичные (промежуточные и периферийные) типы, тогда как анализ их природы позволяет более четко выявить структурные и семантические свойства типичных синтаксических конструкций и определить место синкретичных образований в системе типов простого предложения, установить системные связи между типичными и синкретичными явлениями.

Теория переходности призвана зафиксировать моменты нестабильности системы и возможности ее самоорганизации. Источник нестабильности В.В. Бабайцева

находит в речи. Условия и предпосылки явлений переходности определяются так: «Все новое, как известно, появляется в речи, а затем может исчезнуть или стать достоянием языковой системы. Это характерно и для переходных явлений. Все преобразования, отраженные в языковой системе, происходят первоначально в условиях речи, в речевой деятельности говорящих, подыскивающих наиболее точные языковые средства для выражения мысли во всем богатстве ее оттенков, с той точностью, которую хочет выразить говорящий – творец речи. Общие условия переходных явлений на всех уровнях языка связаны с функционированием языковой системы, с наличием в ней противопоставлений (оппозиций языковых единиц). Оппозиции... связаны явлениями переходности, которые пронизывают все уровни языка и речи. Непосредственным толчком к появлению конкретных переходных фактов являются обычно сдвиги в соотношении формы и содержания» (10, с. 187).

В.В. Бабайцева ставит вопрос о необходимости изучения явлений переходности – явлений, связанных с синкретизмом (совмещением, синтезом) семантических и грамматических свойств разных частей речи, членов предложения, синтаксических конструкций, которые наблюдаются в каждый отдельный момент развития грамматического строя языка. «Для значительного количества языковых фактов типичные синтаксические модели и лексико-грамматические классы слов оказываются «прокрустовым ложем». Стремление втиснуть промежуточные явления в эти категории наталкивается на упорное сопротивление языкового и речевого материала и ничего не дает для выяснения их подлинной сущности», – пишет она (5, с. 6).

Так, односоставные и двусоставные предложения, входя в систему типов простого предложения, не существуют изолированно друг от друга; они находятся в постоянном взаимодействии. Граница между ними диалектически подвижна. Типичные модели простого предложения образуют те опорные точки, на которых строится вся система классификации безграничного разнообразия типов простого предложения, включающих множество переходных (промежуточных) конструкций, которые нарушают стройность классификационных схем (там же, с. 4).

Рассматривая конструкции, сочетающие свойства двусоставных и односоставных (безличных именных) предложений, В.В. Бабайцева установила, что стабильные синтаксические модели соотносятся с определенными видами мысли. Поэтому глубокое изучение синтаксических конструкций невозможно без семантического аспекта, предполагающего выяснение логической основы анализируемых синтаксических единиц. Учет семантико-стилистических и грамматических свойств синтаксических единиц потребовал исследования их в системе языковых единиц, с учетом связей и соотношений. Так, например, В.В. Бабайцева указывает, что двусоставные и односоставные предложения возникают, развиваются и существуют при постоянном взаимодействии, образуя перекрещивающиеся круги, на периферии которых находятся модели с какими-либо нечетко представленными признаками центральных, типичных случаев. Анализ соотношения типа модели и вида мысли показал, например, что неопределенно-предметные предложения стоят на семантической оси ближе к односоставным предложениям, а конструкции с инфинитивом и словами на -о – ближе к двусоставным. Это позволило отграничить неопределенно-предметные предложения от двусоставных, а все конструкции с инфинитивом – от односоставных. В исследуемом ряду синтаксических моделей были выделены синтаксические синонимы, различающиеся разной степенью дифференциации мысли – от предельной неопределенности субъекта мысли в безличных предложениях – до полной определенности в соотносительных двусоставных предложениях. Разная степень неопределенности – определенности предмета мысли обусловлена коммуникативной задачей сообщения, стремлением говорящего выразить нужный ему оттенок мысли (там же, с. 33–34).

Шкала переходности, которую ввела В.В. Бабайцева, позволила показать место зоны синкретизма, характер синкретичных явлений, количественное соотношение синтезирующихся признаков, уточнить понятийно-терминологическую систему (10, с. 132). Впоследствии было уточнено понятие зоны синкретизма: «Зона синкретизма – это область переходных образований, характеризующихся

синтезом (совмещением) дифференциальных признаков взаимодействующих явлений как в синхронном, так и в диахронном плане» (там же, с. 133). По сути, каждая из изучаемых систем (например, двусоставные предложения – односоставные предложения) является и системой и средой по отношению друг к другу.

Интерпретируя В. фон Гумбольдта, Г.Г. Шпет отмечает, что понятие языковой формы простирается за пределы словосочетания и словообразования, поскольку под последним подразумевается применение общих логических категорий действия, субстанции, свойства, то есть общих категориальных свойств языка, связанных со структурой. Форма может быть предметом сопоставительного изучения, но реально она существует только в своей материи. Понятие материи в трудах философов языка близко к нынешнему пониманию языковой среды. Г.Г. Шпет указывает: «Чистая материя есть чистая абстрактность и несамостоятельность. Об ее конкретных свойствах так же мало можно сказать, как обо всякой отвлеченности, о «белизне», «возвышенности» и тому подобное, – если, конечно, мы не собираемся гипостазировать такие понятия в некий метафорический абсолют. Материя мыслится оформленной. В противопоставлении форме материя только относительно чиста, а не безусловно. Нет поэтому другого средства получить **методологически** иногда необходимую, «чистую» материю, как помыслить ее за пределами той системы форм, в пределах которых помещается предмет нашего изучения. Раздвинув рамки системы, мы тем самым релятивизируем и условно допущенную «чистую» материю» (54, с. 62).

Здесь есть явные указания на многообразие отношения системы, и важно установить как пределы функционирования системных элементов, так и взаимодействие их на краях системы, которая на этом этапе может давать асистемные показатели. «Материя языка функционирует в нем, как питательные соки в растении. Трудно точно установить, когда она в его дыхании и испарении выходит за пределы его форм», – пишет Шпет (там же, с. 65). При этом он выделяет два значения термина «материя языка», которые понимает как два мыслимых предела, реально известных нам только в своей оформленности. «Поскольку мы

говорим о форме по отношению к так понимаемой материи, мы можем толковать самое форму – формально, как некоторое **отношение** между двумя терминами – **пределами**, или реально, как языковую энергию, образующую языковой поток в некое структурное единое целое» (там же).

Это все в совокупности способствует постоянной мобилизации языковых «сил». Внутренние формы лежат между внешними, предметными. «Между» и есть не что иное, как своего рода *отношение* между указанными пределами, составляющими меняющиеся, живые термины этого отношения. Называемая «словом» вещь меняется и живет в природе и истории. Звучащая речь также меняется и живет в природе, вместе с нею меняется и живет языковая конструкция в истории, а следовательно, и определяемое этими терминами отношение, в свою очередь, меняется и живет во всех формах своего обнаружения. Этим самым оно заявляет о себе, что оно – отношение динамическое (там же, с. 93).

Так, синтаксический ряд, объединяющий односоставные (безличные именные) и соотносительные двусоставные предложения, включает, по В.В. Бабайцевой, следующие модели:

А. Односоставные (безличные именные) предложения типа: *Мне грустно из-за дождя.* **Аб.** Неопределенно-предметные односоставные и двусоставные предложения типа: (при виде дождя) *Грустно! Это грустно! Все грустно!* **АБ.** Предложения со сказуемым-словом на -о в сочетании с местоимением-подлежащим и без местоимения, входящие в состав сложных предложений разных типов: *Идет дождь, и это грустно. Грустно (то), что идет дождь. Грустно, потому что идет дождь* и так далее **аб.** Двусоставные несогласованные предложения типа: *а) Дождь – (это) грустно! б) Грустно смотреть на дождь. Смотреть на дождь грустно.* **Б.** Двусоставные предложения с подлежащим-существительным и сказуемым – кратким прилагательным среднего рода типа: *Лицо ее грустно.*

«В этом синхронном синтаксическом ряду (**А – Аб – АБ – аб – Б**) полярные точки **А** и **Б** – это типичные синтаксические модели, обладающие комплексом семантических и грамматических свойств. **А** – типичные односоставные (безличные именные) предложения и **Б** – типичные двусо-

ставные предложения. **Аб, АБ и аБ** – это переходные (промежуточные) звенья, в которых сочетаются семантические и грамматические свойства разноструктурных конструкций, то есть моделей **А и Б**», – пишет В.В. Бабайцева (5, с. 27).

Характерная особенность данного синтаксического ряда – способность к взаимозаменяемости в конкретных условиях коммуникации.

Интерпретация группировки трансформ невозможна без семантического анализа. Основа семантики предложения, как считает В.В. Бабайцева, – характер выражаемой мысли, осложненной внутриязыковыми факторами, системными связями синтаксических единиц, типом лексико-грамматических средств, реализующих конструкции, и разнообразными экспрессивными наслоениями.

Для того чтобы наиболее точно и непротиворечиво определить соотношение элементов в системе и среде, В.В. Бабайцева выделяет определенные критерии, на основании которых строится описание. Критерии классификации были выработаны еще в 1969 году в докторской диссертации «Переходные конструкции в синтаксисе», они, как думается, одно из наиважнейших теоретических достижений В.В. Бабайцевой. Соотношение критериев позволяет выделить типичные (инвариантные) конструкции и те, которые находятся в зоне переходности.

В качестве таких критериев выводятся **грамматический (структурный), семантический**, а также их **комбинация**, важными оказываются **логические основания предложения**, делается указание на значимость учета особенностей его **лексического наполнения**. При определении места синтаксических конструкций в системе современного русского языка автор исходит из того, что синтаксические единицы более, чем какие-либо другие категории языка, следует рассматривать в единстве формы и содержания. Типы простого предложения характеризуются совокупностью свойств, среди которых главными являются особенности грамматической структуры и семантики. «Семантико-грамматический характер типов простого предложения требует применения двух критериев при их классификации: грамматического и семантического. Эти критерии, определяющие русскую грамматическую тради-

цию, не имеют до сих пор четкого обоснования, особенно семантический, – пишет В.В. Бабайцева. – При грамматическом критерии классификации учитываются структурно-формальные свойства предложения, его синтаксическая членимость, морфологический характер членов, образующих предикативную основу. При семантическом критерии классификации выявляется логическая или логико-психологическая основа предложения, учитываются и внутриязыковые факторы» (там же, с. 8).

В.В. Бабайцева указывает, что каждый из указанных **критериев** отражает объективно существующие факторы семантико-структурной организации простого предложения, но, **взятый сам по себе, не может быть достаточным основанием для разграничения и классификации типов простого предложения**. Таким образом, нужно иметь определенный набор критериев, а также выделять ведущий и дополняющие его. Грамматический критерий классификации типов простого предложения в русском языке рассматривается автором как ведущий. Если грамматические показатели не ярки (например, при разграничении односоставных и неполных двусоставных предложений; при неморфологизованных главных членах предложения и тому подобное), решающую роль приобретает семантический принцип классификации, считает В.В. Бабайцева.

Особенно следует подчеркнуть то, что на нижних ступенях абстракции рассматриваются типичные лексические средства, которые В.В. Виноградов определил в свое время как типизированные лексические элементы, влияющие на структуру предложения. Это тот хаос, из которого и рождается порядок, его можно наблюдать и фиксировать процессы переорганизации структур, если применить верную методологию, позволяющую систематизировать явления, возникающие из соотношения системы и среды. Лексическое наполнение является естественной средой для реализации системных свойств в процессе динамики синтаксических конструкций. «Проблема контаминационных конструкций в синтаксисе неотделима от выяснения лексико-грамматических свойств слов, с помощью которых промежуточная модель реализуется в речи, так как существует известная взаимосвязь между характером синтаксической

модели и лексико-грамматическим материалом, реализующим ее в речи», – пишет В.В. Бабайцева (там же, с. 9).

В системе языка имеется равновесие между ее компонентами или, если говорить на языке современных системных представлений, – равновесие как между элементами внутри подсистем, так и между подсистемами в рамках системы. В языке возникает нарушение равновесия и благодаря «кооперативным эффектам», а именно – синкретизму языковых явлений, возникающих в процессе переходности, это равновесие восстанавливается.

Слово **переходность** используется В.В. Бабайцевой в двух аспектах: оно обозначает как процесс трансформации, так и наличие соединительных звеньев между противостоящими типами классификации, то есть показывает гармонизацию языковой системы.

Итак, мы видим, что в деятельностных концепциях категории деятельности и системы оказываются тесно связанными. Деятельностное представление языка есть вместе с тем и его системное представление, так как позволяет фиксировать не только состояние устойчивости, но и неустойчивости, динамичности языковой системы.

В дальнейшем, говоря о критериях классификации в системе простого предложения, В.В. Бабайцева постоянно уточняет соотношение структурных и семантических признаков синтаксических единиц при их изучении и описании, делая установку на целостное представление о характере синтаксических единиц. Идеальным условием любой классификации она считает выделение какого-либо одного признака. Но это возможно лишь при одноаспектном изучении и описании синтаксических единиц. Целостное представление о характере синтаксических единиц может дать лишь интеграция аспектов синтаксических единиц, и в то же время возможны выделение и синтез характеристик, полученных в рамках какого-либо одного аспекта. Но все это – неразделимое единство противоположностей, рассматриваемых как дополнительные по отношению друг к другу.

Далее, по мере теоретизации структурно-семантического подхода к исследованию синтаксических единиц, говорится уже о применении нескольких критериев их классификации: структурного, семантического, логического,

коммуникативного. Именно эти аспекты, по Бабайцевой, выражают наиболее существенные свойства предложения, реализующиеся в процессе его функционирования.

Понятие переходности, по В.В. Бабайцевой, включает процессы диахронных преобразований и связи (переходы) между единицами в синхронной системе языка. Синхронное состояние языка динамично, для него характерна лишь относительная статика, так как в синхронии создаются предпосылки, условия для диахронных преобразований, динамика диахронных процессов переходности намечается в синхронии и нередко присутствует в ней в виде явлений, отражающих и результаты исторических процессов развития языка.

В.В. Бабайцева утверждает, что явления переходности свойственны всем уровням языковой системы, но особенно ярко они проявляются в грамматическом строе русского языка, где более четко дифференцируются форма и содержание. Основной причиной существования явлений переходности в грамматическом строе, по мнению В.В. Бабайцевой, являются внеязыковые факторы – разнообразие явлений действительности и связей между ними, стремление точнее и полнее отобразить их в сфере языка.

В.В. Бабайцева уже на первых этапах исследования проблемы дифференцирует понятия переходности и синкретизма. Переходность – универсальное свойство языка, которое, отражая системную взаимосвязь и взаимодействие между языковыми фактами, скрепляет их в целостную систему. Явления переходности синхронного характера в грамматическом строе связаны с теми фактами, в которых обнаруживается синкретизм – совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц, противопоставленных друг другу в системе языка, а синкретизм – это свойство языковых и речевых явлений, одно из проявлений переходности.

Бабайцева обращает внимание на то, что синкретичные явления в морфологии и синтаксисе характеризуются большей семантической емкостью, чем типичные явления. Соединение разнородных признаков у одной речевой единицы – не просто сумма сочетающихся свойств. И именно взаимодействие противоположных свойств в синкретичных

образованиях она считает залогом развития языка и условием формирования новых свойств языковых единиц.

Было показано, что «**наиболее четко**» оформлены в структурном и семантическом аспектах двусоставные предложения, у которых возможна полная семичленная парадигма структурных схем. «**Наименее четко**» оформлены нечленимые предложения, которые характеризуются наименьшей степенью логической и соответственно синтаксической членимости. У двусоставных предложений самый большой список структурных схем, компоненты их имеют самый абстрактный характер. Компоненты односоставных предложений больше связаны со структурно-семантическими классами, с лексико-семантическими группировками слов. У нечленимых предложений максимальная степень связи со структурно-семантическими классами модальных слов, частиц и междометий. Односоставные предложения занимают промежуточное положение между двусоставными и нечленимыми. Большая часть односоставных предложений имеет неполную модально-временную парадигму.

Структурно-семантические типы простого предложения (двусоставные, односоставные и нечленимые) возникают, развиваются и существуют, постоянно взаимодействуя, отмечает В.В. Бабайцева. Между ними «**нет четких границ**», они образуют большое количество синкретичных видов, стоящих на границе двусоставных и односоставных, односоставных и нечленимых предложений.

Структурно-семантические типы простого предложения нельзя представить в виде непересекающихся областей: они возникают, развиваются и существуют при постоянном взаимодействии, образуя перекрещивающиеся круги, на периферии которых находятся предложения «с какими-либо **нечетко представленными**» признаками типичных случаев, обладающих полным набором дифференциальных признаков.

Итак, В.В. Бабайцева приходит к общему выводу, что при создании типологии простого предложения необходимо учитывать все разнообразие структурно-семантических типов простого предложения; весь комплекс структурных и семантических свойств многоаспектных высказываний. При этом ведущий критерий – структурный, а семантиче-

ский стержень того или иного предложения определяет характер выражаемой мысли, осложненной внутриязыковыми факторами, в частности системными связями структурно-семантических типов и их подтипов.

Развивающееся динамичное явление характеризуется не только внутренней организацией, но и самоорганизацией. Открытая нелинейная среда – язык – требует при описании и точности, строгости (выделения инвариантных позиций, структурных критериев), и нежесткости, лабильности (он не только структура, но и среда, имеющая «истоки» и «стоки» энергии). Определение иерархии критериев, использование на низших уровнях абстрагирования лексических, функциональных элементов позволяет рассматривать язык в его единстве, без нарушения гармонической целостности, с вероятностной установкой на возможные модификации.

Особо следует отметить эстетический критерий, который неявно присутствует в любой работе В.В. Бабайцевой. Без декларативных утверждений она делает на него установку, используя огромные пласты языкового материала (от обыденной разговорной речи до произведений отечественной словесной литературы). Так что мы всегда погружены в красоту творения языка. А это также в русле отечественной традиции.

Обратим внимание на выделенное шрифтом терминологическое образование, применяемое при описании единиц языка: «**наиболее четко оформленные**» и «**нет четких границ**». В этом единстве противоположностей – особая установка, особый критерий в изучении языковых явлений, который коррелирует с общенаучными идеями XX и XXI веков – идеями множеств с размытыми краями, вероятностным подходом, принципами относительности и дополненности. Эти принципы не были искусственно применены В.В. Бабайцевой – они результат использования адекватных методов в изучении языка, в иерархическом применении критериев, в обозримой широте исследования.

Гармонизация элементов космоса противопоставлена хаосу. Рискованное погружение в неизмеримость обернулось в действительности установлением «чудных законов» языка благодаря разработке деятельностной концепции ис-

следования, которая предполагает выделение различных аспектов, их комбинацию и интеграцию – тесное сближение и разъединение, динамичный, лабильный подход.

Методологический подход к описанию переходных явлений в языке и речи, который был применен В.В. Бабаицевой, четко вписался не только в лингвистическую, но и общенаучную парадигму, и закономерно парадигмально функционировал в связной структуре идей своего времени, что, как известно, является критерием верности научной теории, закономерной необходимости ее появления.

Пионерские работы В.В. Бабаицевой коррелируют со многими проблемами в системе современного знания, но наиболее определенно – с идеями и проблемами философии нового времени, неклассической логики, которая получила резкий толчок в развитии благодаря теории «нечетких» множеств Л. Заде; результаты его исследований были опубликованы позже, уже в семидесятые годы. Как писала В.В. Бабаицева, «выделение переходных контаминационных явлений облегчает классификацию языковых фактов, так как устраняет традиционное требование рассматривать тот или иной факт по принципу «или-или»... в то время как диалектический подход к явлениям требует учитывать тот или иной факт по принципу «как то, так и другое» (6, с. 7).

Фактически теория В.В. Бабаицевой строилась на основе идей неклассической логики, которые до конца поняты только сейчас – имеются в виду исследования Л. Брауэра, Я. Лукасевича, Н. Васильева, идеи квантовой логики Н. Бора, позднее, как мы уже упоминали, появилась нетрадиционная в свое время идея нечетких множеств Л. Заде.

Применение тематического анализа в науке, разработанного Дж. Холтоном, позволяет систематизировать факты такого рода. Тематический анализ используется в антропологии, искусствознании, лингвистике, теории музыки и в ряде других областей. Дж. Холтон применил его для определения общих принципов науки. «Во многих (возможно, в большинстве) прошлых и настоящих понятиях, методах, утверждениях и гипотезах науки имеются элементы, которые функционируют в качестве тем, ограничивающих или мотивирующих индивидуальные действия и иногда направляющих (нормализующих) или поляризующих на-

учные сообщества» (53, с. 24). Исследователь указывает, что появление новых тем в науке – событие редкое, общее число тем относительно небольшое. Выделяется определенная цепочка идей, ведущих к той или иной концепции, рассматривается их тематическая структура. Упорядоченной совокупности идей часто противостоят некоторые темы, нарушающие ход предсказуемого развития их, они и составляют краеугольный камень новой эпистемологии. В то же время возникает вопрос: почему и каким путем одна и та же тема вдруг почти одновременно начинает доминировать в разных областях науки?

Один из основателей неклассической логики Н.А. Васильев еще в начале XX века показал, что закон исключенного третьего Аристотеля не имеет повсеместного действия. Один и тот же объект возможно охарактеризовать со стороны взаимоисключающих понятий. «На эмпирическом основании я могу строить по произволу какие угодно воображаемые объекты и воображаемые науки. Я могу создавать кентавров, сирен, грифов и воображаемую зоологию, могу создать утопии – воображаемую социологию... Эмпирические и реальные законы говорят о действительном, но противоположное им всегда мыслимо» (16, с. 69). В результате использования идей воображаемой логики мы приходим к закону «исключенного четвертого», на котором не исчерпывается логика N-измерений, или множественная логика Васильева. «Мы можем, – пишет он, – мыслить логическую систему с N-видами качественных различий суждения, и такую систему мы будем называть логической системой N-го порядка или N-измерений» (там же, с. 76). Воображаемая логика вносит в логику принцип относительности, основной принцип науки нового времени. Логик может быть много, поэтому наивным самонимением представляется убеждение, что все связано с жестким законом исключенного третьего Аристотеля.

Развивая положение Г. Пауля о контаминации языковых явлений, В.В. Бабаицева тем не менее мыслит как ученый, закладывающий фундамент нового знания: «При квалификации переходных явлений, имеющих как трансформационный, так и контаминированный характер, целесообразно не стремиться во что бы то ни стало втиснуть

тот или иной языковой факт в какую-либо классификационную группу, а выявлять *сочетающиеся свойства, характерные для разных классификационных разрядов*» (курсив наш. – К.Ш.) (6, с. 21). Переходные явления контаминационного характера были наглядно показаны в виде пересекающихся множеств (графически – кругов). «Круги изображают типичные семантико-структурные модели и лексико-грамматические разряды слов, обнаруживающие взаимосвязи и взаимовлияния в синхронной системе языка. Каждый из таких кругов имеет свой центр и периферию. Центр характеризуется оптимальной концентрацией семантических и грамматических свойств, периферийное положение языковых фактов определяется отсутствием какого-либо из свойств, характерных для центра синтаксических моделей и лексико-грамматических разрядов, или неярким выражением его. Заштрихованные сегменты – это область промежуточных, синкретичных типов синтаксических конструкций и лексико-грамматических разрядов слов. Здесь «отсутствует четкая доминантность и противоборствующие тенденции равновелики» (там же, с. 22). Такая постановка проблемы соответствовала общенаучному принципу дополненности, когда (по Н. Бору) противоположности комплементарны, дополнительны друг к другу и составляют неразрывное единство в процессе отношения **сложных объектов исследования**, когда явление невозможно охарактеризовать однозначно.

Важно отметить, что проблема переходности языковых явлений на основе изоморфизма рассматривалась практически на всех уровнях языковой иерархии. Так, анализируя гибридные слова на -о, В.В. Бабайцева пришла к выводу о теснейшей зависимости переходных явлений в системе частей речи от явлений переходного порядка в области синтаксиса. Она пишет: «**Четкие** семантико-грамматические границы функциональных омонимов в промежуточных синтаксических конструкциях стираются» (там же, с. 53).

Обратим внимание на термины: *четкие / нечеткие* границы языковых явлений, *размытость* границ, *переходность* языковых явлений, *совмещение* парадигматически противопоставленных признаков. Как правило, ученые, работающие в одной парадигме, находясь в одной эпистемо-

логической реальности, не договариваясь, используют одну систему терминов, которые, при некотором синонимическом разбросе, имеют инвариантное содержание, лапидарно воплощающее содержание соответствующей области знания. Здесь в поразительной близости, объясняя тем самым друг друга, находится множество научных теорий: теория квантовой логики Н. Бора, проблема переходности языковых явлений, вопросы неклассической логики и в особенности «размытая» (нечеткая) логика Л. Заде, которая представляет собой инструмент **приближенных рассуждений** и выводов. Преимущество таких систем, как и теории В.В. Бабайцевой, – в строгом и корректном построении формальных моделей на основе качественных методов, использовавшихся ранее на **полуинтуитивном** уровне.

В настоящее время все более и более актуальным становится использование идей «размытой» логики при построении сложнейших систем, когда нужно ввести «нечеткий регулятор», позволяющий корректировать их поведение. Как известно, для корректирования здесь вводится именно **лингвистическая** переменная (быстро, медленно, далеко, близко и т.д.). Развитие общенаучного аппарата, базирующегося на понятии размытых множеств, введенных в 70-е годы Л. Заде в логику и в 60-е В.В. Бабайцевой в лингвистику, позволяет разработать формальный способ обращения с системами, где **неопределенность** имеет существенное значение. Теория размытых множеств Л. Заде исходит из принципа: «Элементами мышления человека являются не числа, элементы некоторых нечетких множеств или классов объектов, для которых переход от «принадлежности к классу» к «непринадлежности» не скачкообразен, непрерывен» (26, с. 7).

Логика этого рода в последнее время получила название паранепротиворечивой. Идеи такой логики в настоящее время развивает Н. да Коста. По мнению ученого, реальный мир отнюдь не тривиален, а поэтому то, что является противоречием на одной ступени абстракции, например, умозаключения на основе осмысления эмпирических фактов, оказывается непротиворечивым или паранепротиворечивым на другом уровне обобщения: «Мы называем противоречием (или неконсистентностью) пару суждений

(propositions), из которых одно есть отрицание другого. Паранепротиворечивая логика не исключает возможности того, что суждения, входящие в состав противоречия, оба (одновременно) истинны, или, как мы скажем, что противоречие истинно» (38, с. 122). Однако можно построить систему, в которой данное противоречие будет уже частным случаем общего паранепротиворечивого описания.

В работах В.В. Бабайцевой по теории переходности языковых явлений учитываются уровни описания языковых явлений. Явление переходности – доказательство того, что язык не только организующаяся, но и самоорганизующаяся система. Языковые единицы, взаимодействующие со средой (окружением), в процессе функционирования могут приобретать свойства парадигмального противочлена (например, союзы, частицы, члены предложения с соединением противоположных признаков). Однако противоречием это оказывается только при эмпирически жестком подходе к рассмотрению языковых явлений. В общей системе языка, как это доказывает В.В. Бабайцева, это одно из закономерных (мы бы сказали – паранепротиворечивых) явлений.

Нежесткий, лабильный подход к языковым явлениям позволил В.В. Бабайцевой увидеть глобальные закономерности в функционировании сложных языковых систем и представить систему частей речи, простых и сложных предложений фактически как взаимодействие нечетких множеств (множество односоставных и двусоставных предложений, внутреннее подмножество односоставных предложений и т. д.), границы (края) которых размыты в силу того, что знак – живое явление, и даже синхронное его описание предполагает включить «нечеткости», «размытости», когда в одном языковом явлении происходит сложнейшее взаимодействие фактически взаимоисключающих признаков. **Шкала переходности языковых явлений** В.В. Бабайцевой – наглядное тому свидетельство. В одной из работ дается объяснение этого понятия как раз в духе эпистемологического фона «нечетких множеств»: «Конечные точки шкалы А и Б обозначают сопоставляемые синтаксические единицы и их разновидности, между которыми в синхронной системе языка, особенно в речи, существует бесконечное число переходных звеньев, «переливающихся» одно

в другое. Количество переходных (синкретичных) звеньев для удобства изложения сводим к трем АБ, АБ, аБ, выделяя их как узловые вехи. Переходные звенья включают синтаксические явления, синтезирующие дифференциальные признаки А и Б» (7, с. 31).

Динамичный подход к анализу языковых явлений позволил уточнить классификацию частей речи. Анализируя систему частей речи, В.В. Бабайцева приходит к выводу о том, что это иерархически организованная двуступенчатая система: «К первой ступени относятся части речи, обладающие полным набором специфических дифференциальных признаков (существительные, прилагательные, глаголы (спрягаемые формы), наречие). Ко второй ступени относятся промежуточные группировки слов, совмещающие свойства двух частей речи (числительные, категория состояния, причастие, деепричастие). Нецелесообразно выделять в особые части речи периферийные образования, в которых доминируют свойства какой-либо одной части речи» (3, с. 13). Таким образом, был найден инструмент, позволяющий определить статические типы языковых единиц и динамические их разновидности – различные переходные типы.

Многоаспектный подход к исследованию предложения позволил В.В. Бабайцевой с определенной степенью четкости рассматривать «размытые» края соприкасающихся языковых множеств, а поэтому строго дифференцировать и систематизировать языковые и речевые явления.

Теория переходности языковых явлений – одно из замечательных достижений лингвистики второй половины XX века. Говоря об изменчивом «образе языка» в науке XX века, Ю.С. Степанов, отмечает, что «образ языка» приобретает черты «образа пространства», во всех смыслах – пространства реального, духовного, ментального; это одна из самых характерных примет лингво-философских размышлений над языком в наши дни» (49, с. 32).

Проблема переходности языковых явлений перерастает границы чисто лингвистической проблемы и, развиваясь во времени и ментальном пространстве, приобретает философские, логические, науковедческие черты. Теория переходности находит применение в разработке речевых стратегий и речевых жанров, в исследовании стилистики текста,

лингводидактике. Подлинное освоение фундаментальной теории переходности языковых явлений, разработанной В.В. Бабайцевой, только начинается.

В последние годы В.В. Бабайцева уделяет большое внимание теоретическому обоснованию структурно-семантического направления в современной русистике и лингвометодике. Структурно-семантическое направление, по ее мнению, представляет собой «очередной этап развития традиционного (классического) языкознания, которое на остановилось в своем развитии, а стало фундаментальной основой для синтеза достижений различных исследований языковых явлений <...> В структурно-семантических исследованиях и описаниях языковых единиц учитывается: 1) их многоаспектность; 2) система членов предложения; 3) значение элементов и значение отношений; 4) синхронная переходность в системе языка и др.» (9, с. 456–457). Как видим, главная стратегическая установка В.В. Бабайцевой в изучении динамических явлений на синхронном срезе языка обусловлена структурными и системными свойствами языка.

Таким образом, правило В.В. Бабайцевой – это изучать язык – деятельностное явление – деятельностным же способом, то есть это правило деятельности. А говорить о реальности и есть, по К.Р. Попперу, деятельность. В этом смысле В.В. Бабайцева – ученый-реалист, ее учение можно отнести и к эмпирической науке. Исследование языка здесь превращается в процесс его понимания и обретает адекватную теорию, которая в конечном счете соответствует передовым достижениям науки конца XX века.

Развивая положения русской лингвистической традиции, преодолевая ее консерватизм, В.В. Бабайцева делает установки на общий целостный подход в исследовании языка. Благодаря дополнительности синхронного и диахронного подходов разрабатывается методологический аппарат, который дает возможность выявлять практически все значимые случаи переходности и синкретизма на всех уровнях языка.

Феномен учения В.В. Бабайцевой заключается в том, что ее теория, выполненная в относительно замкнутых рамках русской лингвистической традиции (с учетом, ко-

нечно, данных зарубежного языкознания), дала тем не менее такие результаты, которые позволяют коррелировать ей с крупнейшими достижениями общенаучного знания XX века. Верность традиции означала одновременно и верность себе – в науке это называется объективным знанием. Знание в объективном смысле есть, по К.Р. Попперу, знание без того, кто знает: «...оно есть знание без субъекта знания» (41, с. 111), то есть оно принадлежит «третьему» миру, в котором функционируют самые сущностные идеи того или иного времени. А как же в таком случае верность себе? Г. Фреге писал: «Под суждением я понимаю не субъективную деятельность мышления, а его объективное содержание» (там же). По объективному содержанию знания, которое несут работы В.В. Бабайцевой, они и относятся к миру объективного знания. Этот мир, как правило, превосходит (transcends) своих создателей.

Литература.

1. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. – М.: Высшая школа, 1991.
2. Арнольд И.В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды // Вопросы языкознания. – 1991. – № 3. – С. 118–126.
3. Бабайцева В.В. Место переходных явлений в системе языка (на материале частей речи) // Переходность и синкретизм в языке и речи. – М., 1991.
4. Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005. – М. – Ставрополь: СГУ, 2005.
5. Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе. АДД. – Л., 1969.
6. Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1967.
7. Бабайцева В.В. Русский язык: Синтаксис и пунктуация. – М.: Просвещение, 1979.
8. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. – М.: Дрофа, 2004.
9. Бабайцева В.В. Структурно-семантическое направление в современной русистике // Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005. – М. – Ставрополь: СГУ, 2005. – С. 455–466.

10. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М.: Дрофа, 2000.
11. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – С. 159–286.
12. Бондарко А.В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // Вопросы языкознания. – 1985. – № 1. – С. 13–23.
13. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л.: Наука, 1983.
14. Бондарко А.В., Беляева Е.И., Бирюлин Л.А., Корди Е.Е. и др. Теория функциональной грамматики: Темпоральность, модальность. – Л.: Наука, 1990.
15. Бондарко А.В., Булыгина Т.В., Вахтин Н.Б., Володин А.П., Гак В.Г. и др. Теория функциональной грамматики: Персональность, залоговость. – СПб.: Наука, 1991.
16. Васильев Н.А. Воображаемая логика. – М.: Наука, 1989.
17. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972.
18. Гипотеза в современной лингвистике. – М.: Наука, 1980.
19. Грамматика русского языка. – М.–Л.: АН СССР, 1952–1953.
20. Гуссерль Э. Логические исследования // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск: Сагуна, 1984. – С. 185–353.
21. Деррида Ж. О грамматики. – М.: Ad Marginem, 2000.
22. Деррида Ж. Письмо и различие. – М.: Академический Проект, 2004.
23. Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 53–57.
24. Евин И.А. Искусство и синергетика. – М.: УРСС, 2004.
25. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Иностранная литература, 1958.
26. Заде Л. Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решений // Математика сегодня. – М., 1974.
27. Интервью с С.П. Курдюмовым // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 53–57.
28. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1965. – Ч. II. – С. 85–90.
29. Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения. – М.: Просвещение, 1977.
30. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996.

31. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1983.
32. Лингвистика XX века: Система и структура языка: В 2 ч. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2004.
33. Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложно-подчиненных предложений. АДД. – М., 1971.
34. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. – М.: УРСС, 2004.
35. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. – М.: Прогресс, 1993.
36. Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. XVI.
37. Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVII.
38. Ньютон да Коста. Философское значение паранепротиворечивой логики // Философские науки. – 1982. – № 4.
39. Остгоф Г., Бругман К. Предисловие к книге «Морфологические исследования в области индоевропейских языков» // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1960. Ч. I. – С. 153–164.
40. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Иностранная литература, 1960.
41. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. – М.: Едиториал УРСС, 2002.
42. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: АН СССР, 1958. – Т. 1–2.
43. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. – М.: Прогресс, 1994.
44. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986.
45. Садовский В.Н. Людвиг фон Берталанти и развитие системных исследований в XX веке // Системный подход в современной науке. К столетию Людвиг фон Берталанти. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 7–36.
46. Серль Дж.Р. Перевернутое слово // Вопросы философии. – М., 1992. – № 4. – С. 58–69.
47. Синергетическая парадигма: Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного знания. – М.: Прогресс-Традиция, 2004.
48. Системный подход в современной науке. К столетию Людвиг фон Берталанти. – М.: Прогресс-Традиция, 2004.
49. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца XX века. – М., 1995.

50. Степин В.С. Синергетика и системный анализ // Синергетическая парадигма: Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного знания. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 58–77.

51. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988.

52. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике: Прикладная лингвистика. – М.: Прогресс, 1983. – Вып. XII. – С. 74–123.

53. Холтон Дж. Тематический анализ науки. – М.: Прогресс, 1981.

54. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. – М.: ГАХН, 1927.

384

Л.Д. Беднарская. Источник новых идей.

Кто ясно мыслит, ясно излагает.

385

Учебник В.В. Бабайцевой и Л.Ю. Максимова «Синтаксис. Пунктуация» – третья часть известного комплекса для вузов «Современный русский язык» в 3-х частях (1978, 1987) – является одним из самых известных в вузах страны, преимущественно периферийных. В.В. Бабайцева писала первую часть этого учебника, разделы «Общие вопросы», «Современные синтаксические теории», «Словосочетание», «Простое предложение», «Пунктуация». Л.Ю. Максимов – автор раздела «Сложное предложение».

Я сама начинала свою преподавательскую деятельность 36 лет назад по этому учебнику и до сих пор выбираю его основным для своего курса синтаксиса, потому что только сейчас, умудрённая опытом, понимаю, что в этом учебнике, как в волшебной почке, сосредоточены теоретические и методологические идеи, развернувшиеся в современном синтаксисе.

Материалы учебника свидетельствуют, что современное осознание теории и системы синтаксиса пришло к исследователю сразу, в своём полном объёме, и всю жизнь В.В. Бабайцева вербализует, конкретизирует, раскрывает те идеи, взаимосвязи, которые составляют суть синтаксической системы. Она обладает редчайшим талантом – классически чётко и ясно – одновариантно – давать научные определения сложнейшим понятиям, или ещё не имевшим оптимальных определений, или определявшимся невнятно,

и значит, ненаучно. Вся её научная жизнь учёного-педагога высшей школы прошла между двумя этапами: создание учебника для будущих учителей-словесников, а вслед за ним учебника для учителей русского языка «Русский язык. Синтаксис и пунктуация»¹; и публикация целой серии методологических статей, выходящих одна за другой на страницах лингвистических журналов, в основном на страницах журнала «Русский язык в школе», в последние 5–7 лет.

Системные научные идеи В.В. Бабайцевой нашли отражение в учебно-методических комплексах по русскому языку, по которым школьники учатся уже более тридцати лет. Учебники по русскому языку, составляющие ядро этих комплексов, по праву признаны системными, научными в ряду альтернативных учебников по русскому языку. Учебник В.В. Бабайцевой всегда является основой успехов в учении не только в школе, но и в вузе. В условиях жёсткой конкуренции учебно-методический комплекс по русскому языку для школ и классов с углублённым изучением русского языка (сейчас он называется предпрофильным) завоевал признание учителей всей страны.² Он единственный выдержал испытание в условиях подготовки к Единому государственному экзамену по русскому языку, так как в нём оказались системно изложенными новые требования текстovedческого характера, только в нём текст был системно представлен и как объект, и как лингвометодическая основа для изучения теории языка и речевого развития. Новый учебник выдержал уже семь изданий³, а учебник теории – основа прежнего учебно-методического комплекса – подбирается к 15-му изданию.

Научное творчество В.В. Бабайцевой отличает то, что самые глубокие и системообразующие идеи всегда мотивируются практикой преподавания русского языка в школе и в вузе, неразрывно связаны с анализом бесконечно многообразного и разнообразного речевого материала. Часто теоретические идеи, активно развиваемые далее, и рождаются в учебниках, даже школьных. Например, в учебнике «Русский язык. 10–11 классы»⁴ для общеобразовательных учреждений филологического профиля представлена вся система текстovedческих понятий, введены и раскрыты понятия медитативного рассуждения и энтимемы, ведущие старше-

классников от урока русского языка к урокам русской словесности. Именно научно-методическая концепция школьных учебников В.В. Бабайцевой позволила осознать метапредметную функцию уроков русского языка, отражённую в Стандартах второго поколения по русскому языку.

Глубокая научная системность, являющаяся базой для теоретической непротиворечивости, и доступность, классическая простота изложения характеризуют всё научное творчество В.В. Бабайцевой. Именно в этом, на мой взгляд, заключается суть преемственности её научного творчества с традиционным русским языкознанием, в котором всегда совмещались глубокие теоретические идеи с их постоянной апробацией в учебной и студенческой аудитории. Только постоянный контакт с молодёжной аудиторией, мотивация дать ей оптимальные алгоритмы постижения сложнейших грамматических понятий и может рождать плодотворные, питающие будущее развитие науки идеи.

Вся история классического русского языкознания представляет нам ярчайшие примеры теоретиков-преподавателей: Ф.И. Буслаев и А.А. Потебня, А.А. Шахматов и А.М. Пешковский, Л.В. Щерба и В.В. Виноградов – блестящий ряд можно продолжить. Таким учёным – теоретиком и практиком – является и В.В. Бабайцева, до последнего времени читавшая лекции в студенческой и аспирантской аудиториях и сейчас являющаяся активным руководителем аспирантов и докторантов.

Вернёмся к учебнику для вузов «Синтаксис. Пунктуация». Знаменательно, что именно в учебнике для будущих учителей, как импульс к вечному творческому развитию, заложено ядро структурно-семантической теории, развиваемой В.В. Бабайцевой в течение всей её научной жизни. Уже в учебнике структурно-семантическое направление изучения синтаксиса осознаётся как продолжение традиций русского классического языкознания, приостановившегося с уходом В.В. Виноградова. К середине 70-х годов сформировалась структурно-семантическая теория современного синтаксиса, в своём названии заложившая главное – многоаспектный подход к анализу всех синтаксических единиц.

В разделе «Общие вопросы», своеобразном «конспекте» будущих сорокалетних теоретических размышлений и

открытий, представлена стройная система синтаксических единиц: словоформа – словосочетание – простое предложение – сложное предложение – сложное синтаксическое целое. И тут же предлагается идея двух принципов их классификации – «сверху» и «снизу». Учёт двойной системы принципов многоаспектных классификаций помогает снять разнообразные трудно решаемые теоретические проблемы. Например, написана целая библиотека работ, уточняющих терминологию: *часть предложения* или *предложение в составе сложного предложения*. Уже 40 лет назад был показан путь решения этой, частной, и других, более сложных теоретических проблем. Совсем недавно В.В. Бабайцева опубликовала развёрнутую статью о двух принципах классификации синтаксических единиц.

Импульс к решению сложнейшей проблемы соотношения словоформы («распространителя») и члена предложения заложен тут же, на страницах 6–7 учебника. Структуралистские подходы к решению этой проблемы привели к тому, что теории членов предложения – ядру традиционного русского синтаксиса – было отказано в праве на существование на страницах Грамматики-70, а затем и в «Русской грамматике». Но замена стройной системы второстепенных членов предложения «распространителями» оказалась неоптимальной и надолго нарушила единую систему изучения русского языка в школе и вузе.

Впервые в учебнике было заявлено, что при анализе любой синтаксической единицы **нужно учитывать значение компонентов и отношений между ними**, то есть поставлена проблема изучения синтаксических связей и отношений в их неразрывном единстве. Эта точка зрения позднее вылилась в классическое определение системы и структуры: «**Система** – это упорядоченная совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих синтаксических единиц (элементов), выступающих как целостное образование. **Структура** – это строение целостного объекта, характер составляющих его элементов, способы и средства создания (оформления) целостности объекта».⁵

Именно учёт значений компонентов синтаксических единиц и отношений между ними позволил создать и внедрить в практику преподавания не только вуза, но и школы

теорию переходности и синкретизма, без которых сейчас не мыслится даже школьное полноценное образование.

Грамматическое значение синтаксических единиц как отношение между компонентами, то есть синтаксическое значение, чётко оппозиционирует с морфологическим и лексическим значениями их компонентов. Постигание уровней абстрактных языковых значений очень сложно. Синтаксические отношения – грамматическое значение самого абстрактного уровня – поддерживаются, конкретизируются морфологическими и лексическими значениями компонентов синтаксической единицы. Трудно постигать абстрактное синтаксическое значение словосочетания, ещё труднее осознавать абстрактную семантику предложения, и простого, и сложного. Обо всём этом кратко, но ёмко рассказывается в учебнике.

Впервые даётся развёрнутое описание синтаксиса в системе языка в его многообразнейших отношениях с морфологическими и лексическими категориями, то есть даётся программа на всё время изучения курса, программа оптимального системного анализа любой синтаксической единицы.

В.В. Бабайцева – создатель структурно-семантической теории, постулаты которой представлены в учебнике, поэтому современные синтаксические теории анализируются ею как продолжение теоретических основ традиционного русского синтаксиса, продолжающие одно из его направлений. Структурно-семантическая теория собирает их воедино, учитывает идеи переходности и синкретизма. **Восемь постулатов структурно-семантической теории вмещают в себя два с половиной столетия теоретических изысканий и открытий русских учёных:** взаимосвязь и взаимообусловленность языка, мышления и бытия; изучение языка как постоянно развивающейся системы, язык и речь в их взаимосвязях и взаимообусловленности, категории языка как диалектическое единство формы и содержания, синтаксис как один из уровней общей системы систем языка, многоаспектность и синкретизм языковых, в том числе синтаксических, единиц. Это та теоретическая база, на которой строится современная полнокровная синтаксическая теория.

Принцип многоаспектности позволяет постоянно расширять привычные взгляды на типологию синтаксических

единиц, даёт возможность классифицировать и непротиворечиво объяснять их структурно-семантическую сущность. Так, В.В. Бабайцева анализирует, например, словосочетания с сочинительными отношениями, которые В.В. Виноградов не включал в состав словосочетаний. А В.В. Бабайцева учит, что сочинительные словосочетания соответствуют всем признакам словосочетания и формируют в простом предложении блоки однородных членов.

В 70–80-е годы В.В. Бабайцева активно исследует проблему многоаспектного анализа предложения, она публикует ряд статей по проблеме, организует международные научные конференции, редактирует и выпускает сборники научных трудов.

Идеи многоаспектности предложения заложены уже в первом учебнике, но более чётко они представлены в неоднократно переиздававшихся учебниках для вузов под редакцией Е.И. Дибровой.⁶ Здесь наиболее полно представлена сущность логического аспекта изучения предложения на современном этапе, а также структурного, коммуникативного и семантического аспектов изучения простого предложения в их взаимовлиянии и взаимосвязях. Под влиянием учебников В.В. Бабайцевой в современном вузе анализ любой синтаксической единицы, особенно предложения, немислим как одноаспектный, он воспринимается как односторонний, неполный.

Многоаспектный взгляд на предложение позволяет уточнить и другие теории. Например, даже в учебниках, а не только в теоретических статьях В.В. Бабайцева уточняет и дополняет многие положения и классификации функционально-коммуникативного направления в современном языкознании. В «Русской грамматике» описано актуальное членение только некоторых двукомпонентных структур, однокомпонентные структурные схемы даются без тема-рематической характеристики. Опора классификации В.В. Бабайцевой на двучленную структуру мысли / речи позволяет дать тема-рематическую квалификацию буквально всем структурным схемам простого предложения, а также сложному предложению.

Системность классификации В.В. Бабайцевой позволяет рассматривать детерминант не просто как препози-

тивный распространитель, относящийся к предикативной основе (Н.Ю. Шведова), а как тему высказывания, а предикативную основу – как его ремю: *На улице / темнеет. – На улице / темно. – На улице / темнота.*

Речевые иллюстрации в учебниках В.В. Бабайцевой часто даются в их системных связях, наглядно показывающих тончайшие переливы и переходы семантики и структуры синтаксических единиц. Часто развёрнутые иллюстрации из художественных произведений, включающие несколько смысловых частей, углубляют изложение теоретического материала, создавая современный вектор: от постижения грамматической сущности языкового явления к выяснению его роли в художественном тексте. Такие системные блоки примеров она часто использует и в вузовских, и в школьных учебниках.

Ещё до выхода «Русской грамматики» в своём учебнике В.В. Бабайцева предлагает признаковый принцип определения простого предложения, «вписывая» его в систему других синтаксических единиц. Тем самым она опережает академические издания.

Впитав идеи традиционного русского синтаксиса о членении любого высказывания на «определяемое и определяющее» (А.А. Потебня), которое отражает двучленность мысли / речи, В.В. Бабайцева осмысливает и выделяет единую основу своей и структурной, и семантической типологий простого предложения. Её классификации позволяют учитывать всё невообразимое богатство синтаксических конструкций в русском языке и оптимально, то есть многоаспектно, их классифицировать в системе языка. Необходимость выражения мысли диктует, во-первых, выбор структурной схемы предложения и, во-вторых, её конкретное морфолого-лексическое наполнение.

Классическими стали рассуждения В.В. Бабайцевой о связи предложений, отражающих одну ситуацию оценки: *Лес как сказка! Чудесно! Ах!* «Выбор одного из структурно-семантических типов и его лексическое наполнение определяются субъективными факторами, среди которых наиболее важными являются характер членности мысли в сознании говорящего, его эмоциональное состояние, лексический запас и т.д.».⁷

Все предложения имеют двучленную семантическую структуру: есть предмет мысли (речи) и его характеристика, «высказывание чего-то о чём-то», а отличает эти предложения их структура: оценка предмета мысли (речи) даётся разными способами, но и в двусоставном, и в односоставном предложениях, и в междометном высказывании налицо «определяющее», которое наполняет предикативным содержанием имплицитно выраженный предмет мысли – *лес*. Эти предложения объединяет и единая форма выражения предикативности: все ситуации мыслятся как реальные, протекающие в настоящем времени.

Единая основа в подходах к типологии простого предложения позволила создать современную теорию односоставного предложения, учитывающую все многоаспектные подходы в их взаимосвязях, переходные и синкретичные явления.⁸ В учебнике под редакцией Е.И. Дибровой на системной основе объясняются переходные структуры между двусоставными и односоставными предложениями, между односоставными предложениями разных типов.

Идеи традиционного русского синтаксиса позволили создать новую семантическую типологию простого предложения, осознать её как теоретическую основу изучения синтаксической синонимии. Такой подход впервые позволил мотивировать изучение типов простого предложения уже в 8 классе, а не только в высшей школе. Оказалось, что логико-семантические типы семантики простого предложения сформировались и живут в языковой системе для того, чтобы наполнить своим содержанием две основные формы выражения мыслительных процессов: повествование и описание. В.В. Бабайцева выделяет пять логико-синтаксических типов семантики простого предложения – от наиболее абстрактного способа выражения предикативного признака к наиболее конкретному:

- 1) бытийность (существование): *Был вечер. – Вечер;*
- 2) номинация (квалификация): *Это Маша, дочка моя. – Вот Маша, дочка моя;*
- 3) акциональность (действие): *Говорит Москва! – Говорю из Москвы. – Говорят из Москвы;*
- 4) характеристика (оценка): *Лес красив. – Красиво. – Красота!;*

5) состояние: *Мать в тревоге. – Матери тревожно. – У матери тревога.*

Плодотворные идеи всегда являются импульсом к их развитию. Нетрудно заметить, что четыре логико-семантических типа простого предложения оформляют описание и только один – акциональный – повествование. На этих основаниях можно сделать лингво-когнитивные выводы о ментальных особенностях языкового выражения объективного мира русским человеком: он чаще **описывает** мир, объединяя его фрагменты в себе, то есть создавая свой собственный мир, а не себя, действующего в мире. Таким образом, для русского человека характерна отстранённость от мира, точка зрения наблюдателя, а не «действителя»: не Я в мире, а мир во мне. Такой вывод объективен, так как он отражён русской синтаксической системой.

В центре русской синтаксической традиции была теория членов предложения, связывавшая простое предложение со сложным в единую систему на семантических основаниях.

В первоимпульсе создания современного синтаксиса Ф.И. Буслаевым была заложена благотворная основа, которая в дальнейшем стала называться семантической – та основа, которая объединяет разные уровни языка, разные его единицы и средства выражения. Уже тогда Ф.И. Буслаев осознавал суть синтаксического значения – это отношения между двумя языковыми компонентами. Уже тогда Ф.И. Буслаев понимал, что язык держится на нескольких типовых синтаксических отношениях: отношениях в «суждении», которые теперь называются предикативными, и отношениях, формирующих распространение простого предложения. Отношения между предметом и его признаком он назвал атрибутивными, а оформляющую атрибутивные отношения синтаксическую связь – согласованием. Отношения между действием и объектом, на которое оно направлено, стали называться впоследствии объектными, а грамматическая связь – управлением. Отношения между действием и его признаком – обстоятельственными, а грамматическая связь, их оформляющая, стала называться примыканием. В его интерпретации те же отношения формируют и сложноподчинённое предложение, ядро системы сложного предложения.

Таким образом, Ф.И. Буслаев связал на семантической основе словосочетание, простое и сложное предложение в единую изоморфную систему, которая явилась впоследствии теоретической основой и для теории переходности, и для теории синтаксического функционально-семантического поля. Вся необходимая современной школе теоретико-семантическая база была создана уже тогда. Ф.И. Буслаев чётко разграничил главные и второстепенные члены предложения, главные и придаточные предложения в сложноподчинённом предложении, соотнес их на семантической основе с второстепенными членами простого предложения. Ф.И. Буслаев заложил основы современной теории членов предложения, на которой держится всё школьное обучение родному языку, и семантические основы типологии сложного предложения.

Максимально полно эта теория изложена в «Грамматике русского языка», созданной под руководством В.В. Виноградова. Его ученики-структуралисты выбрали другое направление описания русской синтаксической системы и разрушили единые системные основания, традицию описания русского синтаксиса. Лингво-когнитивный, или структурно-семантический, фундамент теоретического синтаксиса, созданный Ф.И. Буслаевым и его последователями, обусловивший безграничные перспективы развития русской синтаксической науки, был изъят из академического описания. А ведь на этой первооснове формируется и осознаётся современными лингвистами и методистами богатейшая синтаксическая синонимия, которой не обладает ни один другой язык мира. На этой изоморфной основе развивается теория переходности и синкретизма, принципы многоаспектного описания простого и сложного предложения, а также текста.

Под влиянием идей русского синтаксиса в славянских и западно-европейских грамматиках, белорусской, польской, чешской, французской, английской, семантический аспект анализа СПП является ведущим до сих пор, несмотря на влияние структурализма.

Сейчас интересно наблюдать за параллельно развивающимися двумя противоположными векторами лингвистической мысли в 60-е годы. На западе происходил «семантический шторм» (Ф. Данеш), то есть резко активизировалось

внимание к изучению семантики синтаксических единиц. В СССР запоздавшая эра отечественного структурализма зачёркивала все достижения традиционного русского языкознания, в основе которого всегда лежала понятийная, семантическая изоморфность. Самая острая критика затронула методологические основы традиционного русского языкознания, связанные с идеями Ф.И. Буслаева, то есть единые изоморфные понятийные основы синтаксической системы простого и сложного предложения. Система членов предложения, особенно второстепенных членов, была признана недееспособной и не вошла в новую Академическую грамматику 1970 года. Отсутствует она и в «Русской грамматике» 1980 года. Таким образом, семантическая база системного изоморфизма, с осознания которой начинался теоретический русский синтаксис, которая была основой для его изучения в школе, была утрачена.

Типология сложноподчинённого предложения была подвергнута пересмотру, заменена другой, основанной на разных основаниях. С той поры и до сего времени второстепенные члены предложения изучаются и в школе учениками, и в вузе будущими учителями-словесниками, но не являются объектом и предметом академического описания. В разных школьных учебниках представлены классификации сложноподчинённых предложений на разных основаниях.

Все эти годы – пять десятилетий – В.В. Бабайцева отстаивала право на существование теории членов предложения. Это она делала и в школьных, и в вузовских учебниках, и в других многочисленных научно-методических изданиях.

В помощь учителю в 1988 году было выпущено учебно-методическое пособие «Система членов предложения в современном русском языке». В этой книге глубоко исследованы системные корни возникновения этой теории в русском синтаксисе, корректно и разносторонне проанализированы современные теории, отказавшие второстепенным членам в праве на научное описание.

В самом деле, любое грамматическое значение и в морфологии, и тем более в синтаксисе, выражается определёнными наборами языковых форм. Четыре основных типа синтаксических значений имеют свои системы форм выражения. В простом предложении – это именные парадигмы

предложно-падежных форм, обособленных определений, обстоятельств, дополнений. В сложноподчинённом предложении типовые синтаксические значения выражаются парадигмами подчинительных союзов, союзных слов, указательных слов, опорных лексем и словосочетаний в главных предложениях и т.д. Типовые синтаксические отношения образуют функционально-семантические поля, объединяющие разноуровневые формы выражения типового синтаксического значения. Функционально-семантическое поле (ФСП) представляет собой содержательно-формальное единство, которое охватывает разноуровневые грамматические средства языка, объединённые одним типовым, самым абстрактным значением.

В этом году в своих новых статьях В.В. Бабайцева рассматривает соотношения теорий переходности и функционально-семантического поля и приходит к выводу о том, что теория переходности «вмещает в себя» теорию ФСП.

В учебнике под редакцией Е.И. Дибровой дана системная многоаспектная **классификация членов предложения**. Описывается их структура, семантика, тема-рематическая нагрузка, обязательная или факультативная функция в предложении, их многоаспектность, переходность и синкретизм. На два десятилетия раньше В.В. Бабайцева писала об этом в учебном пособии «Система членов предложения в современном русском языке».

Члены предложения рассматриваются ею как структурно-семантические компоненты предложения. Подробно анализируются соотношения членов предложения с другими единицами языка – лексемами, фразеологизмами, словоформами, свободными и несвободными словосочетаниями. Многоаспектно рассматриваются синтаксические связи и отношения членов предложения. Впервые чётко сформулированы и классифицированы принципы образования и признаки синкретичных членов предложения. Никто не смог более чем за 30 лет добавить в эту классификацию ничего нового.

Преподавателя привлекает чёткий системный алгоритм классификации каждого члена предложения. Пользуясь этими схемами, я обучаю студентов-филологов уже более 15 лет и знаю, насколько легко им впитать в себя слож-

нейшие, но чётко структурированные понятия, насколько легче на системной основе воспроизводить сложный языковой материал на экзамене.

Дифференциальные признаки каждого члена предложения чётко членятся. Сначала представлены структурные признаки: 1) входит или не входит член предложения в структурную схему предложения; 2) способ выражения; 3) характер связи; 4) является структурно независимым или зависимым членом предложения (синтаксическая позиция). Далее анализируются семантические свойства члена предложения: 5) логическое значение; 6) категориальное значение; 7) лексическое значение. Потом называются коммуникативные признаки: 8) какую позицию занимает в предложении; 9) входит в состав темы или ремы.

Как видим, в этих системных алгоритмах использованы достижения всех современных направлений изучения русского синтаксиса. Это по-настоящему многоаспектные классификации, доступные уже студентам-третьекурсникам.

Тридцать три года назад написано это пособие, но оно абсолютно современно и, что удивительно, ему нет альтернативы, поэтому В.В. Бабайцева написала новую монографию по этой проблеме почти в 700 страниц – столько наблюдений накопилось за тридцать лет. Этот классический труд скоро выйдет в свет.

Внимание Бабайцевой всегда было приковано и к семантической типологии сложноподчинённого предложения.

В действующих школьных учебниках внимание к семантике СПП никогда не отрицалось, всегда признавалось, что большинство обстоятельственных придаточных предложений имеют те же значения, что и обстоятельства в простом предложении, а значит, отвечают на те же вопросы и соответственно делятся на те же виды. Однако наряду с семантической основой классификация СПП строится и на других основаниях. Разные основания классификации СПП привели к тому, что некоторые его виды анализируются противоречиво. Однако эти противоречия легко снимаются, если семантика СПП подтверждается на основе подробного анализа структуры и семантики СПП. Этот анализ проводится по следующему алгоритму, предлагаемому В.В. Бабайцевой:

- подчёркиваем предикативные основы;
- обозначаем овалом подчинительный союз или союзное слово, доказываем, что это союз или союзное слово;
- определяем, к чему относится придаточное предложение: к слову, словосочетанию или ко всему главному предложению в целом; обозначаем крестиком опорные слова;
- обозначаем овалом указательное слово, определяем, каким членом главного предложения оно является; по функции указательного слова определяем семантику СПП;
- если придаточное предложение относится ко всему главному предложению в целом, семантику СПП определяем по союзу (присоединительному, следственному, сравнительному, уступительному, условному, причинному, целевому, временному).

Этот процесс анализа СПП теоретически представлен и методически обоснован в учебном комплексе В.В. Бабайцевой «Русский язык. Теория. 5–9. Для школ и классов с углублённым изучением русского языка» и в сборнике заданий для 9 класса (В.В. Бабайцева и Л.Д. Беднарская), где дана современная уточнённая структурно-семантическая классификация, уже на школьном уровне тонко учитывающая все конструктивные элементы, которые участвуют в связи между придаточным и главным предложениями. Необходимость такой алгоритмизации особенно ярко проявляется при выявлении синкретичного значения сложного предложения. Классификация эта до сих пор признаётся далеко не всеми.

До учебников В.В. Бабайцевой надо дорасти, не для всякого вузовского преподавателя они являются настольными книгами. Не сразу постигаешь их научную глубину. Несомненно одно: учебники В.В. Бабайцевой, всё её огромное научное творчество – залог непрерывного профессионального совершенствования учёного-педагога.

Примечания.

1. Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. – М.: Просвещение, 1979.
2. Бабайцева В.В. Русский язык. Теория. 5–9 классы. – М.: Дрофа, 2009. Сборники заданий к учебнику. 5–9 классы. Рабочие тетради к каждому сборнику.

3. См.: Беднарская Л.Д. Учебно-методический комплекс XXI века // Бабайцева В.В. Избранное. 1955 – 2005. – Москва – Ставрополь, 2005. – С. 507–514.

4. Бабайцева В.В. Русский язык. 10–11 классы. – М.: Дрофа, 2009.

5. Бабайцева В.В. Структурно-семантическое направление в современной русистике // Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005. – Москва – Ставрополь, 2005. – С. 462.

6. См., например: Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. В двух частях. Ч. 2: Морфология. Синтаксис. – М., 2001.

7. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Ч. III. Синтаксис. Пунктуация. – М., 1987. – С. 69.

8. См.: Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. – М., 1968. – 160 с.; Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. – М., 2004. – 504 с.

Вера Васильевна Бабайцева.

Избранное. 2005–2010:
Сборник научных и научно-методических статей.

Научное издание.

Научный редактор:
К.Э. Штайн.

Ответственный за выпуск, менеджер:
В.П. Ходус.

Подготовка текста:
Д.И. Петренко, В.П. Ходус, Ф.Р. Одекова,
Э.В. Пиванова, К.Э. Штайн,
А.И. Темирболатова, М.В. Тучина.

Корректор:
Б.Я. Альтус.

Обложка, дизайн:
С.Ф. Бобылев.

Верстка:
Д.И. Петренко.

Подписано в печать 11.08.2010.
Формат 84х108/32.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 45, 4.
Печать офсетная.
Гарнитура Minion Pro.
Тираж 300 экз. Заказ № 948.

Отпечатано в полном
соответствии с качеством
предоставленного электронного
оригинал-макета
в ОАО «Издательско-полиграфическая
фирма «Ставрополье»,
355035, г. Ставрополь, ул. Спартак, 8.